

ISSN 2077-4877

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Республиканского
института высшей школы

Философско-гуманитарные науки

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 21

В двух частях

Часть 2

Минск
РИВШ
2022

УДК 082

В сборник, включенный ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований, вошли статьи по политическим, философским и экономическим наукам.

Адресован аспирантам, научным работникам, преподавателям высшей школы.

Р е к о м е н д о в а н о
редакционно-издательской комиссией
ГУО «Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 6 от 30 декабря 2021 г.)

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я :
пред. редкол., д-р физ.-мат. наук проф. *В. А. Гайсенюк*;
д-р филос. наук доц. *И. Н. Сидоренко*;
д-р ист. наук проф. *О. Г. Слука*; д-р филос. наук проф. *В. В. Позняков*;
д-р ист. наук доц. *А. В. Мартынюк*; д-р ист. наук проф. *В. С. Кошелев*;
д-р филос. наук проф., чл.-кор. НАН Беларуси *П. А. Водопьянов*;
д-р пед. наук проф. *В. Ф. Володько*; д-р пед. наук проф. *В. В. Чет*;
д-р психол. наук проф. *И. А. Фурманов*; д-р психол. наук проф. *В. А. Янчук*;
д-р экон. наук проф. *А. В. Данильченко*; д-р полит. наук проф. *В. А. Мельник*;
д-р полит. наук проф. *С. В. Решетников*; д-р экон. наук проф. *В. А. Воробьев*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Л. И. Архипова

Белорусский государственный университет
информатики и радиоэлектроники, Минск

Л. Ф. Медведева

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

L. I. Arhipova

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk

L. F. Medvedeva

Academy of Public Administration under the aegis
of the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 338.4

СОВРЕМЕННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ БИЗНЕС-АНАЛИЗА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЯМИ

MODERN BUSINESS ANALYSIS TOOLS AS A FACTOR IN IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF CHANGE MANAGEMENT

В статье рассматриваются современные инструменты бизнес-анализа на основе стандарта ВАВОК (Business Analysis Body of Knowledge – бизнес-анализ, основанный на знаниях), позволяющие в реальных условиях обеспечить получение своевременной информации, основанной на данных, снижающих неопределенность при принятии решений и повышающих эффективность управления изменениями. Анализируются ключевые понятия бизнес-анализа, значительное внимание уделяется на этапах проведения изменений в процессе принятия решений на разных уровнях управления: стратегическом, тактическом, оперативном.

Ключевые слова: инструменты; бизнес-анализ; концепты; стандарт ВАВОК; принятие решений; управление; изменения.

The article discusses modern business analysis tools using the example of the Business Analysis Body of Knowledge standard, which allow in real conditions to provide timely information based on data that reduces uncertainty in decision-making and increases the effectiveness of change management. The key concepts of business analysis are analyzed, considerable attention is paid at the stages of changes in the decision-making process at different levels of management: strategic, tactical, operational.

Keywords: tools; business analysis; concepts; BAVOK standard; decision-making; management; changes.

Цифровая трансформация (Digital Transformation) рассматривается сегодня как переход компании к цифровому бизнесу через изменение культуры организации и внедрение новых информационных технологий, расширяющих условные границы организации и позволяющих ей функционировать как части информационной экосистемы. В этот период важнейшей задачей бизнеса является поиск и внедрение новых решений, которые в большей степени соответствуют потребностям рынка и имеют минимальные риски. В решении актуальных задач бизнеса значительную роль играют методы и инструменты бизнес-анализа, позволяющие в реальных условиях (актуального контекста) обеспечить получение достоверной (основанной на данных) информации, снижающей неопределенность при принятии решений. Следует отметить, что скорость и качество принятия решений обеспечивают своевременное внедрение изменений, поддерживающих конкурентные преимущества организации. До настоящего времени традиционно считалось, что экономический анализ применяется для того, чтобы понять текущее состояние организации, охарактеризовать ее хозяйственную деятельность и оценить эффективность, обосновать будущие параметры этой деятельности и меры, обеспечивающие достижение таких параметров.

Последние версии всех популярных стандартов, связанных с управлением организациями, включают знания и требования к управлению изменениями. Наиболее полно и структурировано свод знаний по бизнес-анализу представлен в стандарте «Business analysis body of knowledge» (BABOK). Сформулированное в стандарте определение бизнес-анализа достаточно четко выделяет его особенности как нового вида профессиональной деятельности. *Бизнес-анализ – это деятельность, позволяющая осуществлять изменения в компании при помощи выявления определенных потребностей заинтересованных лиц и обоснования решений, обеспечивающих удовлетворение этих потребностей и представляющих ценность для данных заинтересованных лиц [1].*

BABOK представляет собой концептуальную модель, содержащую систему подходов и методик (концептов) бизнес-анализа на базе единой терминологии, включающей сбалансированную систему показателей, ключевые показатели эффективности, SWOT-анализ, бэнчмаркинг, мозговой штурм, интервью и многие другие. Такой бизнес-анализ может проводиться в целях обоснования различных стратегических, тактических или оперативных инициатив в рамках организации и непрерывного ее развития. Исходя из сказанного, представляется целесообразным рассмотреть задачи, инструменты, этапы процесса управления изменениями в бизнес-анализе.

В настоящее время действует третья версия стандарта – BABOK 3.0, в которой описание процессов и инструментов бизнес-аналитики реализуется через раскрытие стратегий для решения следующих бизнес-задач [1–3]:

1. Выявление бизнес-требований, а также определение ресурсов, необходимых для их выполнения.

2. Моделирование требований и проектирование архитектуры бизнес-решений.

3. Использование бизнес-данных (включая Big Data) для моделирования потенциальных решений.

4. Выявление и оценка ценности, которую предлагает выработанное решение.

5. Внесение изменений в предлагаемую модель решения, которые могут повысить ценность модели.

6. Управление и систематизация бизнес-данных, необходимых для документирования результатов принятого решения (положительный или отрицательный).

7. Согласование сквозных бизнес-решений со всеми заинтересованными группами: потребители, команды, менеджеры.

Представленный перечень задач можно считать общим направлением действий, которые осуществляются в рамках инициатив на разных уровнях управления: стратегическом, тактическом, оперативном. Конечной целью решения перечисленных задач является внедрение изменений.

В сущности, концептуальный подход BABOK фокусируется на ключевых задачах, стоящих перед бизнесом и бизнес-аналитиками: выявление потребностей, обоснование изменений, разработка решений. При этом отмечается необходимость тесного взаимодействия всех участников бизнес-процесса.

Основные методы анализа и техники, рекомендованные стандартом, представлены на карте ментальности BABOK V3 Techniques Mind Map (рис. 1).

Составление карты ментальности инструментов бизнес-анализа процессов позволяет достигнуть их стандартизации независимо от места их реализации и опытности сотрудника. Таким образом исключается влияние человеческого фактора на процесс, а персонал приучается к самостоятельности.

Модель состоит из пяти основных составляющих: концепты (ключевые понятия), описание областей знаний бизнес-анализа, идентификация компетенций, техники и технологии, перспективы. Одной из основных составляющих является *перспектива*, которая фокусируется на деятельности по бизнес-анализу для каждого проекта. Стандартом рекомендуется использовать методологию Agile, то есть действия по бизнес-анализу должны использоваться с точки зрения гибкого управления (Agile), а не с традиционной.

Следует также подчеркнуть значимость составляющей стандарта – *основные компетенции*, которые представлены такими категориями, как ин-

формационные технологии, бизнес-аналитика, процессный менеджмент, аналитика бизнес-данных, аналитическое мышление, Agile-методология, кибербезопасность, техника решения проблем, коммуникативные навыки, навыки взаимодействия и др.

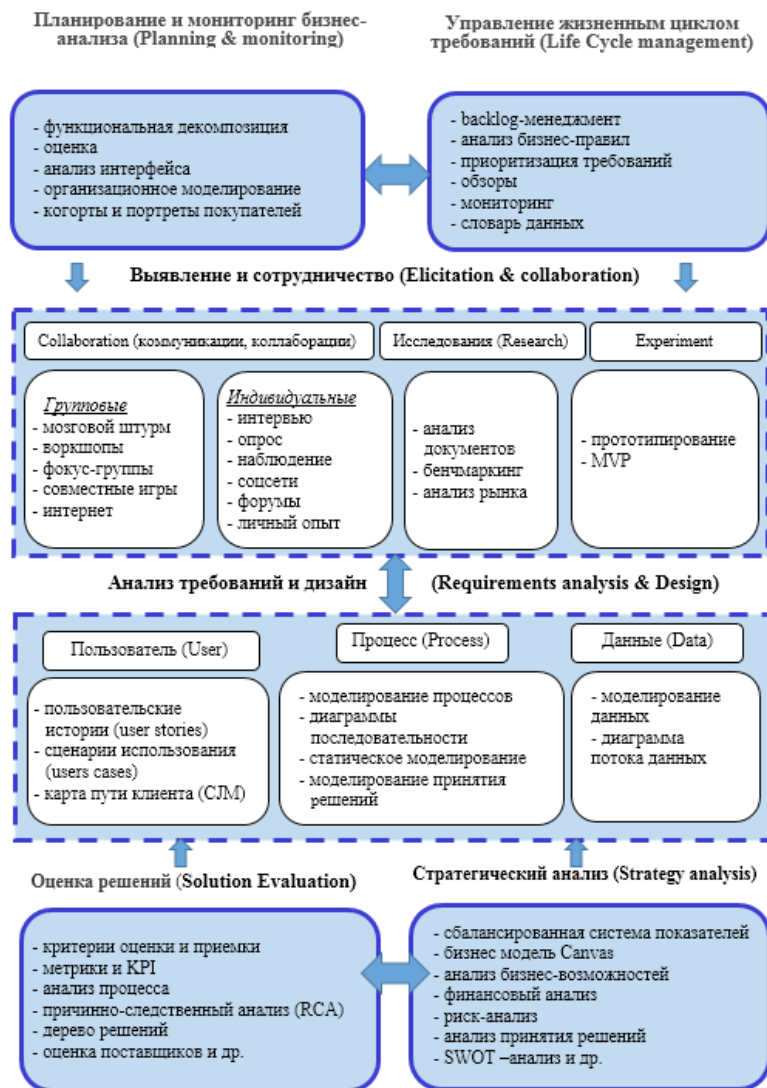


Рис. 1. Карта ментальности инструментов стандарта BABOK 3.0 (адаптировано) [4]

Традиционно бизнес-анализ – это анализ финансовых, управленческих и других показателей компании с целью поиска вариантов оптимизации деятельности и улучшения существующих процессов. Стандарт ВАВОК включает все перечисленные активности, при этом акцент делается на *проведении изменений*, соответствующих динамике реальных процессов, а термин «изменение» рассматривается как преобразующее действие в ответ на выявленную потребность. То есть для того, чтобы достигать поставленные цели, а также удовлетворять потребности заинтересованных лиц, необходимо постоянно находиться в поиске совершенствований и проводить изменения. Инициативы в этом направлении рассматриваются как улучшение организации и являются преднамеренными, контролируруемыми через создание прозрачной системы бизнес-анализа [1–3].

В руководстве по применению ВАВОК 3.0 представлены шесть концептов (ключевых понятий), определяющих основную идею стандарта. Шесть концептов – это те направления, которые необходимо учитывать в бизнес-анализе для достижения желаемого результата. Эти концепты представлены в руководстве в виде шести областей знаний и основных задач.

1. *Изменение (change)* – процесс трансформации и преобразований процессов и инструментов, позволяющих улучшить результаты бизнес-деятельности.

2. *Потребность (need)* – проблема, которая должна иметь решение, соответствующее пониманию ценности для клиента. В данном контексте потребности рассматриваются одновременно как проблемы и возможности, которые являются источником изменений, выступают стимулом преобразований, инициируют оптимальные решения, повышают ценность решений.

3. *Решение (solution)* – способ удовлетворения определенных потребностей, а также оптимальный выбор инструментов его реализации для того, чтобы удовлетворять потребности, учитывать контекст решаемой проблемы, соответствовать потребностям заинтересованных участников (сторон).

4. *Заинтересованная сторона (stakeholder list, persona)* – лица, имеющие непосредственное отношение к изменениям, потребностям или решениям. В данном контексте заинтересованные стороны рассматриваются с позиций их влияния на изменения, а также их отношения к выработанному решению.

5. *Ценность (value)* – прогнозируемая или реализованная стоимость, потенциально возможная полезность и значимость для заинтересованных сторон в рамках конкретной ситуации, а также максимальная способность удовлетворять потребности.

6. *Контекст (contexts)* – реальные условия, которые влияют или с большой степенью вероятности могут повлиять на ситуацию. Контекст также рассматривается как обстоятельства окружающей среды, которые требуют внутренних изменений, а также организационной и управленческой гибкости в создании ценности и решений для бизнеса.

Связи и зависимости между обозначенными концептами представляют для бизнес-анализа такую же ценность, как и сами концепты. Это означает, что для того, чтобы эффективно управлять изменениями, необходимо рассматривать все элементы концептуальной модели во взаимосвязи и взаимозависимости (круговая взаимосвязь и обусловленность):

- чтобы достичь ценности, необходимо разработать решение по внедрению изменения;
- чтобы создать эффективное решение, требуется понимание контекста, в котором оно будет реализовываться;
- чтобы ценность существовала не сама по себе, а решала проблему, она должна удовлетворять определенную потребность;
- чтобы выявить потребности, следует четко идентифицировать заинтересованных лиц, и т. д.

Процесс управления изменениями связан с подготовкой предприятия и заинтересованных лиц к инициированию изменений для удовлетворения бизнес-потребностей наиболее эффективным способом с минимальными рисками. Современный бизнес преимущественно фокусируется на внедрении изменений с учетом принципов Lean-Agile в цифровой трансформации, предусматривающих приоритет своевременной поставки решения (решения проблемы), минимизацию потерь, улучшение бизнес-результатов и увеличение ценности для клиентов. Именно поэтому горизонты планирования Agile бизнес-анализа включают в себя следующие решения [5]:

- *Решения, влияющие на всю организацию (strategy)*. Решения, принимаемые на горизонте стратегии, определяют продукты, услуги и инициативы, а также выделение требуемых ресурсов.

- *Решения, влияющие на конкретную инициативу (initiatives)*. Главное здесь – поддержка решений, основанных на инициативе о том, как создать ценность с помощью доступных ресурсов, а также лучше понимать потребности заинтересованных сторон и доступные варианты.

- *Принятые решения о доставке ценности (delivery)*. Главное на этом горизонте – работа с командой, которая создает решение. Важно разбивать работу на отдельные задачи, реализуя отдельные бэклоги, тестировать ценность и своевременно предоставлять промежуточные решения заказчику на промежуточное тестирование. Такой подход дает возможность вносить изменения в конечное решение (ценность) в случае изменения потребности.

Процесс управления изменениями на стратегическом уровне (реализация бизнес-анализа) соответствует схеме, представленной на рис. 2.

Этап 1. Стратегический анализ – это непрерывный процесс по отслеживанию потребностей и мониторингу текущей ситуации в их динамике. Полученная информация (в виде обработанных и структурированных данных) дает возможность принимать релевантные решения, которые должны удовлетворить требования заинтересованных сторон. Выработанные требо-

вания являются базой для определения целей и стратегии. Реализация выбранной стратегии сопряжена с изменениями на разных уровнях управления, что оформляется в виде стратегического плана, концепции, программы и др.



Рис. 2. Три этапа процесса управления изменениями в бизнес-анализе

Этап 2. Управление процессом изменений предусматривает реализацию стратегии по внедрению изменений. На этом этапе устанавливаются конкретные целевые показатели и определяются задачи, которые конкретно связаны с зафиксированными требованиями, которые отражают сущность потребностей. Требования, в свою очередь, фокусируются на понимании ценностей, которые должны удовлетворить заинтересованные стороны. Стандарт выделяет три группы требований – требования бизнеса, требования заинтересованных лиц и требования (ограничения) к решениям. Сформулированные требования должны быть взаимосвязаны и не противоречивы.

Процесс выявления, анализа требований и формулирования возможных решений является итерационным. Все действия, начиная с изучения потребностей и описания концепции до рекомендаций по выбору конкретного решения по конкретной потребности, реализуются следующим образом:

- описание пакета требований;
- проверка требований на непротиворечивость;
- утверждение требований с доказательствами их гарантированной ценности для бизнеса;
- структурирование требований по их соответствию и поддержанию общей бизнес-цели;
- проведение анализа компромиссных решений и их рисков;
- выработка рекомендаций по проекту (цели, задачи, сроки, ресурсы).

Этап 3. Оценка решения выполняется на этапе обоснования проекта, в процессе реализации проекта, а также после его завершения, то есть по факту внедрения изменения. Такой подход позволяет проводить корректирующие действия при изменении контекста – устранение ограничений, выявление рисков, изменение в потребностях и др.

На функциональном уровне, а именно на уровне маркетинга, бизнес-анализ реализуется инструментами web-аналитики, которая сегодня рассматривается в контексте сквозной аналитики. Сущность происходящих изменений заключается в следующем: все решения должны приниматься в условиях снижения неопределенности, а это в первую очередь наличие достоверной и актуальной информации для принятия решений. Анализ больших массивов данных (Big Data) о компании открывает для маркетологов новые возможности:

- понимание работы бизнеса в цифрах (только измерив можно улучшить);
- изучение конкурентов, используя разнообразие digital-сервисов;
- изучение потенциальных клиентов, их привлечение и удержание.

Решения, принимаемые на основе данных (Data-Driven Decision), а также настройка сквозной web-аналитики и ее встраивание в бизнес-анализ позволяют отслеживать путь клиента от первого касания с продуктом (или компанией) до совершения сделки. Такой подход полностью соответствует требованиям стандарта ВАВОК 3.0, что, в конечном счете, должно повысить эффективность деятельности организации

Таким образом, процесс трансформации бизнеса по требованиям стандарта ВАВОК 3.0 поддерживает системный подход к бизнес-анализу, предполагающему следующие стадии: понять текущее состояние (как есть); определить будущее состояние (как должно быть); определить действия по переходу от состояния «как есть» к состоянию «должно быть». Традиционный экономический анализ не ставил задач обоснования изменений в деятельности организации, не определял он и того, чьи требования должны служить мотивами для выбора направлений необходимых изменений и конкретных мер для осуществления этих изменений. Отсюда следует, что современные инструменты моделей бизнес-анализа основываются на том, что современная бизнес-среда организаций коренным образом отличается от традиционной, включает множество ключевых факторов влияния на развитие и результаты бизнеса. Поэтому принципиально важным условием достижения эффективности бизнеса является гибкое управление изменениями на постоянной основе.

Список использованных источников

1. Краткое введение в свод знаний по бизнес-анализу ВАВОК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://analytics.infozone.pro/overview-babok-guide-v-3/>. – Дата доступа: 07.02.2022.
2. ВАВОК GUIDE – Свод знаний по бизнес-аналитике ВАВОК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hsbi.hse.ru/articles/babok-guide-business-analysis-body-of-knowledge>. – Дата доступа: 07.02.2022.
3. Подход к бизнес-анализу (ВАВОК V3.0) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://olegburko.ru/ba_approach.

4. How to remember 50 BABOK Techniques [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.adaptiveus.com/blog/babok-v3-techniques>. – Дата доступа: 07.02.2022.

5. Agile Extension to the BABOK Guide [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iiba.org/career-resources/a-business-analysis-professionals-foundation-for-success/agile-extension>. – Дата доступа: 07.02.2022.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

Е. Г. Богданович, И. Н. Кандричина

Белорусский национальный технический университет, Минск

E. G. Bogdanovich, I. N. Kandrichina

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 338:242

РОЛЬ КАДРОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА ПРИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СЛИЯНИЯХ И ПОГЛОЩЕНИЯХ КОМПАНИЙ

THE ROLE OF HR-MANAGEMENT IN INTERNATIONAL MERGERS AND ACQUISITIONS OF COMPANIES

В статье рассматривается роль кадрового менеджмента при международных слияниях и поглощениях компаний. Основное внимание уделено особенностям форм и методов работы HR-специалистов на различных этапах процесса: при планировании, интеграции и реализации. Акцент сделан на анализ используемых эффективных HR-практик.

Ключевые слова: международные слияния и поглощения компаний; кадровый менеджмент; консолидация лидерства; кадровая стратегия.

The article discusses the role of personnel management in international mergers and acquisitions of companies (IM&As). The main attention is paid to the peculiarities of the forms and methods of work of HR specialists at various stages of the process: in planning, integration and implementation. The emphasis is placed on the analysis of effective HR practices used.

Keywords: international mergers and acquisitions of companies (IM&A); HR management; leadership consolidation; HR strategy.

В последние десятилетия трансграничные слияния и поглощения стали одним из эффективнейших способов выхода компаний на зарубежные рынки, достижения ими корпоративного роста, конкурентного преимущества и синергии, завоевания дополнительных сегментов рынка, внедрения инноваций, преодоления торговых барьеров, поиска деловых возможностей в других странах, доступа к новым ресурсам для развития бизнеса.

В связи с быстрым ростом числа компаний, образованных в результате международных слияний и поглощений, оценка эффективности синергетического эффекта и кадровых последствий приобретает особую важность для теории и практики управления.

Традиционно финансовые, юридические и технические факторы считаются решающими факторами успеха процесса слияний и поглощений. В то же время многочисленные эмпирические исследования свидетельствуют о том, что более чем в 50 % случаев слияний и поглощений не происходит желаемого роста прибыльности компаний. С нашей точки зрения, во многих случаях неполучение ожидаемых результатов связано с недостаточно эффективным управлением человеческими ресурсами.

В процессе слияния и поглощения компаний можно выделить три основных этапа: планирование, интеграция и реализация.

Стадия планирования является одним из наиболее важных этапов принятия решения о целесообразности заключения сделки по слиянию или поглощению и состоит из логически взаимосвязанных процедур, образующих плановый цикл: определение цели, постановка задач, разработка плана и реализация плановых решений. Эта стадия начинается с возникновения интереса к возможному слиянию или поглощению другой компании в качестве варианта стратегического развития организации. Далее происходит выбор объекта слияния или поглощения, анализ внешних и внутренних факторов, обуславливающих проведение сделки, определение формы и вида операции по слиянию и поглощению, возможных конкурентных преимуществ, рисков и потерь, к которым может привести консолидация имеющихся ресурсов, активов и обязательств компаний, проведение предварительных переговоров. Основным результатом завершения этапа планирования выступает стратегия слияния или поглощения и соответствующий ей план действия.

Этап интеграции – это процесс слияния двух или более фирм в единую структуру после заключения соглашения и осуществления сделки по слиянию или поглощению. Эффективность объединения организаций определяется степенью взаимодействия и координации между двумя и более компаниями, участвующими в слияниях и поглощениях. Как правило, непосредственное осуществление интеграционных преобразований считается ключевым процессом данного этапа.

Этап реализации – период после организационной интеграции, характеризующийся, как правило, сокращением штата сотрудников и высоким уровнем текучести кадров, конфликтами интересов и борьбой за власть, добровольными увольнениями сотрудников и абсентеизмом. Особое значение здесь имеет достижение синергетического эффекта и, как следствие, получение большей прибыли объединенной компании за счет экономии и сокращения издержек, объединения ресурсов и устранения дублирования функций, увеличения доли рынка и снижения уровня конкуренции.

Многие авторы сосредоточили свои исследования на первых двух этапах, например, Б. В. Лин, Н. Ч. Шанг [1] и А. Бхаскар [2] на стадии планирования, а Р. Ларссон и С. Финкельштейн [3] на стадии интеграции. В то

же время комплексных исследований управленческих процессов на стадии реализации явно недостаточно, особенно тех, которые акцентируют внимание на проблемном поле кадрового менеджмента компаний, образованных вследствие трансграничных слияний и поглощений.

Можно выделить ряд контекстуальных факторов, влияющих на процесс успешного интегрирования фирм: существующие организационные структуры и корпоративные культуры, давление со стороны акционеров и нормативно-правовая среда на национальном и международном уровнях, интересы и авторитет различных групп сотрудников внутри образованной слиянием компании [4].

Осуществляемая интеграция различных организационных структур и культур, систем управления персоналом, управленческих точек зрения и других аспектов организационной жизни может привести к острому межорганизационному конфликту, а процесс интеграции персонала в новый организационный контекст может оказывать дисфункциональное воздействие на отдельных членов компании. П. Боксолл и Дж. Перселл [5] утверждают, что негативные эффекты слияний и поглощений проявляются в большей степени на стадии реализации, поскольку трудности достижения организационного соответствия, особенно при смешении культур или стилей управления, наиболее отчетливо видны в период объединения фирм, который сопровождается потерей автономности. Эти проблемы возникают как при международных слияниях и поглощениях, так и при внутренних.

Двумя ключевыми аспектами международных слияний компаний, которые следует рассматривать как результат взаимодействия рыночных и институциональных непредвиденных обстоятельств, являются интеграция кадровых стратегий и рационализация, происходящая после слияния. Характер их взаимодействия варьируется в зависимости от ранее существовавших особенностей и типов управленческих стратегий каждой из сторон слияния.

Систематизация различных концепций и мнений о роли HR-менеджмента в процессе международного объединения двух и более компаний позволила выделить его ключевые аспекты и сгруппировать их в четыре категории: консолидация лидерства; кадровое обеспечение и планирование потребности в персонале; организационная структура, кадровая стратегия и корпоративная культура; контроллинг процесса слияний и поглощений.

1. *Консолидация лидерства.* Как только персонал обеих фирм интегрируется в новую структуру, начинается процесс совместной жизнедеятельности. Факторы, реализуемые на этапе интеграции, такие как новая организационная структура, новые процессы и культурные модификации, начинают действовать, и лидерство должно быть проактивным, ориентированным на выявление возможных проблем, недопущение их развития и поиск оптимальных управленческих решений.

Консолидация лидерства достигается посредством открытого и внимательного отношения к подчиненным, нахождения и поддержания баланса власти и партнерства в созданной организации. Это устраняет коммуникационные барьеры, которые традиционно возникают между различными иерархическими уровнями. Персонал должен доверять своему руководителю, представляя предложения и делясь актуальной информацией. Неопределенность относительно протекания процесса слияния должна быть устранена. Оценка уровня тревожности, напряженности и благонадежности персонала способствует выявлению основных барьеров принятия инноваций.

Чтобы создать устойчивое конкурентное преимущество, материнская компания должна сохранить персонал из целевой компании, обладающей выдающимися навыками и талантами, в целях наращивания кадрового потенциала. Д. К. Хэмбрик и А. А. Каннелла [6] обнаружили, что при сохранении высокого статуса менеджеров верхнего и среднего уровней компании – объекта слияния и поглощения и свободы принятия ими управленческих решений в рамках своих должностных обязанностей и компетенций, в течение двенадцати месяцев после объединения фирм наблюдается снижение уровня текучести кадров. В реальности материнские компании, как правило, снижают статус и уровень независимости, усиливают контроль и иерархию, что деморализует управленцев дочерней компании и приводит к росту увольнений в первые годы совместной жизнедеятельности.

Отношение персонала к компании, созданной в результате слияний и поглощений, трудовое поведение и мотивация могут постепенно меняться в соответствии с преобразованиями, связанными со становлением и функционированием новой фирмы. В этих условиях кадровый менеджмент должен ориентироваться на то, чтобы по прошествии некоторого времени персонал, который изначально был против изменений, пришел к пониманию процесса слияний и поглощений как стратегически важного и необходимого.

Наиболее ценными личностными характеристиками и качествами лидеров, участвующих в процессе международных слияний и поглощений, являются коммуникативные навыки, проактивное и гибкое отношение к персоналу, самостоятельность в принятии решений, высокая мотивация, целеустремленность, опыт и способность к обучению. Цель эффективного руководства – консолидировать вновь интегрированную структуру и завоевать доверие персонала обеих компаний.

2. Кадровое обеспечение и планирование потребности в персонале. Эффективное управление новыми процессами на стадии внедрения позволит избежать таких проблем, как снижение производительности труда, апатия персонала и напряженность среди работников [7]. Соответственно одним из основных направлений кадровой деятельности является планирование

персонала, обеспечение потребности в персонале и контроль за уровнем его текучести. Постоянство кадрового состава способствует передаче знаний и имеет жизненно важное значение для успеха слияний и поглощений. Основные проблемы, возникающие на этапе реализации, связаны с необходимостью сокращения персонала из-за дублирования рабочих мест и появления дисфункционального поведения у некоторых сотрудников. Потеря работы оказывает разрушительное воздействие на людей, и они, скорее всего, могут испытывать приступы депрессии, тревоги, страха за будущее. Это может усугубляться финансовыми проблемами и необходимостью прохождения процесса *аутплейсмента*, представляющего собой процедуру освобождения от должности работника с предоставлением ему нового места работы. Он включает в себя информационную и консультационную помощь по вопросам трудоустройства, психологическую поддержку, оценку уровня образования, навыков и качеств. В то же время при аутплейсментах, как показывает практика, в 40 % случаев имеет место снижение заработной платы на 30 %, а в 20 % случаев – на 50 % [1]. Это означает, что установление справедливых критериев и их четкое разъяснение персоналу необходимо для того, чтобы избежать судебных разбирательств по поводу несправедливых увольнений, плохого общественного имиджа и/или недоверия тех, кто продолжает работать в компании [8].

Проблема обеспеченности организации необходимым кадровым составом в процессах слияний и поглощений особенно актуальна. Однако потери персонала неизбежны, особенно на завершающих стадиях процесса. В этом случае необходимо предусмотреть два типа мер: минимизирующие влияние процесса на персонал, который должен покинуть компанию, и гарантирующие персоналу, остающемуся в штате компании, становление благоприятного социально-психологического климата, комфортных условий труда и открытых каналов прямой и обратной связи. В качестве первых мер используют стимулирующие выплаты, программы переподготовки и аутплейсмента, а в роли вторых выступают медицинское страхование, пенсионные соглашения и компенсационные выплаты и пакеты. Это позволяет сохранить позитивное отношение к компании и избежать распространения отрицательной информации, негативно отражающейся на имидже организации.

3. *Организационная структура, кадровая стратегия и корпоративная культура.* На стадии реализации международных объединений происходит формирование кадровой стратегии, организационной структуры и корпоративной культуры новой организации. Комплексная оценка результативности данного процесса может быть проведена по прошествии не менее двух лет после интеграции. Особую роль здесь могут сыграть внутренние аудиты. Кроме того, необходимо уделять должное внимание внедрению новых административных процедур, ведь для полной инте-

грации персонала в новую компанию может потребоваться значительное время: от 5 до 10 лет. Организационная модель должна быть адаптирована к социально-культурным условиям страны, функционирования компании, поэтому сохранение местного руководящего состава, знакомого с данными условиями, способствует достижению эффекта синергии и недопущению межкультурных конфликтов.

Становление организации, созданной посредством слияния или поглощения, неразрывно связано с процессами реструктуризации и реорганизации, необходимыми в связи с изменениями в содержании работы и в компетенциях персонала. Эти проблемы будут иметь разную степень интенсивности в зависимости от характера проводимых слияний и поглощений. Слияния и поглощения могут вызвать напряженность из-за несовместимости ожиданий работников обеих компаний относительно их будущего в новой структуре [9]. А. Ф. Буоно и Дж. Л. Боудич [10] утверждали, что после начала процесса интеграции должно пройти не менее 3 лет, чтобы можно было оценить изменения, внесенные персоналом в новые организационные и управленческие структуры, стратегию и корпоративную культуру, а также выявить проблемы или последствия функционирования новых структур.

Новая культура в сочетании с новой стратегией и структурой должна быть ориентирована на такие цели, как экономия затрат, управленческая гибкость, вовлеченность и лояльность персонала. По мнению А. А. Люпины-Вегенеры [9], в то время как при дружественном слиянии и поглощении требуется всего 5 лет, чтобы персонал почувствовал себя интегрированным и идентифицировал себя с новой организацией, в случае принудительного слияния и поглощения это может занять до 10 лет.

4. *Контролинг процесса слияний и поглощений.* Процесс слияний и поглощений не заканчивается заключением сделки и подписанием договора. Последующие за этим процессы интеграции также нуждаются в эффективном менеджменте. Информация, полученная в ходе оценки эффективности консолидации компаний, является отправной точкой процесса управления. Технический прогресс и рост сектора консалтинга позволяют организациям управлять большими объемами информации, доступной для принятия решений, а вовлечение персонала в процессы принятия управленческих решений является эффективным мотивирующим инструментом, дающим реальный и долговременный позитивный эффект как для работников, так и для организации в целом. Контроль за процессом международных слияний и поглощений необходим для оценки качества управленческих процессов, административных процедур, диагностики уровня удовлетворенности персонала, анализа имиджа компании и т. д.

На этапе реализации слияний и поглощений менеджеры материнской компании должны ответить на два вопроса:

1. Должны ли директора лично участвовать в процессе согласования различных управленческих подходов, организационных структур, процессов, культур и систем?

2. Каким образом должен быть осуществлен переход двух организаций к интегрированному образованию?

Управление высвобождением персонала, вызванным дублированием должностей, личностными характеристиками, несовместимыми с организацией, или выходом на пенсию, затрагивает два аспекта: во-первых, как минимизировать влияние увольнений на имидж и репутацию компании, во-вторых, как минимизировать их влияние на мотивацию, лояльность и безопасность персонала, остающегося в компании. Коммуникационные процессы имеют решающее значение для обеспечения доверия персонала, остающегося в организации. Установление справедливых критериев и четких руководящих принципов необходимо для того, чтобы избежать судебных споров, связанных с несправедливыми увольнениями, негативным общественным имиджем и/или оправданным недоверием к сотрудникам, которые остаются работать в компании.

Практика международных слияний и поглощений может послужить стимулом для развития новых направлений HR-менеджмента. Одна из возможностей заключается в использовании процесса реструктуризации в качестве основы для переосмысления кадровой стратегии компании, например, с помощью бенчмаркинга, и разработки новой, например, посредством интеграции идей рыночного, институционального и микрополитического подходов. Другое направление совершенствования системы управления персоналом фокусируется на разработке плана рационализации, направленного на повышение общей эффективности объединенной фирмы посредством оптимизации дублирующих функций. Также кадровая служба может использовать слияние для укрепления своего положения в организационной структуре компании, например, подчеркивая свою значимость в качестве уникального источника экспертных знаний по таким вопросам, как культурная интеграция и соблюдение трудового законодательства.

Несмотря на то, что представленные возможности сопровождаются рядом ограничений, модификация и гибридизация стратегии управления и кадровой политики наряду с оценкой синергетического эффекта являются базовыми задачами при реструктуризации бизнеса в форме слияния и/или поглощения.

Таким образом, в условиях масштабных организационных изменений, таких как международные слияния и поглощения, роль менеджеров по персоналу особенно возрастает, поскольку им, с одной стороны, необходимо интегрировать существующие методы управления персоналом, а с другой – разработать и внедрить принципиально новые HR-процессы и процедуры.

Список использованных источников

1. *Lin, B.-W.* Mergers and acquisitions as a human resource strategy: Evidence from US banking firms / Lin Bou-Wen, Shih-Chang Hung, Po-Chien Li // *International Journal of Manpower*. – 2006. – № 27. – P. 126–142.
2. *Bhaskar, A.* HR as business partner during mergers and acquisitions: The key to success is to get / A. Bhaskar // *Human Resource Management International Digest*. – 2012. – № 20. – P. 22–23.
3. *Larsson, R.* 1999. Integrating strategic, organizational, and human resource perspectives on mergers and acquisitions: A case survey of synergy realization / R. Larsson, S. Finkelstein // *Organization Science*. – № 10. – P. 1–26.
4. *Aguilera, R.* The role of human resource management in cross-border mergers / R. Aguilera, J. Dencker // *International Journal of Human Resource Management*. – 2016. – № 15(8). – P. 1355–1370.
5. *Boxall, P.* Strategy and Human Resource Management / P. Boxall, J. Purcell // *Basingstoke Review*. – 2003. – № 52. – P. 124–136.
6. *Hambrick, D. C.* Relative standing: A framework for understanding departures of acquired executives / D. C. Hambrick, A. A. Cannella // *Academy of Management Journal*. – 2003. – № 36. – P. 733–62.
7. *Schlechter, A.* Attractiveness of non-financial rewards for prospective knowledge workers / A. Schlechter, N. C. Thompson, M. Bussin // *An Experimental Investigation. Employee Relations*. – 2015. – № 37. – P. 274–95.
8. *Maheshwari, S.* Identifying critical HR practice impacting employee perception and commitment during organization change / S. Maheshwari, V. Veena // *Journal of Organizational Change Management*. – 2015. – № 28. – P. 872–894.
9. *Lupina-Wegener, A. A.* Human resource integration in subsidiary mergers and acquisitions: Evidence from Poland / A. A. Lupina-Wegener // *Journal of Organizational Change Management*. – 2013. – № 26. – P. 286–304.
10. *Buono, A. F.* The human side of mergers and acquisitions: Managing collisions between people, cultures and organizations / A. F. Buono, J. L. Bowditch // *Canadian Journal of Administrative Sciences*. – 1991. – № 8. – P. 220–221.

(Дата подачи: 11.02.2022 г.)

Г. С. Болтуть

Белорусский государственный экономический университет, Минск

G. S. Boltut

Belarus State Economic University, Minsk

УДК 336.02:351.72

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ, ФИНАНСИРУЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТРАНСФЕРТОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ ФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

EVALUATION METHODOLOGY FOR INVESTMENT PROJECTS FINANCED USING TRANSFERS OF INTERNATIONAL FINANCIAL ORGANIZATIONS

В статье предложена усовершенствованная методика оценки инвестиционных проектов, реализуемых с использованием трансфертов международных финансовых организаций (далее – МФО). Описываются основные этапы проведения оценки совместных проектов. Раскрываются ключевые особенности, которые следует учитывать при проведении оценки совместных с МФО проектов.

Ключевые слова: международные трансферты; международные финансовые организации; методика оценки; Всемирный банк; Международный банк реконструкции и развития; Международный валютный фонд; Европейский банк реконструкции и развития; внешние заимствования.

An improved methodology for the investment projects evaluation with the use of transfers of international financial organizations (hereinafter – IFOs) is proposed in this article by the author. The main stages of evaluation of joint projects are described as well. The article also reveals the key features that should be taken into account when assessing joint projects with IFOs.

Keywords: international transfers; international financial organizations; evaluation methodology; World Bank; International Bank for Reconstruction and Development; International Monetary Fund; European Bank for Reconstruction and Development, external borrowings.

В процессе оценки инвестиционных проектов, осуществляемых с привлечением ресурсов международных финансовых организаций на территории Республики Беларусь, используется ряд доступных методик, которые определяют эффективность их реализации по заданным критериям и раскрывают влияние реализуемой инициативы на экономику страны в целом.

В современных условиях внимание большинства ученых-экономистов и руководителей различного уровня привлекает оценка эффективности инвестиций. За последние несколько лет было издано значительное число работ, посвященных этой проблеме, разработано несколько вариантов методических указаний и рекомендаций в области экономического обоснова-

ния капитальных вложений в различные объекты инвестирования. Вопросам оценки эффективности инвестиционных проектов большое внимание уделяют в основном западные исследователи, в числе которых С. Шмидт и Г. Бирман, Д. Норкотта, Ю. Бригхем, М. Бромвич, Л. Гапенски и др.

Эффективное развитие экономики страны в современных рыночных условиях невозможно без активизации инвестиционной деятельности и выбора наиболее результативных источников финансирования и механизмов, контролирующих использование привлеченных средств в рамках такой деятельности [1].

Финансово-экономическая оценка инвестиционных проектов является преобладающей при обосновании и выборе возможных вариантов вложения средств. В большинстве случаев такая оценка проводится на основе проектного анализа. Целью такого анализа, как правило, является определение ценности проекта. Это выражается в том, что результат проекта представляет собой разницу между ценой проекта и его затратами.

Ввиду того, что у государственной инициативы есть временной период, используется метод дисконтирования денежных потоков, строящийся на гипотезе, что стоимость денежных средств сегодня выше, чем станет завтра [4]. Если дисконтированные выгоды превышают издержки, то это говорит в пользу реализации государственной инициативы. Таким образом, подразумевается, что государственная инициатива должна быть экономически эффективной, то есть ее цель – получение максимально возможной выгоды при минимальных издержках. Кроме того, предполагается, что все государственные задачи важны, поэтому при проведении сравнительного анализа органы государственного управления должны отдавать предпочтение тем инициативам, которые максимизируют общее благосостояние (выгоду) на каждую потраченную денежную единицу государственного бюджета. Иными словами, государство должно осуществлять финансирование по отдельно взятой статье расходов до тех пор, пока предельная выгода для общества от таких вложений не станет выше или равна предельной выгоде от финансирования по другим статьям бюджета [2; 5].

Предлагаем агрегировать динамические показатели, используемые в основных методиках оценки инвестиционных проектов, с указанием их преимуществ и недостатков (таблица)

В результате сравнения основных методик, описанных в современной литературе, имеется возможность предложить усовершенствованную методику анализа для использования ее в оценке проектов с применением трансфертов МФО. В рамках сравнения экономической эффективности финансирования за счет привлечения иностранных кредитов (займов) и прямого бюджетного финансирования предлагаем выделить *ряд параметров, влияющих на результаты анализа*. К их числу следует отнести сумму, сроки представления и использования заемных средств (включая льготный

период), цену финансовых ресурсов (процентная ставка, например, для кредита и/или государственных ценных бумаг-облигаций и др.), порядок оформления, экономическую и финансовую эффективность для заемщика и кредитора и др. Простое перечисление параметров, которые необходимо положить в основу оценки эффективности использования финансовых ресурсов, дает основания сделать вывод о том, что эта задача весьма сложная, комплексная, требующая не только количественного анализа полученных цифровых данных, но и качественного анализа, предполагающего учет таких параметров, как, например, общественное мнение, уровень доверия населения правительству в процессе оценки реализуемого проекта, социально-экономические последствия финансирования за счет привлечения иностранных кредитов (займов), уровень связанных с этим рисков и т. д.

Таблица

Динамические показатели, используемые в основных методиках оценки инвестиционных проектов, с указанием их преимуществ и недостатков

Методы	Преимущества	Недостатки
Чистая текущая стоимость NPV	<ul style="list-style-type: none"> • учитывает период жизни проекта и распространение во времени денежных потоков; • выражается в стоимостных единицах текущей стоимости, т. е. учитывает момент времени; • коэффициент аддитивен во временном аспекте, т. е. допускается обобщать NPV различных проектов; • отражает прогнозную оценку изменения экономического потенциала предприятия в случае принятия проекта 	<ul style="list-style-type: none"> • абсолютный показатель, который при сравнении проектов отдает предпочтение более крупным проектам с меньшей доходностью: большее значение NPV не всегда будет соответствовать более эффективному варианту капиталовложений, т. е. не отражает степень эффективности инвестиционного проекта
Внутренняя норма рентабельности IRR	<ul style="list-style-type: none"> • позволяет судить о запасе прочности проекта – позволяет сравнивать проекты с позиции риска; • не требует для расчетов ставку дисконта 	<ul style="list-style-type: none"> • неаддитивен; • относительный показатель: не позволяет установить «вклад» проекта в стоимость компании и с этой позиции не может являться основой; • не пригоден для анализа проектов с неординарными ДП; • вычисление исходит из предположения, что свободные денежные потоки реинвестируются по ставке, равной IRR (по существу такого быть не может); • показывает лишь максимальную стоимость капитала проекта

Методы	Преимущества	Недостатки
Индекс прибыльности PI	<ul style="list-style-type: none"> • являясь относительным показателем, отражает результативность единицы инвестиций; • позволяет рассуждать о запасе прочности проекта; • подходит для сравнения и ранжирования бесконечного множества проектов 	<ul style="list-style-type: none"> • неаддитивен; • чувствителен к масштабу, поэтому важно анализировать его в связке с чистым дисконтированным доходом

Поэтому для того, чтобы сделать окончательный вывод о сравнительной эффективности использования трансфертов МФО для реализации инвестиционных проектов, в каждом конкретном случае необходимо проводить дополнительный комплексный анализ, учитывающий влияние всех перечисленных выше факторов.

Сравнительный анализ показал, что наиболее эффективными для проведения комплексной оценки использования трансфертов МФО являются методы оценки инвестиционных проектов (как следствие, трансфертов) UNIDO и Всемирного банка, а наиболее целесообразным в современных условиях развития рынка является создание методики оценки эффективности проектов на основе их сочетания, так как они учитывают ряд основополагающих для государства факторов, таких как технический, социально-экономический, экологический, экономический и финансовый, а также фактор времени, коэффициент инфляции и анализ чувствительности. Помимо перечисленных факторов, они достаточно просты в выводах и наглядно представляют результаты рассматриваемого инвестиционного проекта в компании.

Наиболее удачным сочетанием критериев эффективности является объединение показателя чистой приведенной стоимости в комбинации с любой из вышеперечисленных методик. Оценка инвестиционных проектов лежит в основе процесса обоснования и выбора возможных вариантов инвестирования в операции с реальными активами. Сроки возврата инвестированного капитала и темпы развития бизнеса и общества в целом зависят от объективной и всеобъемлющей оценки. Следовательно, сопоставимость параметров национальной и зарубежных экономик позволяет применять указанные методы в Беларуси в аналогичных сферах деятельности.

Предлагаемая методика в отличие от существующих предусматривает новые этапы в оценке проектов с использованием финансовых трансфертов МФО, дополнительные показатели и более точную оценку инвестиционных проектов, удобна в использовании. Использование указанной методики по-

зволят повысить эффективность проводимой оценки, так как существующие методы охватывают не всю специфику взаимодействия с МФО.

Предлагаемая методика анализа предусматривает проведение поэтапного анализа.

1-й этап – определение основных характеристик проекта, для которого используются трансферты МФО.

На данном этапе происходит предварительная подготовка к оценке проекта, описываются основные технические решения, сроки начала реализации инвестиционного проекта, определение выгод и издержек, связанных с государственной инициативой, а также определение ряда допущений, в соответствии с которыми будет реализовываться проект. Это один из самых сложных этапов, так как необходимо выявить, какие существенные выгоды и издержки несет государственная инициатива. При этом важно избегать как стремления включить в анализ максимальное количество факторов, так и пренебрежения существенными, но не очевидными на первый взгляд факторами (например, экологическими издержками). Кроме того, поскольку весь последующий анализ строится на предвидении существенных выгод и издержек, которые последуют в случае реализации государственной инициативы, то важно достичь консенсуса основных лиц, заинтересованных в воплощении данной инициативы (например, представителей бизнеса, науки и органов государственного управления).

Также необходимо выделить преимущества и ограничения при использовании метода «издержки – выгоды». Для анализа издержек и выгод характерен значительный разрыв теоретических исследований и методических приемов проведения практических расчетов, что во многом связано со сложностью получения полных данных для монетарной оценки общественных выгод и издержек от финансовых трансфертов [6].

Кроме того, зачастую сложно учесть внешние положительные и отрицательные эффекты, которые могут оказать существенное влияние на успех государственных инициатив.

В связи с этим некоторые экономисты предлагают оценить общественные выгоды для разных групп и рассчитать общую выгоду как взвешенную сумму выгод для разных общественных групп. Более того, всегда следует учитывать масштаб государственных инициатив, так как согласно методу анализа выгод и издержек в конечном итоге видна только разница между выгодами и издержками, а не их абсолютные величины. При этом его основными преимуществами являются количественная оценка эффекта государственных инициатив, применение временной теории денег и метода дисконтирования [2].

Необходимость применения метода анализа общественных выгод и издержек при оценке эффективности проекта обусловлена тем, что помимо коммерческой составляющей (извлечение прибыли) реализация проекта со-

пряжена со значительными общественными эффектами, связанными с развитием транспортной и социальной инфраструктур [3].

2-й этап – сбор и обработка основных данных по проекту.

На данном этапе происходит расчетная оценка выгод и издержек, определяются временной горизонт реализации проекта, расчетные показатели для осуществления дисконтирования денежных потоков в рамках реализации проекта (например, ставка дисконтирования и др.).

Общественные выгоды и издержки довольно сложно монетарно оценить, в отличие от частного инвестиционного проекта, где выгоды – это, как правило, ожидаемая выручка от реализации товаров или услуг, а издержки – затраты, связанные с производством товаров или оказанием услуг. Основным руководящим принципом монетарной оценки должно оставаться правило, что выгоды и издержки должны быть сопоставимы.

Также отметим, что данные показатели, определенные с помощью экономического анализа, должны дисконтироваться по особой ставке, которая обозначается термином «общественная ставка дисконтирования». Она отражает альтернативные издержки наилучшего использования ресурсов либо частного, либо общественного сектора. В анализе издержек и выгод существует несколько подходов к определению соответствующей ставки дисконтирования для общественных проектов. Если детально не описывать теоретическую базу, то вопрос сводится к тому, что должна учитывать ставка дисконтирования, и тому, какой должна быть ее величина в том или ином случае. По аналогии с использованием ставки дисконтирования для оценки проектов в частном секторе, где, как правило, используется последовательно одна ставка, равная внутренней норме рентабельности компании, предлагается последовательно использовать одну ставку дисконтирования и при оценке ряда сопоставимых государственных инициатив.

3-й этап – расчет денежных потоков инвестиционного проекта.

На данном этапе происходит расчет чистого дисконтированного денежного потока (Net Present Value – NPV). Расчет чистого дисконтированного денежного потока осуществляется по следующей формуле:

$$NPV = \sum \frac{B_t - C_t}{(1-r)^t} - IC,$$

где NPV – чистый дисконтированный поток;

B_t – ожидаемые выгоды;

C_t – ожидаемые издержки;

t – временной период;

r – ставка дисконтирования;

IC – инвестиции.

В случае принятия решения о выборе государственной инициативы предпочтение отдается инициативам с большим чистым дисконтированным потоком.

4-й этап – анализ рисков инвестиционного проекта.

На данном этапе определяются риски от осуществления инвестиций на основании анализа чувствительности и иных методов.

5-й этап – сравнение государственных инициатив (при необходимости).

6-й этап – резюмирование проведенной оценки.

В целях практической апробации предложенной методики рассмотрим проект модернизации транзитного коридора М6 Минск – Гродно – граница Польши ввиду его особой значимости и важности, ратифицированного Законом Республики Беларусь № 257-3 от 28 апреля 2015 г. «О ратификации Соглашения о займе» (проект «Модернизация транзитного коридора») между Республикой Беларусь и Международным банком реконструкции и развития. Реализация данного проекта предусматривает модернизацию транзитного коридора М6, повышение безопасности дорожного движения и управления сетью автомобильных дорог, повышение эффективности управления границей.

В результате проведенного анализа по предложенной методике было выявлено, что при реализации рассматриваемого проекта основное влияние оказывает изменение ставки дисконтирования в силу достаточно продолжительного срока, необходимого для достижения окупаемости проекта, а также изменение уровня доходов, полученных в процессе реализации и функционирования проекта (обусловлено тем, что данная статья занимает достаточно большую долю от всех финансовых потоков, возникающих в процессе реализации крупного инвестиционного проекта).

Проведение многофакторного анализа чувствительности включало следующие этапы:

- построение прогнозного потока денежных средств и расчет на его основе показателей экономической эффективности;
- определение основных параметров проекта, которые могут оказать наиболее существенное влияние на величину денежного потока и значения показателей экономической эффективности;
- определение максимально возможных диапазонов отклонений ключевых параметров проекта от базовых значений на основании базовых сценариев реализации проекта;
- пересчет показателей эффективности по заданным сценариям (для анализа использовались диаграммы Торнадо и рассчитывались коэффициенты эластичности).

Многофакторный анализ чувствительности позволил учесть влияние возможных комбинаций ключевых параметров. Значения показателей эф-

эффективности по различным сценариям сравнивались с показателями эффективности при реализации базового сценария и позволили учесть вероятность возникновения отклонений исследуемых параметров проекта.

Итогом анализа стало резюмирование полученных результатов.

По проекту «Модернизации транзитного коридора М6 Минск – Гродно – граница Польши» предусматривалось привлечение трансферта Международного банка реконструкции и развития на общую сумму 250 млн долларов США.

Выполненные расчеты по оценке инвестиционного проекта позволяют сделать вывод о целесообразности его реализации, так как полученные показатели эффективности имеют высокий уровень:

- ЧДД (NPV) – 250 млн долларов США;
- ВНД (IRR) – 11,63 %;
- дисконтированный период окупаемости – 23 года;
- индекс доходности – 1,14.

Реконструкция позволит выполнить работы по расширению двухполосной дороги в четырехполосную на отдельных участках коридора М6 между г. Минск и г. Гродно на протяжении примерно 86 км в целом; создать Центр управления движением (ЦУД); предоставить рекомендации по формированию необходимых механизмов мониторинга и оценки посредством разработки и проведения опросов о степени удовлетворенности участников дорожного движения, проведения оценки эффекта мероприятий; усовершенствовать продольный профиль дороги на отдельных участках трассы М6; укрепить потенциал в сфере управления границей и стимулирования трансграничных торговых потоков через пункт пропуска «Брузги».

Данный проект имеет достаточно высокую устойчивость показателей эффективности к воздействию неблагоприятных факторов.

Наибольшее влияние на показатели эффективности оказывает изменение цены и объема реализации. Однако даже при уменьшении, например, объемов реализации на 3 % показатели эффективности имеют приемлемый уровень и положительный ЧДД (NPV).

Расчеты, проведенные в рамках предложенной методики, позволяют достаточно подробно охватить все нюансы, которые могут возникнуть в ходе реализации инвестиционного проекта. Одним из преимуществ можно считать подробное и наглядное описание инвестиционного проекта и последующий анализ его ключевых показателей эффективности (использование диаграмм и таблиц расчетных показателей в процессе оценки), позволяющие повысить вероятность успешного освоения финансовых трансфертов МФО в рамках реализации совместных инвестиционных проектов. Представленная методика может быть полезна специалистам органов государственного управления для осуществления детальной оценки структурно-значимых проектов и последующего привлечения и освоения финансовых трансфертов

МФО для их реализации на территории страны, а также в целях актуализации или разработки нормативных правовых актов, регулирующих данную деятельность.

Таким образом, описанные рекомендации помогут структурировать оценку эффективности инвестиционных проектов, предоставлять тщательно обработанную информацию, содержащую диаграммы для наглядного сравнения и краткую выдержку об обоснованности его реализации в виде резюме. Также преимуществом разработанной методики является удобство в использовании для сотрудников, производящих оценку, простота расчетов и обработки первичных данных.

Применение предложенной методики позволит достичь реализации единого подхода к определению экономической эффективности проектов, реализуемых с использованием трансфертов международных финансовых организаций, а также повысить экономическую эффективность использования средств МФО за счет обеспечения отбора наиболее эффективных проектов.

Список использованных источников

1. Глухова, М. Г. Особенности зарубежного опыта экономической оценки инвестиционных проектов / М. Г. Глухова, О. А. Варламова // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2016. – № 7. – С. 47–57.
2. Береснева, П. В. Оценка эффективности международного экономического сотрудничества по освоению нефтегазовых ресурсов арктического шельфа / П. В. Береснева // Вестн. МГИМО. – 2015. – № 1(40). – С. 128–136.
3. Литовка, Г. Л. Оценка эффективности государственно-частного партнерства как фактора социально-экономического развития региона: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Г. Л. Литовка. – Кисловодск, 2014. – 26 с.
4. Новикова, Т. С. Методы анализа эффективности проектов для обоснования государственной поддержки / Т. С. Новикова // Вестн. НГУ. – 2009. – Т. 9, вып. 2.
5. Brent, R. J. Applied cost-benefit analysis / R. J. Brent. – Cheltenham (UK), 1996.
6. Mishan, E. J. Cost-Benefit Analysis: 4th ed. / E. J. Mishan. – L., 1998.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

Вэй Вэнь

Белорусский государственный университет, Минск

Wei Wen

Belarusian State University, Minsk

УДК 339.972

ВНЕШНЕТОРГОВАЯ СТРАТЕГИЯ СТРАНЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

FOREIGN TRADE STRATEGY OF THE COUNTRY: COMPARATIVE ANALYSIS

Внешнеторговая стратегия играет важную роль в экономиках развивающихся стран. Многие государства понимают внешнюю торговлю как развитие экспортных отраслей, обладающих сравнительным преимуществом на определенном этапе. Такой подход позволяет добиться быстрого экономического развития, но вместе с тем несет в себе угрозы и риски. Например, для Индии и России это связано с проблемами модернизации и трансформации экономик. Япония и Республика Корея после успешного репрофилирования производств из развивающихся стран превратились в развитые, но во время экономического кризиса страны подверглись серьезному финансовому удару и сложностям в региональной торговле. Данная статья посвящена анализу внешнеторговых стратегий Индии, России, Японии и Республики Корея, их сопоставлению с внешнеторговой стратегией КНР.

Ключевые слова: внешнеторговая стратегия; внешнеторговая политика; сравнительное преимущество; промышленная структура; стратегия регионализации.

Foreign trade strategy plays an important role in the economies of developing countries. Many states understand foreign trade as the development of export industries which have a comparative advantage at a certain stage. This approach allows for rapid economic development, but at the same time carries threats and risks. For example, for India and Russia, this is associated with the problems of modernization and transformation of their economies. Japan and the Republic of Korea, after successfully re-profiling industries from developing countries, turned into developed countries, but during the economic crisis suffered a serious financial blow and difficulties in regional trade. This article is devoted to the analysis of foreign trade strategies of India, Russia, Japan and the Republic of Korea, their comparison with the foreign trade strategy of the PRC.

Keywords: foreign trade strategy; foreign trade policy; comparative advantage; industrial structure; regionalization strategy.

Развитие является важной темой в современном мире, особенно в развивающихся странах. Основным элементом национального экономического развития в развивающихся странах является содействие их индустриализации. Инвестиции, потребление и внешняя торговля являются тремя основными факторами, способствующими экономическому росту в современном обществе. В эпоху углубления интеграционных процессов в мире и широ-

кого влияния ряда международных и региональных торговых организаций, представленных ВТО, роль внешней торговли имеет решающее значение для экономического развития страны. В настоящее время каждая страна реализует определенные программы в макроэкономической сфере, а также внешнеторговую стратегию. Очень важным становится вопрос о том, чтобы страна нашла подходящую для себя внешнеторговую стратегию.

Индия и Россия, как и Китай, являются очень влиятельными державами в мировой политической и экономической сферах. У них огромные территории, большие запасы природных ресурсов и большое население.

Индия и Китай близки друг к другу по географическому положению. На ранних этапах развития их экономическая структура характеризуется слабым промышленным потенциалом и большим количеством сельского населения. И Россия (в составе СССР), как и Китай, в течение длительного периода времени внедряла в системе плановую экономику, а затем произвела масштабные экономические реформы.

На рис. 1 показаны темпы роста ВВП Индии с 1989 до 2019 г. и темпы роста ВВП России с 1991 до 2019 г. (до 1991 г. Россия входила в состав СССР, в статье анализируется внешнеторговая стратегия Российской Федерации после распада СССР). В Индии длительное время среднегодовые темпы роста составляли 5 %; в 2000 и 2010 гг. темпы роста были близки к 10 %. Россия также сохраняла среднегодовые темпы роста на уровне 5–10 % с 2000 до 2009 г. Как и для развивающихся стран, для стран с переходной экономикой внешняя торговля имела ключевое значение в экономическом росте, поэтому все страны, представленные на рис. 1, сделали упор на развитие внешней торговли.

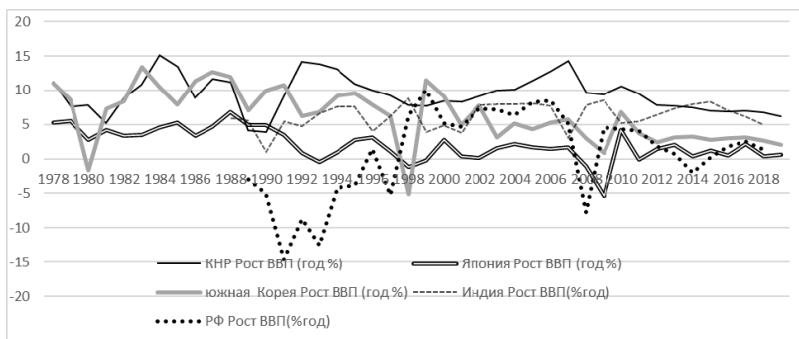


Рис. 1. Динамика роста ВВП в 1978–2019 гг. (КНР, Япония, Южная Корея, Индия, РФ)
 Источник: составлено по [18].

Целью исследования является теоретический анализ внешнеторговой стратегии стран (Индии, России, Южной Кореи, Японии и КНР) на современном этапе.

В соответствии с поставленной целью в работе сформулированы следующие задачи:

- рассмотреть внешнеторговые стратегии каждой из пяти стран на современном этапе;
- выявить общие черты и отличия внешнеторговых стратегий данных стран;
- определить роль направления развития внешнеторговой стратегии КНР на основе опыта анализируемых стран.

Новизна полученных результатов заключается в разработке теоретических подходов к внешнеторговой стратегии КНР на основе сравнительного анализа с другими странами, а также направлений развития данной стратегии.

Япония и Южная Корея как страны со схожими с Китаем стратегиями экономического развития и внешней торговли достигли успеха в экономическом развитии. После Второй мировой войны они успешно вошли в ряд промышленно развитых стран с бедной ресурсной базой, чему способствовала также и верная внешнеторговая стратегия.

Во многих странах в процессе реализации внешнеторговых стратегий делается акцент на развитие производства и его модернизацию, хотя чаще всего развивающиеся страны неизбежно попадают в зависимость от экспорта или трудоемкой продукции, или ресурсной. Теория сравнительных преимуществ, которая является базисом свободной торговли и основной теорией торговли ВТО, выступает за опору на такие отрасли, которые позволяют использовать сравнительные преимущества страны и постепенно реализовывать свой путь развития. Производя товары с соответствующей фактороинтенсивностью, страна сможет накопить капитал, а также модернизировать и преобразовать изначальную структуру, осуществить передовую конвергенцию с мировыми технологиями. Этот процесс является автоматическим и не имеет каких-либо сдерживающих факторов [10–12].

Согласно данной модели, стратегии внешней торговли в значительной степени носят экспортоориентированный характер и в течение длительного периода могут не меняться.

В действительности же многие страны, опираясь на теорию сравнительных преимуществ, попали в «ловушку сравнительных преимуществ» [34], так как не все страны в процессе развития оказываются такими же успешными, как «четыре азиатских малых дракона», наоборот, они сталкиваются с застоем и даже с регрессом, поэтому применение теории сравнительных преимуществ не является безусловным.

Так, на практике многие страны, включая Россию, Индию, государства Южной Америки, вместе с ориентацией на быстрое развитие сравнительных преимуществ демонстрируют экономическую уязвимость, трудности с модернизацией промышленности, долгое время производя товары с низ-

кой добавленной стоимостью глобальной цепочки ценности (GVC – Global value chain). Их экономический рост в течение длительного времени дифференцировался, и многие государства попали в «ловушку» сравнительного преимущества. Япония и Республика Корея смогли успешно осуществить переход промышленности из группы товаров с низкой добавленной стоимостью в группу товаров высокого уровня глобальной цепочки ценности. Тем не менее обе страны долго выходили из продолжительного финансового кризиса и длительного экономического застоя.

Что касается Китая, Д. Родрик обнаружил, что изменения в структуре производства Китая были осуществлены не просто в соответствии со сравнительными преимуществами, но и согласно сложности (а именно технологичности) продукции [31]. Структура экспорта продукции Китая аналогична структуре экспорта стран, у которых средний доход на душу населения в 4 раза выше данного показателя в Китае. Это свидетельствует о том, что Китай уже овладел некоторыми передовыми высокопродуктивными технологиями производства, в структуре производства четко проявляется тенденция к модернизации, в этом и заключается так называемая «тайна роста экспорта Китая».

Что касается моделей развития сравнительных преимуществ, то китайский ученый Чжан Цицзы (2008) считает, что традиционная теория сравнительных преимуществ имеет базовое значение для модернизации промышленности, однако необходимо также следовать прогрессивному развитию от трудоемких либо ресурсоемких отраслей производства к высокотехнологичным отраслям производства. Тем не менее он подразумевает, что государство всегда способно предложить разработать новую продукцию, а модернизация – это результат автоматической эволюции ресурсов [33].

Китайские ученые имеют различные точки зрения относительно создания и усовершенствования производства с учетом стратегий внешней торговли, однако относительно вопроса промышленного развития они исходят из двух аспектов: урегулирование производственной структуры на макроуровне и модернизация промышленности согласно глобальной цепочке ценностей. В понимании большинства ученых понятие «модернизация» в значительной степени отличается от понятия «урегулирование производственной структуры». Под модернизацией промышленности с точки зрения глобальной цепочки ценности понимается тенденция развития, характеризующаяся переходом от низкого технологического уровня и низкой добавленной стоимости к высоким технологиям и высокой добавленной стоимости. Это микроракурс, основывающийся на различных технических этапах одной отрасли. В Китае до политики реформ и открытости в основном не использовался термин «структура производства», в большинстве случаев использовались термины «теория воспроизводства» и «структура экономики». После претворения в жизнь политики реформ и открытости китайский

ученый У Чунбо (1988) предложил понимать модернизацию промышленности как «обновление и изменение структуры производства», то есть «быстрое избавление от трудоемких отраслей, ориентация на технологические и наукоемкие отрасли» [35]. Такой подход долгое время занимал господствующее положение в развитии промышленности Китая, то есть модернизация и развитие в целом заключались в регулировке соотношения между различными предприятиями. В стране отождествляли структурную перестройку и создание глобальных цепочек ценности и придавали большое значение структурной перестройке, поэтому на практике правительство Китая занималось регулированием производственной структуры.

Особенность руководства китайского правительства заключалась в использовании подобной Японии производственной политики «догнать и перегнать», главной целью которой являлось ускорение оптимизации производственной структуры, устранение дефицита производства большей части отраслей. Что касается государственного регулирования, «структурная перестройка» была еще более наглядной и легко осуществимой, особенно в экономических системах, в которых руководящую роль играло правительство, ведь осуществление структурной перестройки было более простым делом, по сравнению со встраиванием предприятия в глобальную цепочку ценностей. По сути, это была «экзогенная» модель развития: в процессе стремления к индустриализации особое внимание уделялось изменению структуры производства, изо всех сил стремились к таким показателям, как, например, «доля промышленности», «доля электротехнической продукции», «доля высокотехнологичной продукции».

В течение последних лет китайская экономическая мысль постепенно начала уделять большее внимание исследованиям глобальной цепочки ценности. Например, Лю Чжибяо (2005) [8] детально проанализировал модели перехода местных предприятий, являющихся «международными OEM-производителями», от стадии оригинального производителя продукта (OEM) к стадии производителя оригинального продукта (ODM), выдвинул международную стратегию ориентации на владение собственным международным брендом. Юй Минчао (2006) [9], анализируя производство ноутбуков в китайском Тайбэй, считал, что китайские предприятия в глобальной цепочке ценностей сталкиваются с проблемой маргинализации и вследствие этого с ограничением модернизационного потенциала, что вызвано такими факторами, как малые технические способности и низкая производительность.

Рассмотрим этапы и особенности внешнеторговых стратегий России, Индии, Южной Коре и Японии (таблицы 1–4, рис. 2–9).

Этапы и особенности внешнеторговой стратегии Индии

Период	Стратегия	Основные меры
До 1980 г.	Стратегия <i>импортозамещения</i> , меньше связей с мировыми рынками	<ol style="list-style-type: none"> 1. Укреплена национализация и расширены масштабы импорта и экспорта государственных предприятий. 2. Использованы высокие тарифы и лицензии для защиты отечественной промышленности
1980–1990 гг.	Период экономических преобразований. Начало постепенного ослабления ограничений на внешнюю торговлю	<ol style="list-style-type: none"> 1. Смягчены ограничения на частный монопольный капитал и иностранный капитал. 2. Ослаблен прямой контроль над импортной и экспортной торговлей, внедрена политика внешней торговли, сочетающей замещение импорта и содействие экспорту. Улучшены условия импорта сырья, оборудования и технологий экспортирующим производителям, предусмотрено, что экспортное производство не ограничено политикой промышленных лицензий. Внедрен механизм конкуренции на внутреннем рынке путем ослабления контроля за импортом
1991 – настоящее время	Экспортно-ориентированная стратегия	<ol style="list-style-type: none"> 1. Постепенная отмена разрешений на импорт и ограничений на его количество. 2. Значительное снижение импортных тарифов и упрощение процедур импорта. 3. Усиление антидемпинговых расследований. 4. Ослабление ограничений на импорт товаров и налоговые льготы способствуют экспорту предприятий. 5. Обесценивание национальной валюты. Индия начала использовать систему двойного обменного курса в марте 1992 г. и завершила конвергенцию обменных курсов в 1993 г. к системе плавающего обменного курса с управлением. 6. Активное внедрение иностранных инвестиций и передовых технологий. 7. Созданы особые экономические зоны

Источник: составлено по [1; 24–31].

На рис. 2 представлено изменение сравнительных преимуществ Индии в ходе реформирования внешнеторговой стратегии. Снизились поставки на экспорт текстиля, сырьевых и продовольственных товаров и возросла доля химической продукции и горючесмазочных веществ. Страна смогла постепенно повысить долю технологически сложных товаров и уменьшить долю сырьевых и трудоемких.

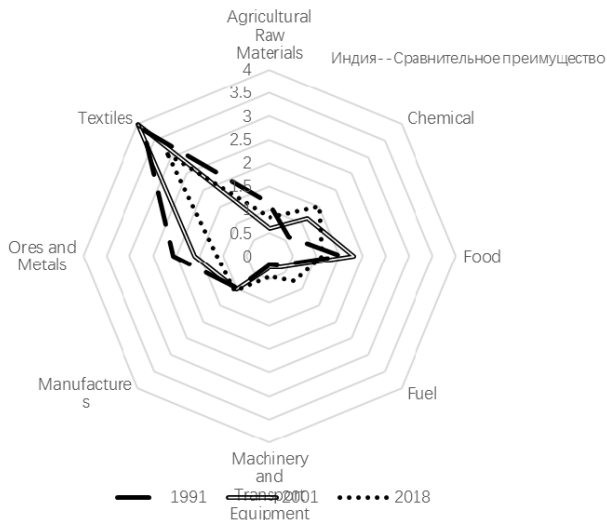


Рис. 2. Динамика RCA Индии (1991–2018 гг., сравнительное преимущество)

RCA Индия 2019г.

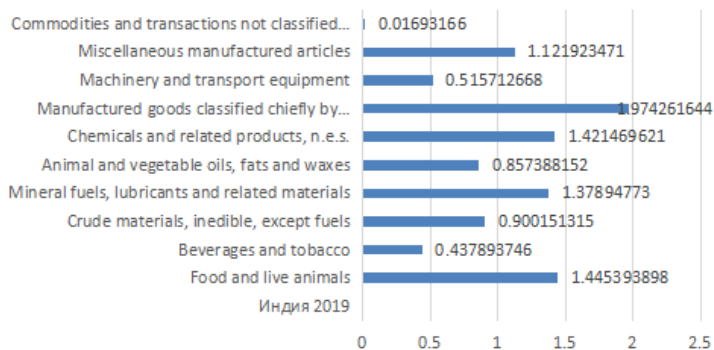


Рис. 3. RCA Индии, 2019 г.
Источник: составлено по [19].

Таблица 2

Этапы и особенности внешнеторговой стратегия России

Период	Стратегия	Основные меры
1991–1993 гг. Фаза быстрой либерализации	Лечение шока под руководством Вашингтонского консенсуса	1. Приватизация государственных предприятий. 2. Снятие импортных и экспортных тарифов на большинство товаров и ограничения на

Период	Стратегия	Основные меры
		импорт и экспорт. Отмена квалификационных ограничений для предприятий внешней торговли. 3. Быстрое продвижение свободного обмена валюты
1993–1999 гг. Этап усиления управления	Реформа управляемой системы либерализации	1. Начало макроэкономического регулирования и государственного управления. 2. Усиление одобрения и надзора за созданием внешнеторговых компаний и внешнеторговой деятельностью. 3. Восстановление импортных тарифов на некоторые товары. Восстановление экспортных тарифов на важные товары, такие как нефть и продовольствие. 4. С точки зрения иностранной валюты внедрение управляемого плавающего обменного курса «валютный коридор». Строгий мониторинг корпоративной иностранной валюты и ограничение спекуляций на иностранной валюте
Настоящее время. Этап развития промышленности, начало трансформации	Стратегия, ориентированная на экспорт, в полной мере использует сравнительные преимущества нефти, природного газа и других продуктов страны	1. Расширение экспорта энергетической продукции посредством поддержки политики и укрепления инфраструктуры. 2. Активное привлечение иностранного капитала. 3. Рубли можно свободно конвертировать. 4. Начало поддержки внутреннего перехода к отраслям с конкурентными преимуществами 5. Начало трансформации. После кризиса 2015 г., введения санкций против России был взят курс на опережающее развитие несырьевого сектора и импортозамещения

Источник: составлено по [3–5; 32; 36; 37].

RCA России 2019

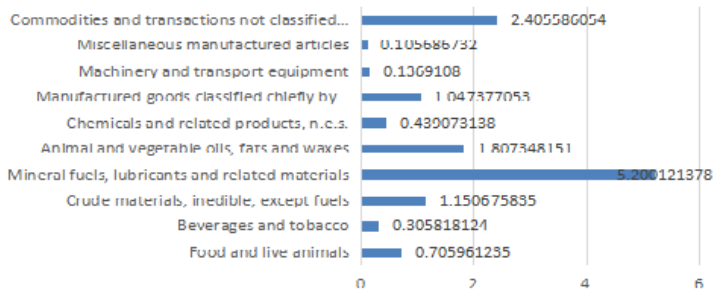


Рис. 4. Динамика RCA России, 2019 г.

Источник: составлено по [19].

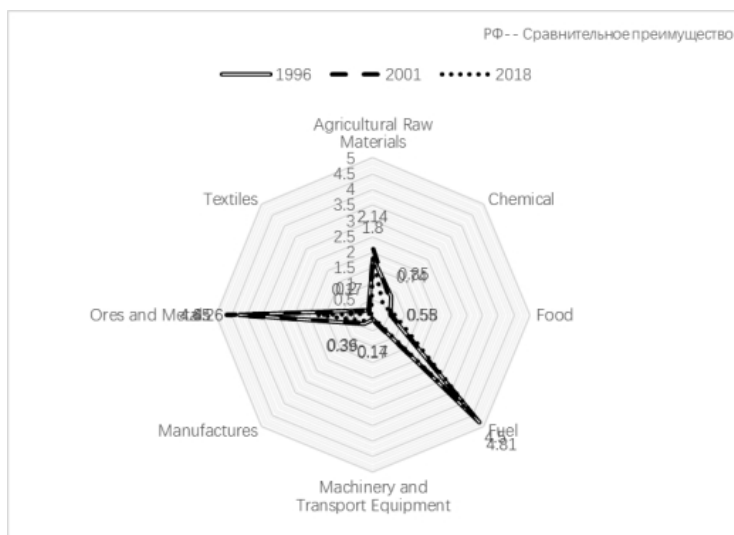


Рис. 5. Динамики RCA России (1996–2018 гг., сравнительное преимущество)
 Источник: составлено по [19].

Экспорт из Индии и России сосредоточен в областях существующих сравнительных преимуществ. Основными экспортными преимуществами России являются нефтепродукты, сельскохозяйственная продукция и руды (рис. 3). Среди них наибольшие преимущества имеют нефтепродукты. Индекс их RCA остался выше 4,5 и в 2018 г. был 4,58. Объем экспорта нефтепродуктов составил 38,25 млрд долл. США, или 43,13 % от оборот экспорта товаров. Это очень высокий показатель. Доминирующей экспортной продукцией Индии является текстиль, индекс RCA составил 3,1 в 2018 г. Текстиль всегда был основным экспортным товаром Индии и сохранял высокий уровень сравнительных преимуществ. А преимущество химической продукции увеличилось в период с 2001 по 2018 г. с 1,15 до 1,51. Преимущество экспорта химической продукции увеличилось на 31 %. Промышленные товары Индии обладали 69,51 % в обороте экспорта, но его индекс RCA-1,06 показывал, что толлинг в Индии развивался быстро. А график по России показывает, что практически за 20 лет страна не смогла увеличить сравнительное преимущество в высокотехнологичных отраслях, а в своих отраслях-фаворитах сохранить на прежнем уровне.

Сравнительное преимущество Японии сохраняется в двух аспектах: машины и транспортное оборудование, общепромышленное производство.

В 1990 г. в Японии индекс RCA транспортного оборудования составил 2,04, а в 2018 г. – 1,67. Показатель снижен на 18 %, но еще имеет преимущество в экспорте. Индекс RCA общепромышленного производства

в 1990 г. – 1,37, в 2018 г. – 1,32. Напротив, индекс RCA текстиля в 1990 г. – 0,34, в 2018 г. – только 0,27. Эти два показателя снизились на 3 % и 18 % соответственно, что свидетельствует о том, что Япония постепенно сокращает трудоемкие и традиционные отрасли. Правительство Японии продолжало укреплять производственные мощности капиталоемких отраслей.

Таблица 3

Этапы и особенности внешнеторговой стратегии Японии

Этап/период	Стратегия	Основные стратегические средства
Этап экономического восстановления. 1950-е гг.	Восстановление довоенного экономического уровня	1. Опора на помощь США. 2. Наклонное производство, национальная политика по снижению потребления
Этап, ориентированный на экспорт. 1955–1990 гг.	Рост экономики, увеличение экспорта. Выдвинуты лозунги «основание торговли» и «основание технологии»	1. Недооцененный обменный курс. 2. Использование недорогой рабочей силы для привлечения международных предприятий и международных переводов капитала. 3. Поддержка отечественного пути развития хлопкового текстиля, тяжелых химических и технологически интенсивных отраслей. 4. Правительство использует финансовые субсидии и политическое руководство для содействия развитию экспортной промышленности и внешней торговли
Этап стратегии регионализации. 1990–1990 гг.	Обеспечение экономической безопасности и стремление к благоприятным условиям внешней торговли	1. Переговоры по двусторонним и многосторонним торговым соглашениям в странах. 2. Инвестирование за рубежом в регионы, в основном в Юго-Восточной Азии, и передача внутреннего производства
Этап стратегии регионализации. 1990–1990 гг.	Обеспечение экономической безопасности и стремление к благоприятным условиям внешней торговли	1. Переговоры по двусторонним и многосторонним торговым соглашениям в странах. 2. Инвестирование за рубежом в регионы, в основном в Юго-Восточной Азии, и передача внутреннего производства

Источник: составлено по [38–42].

Япония -- сравнительное преимущество

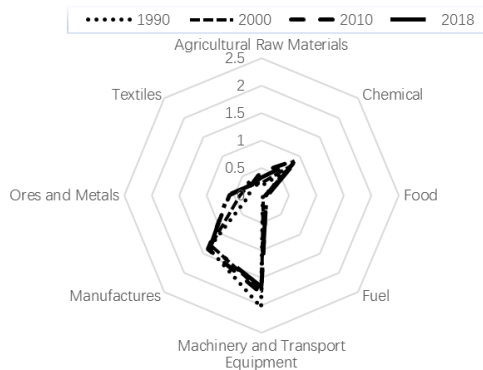


Рис. 6. Динамика RCA Японии (1990–2018 гг., сравнительное преимущество)

RCA Япония 2019

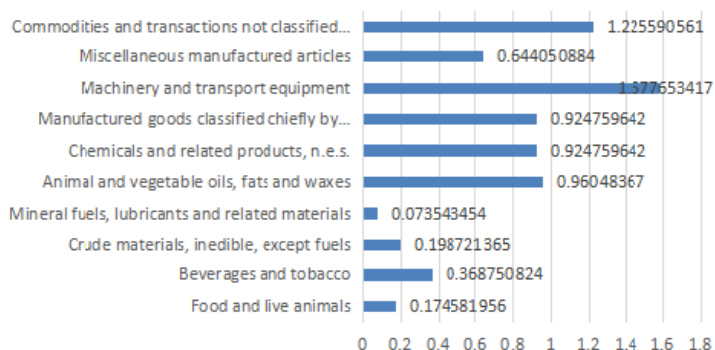


Рис. 7. RCA Японии, 2019 г.

Источник: составлено по [19].

Таблица 4

Этапы и особенности внешнеторговой стратегии Южной Кореи

Этап/период	Стратегия	Основные стратегические средства
Этап импорто-замещения. 1950-е гг.	Создание идеальной промышленной системы	1. Переоценка обменного курса. 2. Опора на помощь США
Этап, ориентированный на экспорт. 1960–1990 гг.	Рост экономики, увеличение экспорта	1. Недооцененный обменный курс. 2. Использование недорогой рабочей силы для привлечения международных предприятий и международных переводов капитала

Этап/период	Стратегия	Основные стратегические средства
		3. Поддержка отечественного пути развития легкой текстильной, тяжелой, химической, электронной промышленности
Этап стратегии регионализации. После 1990-х гг.	Обеспечение экономической безопасности и стремление к благоприятным условиям внешней торговли	Переговоры о двусторонних торговых соглашениях между странами

Источник: составлено по [5; 43–45; 47].



Рис. 8. Динамика RCA Южной Кореи, 1990–2018 гг.

RCA Республика Корея 2019

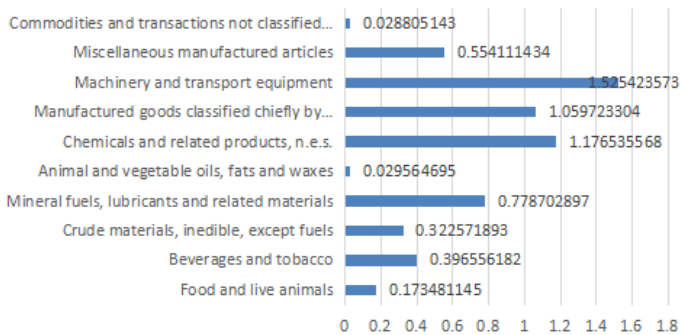


Рис. 9. RCA Республики Корея, 2019 г.

Источник: составлено по [19].

Правительство Южной Кореи продемонстрировало большую силу в процессе реструктуризации промышленности. Доминирующие отрасли Южной Кореи полностью перешли из текстильной в автомобилестроение. Индекс RCA транспортного оборудования в 1990 г. составил 0,99, а в 2018 г. – 1,57; однако индекс RCA текстиля в 1990 г. – 3,25, а в 2018 г. – только 0,42.

Япония и Южная Корея сильно изменились с точки зрения показателей сравнительных преимуществ. Их основные преимущества теперь сосредоточены на автомобильной и промышленной продукции. В рамках модели под руководством правительства Япония и Южная Корея сконцентрировались на усилении строительства капиталоемких производств и относительно ослабили строительство трудоемких производств. Процесс развития показал, что изменения в структуре экспортных отраслей достижимы, а корректировка экспортных отраслей улучшит экспортные интересы страны. В то же время из рисунков видно, что доминирующие отрасли Японии и Южной Кореи сосредоточены только в автомобильной промышленности, у них есть очевидные недостатки в сельском хозяйстве и производстве топлива. Фактически эти две страны сильно зависят от импорта сельского хозяйства и топлива. У такой структуры экономики проявилась уязвимость перед международным экономическим кризисом.

Таким образом, все четыре страны проводят разную внешнеторговую стратегию

Индия, Россия:

1. Государственное регулирование этих стран недостаточно уделило внимание развитию промышленности.

2. Обе страны в значительной степени полагаются на сравнительные преимущества в долгосрочной перспективе и долгое время находятся в экспортно-ориентированной стадии (30 лет).

3. Уязвимы для мировой экономической ситуации: во время двух финансовых кризисов в 1997 и 2007 г. экспорт и экономический рост значительно упали.

Индия и Россия – это модели развития, которые длительный период опираются на сравнительные преимущества. Преимущество такой внешнеторговой стратегии в том, что быстрое развитие может быть достигнуто в случае некачественной конструкции системы. Недостатки также очевидны: промышленная трансформация сложна, показатели экспорта, импорта и ВВП сильно колеблются. Данные страны попали в ловушку сравнительных преимуществ. Они долгое время экспортировали базовые ресурсы, продукцию с низкой добавленной стоимостью. Цены на данную продукцию на мировом рынке имеют низкую эластичность, подвергаются серьезному влиянию системы расчета в американских долларах по сравнению с высокотехнологичной продукцией, экспортируемой преимущественно развитыми странами, их относительная цена имеет тенденцию к понижению. По-

добная структура экспортно-импортной торговли привела к тому, что эти страны находятся в невыгодном положении на мировом рынке, их торговля нестабильна.

Необходимо отметить, что Индия и Россия начали предпринимать активные попытки изменить сложившуюся у них ситуацию. Тем не менее результаты показывают, что во внешнеэкономической стратегии и сфере преобразований отраслей и предприятий сложно осуществить быстрые перемены.

Ниже приведены причины, которые привели к такому положению дел:

1. Россия столкнулась с тяжелым кризисом при распаде СССР, вызванным разрывом технологических и производственных связей и необходимостью формирования воспроизводственного комплекса.

2. Политическое влияние. Политика оказывает огромное влияние на выбор и развитие экономической стратегии России. В первые годы перехода к рынку контроль государственного регулирования над национальными ресурсами и экспортом был ослаблен, вследствие чего на протяжении длительного времени ядром российской экономики была деятельность бизнеса в форме союзов предприятий-монополистов, торгующих ресурсами. Такая институциональная структура не имела цели и возможностей изменить промышленность и структуру экспорта.

В международных отношениях Россия, США и Европа часто находятся в состоянии конфликта, а после 2015 г. Россия часто подвергается торговым санкциям со стороны США и других стран. Международная ситуация продолжает оказывать негативное влияние на внешнюю торговлю России, несмотря на значительные усилия, предпринимаемые государственными регуляторами для ослабления давления санкций.

Индия также сталкивается с серьезными проблемами во внутригосударственной и международной политике. Внутри страны из-за слабого государственного регулирования очень сложно объединить различные регионы в одну экономическую систему; на международном уровне у Индии есть территориальные конфликты со всеми соседними странами.

3. Недостаточное инвестирование в базовую инфраструктуру. В долгосрочной перспективе наличие продукции и предприятий, обладающих конкурентным преимуществом, означает наличие монополии, особенно монополии в сфере технологий. Это требует от стран принятия дальновидного стратегического плана, в течение длительного периода непрерывного усиления инвестиций в научно-техническую сферу и базовую инфраструктуру.

Несомненно, промышленное производство Индии и России достигло определенных успехов. Например, в Индии активно развивается разработка программного обеспечения и производство текстиля; российские нефтяные предприятия занимают важное место на внешнем рынке. Однако такая модель инвестирования имеет положительный эффект в краткосрочной перспективе и отрицательный – в долгосрочной, так как концентрация на

инвестициях в традиционно выгодные отрасли затрудняет оптимизацию структуры отечественного производства и экспорта этих стран. Это означает, что при развитии сравнительных преимуществ существуют противоречия между краткосрочными и долгосрочными стратегиями. Когда правительство реализует стратегию, обязательно нужно рационально уравновесить конфликт краткосрочных и долгосрочных интересов, то есть правительство, руководствуясь долгосрочной стратегией, должно непрерывно контролировать краткосрочные стратегии.

По краткосрочным и долгосрочным проблемам стратегического регулирования правительство Китая придерживалось модели поэтапного регулирования. Китайское правительство приняло крайние меры в сфере урегулирования промышленной структуры, создало производственную цепочку полного цикла. В 2019 году Министерство торговли Китая объявило, что «Китай стал единственной страной в мире, имеющей все промышленные категории, перечисленные в отраслевой классификации ООН» [17].

При сравнении стратегий внешней торговли Китая, Южной Кореи и Японии существует много сходств. Внешняя торговля Китая начала развиваться достаточно поздно, был использован опыт Японии и Южной Кореи в этом направлении. Помимо Китая, в Республике Корея и Японии также долгое время существовали крупные финансовые группы, однако эти две страны обеспечили себе наличие сильного государственного регулирования. Китай, Япония и Республика Корея при мощной поддержке своих государственных регулирований постепенно развили внешнюю торговлю.

Япония и Республика Корея успешно осуществили усовершенствование производства, сформировали сильные конкурентные преимущества и инновационный потенциал. Можно заметить, что Китай, Япония и Республика Корея непрерывно усиливают свои сравнительные преимущества в производстве автомобилей, механизмов и электроники, следуя логике развития: текстильная промышленность – обрабатывающая промышленность – машиностроение – электроника.

Япония и Республика Корея в последние годы во внешней торговле также столкнулись с рядом проблем. После финансовых кризисов 1997 и 2007 гг. обе страны с трудом восстановили свой экономический уровень, а из-за осуществляемой США в течение последних лет политики торгового протекционизма столкнулись с большим сопротивлением при продолжении расширения своей внешней торговли на традиционном экспортном рынке. Их продукция и технологические стандарты медленно продвигаются на международном рынке. Можно сказать, что Япония и Республика Корея осуществляют успешное регулирование своей внутринациональной промышленности. Основные проблемы, с которыми они сталкиваются, находятся на международных рынках.

Приведем в качестве примера Японию. Япония уже выдвигала стратегию регионального развития «стая летящих гусей», предполагавшую союз с Республикой Корея в главе с Японией, совместную проектно-конструкторскую работу и разработку монопольной продукции, обработку и производство продукции, за которую отвечают Китай и страны Юго-Восточной Азии, и, в конечном счете, экспорт данной продукции развитым странам.

Стратегия регионализации, третий этап стратегии внешней торговли, – стратегическая модель, выдвинутая Японией, имеет важный смысл, но данная стратегия по-прежнему опирается на дешевую рабочую силу – модель потребительского рынка развитых стран. Ее суть заключается в переносе собственных предприятий, не обладающих преимуществом по издержкам, за рубеж. Таким образом, стратегия внешней торговли основывается на интернационализации и региональной интеграции.

Став страной с большим объемом внешней торговли, Япония поставила перед собой цель превращения в сильнейшее мировое торговое государство, т. е. государство, которое в состоянии эффективно рассредоточить свою торговую систему на все страны. Например, как это сделали США. Они с помощью подписания с Японией «Соглашения о торговле полупроводниками» ограничили и ослабили развитие японской промышленности, посредством системы американского доллара поддерживают другие страны либо налагают на них санкции, усиливают систему свободной торговли, в которой сами занимают центральную позицию.

На этапе регионализации внешнеторговой стратегии правительство должно осознавать, что интеграция и создание торговых блоков начинает представлять угрозу традиционным торговым центрам и монопольным отраслям. Поэтому данная стратегия внешней торговли предполагает активное создание торговых союзов, поиск новых производств и потребительских рынков, борьбу в рамках союзов за образование торговой системы нового типа, а также управление круговоротом производства и потребления внутри союза.

В настоящее время Китай также сталкивается с трудностями ловушки сравнительного преимущества: он долгое время полагался на импорт технологий, поэтому отечественный инновационный потенциал недостаточен. Несмотря на то, что Китай непрерывно увеличивает инвестиции, для решения проблемы по-прежнему требуется долгий срок.

Выводы:

1. Рассмотрена теория сравнительных преимуществ, которая позволяет государству получить стабильное рост внешней торговли и экономическое развитие в долгосрочной перспективе. В действительности из-за различных факторов долгосрочные торговые интересы часто несовместимы с краткосрочными торговыми интересами. Поэтому торговая стратегия,

основанная на первоначальных сравнительных преимуществах, в долгосрочной перспективе может тормозить модернизацию промышленности. В условиях международной свободной торговли именно государственное управление играет важнейшую роль в управлении модернизации промышленности и долгосрочной внешнеторговой стратегии.

2. При длительном использовании внешнеторговой стратегии на основе сравнительных преимуществ может возникнуть «ловушка сравнительных преимуществ», когда экспортоориентированный рост затрудняет промышленную трансформацию и модернизацию, а страна не может перейти из экспортной группы товаров низкой добавленной стоимости глобальной цепочки ценности в группу товаров высокого уровня. Таким образом, на различных этапах развития национальной экономики существуют различные оптимальные структуры производства [14], что приводит к противоречию между краткосрочными и долгосрочными стратегиями внешней торговли. Экономическое развитие Индии и России демонстрирует эту тенденцию.

3. Странам с высокотехнологичными отраслями необходимо создавать эгоцентричные экономические альянсы в процессе экономической интеграции. Влияние международной экономической системы и структуры мирового рынка определяет возможность дальнейшего развития этих стран. Недостаточное влияние Японии и Республики Кореи в международной экономической системе ограничивает их дальнейшее развитие.

В итоге торговые стратегии различных стран имеют свои преимущества. С точки зрения китайской внешнеторговой стратегии:

- для эффективной торговой стратегии необходимо наличие сильного государственного регулирования, дальновидного плана общей стратегии, а также своевременное регулирование тактических действий, так как на различных этапах долгосрочной внешнеторговой стратегии возникает необходимость корректировки;
- для преодоления ловушки сравнительного преимущества странам необходимо осуществлять долгосрочное инвестирование в технологии и базовую инфраструктуру;
- после завершения процесса модернизации производства необходима реализация стратегии регионализации, так как создание региональной торговой системы будет отвечать интересам страны и странам – членам интеграционной группировки. На этапе регионализации требуется активно создавать экономические и торговые союзы, формировать в них экономические циклы, усиливая собственное экономическое влияние.

Список использованных источников

1. *Захаров, А. Н.* Внешняя торговля Индии и стран Центральной Азии / А. Н. Захаров, А. Г. Посохина, В. А. Поляков // Рос. внешнеэкон. вестн. – 2018. – № 12. – С. 85–97.

2. Коргун, И. А. Торговая политика Республики Корея как инструмент реализации национальных экономических интересов страны / И. А. Коргун, Зуев В. Н. // Вестн. междунар. организаций. – 2020. – № 2.

3. Основные тенденции интеграционного развития России в 2019 г. // Евраз. Банк Развития. – 2020. – № 8. – С. 46.

4. Реутов, В. Е. Некоторые аспекты стратегического управления современной внешней торговлей России / В. Е. Реутов, О. В. Каплина // Экономика и упр. (26.11.2018). – 2018. – Т. 4(70), № 4. – С. 129–140.

5. Центр исследования экономической политики ЭФ МГУ им. М. В. Ломоносова. Стратегическое управление развитием российской экономики в условиях мировой турбулентности: аналитический доклад [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.econ.msu.ru/ext/lib/News.pdf>. – Дата доступа: 06.01.2022.

6. Дэн Сянжун. Выбор пути модернизации промышленности: следовать или отклоняться от сравнительных преимуществ – Эмпирический анализ, основанный на пространственной структуре продукта / Дэн Сянжун, Цао Хун // Промышленная экономика Китая. – 02.2016. – С. 52–67. (邓向荣, 曹红. 产业升级路径选择: 遵循抑或偏离比较优势——基于产品空间结构的实证分析, 中国工业经济, 02.2016: 52–67.)

7. Линь Ганг. Стратегия Китая по выходу из «ловушки среднего дохода» / Линь Ганг. – Пекин: Economic Science Press, 2011. – С. 321. (林岗, 迈过“中等收入陷阱”的中国战略, 北京: 经济科学出版社, 2011).

8. Лю Чжибяо. Модель торговли с иностранными инвестициями и модернизация местной промышленности в прибрежных районах Китая: тематическое исследование района Сучжоу / Лю Чжибяо, Чжан Е // Экономическая теория и экономическое управление. – 08.2005. – С. 57–62. (刘志彪 张晔: 中国沿海地区外资加工贸易模式与本土产业升级: 苏州地区的案例研究, 经济理论与经济管理, 08. 2005 :57–62).

9. Ю Минчао. Дилемма модернизации и прорыв на местных предприятиях в рамках модели литейного производства во главе с иностранным капиталом – на примере закрытой производственной сети портативных компьютеров на Тайване / Ю Минчао // Китай, Промышленная экономика Китая. – 11.2006. – С.108–116. (于明超, 外来资本主导代工生产模式下当地企业升级困境与突破——以中国台湾笔记本电脑内地封闭式生产网络为例, 中国工业经济, 11. 2006 :108–116).

10. Grossman, G. M. Comparative Advantage and Long – Run Growth / G. M. Grossman, E. Helpman // The American Economic Review. – 1990. – № 80(4). – С. 796–815.

11. Grossman, G. M. Product Development and International Trade / G. M. Grossman, E. Helpman // The Journal of Political Economy. – 1989. – № 97(6). – С. 1261–1283.

12. Zilibotti, F. P. Distance to Frontier, Selection and Economic Growth / F. P. Zilibotti, P. Aghion, D. Acemoglu // Journal of the European Economic Association. – 2006. – № 4(1). – С. 37–74.

13. Линь Ифу. Выиграй теорию современной рыночной экономики / Линь Ифу // Китайское молодежное издательство. – 1997. – С. 390. (林毅夫, 《赢得市场—现代市场经济理论》, 中国青年出版社, 1997).

14. Линь Ифу. Новая структурная экономика: размышления о теоретических основах экономического развития и политики / Линь Ифу // Peking University Press. – 2014. – С. 297. (林毅夫, 《新结构经济学: 反思经济发展与政策的理论框架》, 北京大学出版社, 2014).

15. Су Ханг. Факторное обеспечение и модернизация обрабатывающей промышленности Китая – На основе анализа WIOD и базы данных китайских промышленных предприятий / Су Ханг, Чжэн Лэй, Моу Ифэй // Management World. – 04.2017. – С. 70–79. (苏杭、郑磊、牟逸飞, 要素禀赋与中国制造业产业升级——基于 WIOD 和中国工业企业数据库的分析, 管理世界, 04.2017 :70-79).

16. Ван Токио. Экономическая глобализация и корректировка экономической структуры Китая / Ван Токио // Management World. – 05.2017. – С. 1–6. (王东京, 经济全球化与中国的经济结构调整, 管理世界, 05.2017 :1-6).

17. Построила полную современную промышленную систему [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/xinwen/2019-09/22/content_5432064.htm. – Дата доступа: 26.10.2021 г. (我国已建成门类齐全现代工业体系).

18. Всемирный банк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org.cn/indicator>. – Дата доступа: 26.01.2022.

19. WITS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wits.worldbank.org>. – Дата доступа: 26.01.2022.

20. Правительство России. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://http://government.ru>. – Дата доступа: 26.01.2022.

21. Пэн Сяоюй. Восточноазиатская модель и модель Китая / Пэн Сяоюй // Зарубежные теоретические тенденции. – 05.2013. – С. 104–107. (彭晓宇, 东亚模式与中国模式, 国外理论动态, 05.2013 :104-107).

22. Государственное интернет-телевидение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nettv.gov-online.go.jp>. – Дата доступа: 06.01.2021. (政府インターネットテレビ).

23. The republic of korea cheong wa dae [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://english.president.go.kr>. – Дата доступа: 06.12.2021.

24. Ян Венву. Индийская стратегия экономического развития / Ян Венву // Ежеквартальные исследования Южной Азии. – 04.1988. – С. 11–18. (杨文武, 印度经济发展战略/杨文武, 江东, 南亚研究季刊, 04.1988 :11-18).

25. Чен Цзяньву. Анализ институциональных факторов экономического роста Индии / Чен Цзяньву // Юньнаньский университет финансов и экономики. – 05.2014. – С. 59. (陈建午, 印度经济增长中的制度因素分析, 云南财经大学, 05.2014 :59).

26. Лю Сяохун. Система местной автономии Индии и модернизация Индии после обретения независимости / Лю Сяохун. – Университет Шаньси. – 06.2014. – С. 49. (刘晓红, 独立后印度的地方自治制度与印度的现代化, 山西大学, 06.2014 :49).

27. Лу Ци. Исследование структур внешней торговли Индии / Лу Ци // Северо-восточный педагогический университет. – 05.2015. – С. 71. (卢岐, Study on Indian Foreign Trade Structures, 东北师范大学, 05.2015:71).

28. Ли Ли. Стратегия «Сделано в Индии» и экономические перспективы Индии / Ли Ли // Современные международные отношения. – 09.2016. – С. 46–53. (李莉, 试析“印度制造”战略与印度经济前景, 现代国际关系, 09.2016 :46-53).

29. Сун Ю. Внешняя торговля Индии в процессе глобализации / Сун Ю // Сычуаньский университет. – 04.2007. – С. 42. (宋瑜, 全球化进程中的印度对外贸易, 四川大学, 04.2007:42).

30. National Portal of India [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.india.gov.in/topics/governance-administration>. – Дата доступа: 06.12.2021.

31. *Rodrik, D.* What's so Special about China's Exports? / D. Rodrik // *China & World Economy*. – 2006. – № 14(5). – С. 1–19.

32. *Бао Чжэньюнь.* Анализ макроэкономического развития и развития внешней торговли России / Бао Чжэньюнь // *Внешняя экономика и торговля*. – 02.2017. – С. 28–30. (包振云, 俄罗斯的宏观经济和对外贸易发展分析, 对外经贸, 02.2017: 28–30).

33. *Чжан Цицай.* Эволюция сравнительных преимуществ и выбор пути модернизации промышленности Китая / Чжан Цицай // *Промышленная экономика Китая*. – 09.2008. – С. 58–68. (张其仔, 比较优势演化与中国产业升级路径选择, 中国工业经济, 09.2008: 58–68).

34. *Хун Иньсин.* От сравнительного преимущества к конкурентному преимуществу – о недостатках теории сравнительного интереса в международной торговле / Хун Иньсин // *Экономические исследования*. – 06.1997. – С. 20–26. (洪兴银, 从比较优势到竞争优势 – 兼论国际贸易的比较利益理论的缺陷, 经济研究, 06.1997 :20–26).

35. *У Чунбо.* Модернизации промышленности в странах АСЕАН / У Чунбо // *Экономика Азиатско-Тихоокеанского региона*. – 01.1988. – С. 26–30 (吴崇伯, 论东盟国家的产业升级, 亚太经济, 01.1988: 26–30).

36. *Kondrikov, A.* Russia's International Trade Development / A. Kondrikov // *Problems and Countermeasures*. – Цзилинский университет. – 04.2014. – С. 43.

37. *Лю Цзюньмэй.* Теоретическая логика и выбор политики эволюции внешнеторговой стратегии России / Лю Цзюньмэй // *Сравнение экономических и социальных систем*. – 03.2014. – С. 138–144. (刘军梅, 俄罗斯对外贸易战略演进的逻辑与政策选择, 经济社会体制比较, 03.2014 :138–144).

38. *Е Лин.* Японская экономическая интернационализация и изменения экономической системы: исследование интерактивных отношений с точки зрения международной политической экономии / Е Лин. – 2019. – С. 133. (叶琳, 日本经济国际化与经济体制变迁——国际政治经济学视角下的互动关系研究, 外交学院, 2019:133).

39. *Фу Лиюань.* Экономика Восточной Азии и Китай / Фу Лиюань. – Пекин: Peking University Press, 1997. – С. 103. (傅骧元. 东亚经济与中国, 北京: 北京大学出版社, 1997: 103).

40. *Цуй Цзянь.* Новые тенденции в стратегии регионального сотрудничества Японии и регионального сотрудничества в Северо-Восточной Азии / Цуй Цзянь // *Форум Северо-Восточной Азии*. – 2014. – С. 44–47. (崔健. 日本区域合作战略新动向与东北亚区域合作. 东北亚论坛, 2014: 44–47).

41. MOFA. Japan's FTA Strategy (Summary) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mofa.go.jp/policy/economy/fta/strategy0210.html>. – Дата доступа: 06.03.2021; JETRO [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.baidu.com/link?url=_iZIZtGQirtznN37F3IG0BIGANMm5e3mWIEtUbX_M98wSP6VwgG0zIvJPr_gdAB&wd=&eqid=cc6a9a5a000d9af4000000660788a8c. – Дата доступа: 06.12.2021.

42. *Сюй Лян.* Сравнительный анализ «пятилетнего плана» китайской и корейской экономики / Сюй Лян // *Журнал Педагогического университета Гуйчжоу (издание по общественным наукам)*. – 05.2005. – С. 66–70. (许亮, 中韩经济 “五年计划” 之比较分析, 贵州师范大学学报(社会科学版), 05.2005: :66–70).

43. *Лю Чжичэн.* Процесс разработки стратегии ФТА Южной Кореи и его значение / Лю Чжичэн // *Университет Циндао*. – 06.2014. – С. 36. (刘志成, 韩国FTA战略发展历程及其意义, 青岛大学, 06.2014:36).

44. Руй Биндин. Корейское стратегическое исследование ФТА / Руй Биндин // Университет Цзилинь. – 06.2013. – С. 152. (芮秉映, 韩国FTA战略研究, 吉林大学, 06.2013:152).

45. Коргун, И. А. Торговая политика Республики Корея как инструмент реализации национальных экономических интересов страны / И. А. Коргун, В. Н. Зуев // Вестник международных организаций. – 02.2020.

46. Ministry of Foreign Affairs Republic of Korea [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mofa.go.kr/eng/index.do>. – Дата доступа: 16.12.2021.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

А. Ю. Жевлакова

Белорусский национальный технический университет, Минск

A. Y. Zhaulakova

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 338.45

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ЦЕПОЧЕК СОЗДАНИЯ СТОИМОСТИ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

FEATURES OF IMPLEMENTING THE CONCEPT OF VALUE CHAINS IN THE INDUSTRY

Статья посвящена систематизации теоретических положений концепции цепочек создания стоимости. Автором раскрыта сущность понятий «цена», «стоимость» и «система создания стоимости», определена актуальность концепции для различных отраслей промышленности в условиях развития процесса глобализации. На основании приведенной автором классификации выделены транснациональные корпорации с вертикальной интеграцией и проведен анализ особенностей реализации концепции на примере фармацевтической отрасли. Выявлено, что требуется совершенствование методологии расчета добавленной стоимости и механизма проведения интеграционных процессов.

Ключевые слова: стоимость; цепочка создания стоимости; система создания стоимости; транснациональные корпорации; стратегии интеграции.

The article is devoted to the systematization of the theoretical provisions of the concept of value chains. The author reveals the essence of the concepts of «price», «cost» and «value creation system», determines the relevance of the concept for various industries in the context of the development of the globalization process. Transnational corporations with vertical integration are singled out on the basis of the classification given by the author, and an analysis of the features of the implementation of the concept on the example of the pharmaceutical industry is carried out. It was revealed that it is necessary to improve the methodology for calculating the added value and the mechanism for carrying out integration processes.

Keywords: price; value chain; value creation system; transnational corporations; integration strategies.

В условиях динамичного развития мировой торговли формирование стоимости продукции представляет собой достаточно сложный и многоступенчатый процесс.

Первоначально обратимся к понятию «стоимости». В современных реалиях понятия цены и стоимости товаров являются взаимосвязанными, но не эквивалентными категориями. Цена непосредственно формируется под воздействием таких факторов, как финансовое состояние сторон сделки, мотивы и личные интересы участников, то есть цена есть результат оценки покупателем полезности товара.

Само понятие «цена» возникает в период перехода от натурального хозяйства к товарному производству. При этом цена товара определялась на основании сравнения его характеристик с эквивалентными товарами.

В отличие от цены стоимость товаров складывается из различных элементов при производстве товара.

Так, сторонники политэкономической теории Адам Смит, Давид Рикардо и Карл Маркс пришли к выводу, что стоимость товара зависит от количества труда, затраченного на его производство. Именно в трудах представителей данной концепции наиболее четко прослеживается определение полезности товара. Д. Рикардо вводит понятие меновой стоимости, которое, по его мнению, никоим образом не связано с природой товара или деньгами [1, с. 53–58]. К. Маркс опровергает эту теорию, утверждая, что меновая стоимость представляет собой лишь форму проявления в обмене стоимости товара, а именно, воплощенного в нем общественного труда.

Жан Батист Сэй, являясь последователем А. Смита, считал, что стоимость товара складывается исходя из труда человека, сил природы и капитала, а окончательно устанавливается на рынке под влиянием спроса и предложения.

Огромный вклад в развитие понятия «стоимость» внесли ученые постсоветского пространства. Например, Т. И. Артемова исследовала стоимость как составляющую понятия ценности товара [2], А. Орлов провел исследование формирования стоимости продукции на примере энергосодержащих продуктов [3]. В свою очередь М. Ф. Гуськовой, П. Ф. Стерликовым и Ф. Ф. Стерликовым [4] была описана взаимозависимость теорий стоимости и предельной полезности, приведено понятие ценности как соотношения полезности и стоимости. Определение стоимости как основного элемента производственных отношений приводит в своих работах С. В. Кузнецов.

А. В. Репина в своих исследованиях приводит три аспекта понятия стоимости:

- стоимость есть эквивалент цены товара;
- стоимость представляет собой затраты денежных средств на приобретение товаров, выполнение работ и услуг, получение благ;

- стоимость выступает средством взаимного обмена и рыночного взаимодействия [5].

Российский ученый А. П. Тяпухин является сторонником теории, согласно которой стоимость совместно с ценностью формируют цену товара [6].

На сегодняшний день по-прежнему не существует общепризнанных определений понятий «цена» и «стоимость». Чаще всего стоимость рассматривается как способ выражения ценности товара и зависит от затрат от затрат на его производство. В свою очередь цена может определяться как форма денежного выражения факторов ценообразования или как сумма денежных средств, за которую потребитель готов купить товар, а продавец его продать.

Обобщение рассмотренных теорий позволяет установить следующую связь между понятиями. *Стоимость – это эквивалент объекта, товара, услуги в денежном выражении, используемый для планирования, анализа и обмена. Именно при обмене стоимость выступает как цена. То есть стоимость является первичной и более обширной категорией по сравнению с ценой товара.*

Так как цена и стоимость являются различными экономическими категориями, то и процессы формирования цены и стоимость диаметрально различаются.

Наиболее распространенной концепцией, описывающей процесс формирования стоимости, является концепция цепочек создания стоимости М. Портера.

Основные положения данной концепции были изложены в монографии, опубликованной автором в 1985 г. В книге М. Портер под цепочкой создания стоимости понимает «теорию фирмы, которая рассматривает ее как совокупность дискретных, но связанных производственных функций, если определить эти функции как виды деятельности. Тогда описание цепочек создания стоимости будет сосредоточено на том, как эти виды деятельности создают стоимость и от чего зависят издержки каждого из них» [7, с. 354].

Большой вклад в развитие концепции цепочек создания стоимости внес американский экономист Г. Джереффи, который в своей работе «Продуктовые цепочки и глобальный капитализм» ввел термин «глобальная цепь производства товаров», который предназначался для проведения анализа деятельности международных компаний [8].

Р. Каплински и М. Моррис в своих научных трудах «Методика анализа цепочек добавленной стоимости» и «Распространение положительного влияния глобализации. Какие выводы можно сделать на основе анализа цепочки накопления стоимости?» исследуют особенности реализации концепции при формировании стоимости [9, с. 41–44].

Отдельные аспекты применения концепции цепочек создания стоимости в антикризисном управлении и стратегическом анализе нашли отражение в работах таких белорусских ученых, как А. А. Быков, Т. Г. Авдеева, А. Е. Зезюлькина [10]. Особенности использования данной концепции при определении направлений повышения конкурентоспособности различных отраслей приводит в своей работе Ю. Г. Вайлунова [11].

Обобщив все приведенные авторами подходы, можно сделать вывод, что под цепочкой создания стоимости следует понимать процесс преобразования финансового и материального потока, результатом которого является создание конечного продукта.

Как и любой процесс, создание стоимости состоит из определенных этапов, на каждом из которых осуществляются необходимые виды деятельности.

В свою очередь все виды деятельности М. Портер делил на основные и вспомогательные.

Под основными видами деятельности понимались процессы, которые принимают непосредственное участие в формировании стоимости продукции. К ним относятся:

- внутренняя логистика – обеспечивает движение материального потока внутри предприятия и объединяет такие элементы, как транспорт и склад;
- производственный процесс – состоит из операций, которые позволяют из сырья, материалов, комплектующих получить готовую продукцию;
- внешняя логистика – организует перевозку продукции с места производства или склада в места ее реализации;
- маркетинг и розничная торговля – включают действия по продвижению продукции на рынке, ее реализацию конечному потребителю;
- обслуживание – подразумевает услуги по послепродажному сервису, например, монтаж, послегарантийный ремонт.

Основной целью реализации вспомогательных видов деятельности является поддержка основных. Можно выделить такие вспомогательные виды деятельности, как:

- инфраструктура компании – включает в себя подразделения социального назначения;
- управление кадрами – состоит из трудоустройства, обучения, переподготовки кадров;
- технологическое развитие – направлено на усовершенствование конечного продукта производства;
- материально-техническое обеспечение – подразумевает обеспечение основной деятельности необходимыми ресурсами и оборудованием.

Следует также отметить, что состав видов деятельности непосредственно зависит от отраслей, в которых функционируют предприятия.

Использование цепочки формирования стоимости направлено на выявление у конкретного товара или услуги конкурентного преимущества, которые создают ценность для потребителя.

Благодаря синхронизированному взаимодействию цепочек формирования стоимости на различных уровнях формируются системы создания стоимости. Данная система позволяет отслеживать, как меняется стоимость товаров на различных этапах, выявлять наиболее затратные стадии и искать пути их минимизации.

Система создания стоимости состоит из трех уровней, представленных на рис. 1. При этом данная система включает в себя все этапы жизненного цикла продукции и используется предприятиями для оценки эффективности выбранной бизнес-модели или поиска новой.

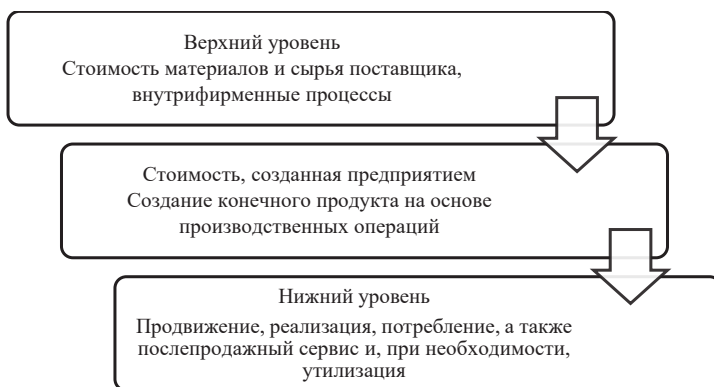


Рис. 1. Система создания стоимости

На сегодняшний день наибольшую актуальность приобретают процессы интеграции на различных уровнях системы создания стоимости. Выделяют два типа интеграции: прямую и обратную. При прямой интеграции предприятие развивает каналы распределения продукции, а при обратной – производственную базу.

При этом при выборе стратегии интеграции предприятие должно первоначально провести анализ своей деятельности, который включает:

- определение места предприятия в цепочке создания стоимости и направлений возможной интеграции;
- оценку экономической эффективности интеграции;
- расчет показателей эффективности для интегрированной структуры.

Наиболее ярким примером интеграции являются транснациональные корпорации. Данный вид объединений характерен для нефтегазовой, фармацевтической отраслей, электротехники и отдельных видов продовольственных товаров.

В целом все транснациональные корпорации могут быть классифицированы в соответствии с таблицей 1.

Таблица 1

Классификация транснациональных корпораций

Классификационный признак	Виды транснациональных корпораций
Форма собственности	Частные
	Государственные
	Смешанные
Охват рынка	Региональные
	Мировые
Место в цепочке создания стоимости	Добывающие сырье
	Перерабатывающие
	Имеющие прямую интеграцию
	Имеющие обратную интеграцию
	Вертикально интегрированные
	Торговые сети

Источник: составлено на основе [11].

Для примера рассмотрим фармацевтическую отрасль. Самая простая цепочка создания стоимости в данной сфере состоит из трех звеньев:

- научно-исследовательская деятельность, которая включает в себя разработку лекарственных средств, их клинические испытания;
- массовое производство;
- розничная продажа.

Однако такие цепочки встречаются крайне редко, так как большинство производителей в данной отрасли представляют собой вертикально интегрированные транснациональные корпорации. В таблице 2 приведен рейтинг корпораций за 2020 г. Что касается цепочек формирования стоимости, то их конфигурации весьма разнообразны и зависят непосредственно от характера производимого лекарственного средства.

Таблица 2

Наиболее крупные транснациональные корпорации фармацевтической отрасли

Наименование корпорации	Объем прибыли за 2020 год, млн долларов	Число сотрудников, человек
BAYER	19 767	99 538
MERCK & CO	17 534	68 000
GLAXOSMITHKLINE	17 056	110 000
SANOFI	16 800	110 000
ROCHE	15 068	94 442
AMGEN	14 850	22 000
JOHNSON & JOHNSON	14 714	136 400
ABBOTT LABORATORIES	11 726	94 000

Наименование корпорации	Объем прибыли за 2020 год, млн долларов	Число сотрудников, человек
PFIZER	11 684	78 500
NOVARTIS	11 347	110 000

Источник: составлено на основе [12].

Данные корпорации представлены по всему миру. Так, например, BAYER имеет более 350 компаний, PFIZER и NOVARTIS – более 100 компаний.

С учетом особенностей фармацевтической индустрии все действующие транснациональные корпорации можно также разделить на две категории.

Крупнейшие интегрированные транснациональные корпорации имеют оригинальные лекарственные средства, их продукция поставляется во все страны мира, за пределами страны принадлежности производится более 50 % продукции, в том числе в различных мировых регионах. Объем продаж у таких компаний составляет от 2 до 60 млрд долл. в год, компании контролируют до 2/3 мирового фармацевтического рынка.

Крупнейшие дублирующие транснациональные корпорации не имеют мощных исследовательских подразделений и не производят собственных инновационных лекарственных средств. Объем продаж составляет от 1 до 20 млрд долл. в год. Под контролем данных корпораций находится не более 10 % мирового фармацевтического рынка, они также имеют предприятия по всему миру, но доля производственного потенциала, расположенного на территории страны принадлежности, выше, чем у интегрированных корпораций.

К основным отличительным признакам формирования цепочек создания стоимости в фармацевтической отрасли можно отнести:

- большое количество стадий производства и звеньев цепочки, отражающих сложный и нелинейный характер производства;
- комплексность этапа научно-исследовательской деятельности;
- непосредственную зависимость от типа производимого лекарства (при производстве нового лекарства и отсутствии патента цепочка усложняется на несколько звеньев);
- зависимость от места расположения производства и рынка сбыта [13].

В свою очередь вертикальная интеграция позволяет объединить все стадии в единый процесс и дает компаниям следующие преимущества:

- возможность повышения эффективности производства за счет оптимизации деятельности участников на различных стадиях;
- повышение уровня конкурентоспособности как корпорации в целом, так и ее структурных единиц;
- снижение издержек на поиск партнеров для осуществления деятельности на различных стадиях производства и заключение сделок с ними.

В целом интегрированную цепочку создания стоимости в фармацевтической отрасли можно представить, как на рис. 2.

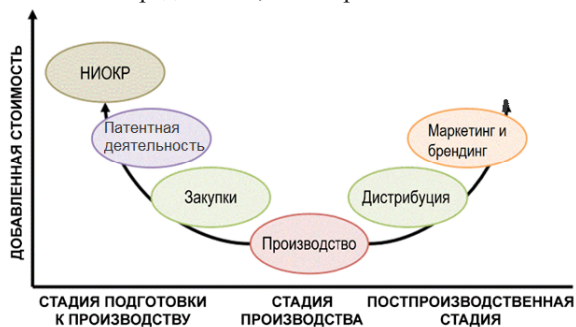


Рис. 2. Интегрированная цепочка создания стоимости

Следует также отметить, что популярность на сегодняшний день приобретают аутсорсинговые компании, которые предлагают свои услуги на всех этапах создания лекарственных средств. Причиной роста спроса на аутсорсинговые услуги является постоянный рост затрат на проведение научно-исследовательской деятельности, а также возможность для стран с развивающимися рынками лекарственных средств снизить затраты на проведение испытаний и получить конечный продукт надлежащего качества.

Таким образом, стоимость является мало изученной экономической категорией и непосредственно взаимосвязана с такими понятиями, как «ценность» и «цена». Процесс формирования стоимости продукции наиболее полно раскрывается посредством рассмотрения концепции цепочек создания стоимости М. Портера. В своей концепции М. Портер разделяет все виды деятельности предприятия на основные и вспомогательные, а также приводит понятие системы формирования стоимости. Под системой формирования стоимости автор понимает результат синхронизированного взаимодействия различных предприятий в рамках одной цепочки. С учетом развития процессов глобализации и регионализации наибольшую популярность сегодня приобретают интегрированные цепочки создания стоимости. При этом от выбора той или иной стратегии зависит как эффективность деятельности предприятия, так и развитие региона, в котором он находится. Одним из наиболее эффективных способов интеграции, объединяющих все этапы создания стоимости, является вертикальная интеграция. Данный тип интеграции характерен для транснациональных корпораций в фармацевтической отрасли промышленности. На сегодняшний день устойчивое функционирование интегрированных структур требует совершенствования методики расчета добавленной стоимости и механизма проведения интеграционных процессов.

Список использованных источников

1. *Кравчук, Ю. Б.* История экономических учений: учеб. пособие для студентов экон. специальностей всех форм обучения / Ю. Б. Кравчук. – Харьков: ХНУВД, 2014. – 159 с.
2. *Артёмова, Т. И.* Стоимость и цена: логико-исторический процесс формирования / Т. И. Артёмова. – К.: Основа, 2006. – 448 с.
3. *Орлов, А.* О реальной теории стоимости и ценности / А. Орлов // Общество и экономика. – 2008. – № 8. – С. 49–71.
4. *Гуськова, М. Ф.* От стоимости к ценности и от ценности к стоимости? / М. Ф. Гуськова, П. Ф. Стреликов, Ф. Ф. Стреликов // Экон. науки. – 2014. – № 9. – С. 17–20.
5. *Репина, А. В.* Разработка концепции бренд-маркетинга, ориентированного на ценности: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / А. В. Репина; С.-Петербург. гос. экон. ун-т. – СПб., 2013. – 19 с.
6. *Тяпухин, А. П.* Логистика: учебник для бакалавров / А. П. Тяпухин. – М.: Юрайт-Издат, 2012. – 568 с.
7. *Gereffi, G.* The Organization of Buyer-Driven Global Commodity Chains: How U.S. Retailers Shape Overseas Production Networks / G. Gereffi, M. Korzeniewicz // Commodity Chains and Global Capitalism / ed. by G. Gereffi, M. Korzeniewicz. – L.: Praeger. – 1994. – P. 95–122.
8. *Kaplinsky, R.* Handbook for Value Chain Research / R. Kaplinsky, M. Morris. – Ottawa: Institute of Development Studies. – 2000. – 113 p.
9. *Быков, А. А.* Стратегический анализ предприятий легкой промышленности как звеньев цепочек создания стоимости / А. А. Быков, Т. Г. Авдеева, А. Е. Зезюлькина // Вестн. Витеб. гос. техн. ун-та. – 2013. – № 24. – С. 127–138.
10. *Вайлунова, Ю. Г.* Обоснование направлений повышения конкурентоспособности текстильного и швейного производства в Беларуси на основе развития концепции цепочки ценностей / Ю. Г. Вайлунова // Вестн. Витеб. гос. техн. ун-та. – 2015. – № 28. – С. 162–172.
11. *Резкин, П. Е.* Концепция цепочек создания стоимости: состояние и перспективы развития / П. Е. Резкин // Актуал. проблемы науки XXI века. – 2016. – № 5. – С. 45–51.
12. Фармацевтическая промышленность мира – крупнейшие фармацевтические компании [Электронный ресурс] // Поставщики машин и оборудования. – Режим доступа: <https://www.oborudunion.ru/largest/farmaceuticheskaya-promyshlennost>. – Дата доступа: 14.01.2022.
13. *Волгина, Н. А.* Фармацевтическая цепочка создания стоимости: возможности для аутсорсинга / Н. А. Волгина // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Экономика. – 2021. – № 1. – С. 150–163.

(Дата подачи: 23.02.2022 г.)

Л. С. Климченя

Белорусский государственный экономический университет, Минск

L. S. Klimchenia

Belarus State Economic University, Minsk

УДК 658.8:004.738.5

ЭЛЕКТРОННАЯ ТОРГОВЛЯ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ТОРГОВЫХ ПРОЦЕССОВ

ELECTRONIC TRADE IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATION OF TRADING PROCESSES

Развитие электронной торговли является приоритетным направлением для сферы услуг, что отражено в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года. В статье автор обобщает практику формирования нормативно-правового и научного базиса электронной торговли, выделяет ее признаки. Автор представил результаты исследования взаимосвязи электронной торговли и электронной коммерции.

Ключевые слова: электронная коммерция; электронная торговля; торговый процесс; форма торговли; заключение сделок; продажа; электронный обмен данными.

The development of electronic trade is a priority for the service sector, which is reflected in the National Strategy for Sustainable Socio-Economic Development of the Republic of Belarus for the period up to 2030. In the article, the author summarizes the practice of forming the legal and scientific basis of electronic trade, highlights its characteristics. The author presented the results of a study of the relationship between e-commerce and e-trade.

Keywords: e-commerce; e-trade; trading process; form of trade; transactions; sale; electronic data interchange.

Развитие теоретических положений всегда связано и требует наличия четкого и полного понятийного аппарата. При этом выделим два подхода к формированию понятийного аппарата: нормативный (законодательный) и научный.

Первым законодательным документом, закрепляющим основные элементы регулирования электронной торговли, является Типовой закон об электронной торговле (ТЗЭТ), принятый на 29-й сессии ЮНСИТРАЛ 12 июня 1996 г. ТЗЭТ имел рамочный характер и предназначался для облегчения развития национальных законодательств по ведению электронной торговли («торговли с использованием электронных средств»). В рамках ТЗЭТ электронная торговля трактуется широко, включает все отношения торгового характера [1].

В том же 1996 г. в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № ООН А/51/628 от 16.12.1996 к ТЗЭТ впервые было сформулировано определение электронной торговли. Согласно данной резолюции электронная тор-

говля – это заключение сделок с помощью электронного обмена данными и других средств передачи данных, которые предусматривают использование альтернативных бумажным формам методов передачи и хранения информации [2].

В 1998 г. Генеральным директором Всемирной торговой организации было предложено следующее толкование термина «электронная торговля»: это специфическая форма торговли, новый способ покупки, продажи и распределения товаров и услуг, охватываемая международно признанными многосторонними правилами торговли, в частности, ГАТС, ГАТТ, ТРИПС [3, с. 31].

В 1998 г. на Второй министерской конференции ВТО была подписана Министерская декларация о глобальной электронной торговле ВТО, в рамках которой было закреплено понятие электронной коммерции, «под которой понимается производство, распространение, маркетинг, продажа или доставка товара или услуги путем использования электронных средств» [4, с. 10].

В рамках развития законодательства по вопросам электронной торговли Евросоюза остановимся на Директиве 2000/31/ЕС, в соответствии с пунктом 18 которой «информационные услуги охватывают широкий спектр сфер экономической деятельности, которые осуществляются в режиме on-line; данные виды деятельности, в частности, могут включать в себя продажу товаров в режиме on-line» [5].

Странами другого регионального объединения, а именно СНГ, в ноябре 2008 г. был принят Модельный закон «Об электронной торговле», в котором закреплено следующее определение электронной торговли: «торговля, осуществляемая с использованием информационных систем, информационно-коммуникационной сети и электронных процедур» [6]. Данный закон не только закрепил базовые термины и определения (статья 2), но и порядок осуществления электронной торговли на территории государств – участников СНГ (главы 2–4), в том числе порядок заключения договоров в электронной торговле и их условия.

Отдельные материалы ЕАЭС содержат разъяснения по исследуемому термину. Так, в Докладе о развитии цифровой (интернет) торговли ЕАЭС, подготовленном ЕЭК в 2019 г., отмечается, что понятие «цифровая (электронная) торговля» шире понятия «интернет-торговля», «поскольку включает не только продажу через интернет, но и взаимодействие через другие информационно-коммуникационные, информационные и социальные сети, а также основана на более широком спектре бизнес-моделей» [7]. Эту точку зрения разделяют и авторы доклада. При этом в качестве базового понятия электронной (цифровой) торговли они приводят определение ВТО: это производство, распределение, маркетинг, продажа или доставка товаров и услуг через электронные каналы. [7]. Отметим, что впервые такая трактовка

была дана на конференции ВТО в 1998 г. и касалась сущности электронной коммерции. При этом, учитывая закреплённые в практике виды экономической деятельности, производство и торговля – разные виды деятельности по своей сути. Этот подход к выделению видов деятельности должен сохраняться и в цифровой среде, поэтому торговля не может включать в себя производство.

Рассмотрим национальный уровень законодательства по электронной торговле, т. к. вопросы цифровизации актуальны для экономики любой страны.

В соответствии с Законом Республики Беларусь «О государственном развитии торговли и общественного питания» от 8 января 2014 г. № 128-3 предусмотрена такая форма осуществления торговли, как торговля с использованием сети Интернет (интернет-торговля). Однако, как показало проведенное исследование, четкая трактовка понятия «электронная торговля» в нормативных актах республики в настоящее время отсутствует.

Отметим, что ранее в Законе о торговле от 28.07.2003 № 231-3 (отменен с 2014 г.) было закреплено определение электронной торговли как оптовой, розничной торговли, характеризующейся заказом, покупкой, продажей товаров с использованием информационных систем и сетей. Т.е. суть традиционной торговли в электронной торговле сохранялась, а изменялась ее технологическая инфраструктура.

Согласно вступившему в силу постановлению Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь (МАРТ) от 9 марта 2021 г. № 14 «О классификации форм торговли» [8] предусмотрена новая форма торговли (новая относительно закрепления в нормативных документах) – дистанционная торговля. При этом дистанционная торговля как форма торговли предполагает продажу товаров без использования торговых объектов рядом способов, в том числе в глобальной компьютерной сети Интернет. Следует отметить, что постановление № 14 МАРТа определяет только формы розничной торговли. В то же время остается открытым вопрос по формам оптовой торговли. Ведь отмененный Закон о торговле 2003 г. рассматривал электронную торговлю как форму осуществления как розничной, так и оптовой торговли.

Требования к продаже товаров при электронной торговле были закреплены в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 15 января 2009 г. № 31 «Об утверждении правил продажи товаров при осуществлении розничной торговли по образцам», претерпевшим существенные изменения в 2021 г. [9]. При этом в силу вступления новой редакции Закона о государственном регулировании торговли и общественного питания Правила продажи товаров при осуществлении розничной торговли по образцам в Беларуси с 8 июля 2021 г. переименованы в Правила продажи товаров при осуществлении дистанционной торговли.

Отметим, что регулирование торговли, в том числе и электронной, в Беларуси основано на использовании опыта Российской Федерации, что объясняется членством в ряде региональных объединений.

Согласно постановлению Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» [10] электронная торговля представлена как вид дистанционной торговли. С 2021 г. продавец должен на сайте или ином информационном ресурсе размещать публичную оферту.

На уровне национального законодательства Беларуси и России выявлены общие характеристики электронной торговли:

- взаимодействие при покупке посредством Интернета или иных информационных ресурсов носит дистанционный характер и не обусловлено обменом договором на материальном носителе;
- взаимодействие является торговым процессом, т. к. носит процессуальный характер и каждый из участников выполняет определенные операции для заключения сделки.

Как показывает проведенное исследование правового регулирования электронной торговли на мировом и национальных уровнях, оно находится на этапе своего развития, определяет порядок построения взаимоотношений при совершении торговых операций. Но ряд проблем по трактовке базовых терминов остается нерешенным.

Далее исследуем трактовки термина «электронная торговля», представленные в энциклопедических и научных работах. Отметим, что наблюдается плюрализм мнений относительно сущности электронной торговли. Одни авторы характеризуют электронную торговлю как особую форму осуществления торговли, другие отождествляют понятия «электронная коммерция» и «электронная торговля», аргументируя это переводом термина «commerce» на русский язык.

Словарь по предпринимательству Т. Я. Нерсисян определяет электронную торговлю как «термин, обозначающий процесс покупки и продажи, поддерживаемый электронными технологиями» [11]. В Российском торгово-экономическом словаре под редакцией С. Н. Бабурина представлена следующая трактовка: «электронная торговля – осуществление торговых операций посредством сетевых технологий. Под электронной торговлей в широком смысле понимается использование электронных средств для осуществления коммерческих сделок» [12, с. 512]. В ряде энциклопедических изданий термин «электронная торговля» отсутствует.

Как видно, вопрос сущности электронной торговли как экономической категории остается нерешенным, становление теоретических положений в этой сфере продолжается, что подтверждают научные публикации по исследуемой проблематике.

Автор данного исследования еще в первых своих публикациях указывал, что термины «электронная торговля», «электронная коммерция» не являются синонимами [3, с. 31]. Электронную торговлю мы рассматриваем как составную часть электронной коммерции, одну из форм осуществления торговли.

Такую же позицию разделяет исследователь Т. В. Панкина, отмечая, что электронная торговля является одним из направлений развития электронной коммерции [13]. Автор дает следующую трактовку исследуемой дефиниции: «электронная торговля – это коммерческая деятельность, направленная на осуществление актов купли-продажи товаров с использованием телекоммуникационных сетей». При этом можно согласиться с ее доводами, что данное понятие базируется на фундаментальном понятии «торговая деятельность», конкретизирует электронную торговлю как составную часть торговли, выделяя ее в одно из направлений внемагазинной формы продажи товаров. Такое предложенное определение разграничивает электронную торговлю и электронную коммерцию [14]. Приведенная трактовка в достаточно полной степени согласуется с нормативно-правовым регулированием электронной торговли как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации, т. к. дистанционная торговля относится к внемагазинной продаже товаров.

Исследователь Н. С. Еманова отмечает, что при электронной торговле «сущность сделки остается прежней, меняется лишь форма передачи данных, необходимых для заключения сделки» [15]. Автором выделены следующие признаки электронной торговли:

- усовершенствованная форма оформления традиционных обязательств, заключающаяся в использовании электронных средств обмена данными при заключении сделок;
- технологическая инновационность процессов ведения бизнеса путем автоматизации процессов приема и обработки заказа;
- принципиально новый способ коммуникации продавца и покупателя – дистанционный;
- сложная структура правоотношений электронной торговли, отличная от традиционной, обусловленная появлением новых субъектов общественных отношений [15, с. 49].

Исследователь Е. Ю. Руденко в своей статье отмечает, что электронную торговлю можно определить как вид предпринимательской деятельности, связанной с приобретением и продажей товаров посредством информационно-телекоммуникационной сети [16, с. 4]. Автор выделяет основное отличие электронной торговли – осуществление торгового процесса посредством электронных сообщений. При этом, как показало исследование, в практике нет специальных нормативных актов по сделкам посредством информационно-коммуникационной сети. Следовательно, на

сделки при электронной торговле распространяются общие регламенты по торговым сделкам.

Таким образом, по результатам проведенного исследования научных трактовок термина «электронная торговля» и подходов к правовому ее регулированию в мировой и отечественной практике мы предлагаем следующее определение: *электронная торговля – это форма осуществления торговли (оптовой и розничной), обеспечивающая приобретение и (или) продажу товаров с использованием телекоммуникационных сетей и систем.*

Электронная торговля рассматривается нами как форма осуществления торговли, сформированная в результате трансформации торгового процесса за счет использования информационно-коммуникационных технологий и сетей. При этом отметим, что содержание самого торгового процесса не меняется, трансформируется форма осуществления отдельных операций торгового процесса.

Для сопоставления понятий «электронная торговля» и «электронная коммерция» обратимся к классификаторам видов экономической деятельности. Так, Общегосударственный классификатор Республики Беларусь «Виды экономической деятельности», введенный в действие постановлением Госстандарта Республики Беларусь от 5 декабря 2011 г. № 85 (ОКРБ 005-2011), в основу которого положена классификация видов экономической деятельности в Европейском экономическом сообществе, включает 21 секцию по видам деятельности. Основной признак выделения видов экономической деятельности – «характер производимых товаров и услуг, назначение товаров и услуг, вид сырья, процесс и технология обработки. Характер производимых товаров и услуг определяется физическим составом, этапом производства продукции и удовлетворяемыми этой продукцией потребностями» [17]. Аналогичный подход сложился и в практике Российской Федерации. В Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности ОК 029-2014 (КДЕС РЕД. 2) представлены аналогичные виды экономической деятельности в 21 разделе [18].

Следовательно, производство и торговля являются самостоятельными видами экономической деятельности, что согласуется с нормативно-правовым регулированием. Поэтому производство ни в коей мере нельзя рассматривать как составляющую торговли в целом, так и электронной торговли в частности. При этом субъекты, выпускающие продукцию (производители), осуществляют сбыт своей продукции определенными партиями. Но это не оптовая торговля, т. к. сбыт предполагает, что клиент сам находит производителя и заключает контракт. Но как в торговле (оптовой или розничной), так и в производстве и иных видах деятельности применимы инструменты коммерческой деятельности, обеспечивающие повышение эффективности всей деятельности, что позволяет сделать вывод о несинонимичности понятий «электронная коммерция» и «электронная торговля».

Электронная коммерция – более широкая категория, составной частью которой выступает электронная торговля.

Список использованных источников

1. Об электронной торговле (с дополнительной статьей 5 бис, принятой в 1998 году) [Электронный ресурс]: Типовой закон ЮНСИТРАЛ от 12 июня 1996 г. – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/499039311?marker=64U0IK_F91700293. – Дата доступа: 17.01.2022.

2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН N ООН А/51/628 от 16 декабря 1996 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/5426911>. – Дата доступа: 17.01.2022.

3. *Климченя, Л. С.* Электронная коммерция: учеб. пособие / Л. С. Климченя. – Минск: Выш. шк., 2004. – 191 с.

4. *Бирюкова, О. В.* Когда сотрудничество не складывается: глобальное управление цифровой торговлей / О. В. Бирюкова, А. В. Данильцев // Вестн. междунар. организаций. – 2019. – Т. 14, № 1. – С. 7–20.

5. О некоторых правовых аспектах информационных услуг на внутреннем рынке, в частности, об электронной коммерции (Директива об электронной коммерции) [Электронный ресурс]: Директива 2000/31/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/txenreg/depsanmer/consumer_rights/Documents. – Дата доступа: 17.01.2022.

6. Об электронной торговле [Электронный ресурс]: Модельный закон СНГ от 25 ноября 2008 г. – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=29090. – Дата доступа: 17.01.2022.

7. О развитии цифровой (интернет) торговли ЕАЭС [Электронный ресурс]. Доклад Евразийской экономической комиссии 30 апреля 2019 г. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Documents>. – Дата доступа: 17.01.2022.

8. О классификации форм торговли [Электронный ресурс]: постановление Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь от 9 марта 2021 г. № 14. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/docs/op/W22136489_1616619600.pdf. – Дата доступа: 19.01.2022.

9. Об утверждении правил продажи товаров при осуществлении розничной торговли по образцам [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15 янв. 2009 г. № 31. – Режим доступа: <https://mart.gov.by/files/live/sites/mart/files/documents/НПА/18.10.2019>. – Дата доступа: 19.01.2022.

10. Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 2463. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400070336/>. – Дата доступа: 19.01.2022.

11. *Нерсисян, Т. Я.* Предпринимательство: слов.-справ. / Т. Я. Нерсисян. – М.: Анкил, 2007. – 792 с.
12. Российский торгово-экономический словарь / под ред. С. Н. Бабурина. – М.: Экономистъ, 2005. – 525 с.
13. *Панкина, Т. В.* Электронная коммерция и электронная торговля: подходы к классификации / Т. В. Панкина // Вестн. РЭА. – 2008. – № 5. – С. 82.
14. *Панкина, Т. В.* Теоретико-методическое обеспечение процесса развития электронной торговли в малом бизнесе: дис. ... канд. экон. наук / Т. В. Панкина. – М.: РЭУ, 2011. – С. 8.
15. *Еманова, Н. С.* Признаки электронной торговли / Н. С. Еманова // Вестн. Ом. унта. Сер. «Право». – 2014. – № 1(38). – С. 48.
16. *Руденко, Е. Ю.* Понятие и правовое регулирование электронной торговли / Е. Ю. Руденко // Науч. журн. КубГАУ. – 2015. – № 111(07). – С. 4–10.
17. Виды экономической деятельности [Электронный ресурс]: Общегосударственный классификатор Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/klassifikatory/OKRB_005-2011. – Дата доступа: 20.01.2022.
18. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности ОК 029-2014 (КДЕС РЕД. 2) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320. – Дата доступа: 20.01.2022.

(Дата подачи: 18.02.2022 г.)

О. В. Красовская

Белорусский национальный технический университет, Минск

O. V. Krasovskaya

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 61:004.9

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В ПРОЦЕССАХ ОБСЛУЖИВАНИЯ КЛИЕНТОВ В ПОЛИКЛИНИКАХ

PROSPECTS FOR THE APPLICATION OF DIGITAL TOOLS IN CUSTOMER SERVICE PROCESSES IN POLYCLINICS

Цифровизация быстрыми темпами внедряется практически во все сферы деятельности человека. Сегодня одним из главных вызовов становится экспоненциальный рост количества, качества и многообразия взаимосвязей между организациями, гражданами и социально-экономическими системами, сопровождающийся скачкообразной динамикой числа транзакций и объемов обрабатываемых данных и приводящий к более сложной и синхронизированной интеграции «всех со всеми», последствия которой еще не до конца осознаны. Внедрение цифровых инструментов позволит решить некоторые проблемы в сфере здравоохранения: очередей, уменьшения контактов между людьми и распространения вирусов, сохранности всей документации.

Ключевые слова: цифровизация; технологии; электронные медицинские карты; медицинские карты; медицина; электронная медицина; электронные системы; приложения; электронный доступ.

Digitalization is rapidly being introduced into almost all areas human activity. Today, one of the main challenges is the exponential growth in the number, quality and variety of relationships between organizations, citizens and socio-economic systems, accompanied by a spasmodic dynamics in the number of transactions and volumes of circulating data and leading to a more complex and synchronized integration of "all with all", the consequences of which are still not fully understood. The introduction of digital tools will solve some problems in the healthcare sector: queues, reducing contacts between people and the spread of viruses, the safety of all documentation.

Keywords: digitalization; technology; electronic medical records; medical records; medicine; e-medicine; electronic systems; applications; electronic access.

Нехватка медицинских работников, большая нагрузка, постоянные очереди – с этим пациенты и врачи сталкиваются ежедневно. В среднем тысяча пациентов обслуживается одной поликлиникой в день. Различные причины оказывают влияние на работу поликлиники и ее работников, одни из них: человеческий фактор, низкая скорость работы и документооборота, жесткое регулирование, проблемы конфиденциальности и резкий рост расходов. Также можно столкнуться с тем, что на работу с низкой оплатой обычно идут лица пенсионного возраста не с самой высокой квалификацией, от этого качество обслуживания тоже ухудшается. Сохранился огромный риск быть переносчиком инфекции, так как работники регистратуры лично разносят карты и контактируют с больными и врачами по всей поликлинике.

Традиционный алгоритм действий в государственной поликлинике предполагает автоматически следующие элементы и связанные с ними проблемы и неудобства для клиентов учреждений здравоохранения: необходимо отстаивать большие очереди и носить с собой стопку бумаг с результатами анализов, выписки, рекомендации, персональную карту. Эта самая карта может быть довольно большой, если вы часто болеете или обращаетесь к врачу. Также требуется время на ее поиски в регистратуре, а иногда ее и вовсе могут «потерять».

Итак, минусы существующего механизма:

- 1) нехватка работников;
- 2) большие очереди;
- 3) низкая скорость работы и документооборота;
- 4) высокий риск заражения.

В таких странах, как Франция, Австрия, Япония, Сингапур, Израиль, Словакия, Эстония, Финляндия, Испания, Швеция и частично Великобритания, данные проблемы успешно решены.

Приведем мировой опыт, например, американский. Опрос более 3400 врачей США показал «весьма непростое отношение» врачей-терапевтов к решению важных проблем в области здравоохранения. Американские медики выразили разочарованность по поводу работы в сфере здравоохранения.

Ключевые пункты опроса The Future of Healthcare:

- более половины врачей (54 %) планируют уйти в отставку в течение следующих пяти лет из-за снижения финансового возмещения, увеличения административной нагрузки и консолидации отрасли. Средний возраст мужчин, участвовавших в опросе, равнялся 62 годам; средний возраст женщин – 55. Мужчины-врачи уходят на пенсию чаще, чем женщины, так как, по словам авторов, женщины зачастую работают терапевтами, в то время как мужчины шире представлены в более трудных областях медицины, например, в хирургии;

- более половины врачей (54 %) считают, что электронная медицинская карта (EHR – Electronic Health Record) оказала негативное влияние на их отношения с пациентами;

- почти две трети (61 %) врачей считают, что EHR отрицательно сказывается на результате их деятельности. Врачи недовольны ее функциональностью и надежностью, а также отсутствием возможности взаимодействовать с EHR;

- по мнению 63 % опрошенных, уход за пациентом и финансовое возмещение, базируемые на ценностных ориентирах, окажут негативное влияние на их доходы;

- три четверти (75 %) врачей, работающих индивидуально, планируют остаться независимыми. Хотя многие из них продолжают следовать своим принципам работы, они выразили озабоченность по поводу того, как изменения в медицинской сфере повлияют на будущее индивидуальных и малых групп врачей;

- врачи неоднозначно подошли к вопросу об уполномоченных организациях по оказанию медицинской помощи: 43 % заявили, что не будут вступать в них, 57 % не определились или нуждаются в дополнительной информации;

- мнения врачей также разошлись в вопросе о клинически интегрированных сетях (CIN – Clinically Integrated Network): 38 % не планируют участвовать в них, а 37 % либо не определились, либо нуждаются в дополнительной информации;

- врачи также не сошлись во мнении по поводу независимых ассоциаций врачей: 30 % высказались за участие, 36 % не планируют участвовать, а 34 % либо не определились, либо нуждаются в дополнительной информации;

- более половины (56 %) врачей не будут работать в медицинских центрах, ориентированных на пациента, 15 % планируют принять участие в ра-

боте, а 29 % не определились или нуждаются в дополнительной информации.

В опросе приняли участие врачи различных специальностей из 49 штатов США и округа Колумбии, застрахованные компанией The Doctors Company [2].

Исходя из результатов опроса можно сделать вывод, что сами врачи пока не готовы к переходу на электронные носители.

Идея появления электронных медицинских карт впервые появилась в 1960-х гг. В 2021 гг. учеными США создан алгоритм искусственного интеллекта, который может проводить анализ и осуществлять сортировку электронных медицинских карт. Сообщается, что работа, которую проводит новое устройство, ничем не уступает ручной сортировке, кроме того, значительно ускоряет изучение новых болезней. Информация об этом опубликована в издании Patterns. Известно, что разработку данного алгоритма провели ученые из Школы медицины Икана центра Маунт-Синай. Он учится самостоятельно определять фенотипы болезней, экономя время и силы специалистов. Программа получает всю необходимую информацию из медицинских карт. Затем сведения о состоянии пациентов алгоритм сопоставляет с особенностями различных заболеваний. Отмечается, что в настоящий момент в США применяется алгоритм системы PheKB, который правильно определяет диагнозы, однако процесс работы с ним требует много времени и сил. Изначально нужно определить документацию, которая будет связана с болезнью: рецепты, анализы и прочее. Затем программой находят пациенты со схожими данными, но полученные таким образом списки необходимо повторно проверять вручную. В результате апробации установлено, что новая система искусственного интеллекта способна выполнить почти всю работу, которую ранее вынуждены были делать люди. Также отмечается, что 9 из 10 случаев использования данной программы были успешны. «В настоящее время наблюдается стремительный рост количества и типов данных, хранящихся в электронных медицинских картах пациентов. Распутывание этой сложной паутины может быть очень трудоемкой задачей, замедляющей прогресс клинических исследований. В этом исследовании мы создали новый метод машинного обучения для извлечения данных, который является более быстрым и менее сложным, чем традиционные методы», – рассказывают ученые [3].

Рассмотрим специфику использования электронных медицинских карт. Существует несколько удобных систем для того, чтобы вести медицинские карты пациентов: МЕДМИС, Medesk, ONDOC; и платформы: SmartMed, Clinic365, InterSystems, HealthShare, ClinicIQ.

МЕДМИС. Это система для частных клиник, которая позволяет администрировать работу больницы. Помогает вести учет, прием, поддерживает два варианта электронных медицинских карт. Также программа отвечает за

стоматологические записи и помогает подсчитывать складские материалы. Поддерживает раздел «История болезни», куда могут быть внесены записи предыдущих врачей пациента. Интегрирована с IP-телефонией.

Medesk. Система, которая позволяет частным клиникам проще и быстрее управлять рабочими процессами и уменьшить количество бумажной работы. Поддерживает ведение электронных карт пациентов, которые содержат полную информацию о состоянии здоровья, назначениях, проведенном лечении. Эта система позволяет сравнивать историю болезни с текущими данными, смотреть заметки других врачей, которые вели пациента, быстро просматривать результаты анализов.

ONDOC. Бесплатная система, которая помогает электронно вести истории пациентов. Цифровые карты при этом доступны и с компьютера, и с мобильного телефона. Свою карту человек может предоставлять по запросу клиникам и страховым компаниям, собирать там все данные о своем здоровье, лечении, назначениях, прививках и анализах. Система интегрирована в сеть клиник «К+31» и медицинскую информационную систему «Инфо-клиника» [4].

Исследование позволило выявить основные преимущества использования данных систем: возможность доступа врачами к информации, защита данных. Все это значительно сокращает время как врача, так и пациента, а самое главное – сокращает количество бумажной работы. Врач может, лишь узнав фамилию и имя пациента, сразу же ознакомиться с его полным анамнезом, узнать о принимаемых им когда-либо лекарствах. Доступ к картам возможен с обеих сторон. Такие карты можно использовать в различных медицинских учреждениях, не заводя отдельную для каждого, а также все анализы и прививки, данные об аллергии и т. д. Еще одним преимуществом является то, что пациент быстрее получит лечение. Отсутствие отдельного помещения для хранения бумажных карт поможет избежать лишнего очага возгорания, а также эту комнату можно использовать как дополнительный кабинет для врача.

Однако следует выделить и некоторые недостатки единой системы электронных медицинских карт. В первую очередь это высокая цена, требование обновления всего оборудования, установка необходимого программного обеспечения, поиск специалистов и обслуживающего персонала, риск сбоя в системе и потери всех данных.

В России внедрение подобных карт инициировалось еще в 2011 г., однако первые прототипы появились только в 2017 г. Сразу разрешили введение электронных рецептов, а затем и больничных листов. Подобная система уже значительно упростила документооборот. В 2021 г. зашли еще дальше – в электронные медицинские карты москвичей стали добавлять снимки инструментальных исследований, таких как компьютерная томография, магнитно-резонансная томография, рентген, маммография и т. д. Просмотр

можно осуществить через личный кабинет на сайте поликлиники или посредством мобильного приложения.

В Республике Беларусь есть все технические возможности для внедрения подобных электронных медицинских карт и высококвалифицированные рабочие, однако нет средств на оснащение данными ресурсами всех учреждений здравоохранения. Еще одной причиной отложенного старта трансформации ведения документации можно назвать страх перед новшествами, потому что большинство работников уже в зрелом возрасте и не хотят осваивать новые технологии.

Представляется, что лучшей системой ведения электронных карт можно считать PRM ONDOC, она используется в 150 клиниках в 6 странах мира. Клиники и страховые компании используют PRM ONDOC, чтобы предоставить своим пациентам высокий уровень медицинского и клиентского сервиса с помощью веб- и мобильных приложений. В результате это влияет на ключевые бизнес-показатели: рост оборота на 10–15 %, снижение сервисных затрат на 30–40 %, рост индекса потребительской лояльности (NPS). Возможны следующие функции: онлайн-запись, постоянный доступ к электронной медицинской карте, телемедицина, чат с контактным центром, мониторинг здоровья, получение доступа к информации о здоровье своих близких (детей и родителей), оценки и отзывы, безграничный маркетинг, легкий прием платежей [5].

Одним из важных цифровых инструментов в сфере здравоохранения можно назвать электронную очередь и запись к врачу посредством Интернета. Во многих поликлиниках последняя функция отсутствует. На сайте учреждения есть графа о записи онлайн, но зачастую она является нефункциональной. Данный инструмент также может значительно сократить нахождение пациента в поликлинике, избежать потраченных часов на то, чтобы дозвониться в поликлинику и записаться к врачу.

Учитывая все преимущества электронной медицинской карты, можно больше не стоять в огромных очередях, получать все необходимые данные о своем здоровье «на телефон», не переживать об утере анализов или выписок, уменьшить риск заражения при контакте с большим количеством пациентов и врачей, распечатать необходимые бумаги/справки в любой момент, сделать электронную выписку.

Электронная медицинская карта решает следующие проблемы:

- нивелирует большие очереди в учреждениях здравоохранения;
- обеспечивает получение персональных данных в любое удобное время и в любом месте;
- снижает риски заболевания;
- уменьшает риски потери документов.

Переход к полному электронному ведению медицинских карт позволит врачам аккумулировать всю информацию о здоровье пациента в единой

цифровой среде, поможет обеспечить преемственность всех этапов лечения, то есть станет проще осуществлять взаимодействие между врачами различных направлений и медучреждений. А это, в свою очередь, поможет медикам в принятии взвешенных клинических решений при диагностике и назначении терапии.

Хранение сведений в электронном виде позволит улучшить сервис в клиниках, больницах, поликлиниках и др. В Республике Беларусь будет развиваться система медицинского страхования, что приведет к комфорту и современным технологиям и тем самым привлечет клиента (пациента).

С повышением спроса на цифровизацию систем здравоохранения и развитием технологий мы сможем наблюдать развитие рынка цифровой медицины.

Список использованных источников

1. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение Ч-80 [Текст]: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Г. И. Абдрахманова [и др.]; науч. ред. Л. М. Гохберг; Нап. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2019. – 82 с.

2. Почти две трети врачей США считают, что электронная медкарта отрицательно сказывается на результате их деятельности [Электронный ресурс] / Медвестник. – Режим доступа: <https://medvestnik.ru/content/news/Pochti-dve-treti-vrachei-SShA-schitautchto-elektronnaya-medkarta-otricatelno-skazyvaetsya-na-rezultate-ih-deyatelnosti.html>. – Дата доступа 29.09.2021.

3. В США ИИ научили анализировать и сортировать электронные медицинские карты [Электронный ресурс] / Финансы. Бизнес. Маркетинг. – Режим доступа: <https://fbm.ru/novosti/science/ii-v-ssha-nauchili-analizirovat-isortirovat-medicinskie-karty.html>. – Дата доступа: 29.09.2021.

4. Цифровая медицина как способ сократить бумажную работу в сфере здравоохранения [Электронный ресурс] / M-Health Congress. – Режим доступа: <https://mhealthcongress.ru/ru/article/tsifrovaya-meditsina-kak-sposob-sokratit-bumagnuyu-rabotu-v-sfere-zdravoohraneniya-96477>. – Дата доступа: 20.09.2021.

5. PRM-система для развития вашей клиники [Электронный ресурс] / ONDOC. – Режим доступа: <https://ondoc.app>. – Дата доступа: 20.09.2021.

(Дата подачи: 24.02.2022 г.)

А. Н. Леонович
Военная академия Республики Беларусь, Минск

Н. С. Тихонович
Белорусский государственный университет, Минск

A. N. Leonovich
Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk

N. S. Tsikhanovich
Belarusian State University, Minsk

УДК 338.245

ЭКОНОМИКА ОРГАНОВ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ECONOMICS OF BORDER SERVICE AGENCIES REPUBLIC OF BELARUS

В статье рассмотрено экономическое обеспечение органов пограничной службы Республики Беларусь, определена сущность экономики органов пограничной службы, выделены ее основные задачи и охарактеризованы основные сектора деятельности: потребляющий, производственный и обеспечивающий. Особое место в статье уделено материально-техническому и финансовому обеспечению органов пограничной службы, которое осуществляется за счет средств республиканского бюджета и иных источников, не запрещенных законодательством Республики Беларусь. Основу финансового обеспечения органов пограничной службы составляют ассигнования из республиканского бюджета, которые распределяются по функциональному, ведомственному, программно-целевому и экономическому признакам.

Ключевые слова: пограничная безопасность; национальная экономика; экономика органов пограничной службы; материально-техническое обеспечение; республиканский бюджет; финансовое обеспечение.

The article considers the economic support of the border guard service of the Republic of Belarus, defines the essence of the economy of the border guard service, highlights its main tasks and describes the main sectors of activity: consuming, manufacturing and providing. A special place in the article is given to the material, technical and financial support of the border service bodies, which is carried out at the expense of the republican budget and other sources not prohibited by the legislation of the Republic of Belarus. The basis of the financial support of the border service bodies is made up of allocations from the republican budget, which are distributed according to functional, departmental, program-target and economic characteristics.

Keywords: border security; national economy; economy of border service bodies; logistical support; republican budget; financial support.

Согласно Концепции обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь на 2018–2022 гг., утвержденной указом Президента Республики

ки Беларусь 16 октября 2018 г. № 410, пограничная безопасность – составная часть национальной безопасности, представляющая собой состояние защищенности национальных интересов от внешних и внутренних угроз в пограничном пространстве.

Решающую роль в обеспечении пограничной безопасности играют система государственных органов, наделенных полномочиями в области государственной пограничной политики, и в целом национальная экономика Республики Беларусь. Экономика оказывает многостороннее влияние на развитие системы обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь, а также на формы и способы оперативно-служебной деятельности органов пограничной службы. В силу этого в системе знаний возникла и развивается специальная отрасль, получившая название «экономика органов пограничной службы».

Экономика органов пограничной службы может рассматриваться, во-первых, как отрасль знаний, наук, занимающаяся изучением вопросов экономического обеспечения оперативно-служебной и иной деятельности органов пограничной службы; во-вторых, как экономическая деятельность, в рамках которой осуществляется процесс удовлетворения экономических потребностей для обеспечения пограничной безопасности государства.

Экономика органов пограничной службы (как наука) – это наука о способах, формах и методах экономического обеспечения органов пограничной службы, о принципах, способах эффективного использования материальных, финансовых, трудовых ресурсов для нейтрализации угроз пограничной безопасности.

Экономику органов пограничной службы (как часть национальной экономики) можно определить как составную часть национальной экономики, обеспечивающую непрерывное и эффективное функционирование органов пограничной службы для обеспечения пограничной и национальной безопасности.

Функциональное предназначение экономики органов пограничной службы заключается в производстве товаров и услуг военного (в т. ч. пограничного) и гражданского назначения и материально-техническом обеспечении функционирования органов пограничной службы.

Как специфическая часть национальной экономики экономика органов пограничной службы решает задачи:

- определения потребностей органов пограничной службы и нахождения возможных источников их удовлетворения;
- размещения заказов на производство продукции военного (в т. ч. пограничного) и гражданского назначения;
- обеспечения органов пограничной службы конечной военной (в т. ч. пограничной) продукцией;

- организации оптимального потребления различных видов ресурсов, соизмеримого с возможностями национальной экономики.

Экономика органов пограничной службы является частью государственной системы экономического обеспечения национальной безопасности страны, относится непосредственно к охране государственной границы всевозможными силами и средствами, а также пропуску через нее физических лиц, транспортных средств и товаров, имеет собственный экономический механизм и материально-техническую базу.

По функциональным признакам в структуре экономики органов пограничной службы Республики Беларусь можно выделить три сектора: потребляющий, производственный и обеспечивающий. Все они имеют свое назначение, собственную функциональную подструктуру и в то же время находятся в тесной экономической взаимосвязи.

Потребляющий (непроизводственный) сектор занимает центральное место в функциональной структуре экономики органов пограничной службы, а производственный и обеспечивающий предназначены для обеспечения его деятельности. Приоритетное положение потребляющего сектора обусловлено тем, что в нем осуществляется непосредственно экономическое обеспечение органов пограничной службы и их оперативно-служебной деятельности.

Наиболее важными видами деятельности и, соответственно, направлениями экономического обеспечения в данном секторе являются:

- применение органов пограничной службы: оперативно-служебная деятельность, управление деятельностью территориальных органов пограничной службы, научная и учебная деятельность;
- эксплуатация, ремонт, модернизация, хранение вооружения и военной техники и имущества.

Производственный сектор экономики органов пограничной службы Республики Беларусь представлен группой материально-технического обеспечения и подсобными хозяйствами в подразделениях органов пограничной службы.

Государственное учреждение «Группа материально-технического обеспечения органов пограничной службы» является многопрофильной организацией, обеспечивающей материально-техническое снабжение единой системы органов пограничной службы страны. В том числе выполняются: ремонт автомобильной техники в соответствии с требованиями Государственного стандарта Республики Беларусь; ремонт и техническое обслуживание оружия и оптики, технических средств охраны границы, средств инженерного вооружения и другого оборудования; снабжение в рамках своей компетенции органов пограничной службы вооружением, техникой, различными видами материальных средств и довольствия, участие в выполнении государственного оборонного заказа; подготовка и переподготов-

ка специалистов и водителей; изготовление нестандартного оборудования, мебели, столярных изделий, изделий из ПВХ, технологической оснастки, инструмента, запасных частей; выполнение работ по метрологическому обслуживанию и электрофизическим измерениям; производство спецодежды и готовых изделий [1, с. 253].

Одним из направлений экономической деятельности является ведение подсобных хозяйств в подразделениях органов пограничной службы. Работа подсобного хозяйства направлена на производство сельскохозяйственной продукции для планового обеспечения воинской части продовольствием, организации дополнительного питания, улучшения быта личного состава.

Подсобное хозяйство ведется по следующим видам деятельности: содержание и откорм домашних животных (крупного рогатого скота, свиней, овец, коз, кроликов и других животных) и домашней птицы; разведение рыбы; выращивание картофеля, овощей и зелени; пчеловодство; выращивание, сбор и переработка фруктов и ягод. Все работы, связанные с ведением подсобного хозяйства, выполняются в свободное от исполнения обязанностей военной службы и занятий (работы) время военнослужащими, лицами гражданского персонала, а также членами их семей.

Следует отметить, что полученная продукция подсобных хозяйств идет на плановое обеспечение продовольствием личного состава. В результате денежные средства, которые должны были идти на приобретение продовольствия в торговой сети, направляются, за вычетом расходов на ведение подсобного хозяйства (приобретение семян, молодняка, инструмента, кормов), на дополнительное финансирование оперативно-служебной деятельности (приобретение ГСМ, ремонт инженерной и автомобильной техники, текущий ремонт объектов тыла и инфраструктуры границы).

Обеспечивающий сектор предназначен для обеспечения материально-техническими, трудовыми и финансовыми ресурсами функционирования потребляющего и производственного секторов экономики органов пограничной службы и предусматривает материально-техническое обеспечение (МТО) оперативно-служебной деятельности, эксплуатацию, ремонт, модернизацию невоенной техники, имущества, эксплуатацию зданий и сооружений, хранение военной и невоенной техники, различных материальных средств, проведение научной работы, подготовку кадров.

Материально-техническое обеспечение территориальных органов пограничной службы является составной частью всестороннего обеспечения их оперативно-служебной деятельности. Виды МТО территориальных органов пограничной службы представлены на рис.

Помимо МТО в экономике органов пограничной службы можно выделить медицинское обеспечение, обеспечение связи, капитальное строительство, различные виды обеспечения полетов, инженерное обеспечение.

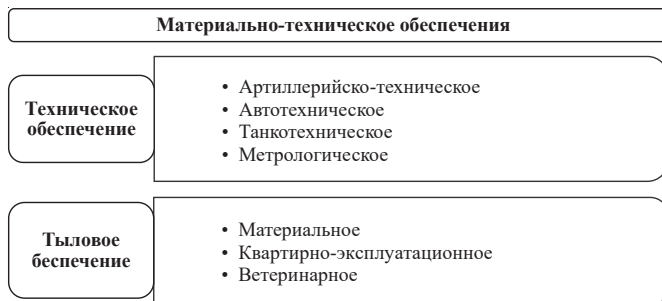


Рис. Материально-техническое обеспечение органов пограничной службы

Немаловажное значение в экономике органов пограничной службы играют трудовые ресурсы, которые состоят из двух категорий: военнослужащие и работники и государственные служащие.

Особое место в экономике органов пограничной службы занимают финансы органов пограничной службы – система экономических отношений, связанных с формированием и использованием фондов денежных средств, предназначенных для обеспечения пограничной безопасности и оперативно-служебной деятельности органов пограничной службы.

В соответствии со статьей 34 Закона об органах пограничной службы Республики Беларусь финансовое и материально-техническое обеспечение органов пограничной службы осуществляется за счет средств республиканского бюджета и иных источников, не запрещенных законодательством.

Расходы на органы пограничной службы и их оперативно-служебную деятельность из республиканского бюджета – это объемы официально признаваемых расходов на обеспечение пограничной безопасности, произведенных государством в течение бюджетного года, т. е. представляют собой часть расходов республиканского бюджета, выделенную в законодательном порядке на нужды органов пограничных войск в конкретном финансовом году.

Данные расходы являются главным инструментом обеспечения пограничной безопасности и воздействия государства на охрану государственной границы Республики Беларусь, выступают финансовым источником для выполнения функций по защите государственной границы, обеспечивают развитие и совершенствование материально-технической базы органов пограничной службы, их боевую и мобилизационную готовность, а также решение задач социальной защиты военнослужащих и членов их семей, гражданского персонала органов пограничной службы.

В Республике Беларусь принята функциональная, ведомственная, программно-целевая и экономическая классификация расходов республиканского бюджета.

Функциональная классификация включает расходы, отражающие направление средств бюджета на выполнение функций государства. Она имеет два уровня:

- разделы, определяющие расходование средств бюджета на выполнение функций государства;
- подразделы, конкретизирующие направление средств бюджета на выполнение функций государства в пределах разделов.

В таблице 1 показаны расходы по разделам функциональной классификации в республиканском бюджете Республики Беларусь.

Таблица 1

Расходы республиканского бюджета по функциональной классификации на 2022 г. (рублей)*

Разделы	Расходы
Всего расходов республиканского бюджета	30 672 181 344
Общегосударственная деятельность	15 506 731 277,0
Национальная оборона	1 811 772 671,0
Расходы на судебную власть, правоохранительную деятельность и обеспечение безопасности	3 144 202 377,0
Национальная экономика	3 793 173 139,0
Охрана окружающей среды	117 765 501,0
Жилищно-коммунальные услуги и жилищное строительство	96 315 299,0
Здравоохранение	1 876 945 830,0
Физическая культура, спорт, культура и средства массовой информации	549 021 182,0
Образование	1 462 731 627,0
Социальная политика	2 313 522 441,0

*Источник: Закон Республики Беларусь от 31 декабря 2021 г. № 142-3 «О республиканском бюджете на 2022 год».

Подраздел расходов на пограничную службу включен в состав раздела «Расходы на судебную власть, правоохранительную деятельность и обеспечение безопасности» (таблица 2).

Таблица 2

Расходы на судебную власть, правоохранительную деятельность и обеспечение безопасности в республиканском бюджете Республики Беларусь на 2021–2022 гг. (рублей)*

Раздел и его подразделы	Расходы	
	2021	2022
Расходы на судебную власть, правоохранительную деятельность и обеспечение безопасности	2 772 721 237,0	3 144 202 377,0
Органы внутренних дел	1 025 360 760,0	1 153 355 081,0
Органы прокуратуры	94 769 508,0	110 989 278,0

Раздел и его подразделы	Расходы	
	2021	2022
Органы пограничной службы	266 272 758,0	301 049 204,0
Органы и организации уголовно-исполнительной системы	246 465 367,0	273 669 772,0
Органы государственной безопасности	216 483 101,0	241 067 849,0
Органы судебной власти	160 198 724,0	178 522 438,0
Таможенные органы	151 337 221,0	173 242 988,0
Органы и подразделения по чрезвычайным ситуациям	292 722 332,0	346 954 243,0
Предупреждение и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций	2 311 491,0	2 551 905,0
Прикладные исследования в области правоохранительной деятельности и обеспечения безопасности	2 047 295,0	2 248 207,0
Другие вопросы в области правоохранительной деятельности и обеспечения безопасности	314 752 680,0	360 551 412,0
Всего расходов республиканского бюджета	27 350 513 330	30 672 181 344

*Источники: Закон Республики Беларусь от 31 декабря 2021 г. № 142-3 «О республиканском бюджете на 2022 год», Закон Республики Беларусь от 29 декабря 2020 г. № 73-3 «О республиканском бюджете на 2021 год».

Ведомственная классификация расходов отражает распределение бюджетных назначений по распорядителям средств. С помощью этой группировки в структуре расходов бюджета можно выделить расходы Государственному пограничному комитету Республики Беларусь.

При утверждении расходов республиканского бюджета законом Республики Беларусь на соответствующий финансовый (бюджетный) год они предусматриваются по главам ведомственной классификации расходов в разрезе функциональной классификации расходов по разделам, подразделам и видам.

Средства, выделяемые Государственному пограничному комитету Республики Беларусь по ведомственной классификации, представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Средства, выделяемые Государственному пограничному комитету
Республики Беларусь по ведомственной классификации,
в республиканском бюджете Республики Беларусь на 2021–2022 гг. (рублей)***

Раздел и его подразделы	Расходы	
	2021	2022
Государственный пограничный комитет	298 301 965,0	336 060 104,0
Общегосударственная деятельность	7 473 444,0	7 356 314,0
Национальная оборона	441 139,0	470 425,0

Раздел и его подразделы	Расходы	
	2021	2022
Судебная власть, правоохранительная деятельность и обеспечение безопасности	267 092 197,0	301 961 751,0
Здравоохранение	5 239 215,0	5 915 966,0
Образование	18 055 970,0	20 355 648,0

*Источники: Закон Республики Беларусь от 31 декабря 2021 г. № 142-З «О республиканском бюджете на 2022 год», Закон Республики Беларусь от 29 декабря 2020 г. № 73-З «О республиканском бюджете на 2021 год».

Государственными прогнозными документами Республики Беларусь определены основные направления создания эффективной системы управления государственными финансами. Одним из этих направлений является переход к программно-целевому методу бюджетного планирования, обеспечивающему прямую взаимосвязь выделяемых бюджетных ресурсов с достижением конкретных результатов деятельности государственных органов и бюджетных организаций. Суть этого перехода состоит в замене планирования средств по видам расходов на планирование социально-экономического результата деятельности получателей средств.

Государственному пограничному комитету Республики Беларусь в 2022 г. выделяются средства в рамках нескольких программ.

Так, в рамках Государственной программы «Социальная защита» на 2021–2025 гг., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 декабря 2020 г. № 748, подпрограмма «Обеспечение функционирования системы здравоохранения Республики Беларусь», Государственному пограничному комитету выделено 5 915 966,0 руб. В рамках Государственной программы «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 гг., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 января 2021 г. № 57, подпрограмма «Высшее образование», Государственному пограничному комитету выделено 20 355 648,0 руб. Для реализации Государственной программы «Пограничная безопасность» на 2021–2025 гг., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 декабря 2020 г. № 688-дсп, Государственному пограничному комитету выделено 15 803 000,0 руб. На специальную программу, утвержденную Указом Президента Республики Беларусь от 28 января 2021 г. № 33, Государственному пограничному комитету выделено 1 953 000,0 руб.

Государственному пограничному комитету из республиканского бюджета выделяются средства на научную, научно-техническую и инновационную деятельность в части реализации инновационных проектов, организации деятельности и развития материально-технической базы субъектов

инновационной инфраструктуры по функциональной классификации расходов бюджета по разделам, подразделам и видам расходов, направлениям использования и распорядителям бюджетных средств.

В 2021 г. Государственному пограничному комитету на прикладные исследования в области правоохранительной деятельности и обеспечения безопасности по государственным и научно-техническим программам было запланировано 555 964,0 руб., а в 2022 г. – 627 000,0 руб.

Строительство (реконструкция) объектов пограничной инфраструктуры осуществляется в рамках реализации мероприятий Государственной инвестиционной программы.

Государственному пограничному комитету также выделяются деньги в рамках Государственной программы «Энергосбережение».

В финансировании органов пограничной службы, кроме республиканского бюджета, можно выделить следующие виды источников:

- бюджет Союзного государства;
- международная техническая помощь;
- средства от приносящей доходы деятельности воинских частей;
- средства от сдачи воинскими частями вторресурсов и драгоценных металлов;
- средства за пользование арендным жильем;
- средства из фондов страховых организаций;
- безвозмездная (спонсорская) помощь.

Один из важных источников средств для Государственного пограничного комитета – финансирование из бюджета Союзного государства. Оно осуществляется в рамках пятилетних программ Союзного государства через органы государственного казначейства и в порядке, определенном правовыми актами Союзного государства. За счет бюджета Союзного государства Государственным пограничным комитетом осуществляется развитие пограничной инфраструктуры и укомплектование подразделений границы различной автомобильной, инженерной, авиационной и специальной техникой, средствами связи и контроля.

Ранее в рамках международной технической помощи из бюджета Европейского союза выделялись деньги на совместные программы.

Помимо вышеперечисленных средств, выделяемых органам пограничной службы, дополнительным источником финансирования выступают внебюджетные средства. К внебюджетным средствам, согласно приказу Председателя Государственного пограничного комитета Республики Беларусь от 12.08.2021 № 356, в редакции 01.11.2021 № 484, относятся средства от деятельности подсобного хозяйства воинской части; оказания платных услуг творческими коллективами; оказания платных услуг здравоохранения; оказания платных образовательных услуг; оказания платных кинологических услуг; оказания платных транспортных услуг; сдачи в аренду движимого

имущества, находящегося в государственной собственности; сдачи в аренду недвижимого имущества, находящегося в республиканской собственности; оказания прочих платных услуг (работ); оказания платных услуг по техническому обслуживанию и ремонту техники, вооружения и имущества и проценты за пользование банком внебюджетными средствами. Также могут поступать денежные средства от сдачи вторичных материальных ресурсов и драгоценных металлов. Вместе с тем необходимо отметить, что бюджетное финансирование является самым весомым источником финансирования органов пограничной службы

Из вышесказанного мы видим, что экономика имеет важное значение для обеспечения пограничной безопасности. Решающую роль играет государство с его национальной экономикой. Экономика органов пограничной службы удовлетворяет потребности органов пограничной службы через потребляющий, производственный и обеспечивающий сектора. Главным инструментом обеспечения пограничной безопасности являются расходы республиканского бюджета на органы пограничной службы.

Список использованных источников

1. Суворов, А. М. На переднем рубеже. Пограничная служба Беларуси: научно-популярное издание / А. М. Суворов; под общ. ред. А. П. Лаппо. – Минск: ООО «Полиграфика», 2018. – 335 с.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

И. В. Мальгина

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

I. V. Malgina

Academy of Public Administration under the President
of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 338.22.021.1

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

STATE SUPPORT FOR YOUTH ENTREPRENEURSHIP IN THE CONTEXT OF ENSURING ECONOMIC SECURITY

В статье рассматриваются основные положения государственной поддержки молодежного предпринимательства в контексте обеспечения экономической безопасности и связанных с ней процессов создания рабочих мест молодежным предпринимательством, анализируется роль молодежного малого и среднего предпринимательства в обе-

спечении экономической безопасности. Особое внимание уделяется аспекту государственной поддержки молодежного предпринимательства, ее пониманию в зарубежных странах.

Ключевые слова: молодежное малое и среднее предпринимательство; экономический рост; предпринимательская экономика; молодежные рабочие места.

The article discusses the main provisions of state support for youth entrepreneurship in the context of ensuring economic security and related processes of creating jobs by youth entrepreneurship, analyzes the role of youth small and medium-sized businesses in ensuring economic security. Particular attention is paid to the aspect of state support for youth entrepreneurship, its understanding in foreign countries.

Keywords: youth small and medium entrepreneurship; the economic growth; entrepreneurial economics; youth jobs.

Предпринимательство является ключевым движущим инструментом для большинства экономик. Это способствует эффективному экономическому росту и развитию для повышения устойчивости. По данным Международной организации труда, в последние годы мир сталкивается с обострением кризиса безработицы среди молодежи. В развивающихся странах и странах с переходной экономикой насчитывается более 223 миллиона безработных или частично занятых молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет [1].

В то же время молодежное предпринимательство является одним из приоритетов государственной экономической политики во всех странах мира. Именно оно порождает новую генерацию предпринимателей, способных развивать страны согласно новым технологиям и идеям. Молодежное предпринимательство является важнейшим элементом в развитии устойчивой экономики знаний благодаря творчеству и инновации молодежи. Как отмечают российские ученые, молодежь является важнейшей составляющей экономической и социальной системы общества. Инновационный потенциал малого и среднего предпринимательства зависит от вовлеченности молодежи в предпринимательскую деятельность [2].

Молодежное предпринимательство имеет несколько основных проблем. Многие молодые предприниматели сталкиваются с возрастной дискриминацией со стороны поставщиков, клиентов и учреждений, отсутствием поддержки и веры со стороны семьи или друзей, ограниченными источниками обучения предпринимательским навыкам и неблагоприятной нормативно-правовой средой. Также большой процент молодежной безработицы во многих странах говорит о необходимости активизации мер государственной экономической политики по вовлечению данной целевой группы в предпринимательство как для генерации новых идей для страны, так и для снижения уровня безработицы и создания новых рабочих мест в сфере классического предпринимательства.

В нашей стране принят ряд документов, которые показывают заинтересованность государства в развитии молодежного предпринимательства.

Так, Государственной программой «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 годы отмечается, что «особое внимание будет уделено решению учащимися, студентами и преподавателями вопросов инновационной и изобретательской деятельности, развитию у них компетенций и навыков, необходимых для ведения предпринимательской деятельности, реализации стартапов в бизнес-инкубаторах, командного выполнения высокотехнологичных проектов [3].

Стратегией развития малого и среднего предпринимательства «Беларусь – страна успешного предпринимательства» на период до 2030 года предусматривается ряд мер, таких как изучение в учреждениях общего среднего образования основ финансовой грамотности, теоретических и практических основ осуществления предпринимательской деятельности и самозанятости; популяризация предпринимательской деятельности в молодежной среде посредством создания школьных бизнес-компаний; изучение вопросов осуществления предпринимательской деятельности в рамках реализации образовательных программ высшего образования I и II ступеней; проведение в учреждениях высшего образования мероприятий, направленных на развитие у студентов навыков предприимчивости и стимулирование к занятию предпринимательской деятельностью; организация для студентов семинаров, конференций, круглых столов по вопросам развития предпринимательства с участием представителей республиканских органов государственного управления, местных исполнительных и распорядительных органов, субъектов предпринимательства в целях изучения проблем развития предпринимательства и др. [4].

Государственная программ «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь» на 2021–2025 годы не уделяет должного внимания молодежному предпринимательству, отмечая только развитие стартапов, что, по всей видимости, подразумевает молодежное предпринимательство в данной интерпретации [5].

В то же время основной страновой документ по экономической безопасности отмечает, что необходимо, наряду с другими мерами, создание условий для развития изобретательства и технического творчества молодежи, развитие и государственная поддержка стартап-движения, включая оказание информационной и финансовой поддержки организациям, осуществляющим подготовку и проведение мероприятий по вовлечению молодежи в занятия инновационной и предпринимательской деятельностью [6].

Актуальность модернизации государственной экономической политики в отношении молодежного предпринимательства обусловлена таким факторами, как, например, «низкая заинтересованность молодых людей в предпринимательской деятельности, социальном предпринимательстве, отсутствие у них необходимых знаний и компетенций» [3]. Все это свидетельствует о необходимости скорейшей модернизации государственной

экономической политики в данном направлении в контексте экономической безопасности государства.

Анализ зарубежного опыта показывает, что государственная поддержка молодежного предпринимательства является одним из важнейших приоритетов многих стран.

Как правило, передовая практика поддержки молодежного предпринимательства включает несколько стратегий, структур и методов поддержки молодежного предпринимательства, сгруппированных по следующим трем параметрам [7–11]:

- *создание возможностей* – создание точек роста, способствующих молодежному предпринимательству. Чем выше признание и оценка предпринимательства в местном сообществе и чем глубже предпринимательское поведение укоренено в обществе, тем больше общественная поддержка создания необходимых рамочных условий, таких как наличие финансовых, человеческих и физических ресурсов и информации, способствующей распознавать возможности и превращать их в деловые предприятия;

- *обучение предпринимательству* – создание мотивации, отношений и компетенций для предпринимательства. Помощь в создании новых фирм является ключевой целью обучения предпринимательству, но не единственной. Создание предпринимательского мышления, которое стимулирует инновации в существующие фирмы, не менее важно;

- *поддержка стартапов* – предоставление помощи в открытии бизнеса без отказа от принципа «сделай сам». Необходимо сделать системы поддержки молодежного предпринимательства доступными и привлекательными для молодых будущих предпринимателей, а также исправить рыночный системный сбой в части финансирования и предоставления помещений.

Так, Стратегия развития малого и среднего предпринимательства до 2030 года Российской Федерации предполагает целый комплекс мер по поддержке молодежного предпринимательства [7]. Так, Государственная программа «Экономическое развитие и инновационная экономика», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 316, претерпела изменения Постановлением Правительства Российской Федерации от 8 июня 2016 года № 510. Подписанным постановлением программа была дополнена мерами по содействию развитию молодежного предпринимательства. В подпрограмму «Развитие малого и среднего предпринимательства» добавлено основное мероприятие «Содействие развитию молодежного предпринимательства». Были установлены новые показатели: «Количество субъектов малого и среднего предпринимательства, созданных физическими лицами в возрасте до 30 лет (включительно)», «Количество физических лиц в возрасте до 30 лет (включительно), завершивших обучение по образовательным программам, направленным на приобретение навыков ведения бизнеса и создание малых и средних пред-

приятый» и др. Также было предусмотрено предоставление субсидий из федерального бюджета субъектам Российской Федерации на софинансирование региональных расходов по содействию развитию молодежного предпринимательства. Государственная программа «Экономическое развитие и инновационная экономика» была дополнена правилами предоставления таких субсидий.

В то же время в Нигерии Программа поддержки молодежного предпринимательства, осуществляемая Банком промышленности Нигерии, направлена на вооружение молодых людей необходимыми навыками и знаниями, чтобы они могли работать не по найму, открывая и управляя собственным бизнесом [11]. Программа преследует следующие общие цели:

- создать интерактивную учебную платформу для обучения молодых начинающих предпринимателей предпринимательству, управлению бизнесом и техническим навыкам, которые в конечном итоге приведут к повышению эффективности и производительности;
- воспитывать предпринимательский дух молодежи;
- выступать в качестве инкубационного центра, где бизнес-идеи раскрываются в полной мере, а также внедряются лучшие мировые практики путем привития культуры инновационного предпринимательства и этики участникам программы;
- поощрять самозанятость среди выпускников вузов, тем самым изменяя их отношение к поиску работы;
- углублять финансовую доступность, снизив риски для молодых начинающих предпринимателей и предоставив им право на получение кредитов для малого бизнеса.

В данной программе могут принимать участие:

- молодые нигерийские начинающие предприниматели в возрасте от 18 до 35 лет с минимальным образовательным квалификационным уровнем, которые прошли обучение в рамках Программы наращивания предпринимательского потенциала Банка;
- члены Национального корпуса молодежной службы, прошедшие Программу приобретения навыков и развития предпринимательства.

При этом конкретными областями охвата являются 35 кластеров МСП.

Программа состоит из следующих компонентов:

- восемь недель обширного онлайн-тренинга по предпринимательству и управлению бизнесом, который позволяет проверять понимание участников и отслеживать их прогресс;
- пять дней занятий в классе по предпринимательству и управлению бизнесом, охватывающих следующие пять модулей: разработка бизнес-идеи (ценностное предложение и анализ конкуренции); разработка бизнес-модели (как бизнес будет зарабатывать деньги); обучение продажам

и маркетингу; обучение ведению успешного бизнеса (этика, соблюдение нормативных требований, операции и т. д.); разработка финансового плана;

- обучение техническим навыкам в партнерстве с различными техническими учебными и профессиональными институтами в стране.

Целесообразно коренным образом изменить молодежную предпринимательскую культуру, чтобы способствовать экономическому росту за счет увеличения числа молодых людей, открывающих собственный бизнес, и поиска дополнительных возможностей для бизнеса.

В рамках региональной политики целесообразно разработать конкретные программы поддержки молодежного предпринимательства, включающие несколько контекстных сценариев для понимания надлежащей расстановки приоритетов и адаптации поддержки молодежного предпринимательства к каждому конкретному региону.

Первое – контексты факторов, эффективности и инноваций: эта классификация основана на подходе, принятом Глобальным мониторингом предпринимательства, который сочетает в себе показатель уровня дохода с показателем структуры экономики. В экономике, основанной на факторах, преобладают натуральное сельское хозяйство и добывающие предприятия, которые в значительной степени зависят от рабочей силы и природных ресурсов. Экономика, ориентированная на эффективность, характеризуется индустриализацией и все большей зависимостью от эффекта масштаба, при этом капиталоемкие крупные организации завоевывают господствующее положение. Экономика, ориентированная на инновации, характеризуется более наукоемким бизнесом и расширяющимся спектром сектора услуг.

Второе – городской и сельский контекст. При этом городской и сельский контекст определяется по уровню урбанизации в стране по отношению к сельскому населению. Это разница между общей численностью населения и городским населением, рассчитанная с использованием доли городского населения.

Для каждого из этих контекстных сценариев необходимо проанализировать, в какой степени детерминанты предпринимательства представляют либо возможность, либо ограничение в данном конкретном контексте. После этого разрабатываются рекомендации по типам инициатив по поддержке молодежного предпринимательства, которые, вероятно, окажут наибольшее влияние на его развитие.

Что касается детерминант предпринимательства, необходимо различать движущие силы предпринимательства и факторы, способствующие предпринимательству. Рыночные возможности, наличие альтернативных источников средств к существованию целесообразно определять как движущие силы предпринимательства, т. е. занятость и уровень культурной поддержки предпринимательства. Они определяют общие стимулы для предпринимательства в конкретном контексте. Что касается факторов, способствующих

предпринимательству, то можно выделить такие элементы, как инфраструктура, здравоохранение, образование, защита инвесторов, доступ к финансированию, налоги и государственное регулирование, профессиональная и коммерческая инфраструктуры, макроэкономическая среда, а также государственные программы поддержки предпринимательства и обучение предпринимательству на начальном, среднем и высшем уровнях образования как основные требования, которые должны содействовать малому и среднему предпринимательству. Целесообразно определять трансфер технологий и сложность бизнеса как стимуляторы инноваций, необходимые для повышения уровня инноваций и сложности среди предпринимателей. Инновационные стимуляторы с большей вероятностью станут по-настоящему обязательными ограничениями после того, как базовые стимуляторы и стимуляторы эффективности будут выполнены в необходимом объеме.

Список использованных источников

1. *Rosas, N. Starting points matter: Cash plus training effects on youth entrepreneurship, skills, and resilience during an epidemic / N. Rosas, M. C. Acevedo, S. Zaldivar // World Development. – 2022. – Т. 149. – Р. 105698.*
2. Институционализация молодежного предпринимательства в России / О. Ю. Гончарова [и др.] // Гос. и муниципал. упр. Ученые записки. – 2020. – № 2. – С. 124–129.
3. О Государственной программе «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 янв. 2021 г. № 57 // Национальный правовой Интернет-портал. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100057&p1=1>. – Дата доступа: 06.02.2022.
4. Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства «Беларусь – страна успешного предпринимательства» на период до 2030 года [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 17 окт. 2018 г., № 743 // Национальный правовой Интернет-портал. – Режим доступа: <http://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2018/october/30884/>. – Дата доступа: 06.02.2022.
5. О Государственной программе «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 янв. 2021 г. № 56 // Национальный правовой Интернет-портал. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/docs/op/C22100056_1612386000.pdf. – Дата доступа: 06.02.2022.
6. О приоритетных направлениях укрепления экономической безопасности государства [Электронный ресурс]: Директива Президента Респ. Беларусь 14 июня 2007 г., № 3 (в редакции Указа № 26 от 26 января 2016 г.; Указа № 428 от 30 ноября 2017 г.) // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/documents/direktiva-3-ot-14-ijunja-2007-g-1399>. – Дата доступа: 06.02.2022.
7. *Awogbenle, A. C. Youth unemployment: Entrepreneurship development programme as an intervention mechanism / A. C. Awogbenle, K. C. Iwuamadi // African journal of business management. – 2010. – Т. 4, № 6. – С. 831–835.*

8. *Greene, F. J.* Stimulating Youth Entrepreneurship / F. J. Greene // The Palgrave Handbook of Minority Entrepreneurship. – Palgrave Macmillan, Cham, 2021. – P. 159–178.

9. *Perng, S. Y.* Hackathons, entrepreneurial life and the making of smart cities / S. Y. Perng, R. Kitchin, D. Mac Donncha // Geoforum. – 2018. – Т. 97. – P. 189–197.

10. Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства до 2030 года [Электронный ресурс]: распоряжение правительства Рос. Федерации, 2 июня 2016 г. № 1083-р // Официальный Интернет-портал правительства Российской Федерации. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/23354>. – Дата доступа: 06.02.2022.

11. *Edeme, R. K.* Assessing the role of youth entrepreneurship and support programmes in building capacity in Nigeria / R. K. Edeme // Journal of Emerging Trends in Economics and Management Sciences. – 2019. – Т. 10, № 4. – С. 159–172.

(Дата подачи: 11.02.2022 г.)

И. Д. Матяс

Белорусский национальный технический университет, Минск

I. D. Matsias

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 658.336:316.628

НЕМАТЕРИАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ В УПРАВЛЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

INTANGIBLE MOTIVATION IN HUMAN RESOURCE MANAGEMENT: AN EMPIRICAL ANALYSIS

В статье рассмотрены роль и значение нематериальной мотивации в развитии компании. Для визуализации теории использованы кейсы белорусских компаний по мотивации, собранные автором из интервью с HR-менеджерами.

Ключевые слова: менеджмент; HR/human resources; управление персоналом; мотивация; вовлеченность; лояльность; сотрудничество; лидерство.

The article considers the role and importance of non-material motivation in the development of the company. To visualize the theory, we used cases of Belarusian companies on motivation, collected by the author from interviews with HR managers.

Keywords: management; HR/human resources; personnel management; motivation; engagement; loyalty; cooperation; leadership.

Постиндустриальный мир отличается высокой скоростью развития. Недаром все чаще этот мир называют миром VUCA, а условия для ведения бизнеса – турбулентными. VUCA-мир (volatility/нестабильность, uncertainty/неопределенность, complexity/сложность, ambiguity/неоднозначность) при-

шел на смену SPOD-миру (steady/устойчивый, predictable/предсказуемый, ordinary/простой, definite/определенный). И в новом мире востребованы иные компетенции сотрудников, иные управленческие стратегии предприятий.

В сфере управления персоналом аббревиатура VUCA имеет собственную трактовку: Values/ценности, Understanding/понимание, Confidence and Coaching/уверенность и поддержка. *Корпоративные ценности* призваны мотивировать сотрудников и способствовать инновационности и нестратегичности подходов организации к созданию продукта. *Понимание* определяется как внимание к поведению сотрудников, поддержание доброжелательной атмосферы, ориентация на реальность факторов мотивации и демотивации. *Уверенность* и *поддержка* основаны на профессиональных компетенциях руководителей и сотрудников, взвешенных решениях, адекватной оценке ситуации, практике лидерства и наставничества.

Еще в XX в. Л. Рон Хаббард, чья теория мотивации признана в новом менеджменте, выделил четыре уровня степеней мотивации: деньги, личные достижения (выгоды), личная убежденность, долг (рис. 1).

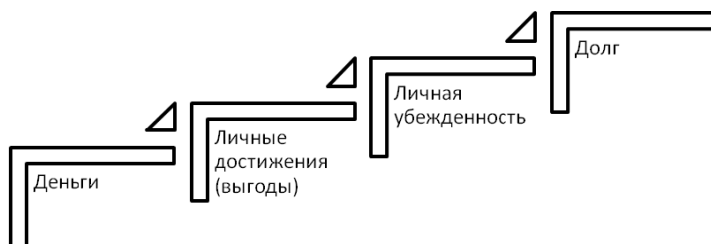


Рис. 1. Шкала побудительных мотивов Л. Рона Хаббарда

Деньги Хаббард относит к самому низкому уровню мотивации. Однако вряд ли есть люди, достигшие самого высокого уровня, но не сохранившие деньги в качестве одного из мотивов своей деятельности.

Мотивация *личными достижениями (личной выгодой)* основана на желании человеком ощущать собственную значимость, испытывать чувство самоуважения. Этот уровень не связан исключительно с карьерой, но и со спортивными достижениями, статусом в группе или сообществе, успешно завершённом проекте.

Уровень *личной убежденности* опирается на то, что человеку важно быть причастным к чему-то значимому для общества, для компании. Мотивация в этом случае еще меньше опирается на деньги и перспективы карьерного роста. Понимание причастности двигает человеком, верным своей убежденности и уверенным, что его цели и потребности совпадают с целями и потребностями команды или компании, в которой он работает.

Долг – наивысший уровень мотивации, который не включает теория Маслоу, считавший наивысшей движущей силой для человека личные достижения. Неподдельное чувство долга двигает человеком во множестве профессий: военного, врача, владельца бизнеса, священнослужителя, учителя. А история полна примерами, когда человек долга пренебрегает любыми сложностями, работает на пределе сил с упорством.

Ответ, что такое мотивация, можно найти, задав себе простой вопрос: что побуждает меня каждый день ходить на работу? Этот же вопрос можно задать и сотруднику, при условии, конечно, что он доверяет руководителю. Поскольку напрямую компании это делают редко (хотя инструмент обратной связи/feedback набирает популярность), на практике все чаще используются различные программы, нацеленные на мотивацию. Среди них: вовлечение персонала (Employee Involment/EI), группы для участия сотрудников в управлении (Employee Participation Groups/EPG), качество рабочей среды (Quality of Work Life/QWL), Total Rewards, система нематериальной мотивации персонала, в которой указываются все выгоды сотрудника и особенности корпоративной культуры. Для принятия решения по мотивации используют современные методики: Employee Net Promoter Score (eNPS) – метод оценки, который позволяет организациям измерить и мониторить лояльность сотрудников, Employee Retention Rate (ERR) – коэффициент удержания сотрудника. Все это позволяет получить реальную картину отношения сотрудников к работе и компании, хотя существует опасность использования методик без должного понимания их сущности. К тому же нет гарантий, что работодатели и работники видят одинаково лояльность или вовлеченность в работу.

Мотивация определяется как процесс побуждения человека к определенной деятельности с помощью внутриличностных и внешних факторов. В современном мире, в котором человек, человеческий капитал выступает ключевым ресурсом, акцент все больше смещается к внутриличностному. Самый сильный ресурс человека находится внутри него самого, внешние факторы больше не про мотивацию, а про побуждение, порой даже про поощрение к действию. Поэтому именно нематериальной мотивации сегодня уделяется столько внимания.

В 2018 г. международная рекрутинговая компания Naus провела в России исследование мотивации и удовлетворенности работой среди представителей российских и международных компаний, в котором приняли участие 3600 респондентов из различных индустрий (3114 работников и 486 работодателей). Результаты были сведены и опубликованы в «Naus Motivation & Job Satisfaction Report» [5].

В тройке мотиваторов-лидеров (рис. 2) возможность профессионального развития (63 %), личность руководителя (60 %), возможность выполнять разноплановые и интересные задачи (68 %). В тройке лидирующих демоти-

ваторов (рис. 3) некомпетентный и неэффективный управленческий состав компании (70 %), недружелюбная корпоративная культура (64 %), личность руководителя (56 %).



Рис. 2. Нематериальные факторы мотивации

Источник: «Hays Motivation & Job Satisfaction Report», 2018 [5]

НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ДЕМОТИВАЦИИ

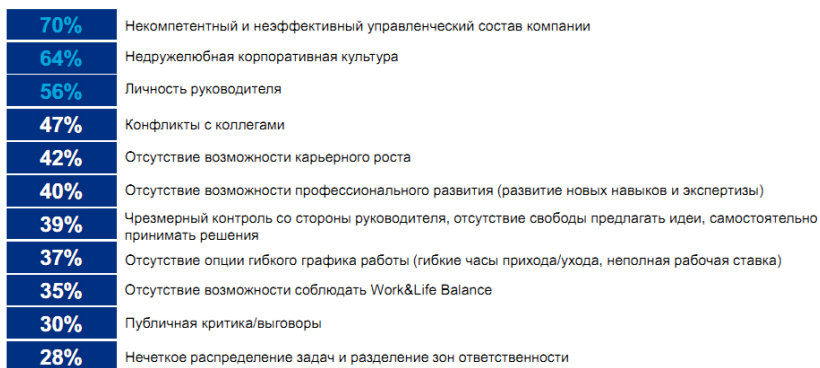


Рис. 3. Нематериальные факторы демотивации

Источник: «Hays Motivation & Job Satisfaction Report», 2018 [5].

Исследования подтверждают значение личностного роста и лидерства в качестве факторов как мотивации, так и демотивации (только со знаком «минус»).

В Беларуси масштабных исследований мотивации в последние годы не проводилось, однако примеры работы белорусских компаний с мотива-

цией согласуются с результатами исследования Haус. Рассмотрим несколько примеров из опыта нематериальной мотивации белорусских предприятий, работающих в разных индустриях.

Проект «Шеринг знаний» в «ЛИНЕВ АДАНИ».

К одной из самых продвинутых в использовании инструментов нематериальной мотивации можно отнести компанию «ЛИНЕВ АДАНИ» (УП «АДАНИ» до апреля 2021 г.), которая занимается созданием и внедрением наукоемких прорывных инноваций. Компания является одним из лидеров в сегменте мирового рынка рентгеновского оборудования: медицинского назначения, досмотрового оборудования для обеспечения безопасности, оборудования неразрушающего контроля и научных аналитических приборов. Центральный офис «ЛИНЕВ АДАНИ» располагается в СЭЗ «Минск». В США, Великобритании, России, Китае работают представительства компании. Компанию в 1991 г. основал и возглавляет все эти годы профессор, доктор технических наук В. Линев, ученый в области прикладной ядерной физики.

В минском офисе компании работает более 700 сотрудников, и к мотивации в компании подходят комплексно. Когда компания стала расти на 120–130 человек в год, стало понятно, что привлекать надо изначально замотивированных кандидатов.

В 2019 г. «АДАНИ» запустила два проекта: «Шеринг накопленных в АДАНИ знаний и навыков в социум» и «Промышленный туризм – экскурсия на АДАНИ» [8]. Основная цель проекта «Шеринг знаний» – формирование инновационной бизнес-среды и возрождение престижности работы на производственных предприятиях. Предприятия, демонстрирующие высокий уровень развития технологий, в Беларуси есть, среди них Regula, Izovac, Encata, Polimaster, Promwad. Но работа на заводе у новых поколений ассоциируется с устаревшим оборудованием, шумными цехами, грубыми мастерами и рабочими. «АДАНИ» запустила проект, чтобы нынешние школьники и студенты понимали, что современная экономика требует высочайших компетенций, начиная с уровня рабочего, инженера и до управленца. В качестве целевой аудитории, помимо школьников и студентов, рассматривали еще и представителей науки, бизнесменов и собственных сотрудников. Для сотрудников это должно было стать дополнительным фактором мотивации, если опираться на градацию Хаббарда, третьей степени.

Проект «Промышленный туризм – экскурсия на АДАНИ» ориентирован на профессионалов, которым важно увидеть, как работает высокотехнологичное производственное предприятие, «потрогать» руками и оценить процессы, механизмы, подходы, поговорить с теми, кто работает на этом предприятии и создает инновационный продукт. В этом проекте профессионал общается с профессионалом, происходит взаимобмен информацией и знаниями.

По словам HR-менеджера предприятия, поначалу особого отклика от руководителей подразделений не было, они побаивались доверять своим сотрудникам проведение экскурсии и делали это сами. Постепенно руководители стали привлекать подчиненных, а те вдохновлялись, демонстрируя работу своей команды в рамках подразделения. *«Когда наши сотрудники проводят экскурсию, у них самих появляется интерес – показать лучшее, вовлечь. Когда все знают: через неделю придет группа, тогда начинают думать, а что у нас не идеально, что можно подправить. Этот интерес и азарт охватили все предприятие – ведь, чтобы представить “АДАНИ” как одно из лучших предприятий, нужно действительно быть лучшими! Когда мы внедряли систему 5S, некоторые сотрудники сомневались: “Да что это даст?”, сопротивление вначале было. Но когда сотрудники начали рассказывать посетителям про 5S, про бережливое производство, про результаты внедрения, они сами глубже вникли в суть изменений»,* – отмечает HR-менеджер компании Светлана Сапельникова [8].

Материально вовлеченных в проекты сотрудников дополнительно не поощряют. *«Здесь работает другой стимул, – подчеркивает Светлана Сапельникова. – Люди понимают: “Если мне доверили проводить экскурсию для бизнесменов, представителей других предприятий, я чего-то стою, меня уважают”... Если у человека одна мотивация – деньги, это не про нас. На одних деньгах не сделаешь того прорыва, который делаем мы со своими продуктами, фактически создавая новый рынок»* [8].

Практика «ЛИНЕВ АДАНИ» подтверждает 12-й из 14-ти знаменитых пунктов Э. Деминга: «Дайте сотрудникам возможность гордиться своей работой». Э. Деминг в фокусе держал качество, но он приводил примеры, как реагировали рабочие, которые жаловались на то, что много времени тратят на исправление брака, на его провокационный вопрос: «Ну зачем жаловаться? Вам же за это пока что платят, не так ли?» Они объясняли, что не могут гордиться своей работой и это их расстраивает [1, с. 320].

Волонтерство в VRP Consulting.

VRP Consulting – международная компания, основанная в 1998 г. в Сан-Франциско. Занимается разработкой программного обеспечения на платформе Salesforce, консалтингом и решением вопросов системной интеграции; является крупнейшим сертифицированным партнером Salesforce в Восточной Европе. В 11 офисах компании, расположенных в США, Нидерландах, Великобритании, Польше, Беларуси и России, работает более 700 сотрудников.

В компании осознанно инвестируют в персонал и, чтобы инвестиции окупались, работают с мотивацией, продлевая тем самым жизненный цикл сотрудника. *«Удерживать персонал только зарплатой, когда приходит конкурент и предлагает ему стартовую зарплату вдвое, а то и втрое выше, достаточно сложно и не всегда имеет смысл. В определенный мо-*

мент материальная мотивация просто перестает работать. И если в это “переломное” время ничего не предпринять, завтра она может в лучшем случае привести к снижению качества работы или удорожанию стоимости для бизнеса, в худшем – к полной демотивации персонала. Поэтому все больше внимания мы уделяем нематериальной мотивации», – делится Павел Скурат, директор по персоналу компании VRP Consulting.

В компании сделали ставку на удовлетворение и развитие интересов сотрудников вне их основной деятельности. Организованы различные мероприятия, есть возможность принимать участие в благотворительных и волонтерских проектах, развиваются тематические клубы (спорт, арт, яхтинг, путешествия). Волонтерство, в которое в компании вовлечено более 30 % персонала, стало одним из самых работающих проектов нематериальной мотивации. По словам Павла Скурата, *«людям важно осознавать, что они делают что-то полезное, причем делают это вместе. Волонтерит у нас не только молодежь, но и более взрослые сотрудники, которые активно приближают к подобным мероприятиям и своих членов семьи. Так что социальные активности помогают наладить общение вне офиса, как по горизонтали, так и по вертикали. За пару лет мы убедились, что нематериальная мотивация действительно работает. Если в 2017 году зависимость мотивации от уровня заработной платы зашкаливала, то сейчас она имеет тенденцию к снижению за счет роста общей вовлеченности. За последний год средняя продолжительность работы сотрудника в компании VRP Consulting увеличилась до 2 лет 11 месяцев».*

Вовлеченность в бизнес собственников Profitero.

Менеджеры по персоналу, работающие в IT-индустрии, подчеркивают, что вовлеченность собственников в бизнес повышает лояльность сотрудников к компании и является одним из важных факторов нематериальной мотивации. Андрей Марач, HRD Profitero, психолог, приглашенный преподаватель программы MBA Института бизнеса БГУ и программы Executive HR бизнес-школы «Здесь и Сейчас», рассказал, что исследование индекса лояльности сотрудников (eNPS) в компании показало, что среди самых привлекательных моментов работы в Profitero люди назвали продукт, атмосферу в компании и стиль менеджмента. *«Свобода, внимание к людям, чувство причастности и ощущение себя соавтором того, что происходит с продуктом, – составляющие нашего EVP. Все наши сооснователи вовлечены в бизнес, они каждый день в работе. За счет этого высока скорость принятия решений», – подчеркивает Андрей Марач [6]. «Для всех IT-компаний, т. е. в индустриальном масштабе, очень высока и цена привлечения сотрудника, и цена его потери. Труд инженера – это творческий процесс. Для такого труда необходимо создавать соответствующую атмосферу и культуру. Например, специалисты отдела исследований и разработок могут полгода работать над одной проблемой, не будучи уверенными, что*

решение будет найдено. Есть риск и для компании, и для сотрудника. Сотрудник не может работать свободно, творчески, без страха, если компания не создала ему среду, безопасную для экспериментов и с правом на ошибку. Поэтому в IT и управленцы другие, чем в других отраслях. Здесь не поставишь жестких условий, как на заводе. Классический менеджмент здесь не обеспечит результат – к каждому инженеру надо присматриваться, находить свой подход» [6].

Этот кейс подтверждает поворот к новому менеджменту, построенному на сотрудничестве, о котором говорит и Э. Деминг, менеджменту, который строится на мотивации не ниже третьего уровня по Хаббарду. Такой подход к мотивации согласуется и с переходом от функционального подхода управления бизнесом к процессному. В компаниях, использующих функциональный подход, департаменты, отделы управляются на основе конкуренции. В процессном есть понимание сотрудничества, того, что каждый департамент или отдел – это или потребитель, или поставщик для других департаментов. В таких компаниях и руководители, и сотрудники задумываются над тем, как их действия и результаты влияют на действия и результаты других отделов, и условий для развития возникает намного больше.

Сотрудничество, партнерство – именно те ценности, на которые опирается нематериальная мотивация. Как отмечал Э. Деминг, *«со временем результатом сотрудничества станет большее число инноваций, развитие фундаментальной и прикладной науки и техники, расширение рынков, лучшее качество услуг, более высокое материальное вознаграждение для всех. Появится радость от работы, радость от обучения, а с каждым, кто получает радость от своей работы, тоже приятно работать. Все выиграют, проигравших не будет» [1, с. 203].* Это и есть новая философия менеджмента, важнейшие элементы которой – командная работа, партнерство и нематериальная мотивация, лидерство как культура.

В заключение на основании анализа теории и кейсов отметим, что мотивация персонала – одно из основных направлений управления человеческими ресурсами. Ученые Гарвардского университета еще 15 лет назад отметили, что разработку системы мотивации следует начинать с признания того, что люди, от которых мы ждем повышения производительности труда, должны находиться в среде, соответствующей их основному эмоциональному состоянию, в среде, в которой существует понятная связь между расходами и результатами труда, понимание, защита и поддержка со стороны менеджмента и коллег [3, с. 81].

Однако нельзя не согласиться с мнением, что серьезной преградой в построении системы нематериальной мотивации является персонификация этого процесса [4]. Эффективная система мотивации должна учитывать особенности и скрытые мотивы каждого из сотрудников. Именно поэтому стандартные инструменты и простое разделение мотивации на материаль-

ную и нематериальную сегодня не работают. Практики мотивации, призванные поддержать стратегию организации и помочь в достижении ее целей, вызывают много споров, и слепо копировать удачные мотивационные инструменты других компаний нельзя. Индустрия, профиль бизнеса, профиль сотрудника, рынок, время делают каждую компанию непохожей на других и требуют «сшитой на заказ» системы мотивации. Поэтому в белорусской практике пока больше примеров успешной работы с нематериальной мотивацией среди компаний с качественной материальной мотивацией и высокой инновационной составляющей.

Список использованных источников

1. Нив, Г. Организация как система. Принципы построения устойчивого бизнеса Эдварда Деминга: пер. с англ. / Г. Нив. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 370 с.
2. Деминг, Э. Выход из кризиса. Новая парадигма управления людьми, системами и процессами / Э. Деминг. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 418 с.
3. Nohria, N. Employee motivation: a powerful new model / N. Nohria, B. Groysberg, L.-E. Lee // Harvard Business Review: Special HBS Centennial Issue. – 2008. – № 86 (7/8, July–August). – P. 78–84.
4. Острик, В. Ю. Нематериальное стимулирование в системе эффективного управления персоналом организации / В. Ю. Острик // Human Progress. – 2019. – Т. 5, вып. 7. – Режим доступа: http://progress-human.com/images/2019/Tom5_7/Ostrik.pdf, свободный. DOI 10.34709/IM.157.9
5. HR-portal.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hr-portal.ru/article/issledovanie-43-professionalov-schitayut-lichnost-rukovoditelya-svoey-glavnoy-nematerialnoy>.
6. Человек к себе в команду ищет человека, а не робота с набором компетенций // Officelife.media [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://officelife.media/article/people/13757-andrew-marc-hrd-profitero-person-to-your-team-is-looking-for-a-person-not-a-robot-with-a-set-of-comp>. – Дата доступа: 29.08.2021.
7. Почему в крупнейшей букмекерской сети ставки принимают только девушки? // Officelife.media [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://officelife.media/article/people/10804-why-the-largest-betting-company-bet-only-accept-girls/?sphrase_id=2044161. – Дата доступа: 29.08.2021.
8. Про огонек в глазах и подрывные инновации // Officelife.media [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://officelife.media/article/people/15383-svetlana-sapelnikova-adani-in-the-year-we-grow-to-120-130-people-/>. – Дата доступа: 30.08.2021.
9. Adani.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.adani.by/company/about+us/>. – Дата доступа: 27.08.2021.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

М. Н. Морозова

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

M. N. Marozava

Academy of Management under the President
of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 33.502.338

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ СИСТЕМЫ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ

INNOVATIVE APPROACHES TO THE DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF CONSUMER COOPERATION

В статье рассмотрен генезис подходов к трактовке сущности кооперации, ее принципы и ключевые аспекты. Раскрыты концептуальные основы развития системы потребительской кооперации в Республике Беларусь. В исследовании обоснована необходимость формирования инновационного базиса для развития системы потребительской кооперации, внедрения прогрессивных бизнес-моделей и конкурентного сотрудничества, развития цифровизации.

Ключевые слова: кооперация; система потребительской кооперации; инновации; инновационное развитие.

The article considers the genesis of approaches to the interpretation of the essence of cooperation, its principles and key aspects. The conceptual foundations for the development of the consumer cooperation system in the Republic of Belarus are revealed. The study substantiates the necessity to form an innovative basis for the development of a system of consumer cooperation, the introduction of progressive business models and competitive cooperation, and the development of digitalization.

Keywords: cooperation; consumer cooperation system; innovations; innovative development.

На современном этапе экономического развития потребительская кооперация рассматривается как многоотраслевая социально-экономическая система. Особую значимость имеет развитие инновационного потенциала системы, которое должно быть направлено на повышение эффективности ее функционирования, реализацию соответствующих функций в системе экономической безопасности, решение актуальных социально-экономических вопросов, связанных с обеспечением требуемого качества жизни населения в сельских районах.

На данном этапе одной из актуальных задач является построение основ инновационного развития системы потребительской кооперации, совершенствование социально-экономического механизма, обеспечивающего эффективность ее деятельности. Концептуальное видение формирования инновационного базиса системы потребительской кооперации определяется

ее местом и ролью в национальной экономике, результатами исследований ключевых факторов, обуславливающих эффективность функционирования системы.

Учет изменений социально-экономических отношений внутри системы обуславливает необходимость разработки концептуальных основ инновационной трансформации системы потребительской кооперации, определения направлений ее реформирования, отвечающей современным вызовам.

В научных исследованиях сущность кооперации трактуется как совместное действие, связь, работа, действие, деятельность и используется в нескольких значениях.

Первоначально кооперация рассматривалась как взаимодействие людей, организаций, стран, направленное на достижение единых целей, проявляемое во всех формах общественной жизни. С появлением кооперативов как организационных форм социально-экономического взаимодействия используемый термин приобрел более узкое значение. Английский экономист, общественный деятель, теоретик и практик кооперации Роберт Оуэн (1771–1858) считается основоположником теории кооперации, рассматривающей кооперацию как общественный институт [1].

С точки зрения различных ракурсов и аспектов как характерное для общества явление кооперация рассматривалась в работах ряда ученых (О. Конт, Г. Спенсер, П. Лавров, П. Кропоткин, Л. Мечников, И. Емельянов, Н. Мещеряков, П. Макаренко, К. Вахитов, И. Буздалов и др) [2, с. 36–37].

В Международном кооперативном альянсе (Декларация о кооперативной идентичности, 1995 г.) кооперация определена как «совокупность организационно оформленных добровольных объединений взаимопомощи граждан для достижения общих целей в различных сферах экономической деятельности» [3, с. 7].

Кооператив может рассматриваться как объединение отдельных лиц или их групп (юридических лиц), которые обладают теми же правами, что и отдельные члены. Как организации, ориентированные на людей, кооперативы принадлежат их членам, которые управляют ими. Члены кооператива имеют равное право голоса в том, что делает их организация и как она генерирует и использует прибыль. Кооперативы рассматриваются как прошедшая апробацию временем международная модель развития, которая позволяет участникам контролировать эффективность использования своих средств. Укрепление кооперативов является общепринятым способом предоставления людям и местным сообществам возможности взять на себя ответственность за собственное развитие, ставя людей выше прибыли [4].

Выделяют следующие принципы организации деятельности кооперативов: добровольность вступления и открытость; контроль деятельности кооперативов их членами на демократической основе; экономическое участие в их деятельности; автономия организаций; доступность информации, обе-

спечение возможности профессиональной подготовки и повышения квалификации членов кооперативов; развитие сотрудничества между кооперативами; внимание развитию своих сообществ [5].

В деятельности кооперативов можно отметить сочетание экономических и социальных функций, направленных на удовлетворение экономических интересов и социальных потребностей членов кооперативов. В современных условиях развитие кооперации характеризуется разнообразием ее институциональных элементов и социально-ориентированной направленностью деятельности.

В исследованиях промышленной кооперации выделяют два подхода. В ракурсе первого подхода кооперация рассматривается как система организационных и экономических форм хозяйственной жизни (независимая социально-экономическая структура), целью которой является оказание помощи участникам в области производства и торговли, предоставление кредитов. Второй подход исходит из определения кооперации как взаимодействия работников для производства определенного продукта. Данный подход является базисом для рассмотрения сущности международной производственной кооперации. Активная интернационализация экономической жизни обуславливает ее транснациональный характер. Сотрудники, находящиеся в разных странах, участвуют в глобальном расширенном воспроизводстве в соответствии со специализацией своих организаций. В рамках международного сотрудничества взаимодействуют специализированные организации, что способствует развитию новых кооперационных форм.

В экономической литературе кооперация рассматривается в двух ракурсах: а) сотрудничество в производственной деятельности, б) сотрудничество в различных сферах экономической деятельности организаций, включающих научные исследования, логистику, производство, сбыт продукции, управление организацией. В современных условиях прогрессивное развитие системы кооперации обеспечивается на инновационном базисе, и внедрение инноваций является важным фактором эффективного функционирования систем кооперации.

В современных условиях система потребительской кооперации представляет собой многоотраслевую экономическую систему, направленную на удовлетворение экономических и социальных потребностей, входящих в нее членов-пайщиков в товарах, услугах, а также достижение для них определенных выгод. Характерные особенности системы потребительской кооперации определяют ее хозяйственную деятельность, социальную сущность и социальную ориентацию, возможности устойчивого эффективного развития, что отличает ее от коммерческих организаций [2, с. 39].

Система потребительской кооперации в Беларуси играет важную роль в обеспечении продовольственной безопасности, диверсификации экономи-

ческой деятельности и повышении ее эффективности на основе инновационного развития, повышения качества жизни сельского населения.

Потребительская кооперация определяется как «система потребительских обществ, их союзов и созданных ими в целях удовлетворения материальных (имущественных) и иных потребностей членов потребительских обществ и населения Республики Беларусь унитарных предприятий и учреждений» [6].

Система потребительской кооперации в Беларуси обеспечивает:

- различные виды услуг населению районов страны;
- развитие внешнеэкономической деятельности;
- организацию оптовой, розничной торговли;
- иные виды деятельности в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Развитие системы потребительской кооперации характеризуется следующими достижениями по итогам 2021 г.:

- совокупный объем произведенной продукции более 2,5 млрд руб. (январь – сентябрь 2021 г.);
- увеличение ежемесячного объема розничного товарооборота более чем на 165 млн руб.;
- повышение доли товаров отечественного производства (90 %);
- рост объемов экспортируемой продукции – 106,9 % [7].

В Концепции развития потребительской кооперации на 2021–2025 гг. определены следующие приоритетные направления:

- устойчивое развитие внутреннего производства основных видов сельскохозяйственного сырья, продукции, продовольствия;
- обеспечение требуемого качества сельскохозяйственных продуктов, соответствие их характеристик международным стандартам;
- обеспечение широкой доступности для населения безопасного и качественного сельскохозяйственного сырья, продукции, продовольствия [8].

Необходимыми являются завершение реорганизации системы менеджмента системы потребительской кооперации и ее организационной структуры, зон обслуживания, оптимизация товарных, денежных потоков, разработка и реализация единой маркетинговой и сбытовой политики, снижение уровня налоговой нагрузки. Структурная трансформация и цифровизация включают дальнейшую автоматизацию бизнес-процессов, обеспечивающую повышение производительности труда.

Результативное решение системой потребительской кооперации социальных задач неразрывно связано с реализацией предпринимательских функций, получением дохода и прибыли. Прибыль кооперативных организаций направляется на увеличение собственного капитала, обновление основных средств, выплаты пайщикам, социальное развитие сельских районов. Совместное потребление приводит к получению взаимных выгод.

В условиях развития информационно-коммуникационных технологий формируются условия для внедрения инновационных бизнес-моделей в существующих видах экономической деятельности.

В современных условиях в системе потребительской кооперации перспективным является развитие конкурентного сотрудничества. Общие интересы обусловлены возможностью получения конкурентных преимуществ на основе использования прогрессивных технологий в результате согласованности действий на рынке. Сотрудничество позволяет увеличить прибыль и снизить издержки, обеспечить координацию действий в заключении долгосрочных контрактов. Совместное использование ресурсов позволяет обеспечить достижение синергетического эффекта, который может иметь структурный характер (обеспечивается за счет объединения ресурсов) и управленческий (в результате повышения эффективности менеджмента) [9, с.16]. В результате конкурентного сотрудничества в рамках системы потребительской кооперации возможно достижение следующих результатов: усиление слабых сторон организаций, оптимизация использования ресурсов, проведение согласованной сбытовой, ценовой политики, реализация совместных инновационно-инвестиционных проектов, ускорение внедрения инновационных бизнес-моделей, сокращение затрат на внедрение инновационных разработок.

В последнее десятилетие Беларусь определила инновационное развитие в качестве основной цели экономического развития. В результате наряду с существующими формами развития инновационной деятельности появляются новые модели. Инновационная инфраструктура расширилась за счет появления принципиально новых организаций, таких как научные системные интеграторы и др., что позволяет активизировать инновационные процессы. Новые разработки и технологии могут применяться и в системе потребительской кооперации. Организации, основанные на новых технологиях, способствуют развитию инновационного базиса, обеспечению экономического роста на основе инноваций, формированию на этой основе конкурентоустойчивых структурообразующих платформ.

В развитии системы потребительской кооперации перспективным является создание инновационных предприятий, внедрение организационных, научно-технических, коммерческих и других видов инноваций в осуществляющих производственно-хозяйственную деятельность организациях на основе сотрудничества с научными организациями и образовательными учреждениями. Это позволило бы более эффективно использовать имеющийся инновационный потенциал, повышать эффективность деятельности субъектов хозяйствования и обеспечивать создание новых рабочих мест.

Цифровая трансформация создает принципиально новые возможности для развития системы потребительской кооперации и перевода ее на новый уровень инновационного развития. Например, в розничной торговле это соз-

дает предпосылки для предоставления новых услуг с использованием интернета вещей, облачных технологий, искусственного интеллекта, развития «умного ритейла», биометрических технологий, оптимизации снабженческой и сбытовой логистики, использования баз данных, создания экосистем для взаимодействия продавцов и покупателей на основе технологических платформ [10, с. 52–53]. Использование моделей стартапов в управляемых рабочих пространствах на основе использования элементов инновационной инфраструктуры позволяет повысить эффективность внедрения инновационных разработок.

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Потребительская кооперация имеет важное значение как многоотраслевая система, направленная на решение ряда актуальных социальных и экономических вопросов и трансформируемая в соответствии с изменяющимися воздействующими на нее внешними и внутренними факторами.

2. Генезис кооперации привел к формированию международной модели развития кооперации, позволяющей участникам эффективно использовать вложенные средства, организовывать деятельность исходя из базовых принципов кооперации и при этом решать актуальные социальные задачи.

3. В современных условиях можно отметить растущее разнообразие новых бизнес-моделей, применяемых в системах кооперации, основанных на инновационном базисе и обеспечивающих экономический рост инновационного типа.

4. Реализация программно-целевого подхода в развитии системы потребительской кооперации в Беларуси позволяет обеспечивать освоение прогрессивных инновационных подходов, ориентированность на нужды населения и формирование конкурентоустойчивых структурообразующих платформ.

Список использованных источников

1. *Owen, R.* A New View of Society, Or, Essays on the Principle of the Formation of the Human Character, and the Application of the Principle to Practice [Electronic resource] / R. Owen. – Mode of access: <https://la.utexas.edu/users/hcleaver/368/368OwenNewViewtable.pdf/>. – Date of access: 20.01.2022.

2. Налоговый менеджмент в организациях потребительской кооперации: монография / Т. Я. Сильвестрова [и др.]. – М.: Русайнс, 2020. – 98 с.

3. *Вавилова, Е. В.* Всемирная торговая организация и российские интересы / Е. В. Вавилова. – М.: Магистр, 2017. – 734 с.

4. Cooperatives in Development [Electronic resource] // ICA. – Mode of access: <https://www.ica.coop/en/our-work/international-cooperative-development>. – Date of access: 22.01.2022.

5. The Guidance Notes on the Cooperative Principles [Electronic resource] // ICA. – Mode of access: <https://www.ica.coop/en/media/library/research-and-reviews/the-guidance-notes-on-the-co-operative-principles>. – Date of access: 22.01.2022.

6. О потребительской кооперации [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 25 февр. 2002 г., № 93-3: с изм. и доп. от 7 мая 2021 г. № 101-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

7. Развитие организаций потребкооперации [Электронный ресурс] // Белта. – Режим доступа: <https://www.belta.by/infographica/view/razvitie-organizatsij-potrebkooperatsii-26636/>. – Дата доступа: 06.01.2021.

8. Скрундевский: у Белкоопсоюза достаточно резервов и потенциала для работы в новых реалиях [Электронный ресурс] // Белта. – Режим доступа: <https://www.belta.by/economics/view/skrundevskij-u-belkoopsojuza-dostatochno-rezervov-i-potentsiala-dlja-raboty-v-povyh-realijah-463521-2021/>. – Дата доступа: 06.01.2022.

9. Королев, В. И. Трансформация конкурентного поведения фирм в современных условиях / В. И. Королев, Е. В. Диккуль // Менеджмент в России и за рубежом. – 2019. – № 1. – С. 15–20.

10. Канина, Н. П. Российский рынок розничной торговли: состояние и перспективы / Н. П. Канина // Менеджмент в России и за рубежом. – 2019. – № 1. – С. 49–53.

(Дата подачи: 22.02.2022 г.)

Н. Н. Морозова

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

N. Morozova

Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus,
Academy of Public Administration under the aegis
of the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 331.5

ФЛЕКСИБИЛИЗАЦИЯ РЫНКА ТРУДА С УЧЕТОМ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ НАВЫКОВ РАБОТНИКА И НЕСТАНДАРТНЫХ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ

FLEXIBILIZATION OF THE LABOR MARKET TAKING INTO ACCOUNT THE DEVELOPMENT OF MODERN EMPLOYEE SKILLS AND NON-STANDARD FORMS OF EMPLOYMENT

В статье рассмотрены процессы флексibilизации рынка труда и занятости под влиянием внешних факторов. Трансформационные процессы, связанные с цифровизацией экономики, ведут к расширению нестандартной занятости и развивают новую модель навыков. Формирующийся гибкий рынок труда основан на новой форме организации труда, типе работников, что продиктовано использованием современных механизмов управления трудовой мобильностью. Определены направления развития гибкого рынка труда для повышения эффективной занятости.

Ключевые слова: цифровая экономика; флексибилизация труда; гибкий рынок труда; нестандартная занятость; гибкие формы занятости; навыки.

The article examines the process of flexibilization of the labor market and employment under the influence of external factors. Transformational processes associated with the digitalization of the economy lead to the development of non-standard employment and develop a new model of skills. The emerging flexible labor market is based on a new form of labor organization, the type of workers, which is dictated by the use of modern labor mobility management mechanisms. The directions of development of a flexible labor market to increase effective employment are determined.

Keywords: digital economy; flexibilization of labor; flexible labor market; non-standard employment; flexible forms of employment; skills.

В последнее десятилетие основой инновационной экономики выступает стремительно набирающая оборот составная ее часть – цифровая экономика в связи с развитием информационных технологий, внедряемых в различные виды экономической деятельности и общественную сферу жизни. В определенной степени это сказывается на состоянии рынка труда и происходящих на нем процессах в форме трансформации занятости населения, что кардинально меняет содержание и характер труда, формы организации производства и рабочего места, способ труда, а также требования к профессиональному уровню работников. Данные изменения стали источником трансформации трудовых отношений, человеческого капитала, рабочей силы, оплаты труда и, конечно же, законодательства. Изменения, происходящие в экономике Республики Беларусь, способствуют внедрению гибких форм занятости. Однако не все тенденции изучены и внедрены на рынок труда нашей страны, что и подтверждает актуальность исследования. Необходимость широкого использования гибких форм занятости определены различными социально-экономическими государственными программами Республики Беларусь.

Цель данного исследования заключается в оценке формирования гибкости рынка труда как ключевого показателя конкурентоспособности страны под воздействием развития цифровой экономики и ускоривших ее процессы, связанные с пандемией COVID-19, и, как результат, роста удаленной занятости.

Теоретической основой послужили работы зарубежных и отечественных ученых, посвященные исследованию флексибилизации рынка труда в условиях перехода к новым технологическим укладам. В работах российских ученых В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшникова [1] находят отражение вопросы «стандартной» и «нестандартной» занятости, формирующейся на рынке труда; в работах Г. А. Булатовой [2] рассмотрена флексибилизация труда с отражением факторов становления и развития гибкого рынка труда. Формирование рынка труда с учетом демографических критериев, флексибилизации изучались белорусскими учеными Е. В. Ванкевич [3], Л. С. Боровик, Т. Н. Мироновой и др.

Однако при всем многообразии теоретических подходов и эмпирических исследований проблемы трансформации и развития новых трудовых отношений в условиях цифровой экономики Республики Беларусь системно не исследовались. Поэтому важно переосмыслить многие устоявшиеся стереотипы и теоретические аксиомы по формированию рынка труда и форм занятости в современных условиях. В ходе написания статьи были использованы методы сравнения, анализа и синтеза, данные монографических исследований ученых, показатели национального статистического комитета Республики Беларусь.

Важным аспектом рынка труда является его гибкость, что позволяет организациям принимать решения об изменении своей рабочей силы в ответ на колебания рынка и способствовать увеличению производства. *Флексибилизация* (от англ. *flexible* – гибкий) рынка труда означает повышение приспособляемости к экономическим и правовым условиям, что проявляется в общем снижении трудовых издержек со стороны предпринимателей, трансформации и усовершенствовании трудового законодательства, проведении активной политики занятости, стимулировании создания рабочих мест с нестандартными формами занятости и гибкой формой оплаты труда, непрерывном образовании и переподготовке. Правовые аспекты находят выражение в следующих документах: Трудовой кодекс Республики Беларусь от 28.01.2020 г., в который введен новый термин «дистанционная работа» (ст. 307); Директива Президента Республики Беларусь от 31.12.2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь», которая предусматривает в п. 7 возможность исключить излишнее регулирование рынка труда и в этих целях в п. 7.3 отмечается возможность расширить применение гибких форм занятости населения; Государственная программа «Рынок труда и содействие занятости» на 2021–2025 гг., направленная на полное вовлечение трудовых ресурсов в экономику страны и совершенствование законодательства о труде по вопросам расширения гибких форм занятости населения, и др. [4, с. 70].

Флексибилизация выгодна не только работодателю в целях адаптации предприятия к внешним факторам среды, но и работникам, которым требуются длительные периоды незанятости или частичной занятости, сохранения или переход в нестандартные формы занятости, но обеспечивая при этом баланс интересов работодателя и наемного работника. Однако флексибилизация может дестимулировать накопление человеческого капитала, понижать стабильность занятости и устойчивость позиций работников на рынке труда, когда наниматель прибегает и использованию новых форм занятости. Так, например, использование аутстаффинга создает риски для сотрудника: после перевода работника в другую компанию он может быть лишен некоторых льгот, которые были у штатного сотрудника работодате-

ля; на аутстаффинге персонал имеет не самый высокий уровень заработной платы; переведенному за штат сотруднику сложнее сделать карьеру в своей профессиональной сфере.

Различают два уровня трудовой гибкости: макро- и микроуровень.

Макроуровень, по мнению эстонских экономистов, включает институциональную гибкость и показывает, в какой степени государственные институты через трудовые нормы (Labour regulations), политику в области труда (Labour policy), налоги на рабочую силу (Labour taxes) и профсоюзы (Trade unions) вовлечены в регулирование рынка труда (рис. 1).

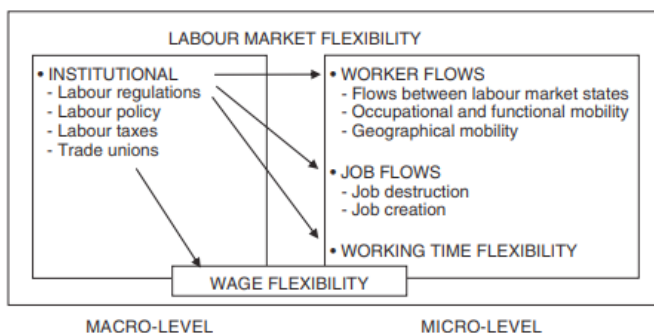


Рис. 1. Модель измерения гибкости рынка труда [5, p. 747]

Гибкость на микроуровне относится к трем типам мобильности на рынке труда: 1) потоки рабочей силы указывают на состояние элементов рынка труда (безработица, занятость и неактивность рабочей силы), миграционные процессы, пространственная и профессиональная мобильность; 2) мобильность рабочих мест, проявляющаяся в создании и ликвидации рабочих мест на уровне фирмы, наличии вакансий за определенный период времени; 3) гибкость рабочего времени (Working Time Flexibility) отражает возможности сверхурочной, неполной и сменной работы.

Безусловно, сегодня мы наблюдаем, что работодатели используют принцип гибкости, увеличивая свою рабочую силу через создание рабочих мест или сокращая численность, проводя оптимизацию, нанимая работников на неполный рабочий день с гибкой системой оплаты труда, а также определенным видом договора найма. Так, согласно статистическим данным, в 2018–2019 гг. на основе трудового договора (контракта) на определенный срок было занято 89,7 % и 89,5 % соответственно работающих по найму на основной работе, причем среди женщин этот процент выше на 4,3 пп. (91,6 % и 87,3 % для 2019 г.) [6, с. 41]. На основе трудового договора на неопределенный срок работало 6,8 % женщин и 10 % мужчин, причем эта доля с годами несколько растет [6, с. 41]. Есть категория занятых, которые работают на основе устной договоренности без оформления документов,

причем в структуре занятых среди мужчин эта доля в три раза выше, что свидетельствует о том, что женщины более ответственно относятся к формализации трудовых отношений. Анализ занятого населения по фактическому количеству рабочих часов в неделю на основной работе показал, что в среднем на одного занятого приходится 35,5 часа в неделю, и это составляет 80,2 % занятого населения. Причем по гендерному аспекту отмечается большая занятость мужчин, а по территориальному признаку чуть выше занятость в сельской местности [6, с. 46]. Менее 20 часов в неделю работает около 4 % занятых.

Анализ занятого населения Республики Беларусь по видам экономической деятельности за последние 8 лет (2013–2019 гг., до пандемии) свидетельствует о структурных сдвигах и сокращении числа работников, задействованных в сфере производства (с 42,7 % до 38,8 %) и росте занятых лиц в сфере услуг (с 57,3 % до 61,2 %) [6, с. 64]. Данная ситуация объясняется коммерциализацией некоторых сфер услуг, переплетением сферы услуг и материального производства, смещением структуры потребления в сфере услуг в сторону сложных услуг, а значит, и более дорогих. В отдельных сферах услуг уровень оплаты значительно превышает среднереспубликанский (финансовая и страховая деятельность – 156,8 %, информация и связь – 290,9 %, научная деятельность – 131,3 %, госуправление – 120,9 % по состоянию на 2019 г.) [6, с. 237]. В указанных сферах выше уровень образования работников и лучше развита степень цифровизации экономики. Факторами институционального и индивидуального уровня определяется гибкость заработной платы, реагирующая на колебания на рынке. Гибкость рынка труда, как и мобильность рабочей силы, напрямую зависит от образовательного уровня: образованная рабочая сила более открыта для обучения на протяжении всей жизни.

Одним из факторов гибкости на рынке труда стало появление новых цифровых профессий как результат оцифровки бизнес-процессов, что требует от конкурентоспособного сотрудника наличия определенных навыков: социальной и индивидуальной, профессиональной и технической направленности. Каждому сотруднику предстоит владеть различными навыками и знаниями, которые позволят работать с новыми технологиями. Новые знания могут позволить справиться: 1) с неопределенностью будущего – это навыки по увеличению личной стойкости человека (стрессоустойчивость, эмоциональная устойчивость) и осознанию перспектив (инновационность, способность создавать подходящие стратегии действия); 2) со сложностью окружающего мира (системное мышление); 3) с работой в среде богатой ИКТ – навыки программирования, поиска и обработки информации, медиаграмотность, аналитическое мышление, фокусировка и удержание внимания; 4) с работой, которая не свойственна машине, – социальные навыки (проявление эмпатии, способность сотворчества, проявление эмоциональ-

ного интеллекта). Изучению навыков, требуемых сегодня и необходимых в будущем, посвящены исследования О. В. Забелиной, И. Б. Омельченко, А. В. Майоровой, Е. А. Сафоновой [7]. Их сравнительная характеристика представлена в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительная характеристика навыков «present & future»

Навыки	Навыки настоящего	Навыки будущего
Индивидуальные	<ul style="list-style-type: none"> • ответственность • настойчивость • самодисциплина • стрессоустойчивость • гибкость 	<ul style="list-style-type: none"> • эмоциональная устойчивость • креативность • инновационность • этичность • экологичность
Социальные	<ul style="list-style-type: none"> • умение работать в команде • способность обучаться • способность адаптироваться к изменениям • клиентоориентированность 	<ul style="list-style-type: none"> • умение работать в команде • либеральность • способность к непрерывному обучению • клиентоориентированность
Профессиональные	<ul style="list-style-type: none"> • аналитические навыки • умение решать проблемы • управленческие навыки • узкоспециализированные навыки • критическое мышление • работа в условиях неопределенности 	<ul style="list-style-type: none"> • использование новейших разработок и технологий • математическая грамотность • творческие навыки • управленческие навыки • междисциплинарные навыки • работа с неопределенностью
Технические	<ul style="list-style-type: none"> • компьютерные навыки • обработка данных 	<ul style="list-style-type: none"> • знания программирования • дизайнерские навыки

Как видно из таблицы 1, одни «навыки настоящего» останутся актуальными и перейдут в категорию «навыков будущего», другие будут модернизированы. Сейчас на рынке труда существует новая модель навыков, которая разделена на: «жесткие», или Hard Skills, – выполнение какой-то конкретной работы, которая связана со специальностью и результат можно проверить; «мягкие», или Soft Skills, – проблематично проверить, поскольку они не ограничиваются профессиональной деятельностью (рис. 2).



Рис. 2. Soft Skills и Hard Skills в модели профессиональной компетенции

Soft Skills придают дополнительные качества в профессиональной деятельности человека, не содержат заведомо конкретных алгоритмов действий, что позволяет обратить усиленное внимание на эмоциональную и социальную стороны деятельности. При этом способность человека преуспевать в той или иной деятельности зависит не только от Soft Skills и Hard Skills, но и от человеческой индивидуальности, фундаментальных свойств (growth mindset), которые могут быть трансформированы. Таким образом, на данный момент самую модель профессиональных компетенций можно расширить, включив в нее метанавыки и «экзистенциальные навыки» (рис. 3).



Рис. 3. Модель взаимосвязи профессиональных компетенций

Данную модель можно рассмотреть с позиции включаемых в нее понятий и возможности применения данного вида навыков (таблица 2) [8].

Таблица 2

Четырехуровневая модель профессиональных компетенций

Название уровня	Понятие уровня	Примеры
Узкоспециальный навык	Hard Skills. Применяется в конкретном направлении. Профессиональный навык	Программирование на конкретном языке, работа в цеху
Кроссконтекстный навык	Soft Skills. Применяется в социальной или личной деятельности	Тайм-менеджмент, навык работы в команде
Метанавык	Управление объектами в разуме человека	Наличие лидерских качеств, умение рефлексировать
«Экзистенциальный навык»	Универсальный навык, применяемый человеком на протяжении всей жизни	Сила воли, осознанность, саморазвитие

С каждым годом новые «цифровые» профессии заменяют или дополняют существующие, трансформируются за счет функциональных и технических изменений (таблица 3). Будущий «цифровой» работник – это человек, обладающий многофункциональностью и мобильностью, умеющий работать в условиях неопределенности и непрерывно повышающий свою квалификацию.

В ближайшем будущем будут востребованы: в медицине – операторы медицинских роботов, генетические консультанты, IT-генетики, разработ-

чки киберпротезов и имплантатов, тканевые инженеры, сетевые врачи, таргетные нанотехнологи, архитекторы медоборудования; в промышленности – техномедиаторы, дизайнеры киберфизических систем, диспетчеры киберсистем, прогнозисты отказа оборудования, инженеры цифрового моделирования, логисты промышленных потоков, операторы промышленных роботов, проектировщики промышленной роботехники; в IT-секторе – архитекторы цифровых офисов, разработчики моделей Big Data, кибертехники умных сред, цифровые лингвисты, архитекторы информационных систем аналитики кибербезопасности и т. п. На анализе вышеперечисленных профессий можно сделать вывод, что многие из них появятся на основании развития роботехники, а также искусственного интеллекта [9]. Согласно «Атласу новых профессий 3.0», на рынок труда выйдет еще одна сфера деятельности человека – «нейронет». Сотрудники, работающие в этой сфере, будут тренерами по майнд-фитнесу, нейрофармакологами, нейромаркетологами, проектировщиками нейроинтерфейсов [9]. Ожидаемые к 2025 г. новые технологии, согласно опросу организаций, представлены на рис. 4.

Таблица 3

Профессии «трансформеры» [7]

Старое название профессии	Новое название профессии
Статистик	Специалист по Big Data
Системный администратор	Специалист по настройке искусственного интеллекта
Испытатель	Оператор роботехнических комплексов Специалист по компьютерному моделированию
Преподаватель	Тьютор
Бурильщик	Оператор бурильных роботов
Прораб	Прораб-вогчер
Монтировщик кинодекораций	Специалист по компьютерной графике



Рис. 4. Ожидаемое использование новых технологий к 2025 г. [10]

Отметим, что более 80 % компаний к 2025 г. будут использовать технологии искусственного интеллекта, шифрования, интернета вещей, анализа больших данных и облачных вычислений. Внедрение новых технологий создаст 97 млн новых рабочих мест и одновременно вытеснит 85 млн существующих рабочих мест из-за изменений в разделении труда между машинами и людьми.

Итак, флексибилизация рынка труда должна быть направлена на процесс повышения гибкости рынка труда к экономическим, правовым, социальным и технологическим изменениям, осуществляемый через триаду его участников: работодателей – работников – институты рынка труда. Выявлено, что понятие гибкости имеет отношение к диапазону работ, границам профессий, интенсификации усилий, производительности труда, навыкам, системе оплаты труда, а само становление гибкого рынка труда является объективным процессом, связанным с существенными изменениями техники, технологии, цифровизации, организации производства и управления. Для обеспечения эффективной занятости и выполнения задач, заложенных в Государственной программе «Рынок труда и содействие занятости» на 2021–2025 гг., целесообразно:

- развивать гибкий рынок труда для повышения прибыльности и конкурентоспособности,
- формировать разнообразные формы взаимоотношений между работником и нанимателем, обеспечив рациональность затрат как со стороны работника, так и со стороны нанимателя;
- определять потребности в применении гибких форм занятости для сферы производства и услуг в Республике Беларусь;
- более широко использовать нестандартные формы занятости – аутстаффинг, аутсерфинг, аутплейсмент, заемный труд, самозанятость и т. п.;
- на микроуровне формировать кадровый резерв на основе найма и увольнения сотрудников, компенсации и льготы, применения гибкого графика рабочего времени и условий труда;
- проводить мониторинг гибкости рынка труда, уровня подготовки специалистов по новым профессиям и специальностям.

Список использованных источников

1. *Гимпельсон, В.* Нестандартная занятость и российский рынок труда / В. Гимпельсон, Р. Капелюшников. – М.: ГУ ВШЭ, 2005. – 36 с.
2. *Булатова, Г. А.* Формирование гибкого рынка труда при переходе к инновационной экономике / Г. А. Булатова // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2015. – № 2. – С. 26–29.
3. *Ванкевич, Е. В.* Гибкость рынка труда: единство макро- и микроподходов / Е. В. Ванкевич. – Витебск: УО «ВГТУ», 2014. – 198 с.
4. *Пинчук, Д. В.* Развитие гибких форм занятости в Республике Беларусь / Д. В. Пинчук, Н. Н. Морозова // Электронный периодический научный журнал «SCI-ARTICLE.RU» – 2021. – № 100 (декабрь). – С. 68–73.

5. *Eamets, R. Labour market flexibility and spatial mobility / R. Eamets, K. Jaakson // International Journal of Manpower. – 2014. – Vol. 35, № 6. – P. 746–752.*

6. Труд и занятость в Республике Беларусь: стат. сб. – Минск: Нац. стат. Респ. Беларусь, 2020. – 316 с.

7. Развитие человеческих ресурсов в цифровую эпоху: стратегические вызовы, проблемы и возможности: монография / О. В. Забелина [и др.]; под ред. О. В. Забелиной. – М.: ИНФРА-М, 2021. – 253 с.

8. Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://worldskills.ru/assets/docs/media/WSdoklad_12_okt_rus.pdf. – Дата доступа: 26.01.2022.

9. Атлас новых профессий 3.0 / под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. – М.: Интеллект. лит-ра, 2020. – 456 с.

10. The Future of Jobs Report 2020 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2020>. – Date of access: 15.01.2022.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

А. К. Петрашкевич

Белорусский национальный технический университет, Минск

A. K. Petrashkevich

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 338.22

ИНДЕКС РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА КАК ОСНОВНОЙ ПОКАЗАТЕЛЬ УРОВНЯ ЖИЗНИ

THE HUMAN DEVELOPMENT INDEX AS THE MAIN INDICATOR OF THE LIVING STANDARTS

В статье рассматривается значение индекса развития человеческого потенциала как основного показателя уровня жизни населения. Акцент сделан на анализе основных составляющих компонентов индекса развития человеческого потенциала и методики его расчета.

Ключевые слова: человеческое развитие; индекс развития человеческого потенциала; человеческий потенциал; уровень жизни населения; благосостояние населения.

The article considers the value of the human development index as the main indicator of the standard of living of the population. The emphasis is placed on the analysis of the main components of the human development index and the methodology of its calculation.

Keywords: human development; human development index; human potential; standard of living of the population; welfare of the population.

Любой показатель, оценивающий роль человеческой личности в условиях рыночной экономики, неизбежно вызовет серьезные вопросы. Поэтому

неудивительно, что с момента появления счетов национального дохода наблюдается значительное недовольство валовым национальным продуктом (далее – ВВП) как показателем благосостояния человека.

Основным недостатком ВВП является то, что он не учитывает немонетизированные виды деятельности: работу по дому, натуральное сельское хозяйство, неоплачиваемые услуги и т. д. И что еще более серьезно, ВВП одномерен: он не отражает культурные, социальные, политические и многие другие аспекты, которые влияют на благосостояние людей.

В течение длительного времени велись поиски более всеобъемлющего показателя развития, который мог бы охватить все или хотя бы большую часть вариантов жизненного выбора человека и который служил бы лучшим критерием оценки социально-экономического прогресса наций. Эти поиски обуславливают актуальность данной темы. Так, например, среди белорусских ученых-экономистов данную тему изучали В. В. Кириенко, И. Н. Волкова [4], С. Ю. Солодовников [5], Ю. Ш. Салахова и др.

Поиск нового сводного индекса социально-экономического прогресса начался всерьез при подготовке Доклада о развитии человека по заказу Программы развития Организации Объединенных Наций (далее – ПРООН) [1].

ПРООН трактует развитие человека как формирование среды, в которой граждане могут целиком раскрыть свой потенциал и вести творческую и продуктивную жизнь в соответствии со своими потребностями и интересами. Таким образом, считается, что люди – это истинное богатство народов, а развитие – это расширение возможностей выбора, которые люди должны делать в жизни, которую они ценят [1].

Согласно ПРООН, экономическое процветание, показанное с доходом на душу населения, не является единственным фактором в измерении человеческого развития, поскольку эти цифры не обязательно означают, что люди в стране в целом чувствуют себя лучше [1].

При поиске нового показателя руководствовались следующими принципами:

1. Новый индекс человеческого развития (далее – ИЧР) будет измерять базовую концепцию человеческого развития для расширения возможностей выбора людей.

2. Новый индекс будет включать ограниченное число переменных, чтобы сделать его понятным и простым при расчетах.

3. Вместо множества отдельных индексов будет создан единый составной индекс.

4. Новый индекс будет охватывать как социальные, так и экономические аспекты жизни людей.

5. Методология и охват нового индекса будут оставаться гибкими при условии постепенного совершенствования, по мере появления аналити-

ческих и критических замечаний, а также получения более качественных данных.

Предметом обсуждения во множестве дискуссий и литературных источников были различные показатели развития человеческого потенциала, однако только четыре из них были закреплены и утверждены официально в рамках этой парадигмы. Этими показателями являются: индекс развития человеческого потенциала (далее – ИРЧП), индекс развития, связанный с гендерными аспектами (далее – ИГР), показатель расширения прав и возможностей женщин (далее – ПРП), индекс бедности среди людей (далее – ИБСЛ).

ИРЧП был разработан как средство для изменения акцента с узкого внимания на экономическом росте (измеряемом ВВП) на человеческий прогресс и является своеобразным резюме глобального развития человека, а также для обсуждения вариантов дальнейшего формирования национальной и международной политики.

В качестве переменных ИРЧП использует ожидаемую продолжительность жизни при рождении достижения в области образования (грамотность и совокупный валовой коэффициент школьного образования) и реальный скорректированный доход на душу населения.

ИГР измеряет достижения в трех измерениях и переменных ИРЧП, а также корректирует их значения в соответствии с неравенством, существующим между полами: чем выше гендерное неравенство, тем больше регресс в ИРЧП страны и, соответственно, тем больше регресс в ИРЧП страны.

Для измерения индекса гендерного неравенства учитываются следующие показатели:

- уровень материнской смертности, т. е. количество женщин, умерших при родах или во время беременности, на каждые 100 000 живорождений;
- уровень подростковой рождаемости, т. е. количество рождений от женщин в возрасте от 15 до 19 лет на 1000 женщин того же возраста;
- процент депутатских мест, занятых женщинами;
- доля взрослого населения (старше 25 лет), разделенная по роду, получившая среднее образование;
- ставка участия на рынке труда для каждого пола, выраженная в процентном соотношении.

ПРП оценивает участие женщин в экономической и политической жизни.

В качестве переменных данный показатель использует долю женщин в парламенте, а также в высших профессиональных категориях и соотношение между доходами женщин и мужчин.

ИБСЛ измеряет степень лишений в трех переменных ИРЧП. Для промышленно развитых стран в качестве переменных используются вероятность смерти в возрасте до 60 лет, функциональная неграмотность, а также распространенность нищеты и длительной безработицы.

Для развивающихся стран его переменными являются вероятность смерти в возрасте до 40 лет, неграмотность взрослого населения, недоедание среди детей и процент населения, не имеющего доступа к питьевой воде.

ИБСЛ использует 10 показателей: доступ к электричеству и питьевой воде, детская смертность, годы обучения, уровень питания и т. д. Человек, который не может получить доступ к более трем из этих показателей, называет себя бедным. Последние три показателя являются корректирующими, а первый показатель является зависимым от них. Таким образом, необходимо охарактеризовать основные составляющие ИРЧП и проанализировать базовую методику расчета данного показателя.

Как уже ранее упоминалось, для ИРЧП значимыми являются три основных компонента:

1. *Продолжительность жизни.* Для переменной обеспечения продолжительной и здоровой жизни ожидаемая продолжительность жизни при рождении точно определена как «среднее количество лет, которое новорожденный может прожить, с учетом преобладающих показателей смертности и болезней по возрасту в обществе и в рассматриваемый момент».

2. *Образование.* Для этой переменной учитывается уровень грамотности взрослого населения (старше 15 лет), где грамотность понимается как «способность читать, писать и понимать простой и короткий текст о повседневной жизни», а также совокупный валовой коэффициент охвата населения в возрасте от 6 до 23 лет, где совокупный валовой коэффициент подсчета данных представляет собой общее число учащихся, обучающихся в системе начального, среднего или высшего формального образования, деленное на общую численность населения соответствующего возраста.

3. *Доход на душу населения.* Для переменной дохода на душу населения учитываются наличие ресурсов для достойной жизни, доход, выраженный как в долларах США, так и в единицах паритета покупательной способности (далее – ППС). Предполагается, что доход оценивает доступ людей к экономическим ресурсам, необходимым для обеспечения достойного уровня жизни.

К нему приближается реальный ВВП на душу населения в ППС, скорректированный таким образом, чтобы учитывать уменьшающуюся отдачу доходов от развития и благосостояния.

Эти параметры выбраны по нескольким причинам:

- они необходимы для любой человеческой жизни;
- они достаточно независимы друг от друга;

- они охватывают большую часть спектра «вещей, которые у людей есть, веские причины ценить и желать»;
- соответствующие статистические данные доступны для сбора практически в любой стране и для многих групп населения.

Эти переменные, хотя и в ограниченном количестве, охватывают многие аспекты развития в виде удовлетворения основных материальных потребностей, таких как доступ к здоровому питанию и чистой воде, достойному жилью, гигиене и медицинскому обслуживанию, доступ к знаниям, способность принимать решения в обществе, мобильность, доступ к культуре.

Чтобы точно рассчитать каждое из этих компонентов для ИРЧП, для каждого из них рассчитывается отдельный индекс на основе необработанных данных, собранных в ходе исследований.

Чтобы вычислить ИРЧП как среднее значение всех трех переменных, они сначала нормализуются или изменяются таким образом, чтобы их соответствующие уровни находились в диапазоне от 0 (минимум) до 1 (максимум). То есть формируется субиндекс для каждого измерения ИРЧП, чтобы в дальнейшем сам ИРЧП находился в диапазоне от 0 (минимальный уровень развития) до 1 (максимума) [1].

Найдя значения всех необходимых индексов, можно рассчитать значение ИРЧП. Данный показатель ИРЧП рассчитывается по формуле средней геометрической трех субиндексов [3]:

$$\text{ИРЧП} = (IR^{1/3} \times IS^{1/3} \times IE^{1/3}), \quad (1)$$

где IR – индекс денежного богатства, основанный на ВВП на душу населения;

IS – индекс здоровья, основанный на ожидаемой продолжительности жизни;

IE – индекс образования, основанный на среднем показателе индекса посещаемости школ среди молодежи и индекса грамотности среди взрослых.

Переменные, используемые при построении индексов, не выражаются в одних и тех же единицах. Например, ВВП на душу населения указан в денежных единицах (в долларах), ожидаемая продолжительность жизни – в годах, а уровень обучения в школе и грамотность – в процентах.

Это изменение размеров требует, чтобы для каждой из переменных были установлены минимальные и максимальные возможные или приемлемые значения. Сам субиндекс рассчитывается по формуле [1]

$$I_j = \frac{X_j - X_{jmin}}{X_{jmax} - X_{jmin}}, \quad (2)$$

где: I_j – расчетный индекс;

X_j – фактическое значение показателя, описывающего j -е измерение компонента человеческого развития в рассматриваемой стране;

X_{jmax} – максимальные значения каждого показателя человеческого развития;

X_{jmin} – минимальные значения каждого показателя человеческого развития.

Индекс денежного богатства рассчитывается несколько иначе. В нем используется десятичный логарифм реального душевого дохода в соответствии с принципом убывающей полезности дохода. Он принимает следующий вид [1]:

$$IR = \frac{\ln(X_j) - \ln(X_{jmin})}{\ln(X_{jmax}) - \ln(X_{jmin})} \quad (3)$$

Приведем пример, рассчитав базовый показатель ИРЧП для Республики Беларусь на 2020 г., взяв за основу статистику и данные 2020 г. [2]. В тот год были установлены следующие минимальные значения [2]: для ожидаемой продолжительности жизни при рождении – 53,3 года, для ожидаемой продолжительности обучения – 5,3 года, для средней продолжительности обучения – 2,1 года, для ВНД на душу населения – 993 долл. США.

Максимальные значения, установленные на тот год, были следующие [3]: для ожидаемой продолжительности жизни при рождении – 84,9 года, для средней продолжительности обучения – 14,2 года, для ожидаемой продолжительности обучения – 22 года, сводный индекс образования – 0,943, для ВНД на душу населения – 131 032 долл. США по паритету покупательской способности.

Непосредственные данные для Республики Беларусь были следующими [2]: ожидаемая продолжительность жизни при рождении – 74,8 года, суммарная продолжительность обучения – 12,3 года, ожидаемая продолжительность обучения – 15,4 года, ВНД на душу населения, долл. США по паритету покупательской способности – 18 546 долл. США.

Проведем расчет соответствующих субиндексов по формулам (1–3):

1. Индекс денежного богатства:

$$IR = (\ln(18546) - \ln(993)) / (\ln(131032) - \ln(993)) = 0,59.$$

2. Индекс ожидаемой продолжительности жизни:

$$IS = (74,8 - 53,3) / (84,9 - 53,3) = 0,69.$$

3. Индекс средней продолжительности обучения:

$$IEc = (12,3 - 2,1) / (14,2 - 2,1) = 0,84.$$

4. Индекс ожидаемой продолжительности обучения:

$$IEo = (15,4 - 5,3) / (22 - 5,3) = 0,60.$$

5. Индекс образования:

$$IE = \sqrt{(0,84 \times 0,60)} / 0,943 = 0,76.$$

Таким образом, ИРЧП Республики Беларусь на 2020 г. составляет:

$$\text{ИРЧП} = \sqrt[3]{0,69 \times 0,59 \times 0,76} = 0,823.$$

Согласно докладу ПРООН, Республика Беларусь в 2020 г. [3] заняла в рейтинге государств по ИЧР 53 место. По этому показателю Республика Беларусь практически лидировала среди стран СНГ в 2020 г. *Для сравнения:* Российская Федерация на тот момент находилась на 52 месте, Казахстан – на 51, Украина – на 74. Первое место в данном рейтинге занимала Норвегия с ИЧР, равным 0,957. И последнее, 189 место, занимала Республика Нигер с ИЧР 0,394.

ИРЧП со временем стал одним из наиболее широко используемых инструментов на международном уровне для измерения социального и экономического благополучия стран мира. Тем не менее изначальную версию данного индекса, нескорректированного другими показателями, зачастую подвергали критике.

Авторитетная критика исходит от Амартии Кумара Сена, лауреата Нобелевской премии по экономике в 1998 г. за исследования бедности. По мнению А. К. Сена, в построении ИЧР опущены очень важные факторы развития человека: наличие свободных выборов, независимая пресса, многопартийная политическая система, гарантии свободы выражения мнений. Индекс развития также не содержит показателей, связанных с экологической устойчивостью, технологическим развитием, культурой.

Кроме того, использование базового ИРЧП имеет ряд ограничений. В первую очередь ИРЧП не может использоваться в качестве показателя изменения человеческого развития в краткосрочной перспективе, поскольку эффект политики, направленный на воздействие двух показателей ИРЧП – грамотность населения и ожидаемая продолжительность жизни, будет ощущаться только спустя долгое время после внедрения этой политики.

Другой проблемой является то, что часто проходит большой промежуток времени между моментом, когда данные были собраны, и моментом, когда они были переданы международным организациям. Таким образом, индекс развития человека часто строится из устаревших данных, обеспечивая неактуальную информацию по состоянию развития человека.

Еще одно слабое место связано с использованием простого арифметического среднего в качестве агрегирующей системы трех компонентов индекса: ожидаемая продолжительность жизни, образование и ВВП имеют одинаковый вес при определении конечного результата индекса. Тем не менее одно и то же среднее количественное значение индекса может указывать на очень разные качественные уровни развития человека.

Страна с неграмотным населением, высоким ВВП и высокой продолжительностью жизни будет иметь индекс развития человека, очень похожий на показатель страны с низким ВВП, но с полностью образованным и долгоживущим населением. Несмотря на критику, ИЧР остается одним из наиболее широко используемых инструментов на международном уровне для измерения развития страны, ожидая ее дальнейшего уточнения.

В целях повышения эффективности ИРЧП могут быть использованы такие показатели, как ИГР, ПРП, ИБСЛ. Автор полагает, что расчет и использование данных показателей как корректирующих итоговое значение ИРЧП в значительной мере поможет в дальнейшем выявить текущие и спрогнозировать возможные угрозы человеческого развития и предпринять все необходимые меры для их устранения.

Список использованных источников

1. Доклад о человеческом развитии, 2011. Устойчивое развитие и равенство возможностей: лучшее будущее для всех: пер. с англ. / ПРООН. – М.: Весь мир, 2011. – 188 с.
2. Доклад о человеческом развитии 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020_ru.pdf. – Дата доступа: 17.01.2022.
3. Беларусь и страны мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/f64/f648db874ee3f872c7b7028f0d03a383.pdf>. – Дата доступа: 17.01.2022.
4. Волкова, И. Н. Тенденции развития человеческого потенциала Беларуси / И. Н. Волкова, Н. Г. Родцевич // Научные труды Белорусского государственного экономического университета / [редкол.: В. Н. Шимов (пред.) и др.]. – Минск, 2011. – [Вып. 4]. – С. 96–102.
5. Человеческий потенциал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ekonomika.by/downloads/poten1.pdf>. – Дата доступа: 27.04.2022.

(Дата подачи: 12.02.2022 г.)

Б. У. Сарвіраў, А. М. Баранаў
Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель

B. V. Sorvirov, A. M. Baranov
Francisk Skorina Gomel State University, Gomel

УДК 330.1:330.12

СІСТЭМА АДУКАЦЫІ І ЯЕ РОЛЯ ў АДНАЎЛЕННІ ЧАЛАВЕЧАГА КАПІТАЛУ

SYSTEM OF EDUCATION AND ITS ROLE IN THE REPRODUCTION OF HUMAN CAPITAL

Разгледжана праблема развіцця эканомікі адукацыі як шматгаліновай сферы аднаўлення чалавечага капіталу. Паказана тэндэнцыя і асноўнае фундаментальнае змяненне,

якое складае аснову сучаснай эканамічнай парадыгмы – пераарыентацыя гаспадарчай дзейнасці ў грамадстве на найбольш спрыяльны рэжым развіцця і матывацыі творчасці і таленавітага работніка. Разглядаюцца формы размеркаваных універсітэцкіх комплексаў як сістэмы асноўных і дапаможных структур, якія забяспечваюць атрыманне вышэйшай адукацыі ў экстрэмарыяльнай прасторы.

Ключавыя словы: эканоміка адукацыі; рынак адукацыйных паслуг; духоўнае ўзнаўленне; працоўная сіла; рынак працы; чалавечы капітал.

The problem of development of the economy of education as a diversified sphere of the human capital reproduction is considered. The tendency and the basic fundamental change making the basis of a modern economic paradigm is shown - the economic activities reorientation on an optimum mode of development and motivation of a creative and talented worker. The formation of university complexes as a system of basic and auxiliary structures ensure that higher education in a certain territorial space is considered.

Keywords: economy of education; educational services market; moral reproduction; labor force; labor market; human capital.

У сістэме ўзнаўленчых сіл сфера адукацыі займае асаблівае месца. Гэта звязана з яе спецыфічнай функцыяй, якая заключаецца ў развіцці і ўдасканаленні актыўнага элемента працэсу вытворчасці, фарміраванні рабочай сілы, якая валодае неабходнымі якаснымі характарыстыкамі. У сілу гэтай функцыі сфера адукацыі ў доўгатэрміновым аспекце з'яўляецца ключавым звяном сістэмы, якое вызначае эфектыўнасць дзейнасці ўсіх іншых звёнаў, г. зн. выніковы ўзровень грамадскай прадукцыйнасці працы.

Эфектыўнасць функцыянавання сферы адукацыі залежыць ад шэрагу ўнутраных фактараў: уласнай рэсурснай базы, кадравага патэнцыялу, формаў арганізацыі. Разам з пералічанымі ўнутранымі фактарамі велізарную ролю адыгрывае механізм уліку патрэб грамадства ў ведах і кваліфікацыі, бо эфектыўнасць сістэмы адукацыі вызначаецца не аб'ёмам рэсурсаў, якія выкарыстоўваюцца, а ступенню адэкватнасці патрабаванням народнай гаспадаркі, насельніцтва ў цэлым і асоб, якія атрымліваюць адукацыю.

Патрэба ў пастаянным павышэнні адукацыйнага ўзроўню насельніцтва фарміруецца ў працэсе развіцця грамадства. Найбольш выразна гэта прасочваецца ў сферы вытворчасці, дзе павышэнне адукацыйнага ўзроўню наглядна дэманструюць змены прафесійна-кваліфікацыйнага складу занятых людзей. Так, па дадзеных Бюро статыстыкі ЮНЕСКА [1], развіццё вытворчасці ў пачатку XXI ст. патрабуе значнага павышэння адукацыйнага ўзроўню рабочай сілы. У гэтым прагнозе адлюстравана вельмі важная новая з'ява – насычэнне попыту і пералом векавой тэндэнцыі росту колькасці працоўных месцаў для асоб з сярэдняй адукацыяй. Сёння прыярытэт аддаецца групам работнікаў з больш высокай падрыхтоўкай. У прафесійна-кваліфікацыйным рэчышчы развіццё гэтай тэндэнцыі выяўляецца як у істотным павелічэнні ў складзе занятых прадстаўнікоў прафесій, якія па-

трабуюць вышэйшай кваліфікацыі, так і ў скарачэнні колькасці малакваліфікаваных работнікаў.

Існаванне ў грамадстве патрэбы ў адукацыі, пастаянны рост і новыя патрабаванні рынкавай эканомікі заахвочваюць да бесперапынных змен у сістэме адукацыі, фарміравання і развіцця рынку адукацыйных паслуг у нацыянальнай эканоміцы. Даследаванне гэтых праблем мае важнае навуковае і практычнае значэнне, своечасовыя адэкватныя адказы на іх стануць істотным укладам не толькі ў станаўленне цывілізаванага рынку адукацыйных паслуг, але і ў эфектыўнае развіццё краіны ў цэлым [2].

У цяперашні час унутраныя працэсы адукацыі, у тым ліку і іх эканамічны аспект, можна правільна ацаніць толькі ў самым шырокім маштабе народнагаспадарчых сувязяў, глыбокіх якасных і структурных зрухаў у вытворчасці, у патрэбах, інтарэсах і матывацыях і ў цэлым у вобразе жыцця грамадства [3].

На жаль, разглядаючы неабходнасць эканамічнага падыходу да развіцця адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь (і гэта неаддзельна ад пастаноўкі пытання аб яго месцы ў сістэме народнагаспадарчых прыярытэтаў), пакуль яшчэ даводзіцца даказваць, што гэтая сфера з'яўляецца раўнапраўнай часткай народнай гаспадаркі, а не перыферыяй. Аднак пакуль наша грамадства павольна ўсведамляе гэты мінімум, жыццё сыходзіць далёка наперад. Умовы сучаснага этапу жыцця грамадства паставілі сферу адукацыі на востры цывілізацыйнага развіцця ва ўсіх лідыруючых краінах свету. Галоўнай пераменай у іх сацыяльна-эканамічным жыцці стала тое, што ўжо амаль пяць дзесяцігоддзяў таму была не толькі тэарэтычна даказана, але і ў нацыянальных маштабах практычна выкарыстана аб'ектыўная патрэба ў змене падыходу да ролі і месца чалавечага патэнцыялу. Інакш кажучы, грамадства ўспрыняло неабходнасць глыбокай сацыяльнай пераарыентацыі эканамічных прыярытэтаў. Менавіта гэта і складае асноўную лінію і магутную рухаючай сілу сучаснага этапу сусветнага развіцця.

Адукацыя стала ў перадавых краінах найважнейшай галіной народнагаспадарчай структуры, прынцыпова па-новаму трактуецца сярод інвестыцыйных відаў дзейнасці ў сферы нематэрыяльнай вытворчасці [4].

Нематэрыяльнае назапашванне, перш за ўсё ўкладанні ў «чалавечы капітал», уключаючы сферу навуковых даследаванняў і распрацовак, узростаючыя апераджальнымі тэмпамі, пераадолела бар'ер, пасля якога перавага над матэрыяльным стала відавочнай.

З тэорыямі «чалавечага капіталу» мяжуе блок даследаванняў па сувязях адукацыі з патрэбамі «свету працы», па абгрунтаванні прафесійнай арыентацыі і выпрацоўцы найлепшых формаў «адукацыі для кар'еры». Тут сфарміраваліся два галоўныя кірункі. Першы заснаваны на прагнозе канкрэтных патрэб галін народнай гаспадаркі ў кадрах розных прафесій і спецыялістаў, іх неабходнага ўзроўню агульнай і спецыяльнай падрыхтоўкі. У ас-

нове другога напрамку – нявызначанасць тэндэнцыі будучага і відавочная ненадзейнасць планавання ва ўмовах дынамічных структурных і якасных змяненняў. Тут зроблены ўпор на выгады шырокага адукацыйнага ўзроўню падрыхтоўкі, якая дазваляе забяспечыць прафесійную мабільнасць і закладвае базу для працягу адукацыі на працягу ўсяго жыцця чалавека [5; 6].

У рамках другога кірунку праводзіцца дэтальны аналіз адрозненняў у заробатнай плаце ў залежнасці ад ўзроўню, тыпу і месца атрыманай адукацыі, прычым ступень разгалінаванасці падыходу дазваляе атрымліваць вельмі індывідуалізаваную інфармацыю як для насельніцтва і навучальных устаноў, так і для дзяржаўных устаноў, якія адказваюць у цэнтры і на месцах за пытанні рэгіянальнага развіцця, занятасці, перападрыхтоўкі, сацыяльнага абслугоўвання і дапамогі. У прыватнасці, у ходзе гэтай працы ў многіх краінах быў праведзены аналіз вопыту, прапановы і аплаты працы выкладчыцкіх кадраў, у выніку была выяўлена цесная сувязь паміж адносным (у параўнанні з іншымі сферамі працы) узроўнем заробкаў і якасцю навучання. З гэтай высновай добра карэспандуе характэрная для многіх краін сучасная тэндэнцыя адноснага паляпшэння сацыяльнага статусу корпуса выкладчыкаў у цэлым і згладжвання ўнутраных дысбалансаў, напрыклад, падцягванне ўзроўню аплаты працы занятых на ніжэйшых прыступках адукацыйнай сістэмы да вышэйшай.

Актуальнай праблемай эканамічнага развіцця адукацыйнай сферы ў цяперашні час з'яўляецца ўзаемадзеянне розных эканамічных укладаў і механізмаў унутры адукацыйнай сферы і ў яе знешніх сувязях. У якасці прыкладу можна прывесці пошук аптымальнага балансу паміж прамымі бюджэтна-затратнымі метадамі сацыяльнага аздаравлення і ўскоснымі метадамі (пры гэтым і менш папулярнымі), якія засноўваюцца на дзеянні рынковых фактараў [7].

Вельмі неабходныя даследаванні па многіх ключавых напрамках развіцця самой адукацыйнай сферы: змест функцый менеджараў, «убудаванасць» кіраўнікоў у сістэму адукацыйных устаноў, спецыфічныя крытэрыі ацэнкі іх дзейнасці і стымулявання працы, аплата навучання ва ўстановах адукацыі, спосабы стымулявання якасці працы выкладчыкаў, тэарэтычныя пытанні функцыянавання некамерцыйных арганізацый у сферы адукацыі, у прыватнасці, падатковы статус такіх арганізацый, асаблівасці прыцягнення сродкаў і выкарыстання даходаў, формы адказнасці і справаздачнасці. Непазбежна спатрэбіцца стварэнне мадэлі прадпрыемальніцкіх адносін вучняў да навучання і выхавання, у якой павінны быць абгрунтаваныя як індывідуальныя стымулы, так і народнагаспадарчыя інтарэсы – насычэнне народнай гаспадаркі кваліфікаванымі кадрамі. Важна распрацаваць сістэму індыкатараў развіцця адукацыі, якая дазваляла б ацаніць шкоду ад «правалаў» у сістэме адукацыі, ад яе неадпаведнасці патрэбам вытворчасці, грамадства і людзей.

Сёння надзвычай важна вырашыць іншую агульнанацыянальную праблему – захаванне і павялічэнне «чалавечы капітал» рэспублікі [9, с. 132]. Гэта фундаментальная праблема, эканамічны аспект якой непарыўна звязаны з праблемамі народанасельніцтва, генетыкі, сацыялогіі, педагогікі і псіхалогіі.

Каб вырашыць вышэйпералічаныя праблемы і задачы, якія стаяць перад эканомікай адукацыі, у заходняй літаратуры досыць дэталёва распрацаваны мадэлі і крытэрыі індывідуальных рашэнняў па аптымізацыі выдаткаў часу і фінансавых сродкаў у адукацыю ў параўнанні з іншымі альтэрнатывамі інвэсціравання, метадыкі даследаванняў тэрмінаў акупнасці розных формаў і ўзроўняў адукацыі, фактараў выбару абітурыентамі розных навучальных устаноў, залежнасцей паміж узроўнем адукацыі, здольнасцямі і вопытам, якасцю навучання і аплатай працы выкладчыкаў і інш.

Спецыфіка даследаванняў у галіне эканомікі адукацыі ва ўмовах развіцця інтэграцыйных працэсаў у рамках ЕАЭС і СНД вызначаецца тым, што эканоміка і грамадства ў гэтых інтэграцыйных аб'яднаннях ажыццяўляецца па параметрах, якія адносяцца да задавальнення патрэб насельніцтва ў цэлым і аснашчэння сферы адукацыі ў прыватнасці, знаходзіцца ніжэй таго ўзроўню насычэння масавай прадукцыяй першай неабходнасці [8, с. 18], які, напрыклад, ЗША перасягнулі сем дзесяцігоддзяў таму, а іншыя развітыя краіны некалькі пазней. У сілу гэтага ні аб якім прагрэсе ў галінах нематэрыяльнай сферы нельга гаварыць без пераходу на прынцыпова новыя эканамічныя шляхі іх развіцця, якія, натуральна, вылучаюцца ў цэнтр даследаванняў па эканоміцы адукацыі.

Нягледзячы на тое, што лідарства на сусветным рынку паслуг у сферы адукацыі застаецца па-за краінамі ЕС і ЗША, Расійская Федэрацыя і Рэспубліка Беларусь таксама актыўна развіваюць экспарт паслуг у сферы адукацыі.

У мэтах садзейнічання экспарту адукацыйных паслуг у Рэспубліцы Беларусь створаны неабходныя інстытуцыйныя ўмовы. Так, пытанні росту канкурэнтаздольнасці нацыянальнай сістэмы вышэйшай адукацыі ў сусветнай адукацыйнай прасторы былі адлюстраваны ў праекце Праграмы сацыяльна-эканамічнага развіцця Рэспублікі Беларусь на 2021–2025 гг., у Дзяржаўнай праграме «Адукацыя і маладзёжная палітыка» на 2016–2020 гг., Дзяржаўнай праграме інавацыйнага развіцця Рэспублікі Беларусь на 2021–2025 гг., у рамках якой акцэнтуюцца ўвага на росце экспартнага патэнцыялу паслуг у сферы адукацыі. Акрамя таго, распрацаваны Канцэптуальныя падыходы да развіцця сістэмы адукацыі Рэспублікі Беларусь да 2030 г., што сведчыць аб усведамленні эканамічнай і геапалітычнай значнасці экспарту адукацыйных паслуг на ўсіх узроўнях дзяржаўнага кіравання.

У ацэнках якасці адукацыі Рэспублікі Беларусь ёсць некаторыя супярэчнасці. З аднаго боку, паказчыкі ІЧР сведчаць аб высокай ацэнцы інтэлекту-

альнага патэнцыялу краіны. Моцным бокам беларускай сістэмы адукацыі з’яўляецца фундаментальны характар адукацыйных праграм. Аб высокай якасці беларускай адукацыі сведчыць і тое, што беларускія студэнты знаходзяцца ў лідарах на міжнародных конкурсах па многіх напрамках. Акрамя таго, усе ўстановы вышэйшай адукацыі нашай краіны прадстаўлены ў рэйтынгу Webometrics Ranking of World Universities, 47 ВНУ – у рэйтынгу International colleges and Universities Rankings [10]. Аднак рэальныя пазіцыі займаюць усяго некалькі ўніверсітэтаў: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт інфарматыкі і радыёэлектронікі, Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны.

Да недахопаў выкарыстання размеркаванага ўніверсітэцкага комплексу адукацыі варта аднесці рост патэнцыялу міграцыі сярод моладзі. У апошні час часта абмяркоўваецца праблема рэалізацыі інтэграцыйнага патэнцыялу супрацоўніцтва ўніверсітэтаў у рамках ЕАЭС [11].

Стварэнне размеркаванага ўніверсітэцкага комплексу спрашчае ўзаемадзеянне з бізнес-структурамі, навуковым асяроддзем, спрыяе міжнароднаму супрацоўніцтву па шырокаму колу пытанняў [12]. Універсітэцкі комплекс валодае значнымі магчымасцямі для забеспячэння навуковага і адукацыйнага працэсаў сучаснай кадравай і тэхнічнай базай, што будзе спрыяць фарміраванню інавацыйнага асяроддзя ў нацыянальнай эканоміцы як асобных краін, так і ў цэлым у ЕАЭС.

Прыкладам такога комплексу з’яўляецца Міждзяржаўны адукацыйны праект Беларусі і Расіі «Саюзны навукова-адукацыйны цэнтр – Універсітэт інтэграцыі», увасоблены ў 2001–2011 гг. ВНУ Беларусі і Расіі: Гомельскім дзяржаўным ўніверсітэтам імя Францыска Скарыны, Нацыянальным тэхнічным ўніверсітэтам ад Беларусі і Маскоўскім дзяржаўным інстытутам электронікі і матэматыкі (тэхнічны ўніверсітэт), Санкт-Пецярбургскім дзяржаўным ўніверсітэтам ад Расіі [13].

Інтэграцыя сістэм адукацыі дзвюх краін абумоўлена перш за ўсё тым, што для Саюзнай дзяржавы Беларусі і Расіі былі патрэбныя спецыялісты новага тыпу, якія валодаюць, акрамя асноўнай кваліфікацыі, неабходнымі ведамі ў галіне інтэграцыйных працэсаў. Для рэалізацыі дадзенай мэты ў 2001 г. быў створаны Саюзны навукова-адукацыйны цэнтр – Універсітэт інтэграцыі як размеркаваны ўніверсітэт, які каардынуе працу некалькіх найбуйнейшых ВНУ Расіі і Беларусі. Аднак гэта не ВНУ ў класічным разуменні, а прынцыпова іншая структура, якая не адкрывае новыя факультэты, а абаліраецца на ўжо існуючыя ў дадзеных ўніверсітэтах падраздзяленні, інтэгруючы іх працу.

Універсітэт інтэграцыі накіраваны на падрыхтоўку кіраўніцкіх кадраў вышэйшага і сярэдняга звяна, дазваляе падрыхтаваць менеджараў для будучых саюзных структур, арыентаваных на прыярытэт інтэграцыйных

каштоўнасцей. Ён з'яўляецца палігонам для новых спецыяльнасцей, якія знаходзяцца ў рэчышчы інтэграцыйнага напрамку [13].

Не падпарадкоўваючыся непасрэдна ўрадам Расіі ці Беларусі, універсітэт выклікаў вялікі давер сярод іншых членаў ЕАЭС як прыклад саюзнай установы, першапачаткова нацэленай на фарміраванне ведаў і падрыхтоўку кадраў, у тым ліку для будучых інтэграваных структур у ЕАЭС.

Аднак, не з'яўляючыся філіялам дзеючага ўніверсітэта ні адной з краін, Універсітэт інтэграцыі будаваўся на аснове ўжо існуючых навукова-адукацыйных цэнтраў, рэалізуючы годнасць нацыянальных адукацыйных структур: кадравы, навукова-навучальны, педагагічны патэнцыял, вопыт і традыцыі, прэстыж – фактары, вельмі важныя для вышэйшай адукацыі. На першым этапе фарміравання адукацыйнай прасторы стваральнікі праекта сутыкнуліся з неабходнасцю фарміравання і ўзгаднення вучэбна-метадычных стандартаў, нарматываў і праграм.

Як ужо было адзначана, Саюзны навукова-адукацыйны цэнтр – Універсітэт інтэграцыі як размеркаваны ўніверсітэт, які каардынуе працу, ажыццяўляў падрыхтоўку ў сістэме размеркаванага ўніверсітэта. Звяртаючыся да інтэграцыйнага праекта, можна звярнуцца да сучаснай сацыялогіі арганізацый, якая мае цікавыя праекты ў галіне падобных арганізацый, якія даюць магчымасць прапанаваць у якасці асновы ўяўленняў аб размеркаванай арганізацыі шэраг ідэй, сфармуляваных сучаснымі канцэпцыямі тэорыі арганізацый, якія актыўна распрацоўваюцца з канца ХХ ст. Гэта сведчыць аб такіх відах і формах сучасных арганізацый, як віртуальныя, інтэлектуальныя, сеткавыя і інш.

Як віртуальная арганізацыя Саюзны навукова-адукацыйны цэнтр – Універсітэт інтэграцыі ўяўляе сабой арганізацыю, якая развівае формы дыстанцыйнага навучання. Але найбольш перспектыўная мадэль арганізацыі функцыянавання Цэнтра – сеткавая. Сеткавая арганізацыя – гэта аб'яднанне незалежных індывідаў, сацыяльных груп і арганізацый, якія дзейнічаюць скаардынавана на працяглай аснове для дасягнення ўзгаднення мэт і маюць агульны карпаратыўны імідж і карпаратыўную інфраструктуру. Менавіта сеткавая арганізацыйная мадэль здольна забяспечыць як высокую мабільнасць асобнай арганізацыі, так і эфектыўную арганізацыю працы некалькіх арганізацый у рамках дзелавой групы.

У структуры сеткавай арганізацыі можна вылучыць тры групы: карпаратыўны цэнтр, сістэму сэрвісных арганізацый, членаў сеткі. У функцыі карпаратыўнага цэнтра могуць уваходзіць: узгадненне інтарэсаў членаў сеткі; прадстаўленне іх у адносінах з іншымі арганізацыямі; падтрымка карпаратыўнага іміджу сеткі; забеспячэнне ўзаемадзеяння паміж членамі сеткі (карпаратыўны цэнтр з'яўляецца інфармацыйным і камунікацыйным ядром сеткавай арганізацыі); фарміраванне адзінай інфармацыйнай прасторы, інфраструктуры і арганізацыйных механізмаў сеткі; арганізацыя працы

сэрвісных кампаній, да ліку якіх адносяцца або асобныя спецыялізаваныя арганізацыі, або надзеленыя адпаведнымі функцыямі адзін або некалькі членаў сеткі.

Калі разглядаць ВНУ ЕАЭС як свайго роду сетку, то Саюзны навукова-адукацыйны цэнтр – Універсітэт інтэграцыі бярэ на сябе функцыі карпаратыўнага цэнтра такой сеткі. У рамках сеткі Цэнтр выконвае функцыі аднаго з лідараў сеткі, які валодае, напрыклад, фінансавымі рэсурсамі па забеспячэнні падрыхтоўкі спецыялістаў для саюзнай дзяржавы. Акрамя гэтага, Цэнтр здольны ажыццяўляць функцыю сэрвіснай арганізацыі па забеспячэнні вучэбнай або навуковай дзейнасці.

Навукова-інтэлектуальную арганізацыю прадставім як некаторае свабоднае грамадства з вялікай колькасцю цэнтраў, якія ўзаемадзейнічаюць. Для яе характэрны магчымасць канкурэнцыі навуковых пазіцый па шырокаму колу пытанняў.

Падобная арганізацыя прадугледжвае супрацоўніцтва, у рамках якога ўдзельнікі выконваюць сумесную працу з мэтай выканання запытаў спажыўцоў, пры гэтым іх увага сканцэнтравана на арганізацыі ў цэлым. Структура навукова-інтэлектуальнай арганізацыі з'яўляецца гнуткай, хутка зменлівай у залежнасці ад задач і рэакцыі на ўмовы, у якіх пазіцыянуюцца яе асобныя члены. Галоўнай характарыстыкай навукова-інтэлектуальнай арганізацыі стаў пераход ад каардынацыі да кантролю выканаўцаў, якія працуюць у рамках узаемазвязаных груп, якія складаюцца з членаў, роўных у рангавым дачыненні. Роўнасць членаў падобнай арганізацыі дазваляе прымяняць назапашаны імі інтэлектуальны патэнцыял.

Пры комплексным вывучэнні адукацыйных структур рынкаў працы і сацыяльных патрэб выяўлена, што найбольш распаўсюджаныя тыпы і формы адукацыі, профільныя структуры яго сярэдняй і вышэйшай формаў знаходзяцца ў дынамічнай адпаведнасці са структурай здольнасцей насельніцтва (па іх ўзроўню і накіраванасці), а таксама з патрэбамі вытворчасці і жыцця.

Была прызнана неабходнасць агульнага і прафесійнага кампанентаў адукацыі з пазіцыі кваліфікацыйных патрабаванняў эканомікі і развіцця асобы (хоць на рынку працы ацэнкі агульнай і спецыяльнай адукацыі не аднолькавыя з-за адрозненняў у крыніцах фінансавання).

Ва ўсякай рэформе, у тым ліку і ў адукацыйнай сферы, вырашальную ролю адыгрывае апора на адэкватны ўлік унутраных умоў і асаблівасцей кожнай краіны. Больш таго, канчатковай крыніцай руху з'яўляецца назапашванне масавага вопыту спроб і памылак, пераадоленне стэрэатыпаў і інерцыі ў менталітэце насельніцтва.

Асаблівае роля адводзіцца цэнтру інтэлектуальнай арганізацыі. Дадзеная роля заключаецца ў фарміраванні ўмоў, якія дазваляюць членам павысіць эфектыўнасць рабочых груп. Цэнтр у цяперашні час пачаў выпрацоў-

ваць правілы і нормы працы, ствараць інструкцыі і стымулы, якія забяспечваюць адаптацыю кампаніі да знешняга асяроддзя, укараняць стандарты. З пазіцыі навукова-інтэлектуальнай арганізацыі Саюзна навукова-адукацыйны цэнтр выконваў функцыі цэнтра, які стварае і развівае навуковыя школы і напрамкі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Институт статистики ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/state/2006/08/24/108>. – Дата доступа: 28.08.2021.
2. *Hansen, L. Costs and Finance of Public Higher Education / L. Hansen, B. Weisbrod* [Электронный ресурс]. – San Francisco: Jossey Bass Publishers. – Режим доступа: – www.mlilibrary.ru/files/books/Friedman_book2. – Дата доступа: 28.08.2021.
3. *Марцинкевич, В. И. Образование в США: экономическое значение и эффективность / В. И. Марцинкевич.* – М.: Наука, 1967.
4. *Кольчугина, М. Б. ФРГ: образование и экономика / М. Б. Кольчугина.* – М., 1973.
5. *Марцинкевич, В. И. США: человеческий фактор и эффективность экономики / В. И. Марцинкевич.* – М., 1991.
6. Образование и подготовка кадров: комплексная программа научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.academic.ru/dic.nsf/bse/129065/СССР. – Дата доступа: 15.07.2021.
7. *Сорвилов, Б. В. Образовательные инновации в зарубежных странах и опыт России / Б. В. Сорвилов, А. С. Смакотин, В. М. Четвериков.* – М.: Интеграция, 2007. – 320 с.
8. *Сорвилов, Б. В. Союзный научно-образовательный центр – университет интеграции как институциональная форма развития единого образовательного пространства стран СНГ / Б. В. Сорвилов // Вестн. славян. вузов.* – 2011. – № 3. – С. 17–25.
9. *Сорвилов, Б. В. Образование как многоотраслевая сфера воспроизводства человеческого капитала / Б. В. Сорвилов, В. И. Ерошин, Л. Ф. Колесников // Наука и школа.* – 2014. – № 4. – С. 13–24.
10. Education at a glance 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://read.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2018_eag-2018-en#page221. – Дата доступа: 15.07.2021.
11. Сотрудничество вузов Беларуси, России и Казахстана в рамках Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oko-rf.ru/comments321.html>. – Дата доступа: 15.07.2021.
12. *Юрьев, В. М. Создание инновационно-образовательного кластера как одного из механизмов совершенствования подготовки специалистов в области нанотехнологий / В. М. Юрьев, Ю. И. Головин, М. С. Чванова // Вестн. ТГУ.* – 2008. – Вып. 8 (64). – С. 9–14.
13. *Бородин, П. П. Союзному государству требуются специалисты по интеграции / П. П. Бородин // К единому образовательному пространству России и Белоруссии: тр. Центра союз. интеграции Минобразования РФ; под ред В. И. Ивановой.* – М., 2002. – С. 9–11.

(Дата подачи: 16.02.2022 г.)

А. В. Семак

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси,
Минск

A. V. Semak

Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk

УДК 339.9

РАЗВИТИЕ КОРПОРАТИВНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ГРУППИРОВКАХ

DEVELOPMENT OF CORPORATE INTEGRATION IN REGIONAL INTEGRATION GROUPINGS

В статье выявляется роль корпоративной интеграции, которая является одной из форм «интеграции снизу» при формировании региональных интеграционных группировок. Дан краткий обзор различных моделей и механизмов реализации корпоративной интеграции в Европейском союзе, НАФТА, группировках Латинской Америки, Африки, Юго-Восточной Азии. Выявлены общие черты и отличия моделей корпоративной интеграции в различных региональных интеграционных группировках. Проанализированы данные процессы в ЕАЭС, сделаны предложения по развитию корпоративной интеграции в рамках ЕАЭС.

Ключевые слова: корпоративная интеграция; «интеграция снизу»; региональная интеграционная группировка; модели корпоративной интеграции.

The article reveals the role of corporate integration, which is one of the forms of «integration from below» in the formation of regional integration groups. A brief review of various models and mechanisms for the implementation of corporate integration in the European Union, NAFTA, groups in Latin America, Africa, and Southeast Asia is given. Common features and differences of corporate integration models in various regional integration groupings are revealed. These processes in the EAEU are analyzed, proposals are made for the development of corporate integration within the EAEU.

Keywords: corporate integration; bottom integration; regional integration grouping; corporate integration models.

Становление корпораций (корпоративного бизнеса) в начале 90-х гг. XX в. в нашей стране проходило в условиях общего кризиса экономики и резкого спада производства. Приватизация, осуществлявшаяся в условиях трансформации, привела к разрушению прежних экономических структур. Одновременно с этим многообразие форм собственности способствовало возникновению различных форм предпринимательства – от индивидуального до крупных акционерных обществ.

Корпорации как форма предпринимательства обладают рядом преимуществ, которые позволяют концентрировать капитал и производства для

осуществления крупных проектов. Поэтому в экономически развитых странах акционерные общества являются основными, наиболее эффективными и конкурентоспособными предприятиями, концентрируя значительную часть объемов производства и реализации продукции.

Актуальность темы обусловлена ролью акционерных форм ведения бизнеса в процессе приватизации и при формировании интеграционных объединений, в том числе Евразийского экономического союза. Белорусские формы предпринимательства пока не имеют такой устойчивости и конкурентных преимуществ, что препятствует полноценному развитию белорусской хозяйственной системы, созданию условий для привлечения инвестиционных ресурсов. «В целом формирование системы корпоративных производственных отношений в рамках антикризисного механизма хозяйствования Республики Беларусь во многом способствовало бы наращиванию производственно-рыночного потенциала общественного воспроизводства товаров, работ и услуг как составной синергетической части постиндустриальных производительных сил» [1].

Роли корпоративной интеграции в развитии интеграционных процессов посвящено много работ. В ходе становления и развития теории интеграции каждое из течений и направлений в той или иной степени рассматривало проблему взаимодействия корпоративных структур и интеграционных институтов. В работах зарубежных авторов (Дж. Ван Хорн, П. Самуэльсон, В. Нордхаус, Дж. Гелбрейт) раскрыты подходы к сущности корпораций, истории их формирования, основным принципам построения. Много внимания уделено экономическим и юридическим отношениям между собственниками и управляющими в корпорациях, механизмам взаимодействия интересов различных участников компании, лоббированию интересов бизнеса в региональной интеграционной группировке (Я. Тинберген, Д. Митрани, Ж. Моннэ, Дж. Вайнер, Э. Моравчик, Дж. Питерсон). Однако работы зарубежных авторов посвящены уже формам корпораций в условиях развитых рыночных экономик. Поэтому труды белорусских ученых (А. В. Данильченко, А. В. Дайнеко, Ю. В. Медведева, О. Ф. Малашенковой, К. В. Якушенко) посвящены проблемам становления и развития различных форм акционерных структур в условиях переходной экономики и формирования Евразийского экономического союза. Труды российских авторов (Н. Б. Сонькин, И. Ю. Храброва, Ю. С. Маслеченков, Ю. Н. Тронин, С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова, С. Д. Могилевский, И. А. Самойлов, В. А. Цветков), диссертации Ж. В. Тихоновой, О. А. Тихомировой и других посвящены в основном сущности и основным принципам функционирования акционерных обществ в условиях становления рыночных отношений и формирования международных торговых блоков. Отдельно необходимо отметить работу Б. Хейфеца и А. Либмана по модели корпоративной интеграции в ЕАЭС.

Целью исследования является изучение опыта корпоративной интеграции в различных интеграционных группировках, механизм корпоративной интеграции в Европейском союзе и взаимодействие бизнеса с наднациональными органами.

В соответствии с поставленной целью в работе сформулированы следующие задачи:

- определить особенности интегрирования корпораций в интеграционных группировках различных стран;
- раскрыть особенности становления корпоративного сектора стран-членов ЕАЭС и выявить влияние корпоративной интеграции на развитие ЕАЭС.

Новизна полученных результатов заключается в разработке предложений по развитию корпоративной интеграции в ЕАЭС на основе выявления моделей и механизмов корпоративной интеграции в различных региональных интеграционных группировках.

При анализе корпоративной интеграции наиболее интересен опыт ЕС, так как в нем создана система, где институты формальной и неформальной интеграции взаимно поддерживают и усиливают друг друга. Первоначально интеграция осуществлялась в рамках государственных инициатив, хотя корпоративная интеграция сыграла большую роль. Учреждение Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом) было проведено в рамках и корпоративной интеграции. Постепенно с углублением региональной интеграции усиливалась и корпоративная. В конце 90-х гг. более чем для 50 % отраслей обрабатывающей промышленности конкуренция на уровне ЕС была важнее конкуренции на национальном уровне [2, с. 4]. В Европейском союзе рыночные цены на торгуемые товары были выровнены, хотя еще и оставались некоторые отличия цен на неторгуемые товары [2, с. 4]. Это указывает на свободу перемещения факторов производства и высокий уровень интернационализации.

Еще одной особенностью европейской интеграции является транснационализация малого и среднего бизнеса, который активно использует малые формы интеграции и свободу перемещения факторов производства. Более того, больших масштабов достигла внутрифирменная торговля между дочерними и материнскими компаниями Европы [4, с. 16].

Евросоюз как формальное объединение уделяет значительное внимание поддержке трансграничной интеграции. Начиная с 1990 г. реализуется программа ИНТЕРРЕГ по финансированию трансграничных региональных проектов за счет средств ЕС. Трансевропейское сотрудничество для сбалансированного развития (ИНТЕРРЕГ) – название одной из самых крупных

и значительных программ Евросоюза [5] по сотрудничеству в области проектов межрегионального значения.

По отношению к пространственному развитию ИНТЕРРЕГ является одним из главных инструментов и механизмов поддержки транснациональных проектов регионального планирования, в том числе развития, стимулирующих межрегиональное сотрудничество в ЕС [5].

Целью инициативы является укрепление экономического и социального согласия в ЕС, оказывая поддержку корпоративной интеграции. Инициатива ИНТЕРРЕГ преследует следующие цели:

- продвижение объединенного регионального развития между пограничными районами, включая внешние и морские границы (А);
- помощь гармоничной территориальной интеграции в ЕС (В);
- расширение потенциала развития отстающих и переживающих изменения областей ЕС путем межнационального/межрегионального сотрудничества ради улучшения регионального развития, политик и методов единения (С).

Преимущество в финансовых ресурсах для этого отдается проектам категории А, которая выделяет трансграничное международное сотрудничество и нацелена на развитие международных экономических и социальных групп и объединенных подходов пространственного развития в рамках корпоративной интеграции.

Теоретической основой взаимодействия корпораций и наднациональных органов в ЕС является неофункциональная, так как в данном направлении теории интеграции подчеркивается роль бизнеса, заинтересованного в интеграции. Они считают, что интеграция может быть успешной только тогда, когда она опирается на заинтересованные экономические группы, которые способствуют разрешению противоречий между бизнесом и государством. Бизнес-группы сначала находят общий интерес, разрабатывают стратегию, экономические меры, а потом вовлекают государство для реализации своих интересов. Поэтому у неофункционалистов реальными субъектами интеграции являются не правительство, а негосударственные группы и их ассоциации, среди которых главные – бизнес, транснациональные корпорации, ученые, деятели культуры и образования.

Крупнейший исследователь корпоративной интеграции и ее влияния на региональные интеграционные процессы Р. ван Шенделен изучал проблему европейской демократии в условиях доминирования интересов корпораций, взаимодействия между представителями интересов и европейскими властями. Также можно выделить работы К. Деквирта и М. Г. Коулса (проблемы монополизации и развитие интеграции в ЕС), М. Преннера (анализ деятельности Европейского круглого стола промышленников), Г. Т. Стулломай, который исследовали влияние Трансатлантического бизнес-диалога на либерализацию американо-европейских экономических отношений.

Все исследователи отмечали, что модель взаимодействия корпоративной и региональной интеграции включает в себя два процесса, которые могут проходить или обособленно, или параллельно друг другу:

- инициированные наднациональными органами;
- инициированные бизнесом, который заинтересован в формировании политики и лоббировании собственных интересов.

Рассмотрим первый процесс. Европейская комиссия при разработке законодательных актов в любой области нуждается в экспертизе. Экспертиза всегда связана с профессионализмом, поэтому возникают отношения сотрудничества между бизнесом и европейскими властями. Представители бизнеса предоставляют такую информацию и экспертные оценки по качеству и количеству, которые получить из других источников невозможно. Однако по мере развития ЕС количество таких экспертных механизмов чрезмерно возросло, и Еврокомиссия содействовала созданию отраслевых европейских федераций и консультационных форумов чиновников ЕС с влиятельными представителями бизнеса. Более того, в настоящее время существует реестр экспертных групп, в которую могут входить любые группы интересов.

Наднациональные органы также стремятся наладить взаимодействие с бизнесом для того, чтобы следовать принципам демократии, важнейшими составляющими которой являются открытость и транспарентность, обеспечивающие общественный контроль над процессами в государстве и обществе.

Второй процесс идет тогда, когда корпорации заинтересованы в повышении конкурентоспособности на европейском рынке. Поэтому они «способствуют введению единой европейской системы экспортного контроля, расширению практики косвенного налогообложения, совершенствованию европейской инфраструктуры и информационного обеспечения, укреплению единой валюты» [6].

Большую роль играют в этом европейские отраслевые корпоративные ассоциации, представляющие собой «союзы союзов», в которых доминируют лидеры рынка.

В ЕС существует много различных форм сотрудничества между наднациональными, национальными институтами и деловыми кругами. Например, Европейский альянс по корпоративной социальной ответственности, созданный в 2006 г. по инициативе и под управлением Европейской комиссии. В Альянс входят компании, работающие во всех странах ЕС и во всех отраслях экономики.

Еще одной формой сотрудничества бизнеса и наднациональных органов является регулирование лоббистской деятельности. Лоббисты действуют в различных институтах ЕС, но в основном в Европейской комиссии.

К основным формам взаимодействия можно также отнести официальные обращения и рекомендации бизнеса. К тем, кто может влиять на решения в ЕС, в первую очередь можно отнести корпоративные представительства, профессиональные федерации, национальные ассоциации. Наиболее влиятельной

ассоциацией на сегодняшний день является Европейский круглый стол промышленников (ЕКСП), в который входят около 50 руководителей крупнейших транснациональных компаний.

Важным направлением политики органов ЕС является контроль над слияниями и поглощениями. Разработана процедура, включающая семь этапов: предварительное обсуждение; официальное уведомление; расследование; переговоры; принятие решения; политическая оценка; юридическая проверка.

Для общества и корпораций положительным моментом является ее оперативность (сроки принятия решения не более месяца), гибкость (первоначально предоставляется большой объем информации, что облегчает принятие решения), формат «одного окна», так как решение принимает только единственный институт (Европейская комиссия), который может одобрить или заблокировать слияние или поглощение.

Несколько иначе выглядит ситуация в НАФТА. Здесь движущей силой интеграции выступают корпоративные структуры (прежде всего американские ТНК), однако их региональное проникновение оговорено соответствующими межправительственными соглашениями. К примеру, в 1965 г. правительства Мексики и США заключили соглашение, разрешающее американским корпорациям располагать сборочные производства в приграничной зоне Мексики (так называемые зоны maquila) и беспощадно ввозить и вывозить детали для обработки. Девальвация песо в 1982 г. привела к быстрому росту инвестиций компаний-maquiladoras, превратившихся в мощных лоббистов региональной интеграции. Именно эти компании стали одним из ключевых игроков, поддерживавших переход к модели формальной интеграции в рамках НАФТА. Ее создание, в свою очередь, дало толчок новому росту американских инвестиций, не сопоставимому с результатами, достигнутыми до ее формирования. Так, ежегодно американские корпорации вкладывали около 50 % всех прямых инвестиций в экономику Мексики, что составляло около 10–15 млрд долл. США [7; 8].

Необходимо добавить, что процесс интеграции идет еще и за счет большой волны мигрантов из Мексики в США. В результате в США сформировалась значительная испаноязычная диаспора, оказывающая серьезное влияние на экономическое и политическое развитие страны, которая создает деловые сети и трансграничные структуры. Согласно официальным данным, совокупная эмиграция из Мексики в США в 80-х гг. составила примерно 1,7 млн человек, а в 90-х гг. этот показатель возрос уже до 2,2 млн человек [9, с. 442]. Неофициальная эмиграция, по всей видимости, была еще более значительной. В настоящий момент мигрантов из Мексики около 7 млн человек, а инвестиции из нее в США составляют около 30 % от всех ПИИ Мексики [10].

В НАФТА есть целый ряд примеров активной корпоративной интеграции. Это регион Каскадия, охватывающий север тихоокеанского побережья США и юг побережья Канады. Интеграция в Каскадии поддерживается множеством структур, в которых государственные органы выступают лишь соучредителями. Речь идет о проекте «Каскадия» – региональном альянсе Аляски, Британской Колумбии, Юкона, Альберты, Вашингтона, Орегона, Монтаны и Айдахо; группе PNWER – государственно-частном партнерстве, созданном в 1989 г. Советом по экологическому сотрудничеству Британской Колумбии и Вашингтона. Сюда же можно отнести совет предприятий Тихоокеанского коридора, куда в 1990 г. вошли около 200 ведущих бизнес-лидеров региона, а также группу планирования Каскадия, в составе которой политики и сотрудники администраций региона. Помимо этого, существует множество других институтов и негосударственных организаций, ратующих за сотрудничество в регионе [11].

В отличие от Северной, в Латинской Америке корпоративная интеграция развита слабо. Формальные интеграционные институты мало учитывают интересы бизнес-структур и в основном ориентируются на политическую сторону интеграции. Трансграничные инвестиции крайне незначительны, хотя у корпоративной интеграции большой потенциал из-за общности культуры, языка, экономических проблем и корпоративной организации.

Пока пример корпоративной интеграции можно наблюдать в телекоммуникационной сфере. Так, мексиканские создали корпоративный союз Telmex и America Movil на рынках связи в большинстве стран Латинской Америки. То же можно сказать о мексиканской FEMSA и перуанской Aje-group, которые активно входят в пищевую отрасль региона.

Юго-Восточная Азия является регионом, в котором основной моделью интеграции является корпоративная, так как очень высок уровень взаимодействия бизнес-структур между странами при не очень высоком уровне формальной интеграции. Взаимопереплетение экономик стран осуществляется через неформальные китайские деловые сети и инвестиционную активность японских корпоративных структур.

Огромную роль в развитии корпоративной интеграции играют китайские диаспоры. «По разным оценкам, сегодня китайское население Юго-Восточной Азии составляет от 20 до 30 млн человек, оно контролирует значительную часть экономических активов региона. К примеру, в Малайзии на его долю приходится почти треть населения и две трети экономики, в Индонезии – около 3 % населения и 70 % активов, в Таиланде – соответственно 10 и 90 %» [12, с. 51]. Сетевые структуры используются китайским бизнесом для преодоления тарифных и нетарифных барьеров, позволяют обходить ограничения в перемещении капиталов, товаров, услуг, рабочей силы и технологий. С другой стороны, снижается открытость и транспарентность в обществе и формируется «теневая корпоративная интеграция».

Японская корпоративная интеграция также оказывает мощное влияние на данный регион, так как активно инвестирует в страны Юго-Восточной Азии и формирует крупные транснациональные производственные комплексы.

Постепенно на основе корпоративной интеграции было создано формальное региональное объединение (АТЭС).

Межрегиональная интеграция проявляется в создании «треугольников роста»: был создан треугольник SJORI, объединяющий Сингапур и территориальные образования Малайзии и Индонезии; IMT-GT (отдельные территориальные образования Малайзии, Индонезии и Таиланда); VIMP-EAGA (Бруней и отдельные территориальные образования Филиппин, Индонезии и Малайзии); экономическое сотрудничество в районе Желтого моря (Южная Корея, отдельные провинции Китая и префектуры Японии).

Различные модели взаимодействия корпоративной и региональной интеграции систематизированы в таблице. Представлено пять критериев.

Таблица

Обобщенная характеристика соотношения различных аспектов моделей корпоративной интеграции*

Характеристика	Юго-Восточная Азия	Северная Америка	Латинская Америка	Европа	Африка
Результативность формальной интеграции	Низкая (АСЕАН, АТЭС)	Средняя (НАФТА)	Низкая (МЕРКОСУР, Андская группа, КАРИКОМ)	Высокая (ЕС)	Низкая
Масштабы взаимных инвестиций и деятельности ТНК	Высокие (японские ТНК, китайские деловые сети)	Высокие (американские корпорации в Канаде и Мексике maquiladoras)	Низкие	Высокие	Низкие
Масштабы трансграничных сетей и миграции	Высокие (китайские деловые сети)	Высокие (в основном миграция из Мексики в США)	Неопределенные (возможности, на уровне теневой экономики)	Высокие	Сравнительно высокие (параллельная торговля)
Масштабы субрегионального сотрудничества	Незначительные (треугольники роста)	Средние (в основном миграция из Мексики в США)	Незначительные (отдельные проекты)	Высокие (в основном стимулируются «сверху» финансированием ЕС)	Незначительные (например, SDI), в основном основаны на

Характеристика	Юго-Восточная Азия	Северная Америка	Латинская Америка	Европа	Африка
					деятельности частного бизнеса)
Взаимосвязь формальной и неформальной интеграции	Неформальная интеграция как субститут формальной	Неформальная интеграция как стимул развития формальной	Независимое развитие формальной и неформальной интеграции, ограниченная регионализация за счет жесткого протекционизма	Взаимовлияние и взаимообусловленность формальной и неформальной интеграции	Неформальная интеграция как субститут формальной интеграции и слабого государственного управления

*Примечание: составлено автором на основе [13–15].

По уровню развития формальной интеграции и результатам деятельности выделяется ЕС, имеющий самые развитые наднациональные органы. По показателям взаимных инвестиций выделяются АСЕАН, АТЭС, НАФТА и ЕС. Рассмотрены масштабы трансграничных сетей и субрегионального сотрудничества, где выделяется ЕС. Рассматривая взаимосвязь формальной и неформальной интеграций, можно сказать, что реальное взаимодействие налажено в ЕС. В АСЕАН, АТЭС, НАФТА и региональных интеграционных группировках Африки наднациональные органы являются субститут («продуктом») корпоративной интеграции. В Латинской Америке данные процессы не взаимосвязаны.

Современные процессы в мировой экономике диктуют странам необходимость поиска новых возможностей для кооперации и сотрудничества. В евразийском регионе 1 января 2015 г. появилось новое региональное интеграционное объединение – Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в который на сегодняшний день входят Армения, Беларусь, Казахстан, Россия и Кыргызстан.

Наднациональные органы ЕАЭС активно работают над повышением положительных экономических эффектов от процессов евразийской интеграции. Бизнес является не только заинтересованной стороной, но и основным получателем выгод от интеграции.

Одним из приоритетов работы Евразийской экономической комиссии является улучшение условий для ведения бизнеса на евразийском экономическом пространстве. В ЕЭК выстроена система институтов для работы с предпринимательским сообществом. Так, при Комиссии на постоянной основе работают консультативные комитеты, в которые входят чиновники, эксперты, представи-

тели бизнеса стран – членов ЕАЭС. Всего при Коллегии ЕЭК функционирует 22 консультативных комитета [2].

В 2012 г. был создан Консультативный совет по взаимодействию Евразийской экономической комиссии и Белорусско-Казахстанско-Российского бизнес-диалога. Он стал экспертной площадкой, на которой ЕЭК и представители бизнес-ассоциаций имеют возможность рассматривать системные и стратегические вопросы функционирования ЕАЭС. В 2015 г. была выдвинута идея создания Делового совета из представителей бизнес-ассоциаций стран ЕАЭС. Его образовали для развития интеграционных процессов в ЕАЭС и «выработки единой позиции по актуальным вопросам сотрудничества и формирования единого экономического пространства в рамках ЕАЭС» [16].

Для повышения эффективности работы ЕЭК и доступности мнения бизнеса об интеграционных процессах была внедрена в практику оценка регулирующего воздействия проектов решений Комиссии и предложено проведение экспертизы эффективности разрабатываемых нормативных актов ЕЭК, затрагивающих интересы предпринимателей.

Серьезное внимание уделено в ЕАЭС антимонопольному регулированию.

Создан Консультативный комитет по конкуренции и антимонопольному регулированию, ценовому регулированию и государственным (муниципальным) закупкам. В его функции входит подготовка предложений по гармонизации антимонопольного законодательства.

Однако, несмотря на попытку координации корпоративной и региональной интеграции в ЕАЭС, результат еще не дает того эффекта, который есть в ЕС.

Рассмотрев механизмы взаимодействия наднациональных институтов и корпораций в различных интеграционных группировках, можно сказать, что наиболее эффективна европейская система. В европейской модели взаимодействия институтов ЕС и бизнеса учтены интересы всех групп, разработано множество форм, институтов, инструментов, которые позволяют не только положительно влиять двум интеграционным процессам друг на друга, но и разработаны границы вмешательства государства и бизнеса в различные сферы политики и экономики, существует режим публичных консультаций.

По результатам анализа корпоративной интеграции и ее взаимодействия с региональной можно предложить ряд рекомендаций для Евразийской экономической комиссии:

1. Необходимо разработать механизмы и инструменты взаимодействия как с крупными бизнес-ассоциациями, так и с отдельными представителями бизнеса.

2. Необходимо выработать единую позицию во взаимоотношении государства и бизнеса.

3. Разработать нормативные документы, которые бы регламентировали формы и границы взаимодействия между бизнесом и наднациональной властью.

4. Разработать механизм открытости и транспарентности принятия решений в ЕАЭС на всех уровнях.

5. Формировать механизм контроля разработки и внедрения различных инициатив на всех этапах согласования.

Эти меры помогут лучше взаимодействовать корпоративной и региональной интеграции в ЕАЭС и вывести диалог между Евразийской экономической комиссией и бизнес-сообществами государств – участников ЕАЭС на новый уровень для повышения эффективности евразийской интеграции и стабильного развития экономик стран-членов. Полное развитие системы взаимных консультаций повысит рост транснационализации, эффективность сделок по СИП капитализации предприятий на территории всех государств – членов ЕАЭС и позволит повысить конкурентоспособность на мировом рынке.

В то же время бизнесу необходимо активизироваться для усиления роли в евразийской интеграции и расширить участие в деятельности Делового совета Евразийского экономического союза, который в настоящее время является основной диалоговой площадкой между предпринимателями и властью. Необходимо также в рамках Делового совета развивать горизонтальную интеграцию между национальными бизнес-ассоциациями, что позволит формировать единую позицию бизнес-структур всех стран – членов ЕАЭС. Это довольно сложная задача, так как требует от бизнеса перехода от национальной логики на логику наднациональную, интеграционную. Но, только найдя консенсус в данном вопросе, бизнес сможет реально проводить свои интересы в ЕАЭС, развивать торговлю, промышленное и финансовое сотрудничество, участвовать в реализации общих отраслевых проектов. А Деловой совет будет отстаивать интересы бизнеса при принятии новых законодательных инициатив.

Подводя итог исследованию, мы можем констатировать, что предпринимателям ЕАЭС и руководителям Евразийской экономической комиссии не только следует принять во внимание опыт организации коммуникации в Европейском союзе, но и развивать собственный коммуникационный потенциал, используя возможности Делового совета ЕАЭС.

Список использованных источников

1. Угарина, Т. А. Проблемы формирования корпоративных структур в рамках антикризисного механизма хозяйствования Республики Беларусь / Т. А. Угарина // Учение В. И. Вернадского о ноосфере и антикризисное социально-экономическое развитие Беларуси: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 23–24 окт. 2009 г.). – Минск: Ин-т экономики Нац. акад. наук Беларуси, 2009. – С. 158–160.

2. Lyons, B. R. Industrial Concentration and Market Integration in the European Union / B. R. Lyons, C. Mataves, P. Moffatt // *Economica*. – 2001. – V. 69, № 269. – P. 24–35.

3. *Faber, R. P. Price Convergence in Europe from a Macro Perspective: Product Categories and Reliability* / R. P. Faber, C. J. Stokman Ad. // De Nederlandsche Bank Working Paper. – 2005. – № 034. – P. 6–17.

4. *Chevassus-Lozza, E. Infra-Firm Trade and European Integration: Evidence from the French Multinational Agrobusiness* / E. Chevassus-Lozza, D. Galliano // GRES Working Paper. – 2006. – № 24. – P. 16–32.

5. ИНТЕРРЕГ – Трансевропейское сотрудничество для сбалансированного развития [Электронный ресурс]: словарь-справочник – пространственное развитие в Европе. – Режим доступа: <http://www.vasilieva.narod.ru/mu/csipfo/kpr/frames/guide/interreg.htm>. – Дата доступа: 05.02.2022.

6. Слияния и поглощения М&А [Электронный ресурс] // Государство. Бизнес. ИТ. – Режим доступа: http://www.tadviser.ru/index.php/-/Статья:Слияния_и_поглощения_М%26А. – Дата доступа 05.02.2022.

7. Иностраннные инвестиции в Мексику [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mirec.ru/upload/ckeditor/files/vyvoz-kapitala-iz-meksiki.pdf>. – Дата доступа: 23.11.2021.

8. Миграция из Мексики в США [Электронный ресурс]: Вопросик. – Режим доступа: <http://voprosik.net/o-nelegalnoj-migracii-v-ssha/>. – Дата доступа: 01.12.2021.

9. NAFTA Revisited: Achievements and Challenges. – Wash., 2005. – P. 442.

10. Республика Каскадия [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%9A%D0%B0%D1%81%D0%BA%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D1%8F. – Дата доступа: 17.02.2022.

11. *Захаров, А. В. О концепции единого валютного пространства СНГ* / А. В. Захаров – М.: Юстицинформ, 2002. – 147 с.

12. *Heinzlmeir, H. Ungeliebte Minderheit: Zur Rolle der Auslandschinesen in Stidostasien* / H. Heinzlmeir // Internationale Politik. – 1998. – № 6. – 51 p.

13. *Хейфец, Б. А. Корпоративная интеграция: альтернатива для постсоветского пространства* / Б. А. Хейфец, А. М. Либман. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 160 с.

14. Корпоративная интеграция как фактор формирования конкурентных преимуществ [Электронный ресурс] // Электронная библиотека диссертаций. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/korporativnaya-integratsiya-kak-faktor-formirovaniya-konkurentnykh-preimushchestv-v-predprin>. – Дата доступа 05.12.2021.

15. Слияния и поглощения М&А [Электронный ресурс] // Государство. Бизнес. ИТ. – Режим доступа: http://www.tadviser.ru/index.php/-/Статья:Слияния_и_поглощения_М%26А. – Дата доступа 05.12.2021.

16. Консультативные органы. ЕАЭС [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: <http://www.eurasian-commission.org/ru/Pages/consultative.aspx>. – Дата доступа: 05.12.2021.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

Ю. В. Семашко, Н. Г. Аснович

Белорусский национальный технический университет, Минск

Y. Semashko, N. Asnovich

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 332.1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ КЛАСТЕРОВ В ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНОВ

STATE REGULATION DEVELOPMENT OF CLUSTERS IN THE ECONOMY OF REGIONS

В статье рассматриваются основные этапы формирования и механизмы реализации региональной кластерной политики, целью проведения которой является повышение национальной конкурентоспособности страны посредством создания условий эффективно-го развития кластерных инициатив в регионах.

Ключевые слова: кластер; региональная кластерная политика; инновационное развитие; самоорганизация кластера; мониторинг кластера; оценочная шкала кластера.

The article discusses the main stages of the formation and implementation mechanisms of regional cluster policy, the purpose of which is to increase the national competitiveness of the country by creating conditions for the effective development of cluster initiatives in the regions.

Keywords: cluster; regional cluster policy; innovative development; self-organization of the cluster; cluster monitoring; cluster rating scale.

Инновационное развитие экономики государства характеризуется наличием развитых отраслей и предприятий, обеспечивающих устойчивый экономический рост и повышение конкурентоспособности страны на мировом рынке. Усиление роли научных знаний, инноваций, информационных технологий и формирование инфраструктуры, позволяющей создавать и распространять новые знания, повышают индекс глобальной конкурентоспособности, позволяющий оценить способность государства обеспечить высокий уровень благосостояния нации. Важным этапом инновационного развития экономики может стать процесс региональной кластеризации, который, по мнению ряда экономистов, представляет собой своеобразные «точки роста» внутреннего рынка страны, региона или отдельно взятой территории за счет формирования центра инвестиционной и инновационной активности. В связи с этим возрастает значение региональной составляющей экономической политики, неотъемлемой частью которой является региональная кластерная политика.

Цель данной статьи заключается в определении роли государственных органов власти в формировании и развитии региональных кластеров посредством разработки и использования практических механизмов поддержки и координации их деятельности.

Региональные кластеры представляют собой индустриальные комплексы локализованных внутри региона взаимосвязанных предприятий, основных потребителей, специализированных поставщиков ресурсов, услуг, технологий, составляющих цепочку создания стоимости, действующих в смежных отраслях или сферах и усиливающих конкурентные преимущества друг друга и кластера в целом [2, с. 4]. Обладая свойствами взаимной конкуренции и кооперации участников кластерного образования, они способны сформировать уникальные компетенции региона.

Согласно теории регионального кластера Майкла Энрайта, конкурентные преимущества создаются не на национальном уровне (как у Майкла Портера), а на региональном, где главную роль играют исторические предпосылки развития регионов, разнообразие культур ведения бизнеса, организации производства и получения образования [1, с. 125]. Отсюда можно сделать вывод, что именно региональные кластерные образования нуждаются в особой поддержке, которая должна стать одной из составляющих региональной кластерной политики государства.

Региональная кластерная политика представляет собой комплекс мер государственного регулирования национальной и региональной экономики, в основе которого лежит создание условий для успешного функционирования кластеров предприятий, позволяющих учитывать особенности развития того или иного региона.

В странах постсоветского пространства кластерный подход сравнительно недавно начал использоваться в качестве инструмента регионального управления, поэтому практические механизмы по поддержке и координации деятельности региональных кластеров государственными органами власти развиты недостаточно. При формировании региональной кластерной политики местным органам власти следует уделять внимание ключевым точкам роста региона, сообразно стратегии развития экономики страны, а определять задачи и выбирать инструменты кластерной политики, учитывая разнообразие регионального промышленного сектора. Создание новых или модернизация уже имеющихся кластеров требует использования рычагов прямого участия государственных органов власти. Поддержка участников кластерных инициатив, создание атмосферы сотрудничества и конкуренции в условиях инновационного преобразования индустриального комплекса в постиндустриальный кластер требуют применения косвенных инструментов управления. Наличие или отсутствие лидера в региональном кластерном образовании оказывает прямое влияние на степень государственного участия в процессе кластерообразования. В случае отсутствия лидера государство может стать активным участником процесса, формируя региональные кластерные программы по «точкам роста», выявленным на начальной стадии кластеризации, используя методы долгосрочного стратегического планирования для прогноза возможных изменений в экономике страны, что

позволит определить перспективные направления развития экономики региона.

Алгоритм реализации региональной кластерной политики включает пять основных этапов, позволяющих государственным органам власти осуществлять регулирование деятельности кластерных образований и координировать взаимодействие всех участников кластера.

На первом этапе необходимо определить отраслевые направления, обладающие высоким потенциалом кластеризации. По мнению М. Портера, «кластеры редко совпадают с типовыми системами промышленной классификации, в которых не охвачены многие важные акторы и взаимосвязи в конкуренции, поэтому важные кластеры могут быть скрыты или даже не распознаны» [1, с. 127]. На данном этапе важно не допустить ошибок, которые могут помешать созданию кластера:

- наличие взаимоисключающих приоритетов на одной территории, то есть одновременное развитие двух разнонаправленных кластеров (нефтяная промышленность и туристический сектор);
- предпочтение слишком широкой специализации (наукоемкие отрасли). Негативным последствием такого выбора может стать отказ центра знаний от производственного звена, в то время как цепочка создания добавленной стоимости формируется кластером, совмещающим науку и производство;
- поддержка малоперспективных (стагнирующих) субъектов, похожих на кластеры по формальным признакам, следствием чего является неэффективное распределение ресурсов, негативно сказывающееся на развитии перспективных кластеров.
- формирование «популярных» кластеров в каждом регионе. Такими кластерами на сегодняшний день считаются кластеры инновационной направленности, куда можно отнести информационную сферу и сектор биотехнологий;
- создание кластеров исключительно крупными холдинговыми образованиями. Отсутствие положительного результата деятельности таких кластеров продемонстрировал отрицательный опыт Российской Федерации. Холдинги могут самостоятельно обслужить всю производственно-технологическую и сбытовую цепочку, а их автономность от внешних экономических субъектов не допускает наличия конкуренции внутри собственной структуры. Поэтому взаимодействие с холдинговыми структурами следует осуществлять на национальном уровне через их вовлечение в инновационно-промышленные кластеры с последующим выходом на международные рынки.

Второй этап реализации региональной кластерной политики связан с осуществлением поддержки самоорганизации для проведения совместных проектов, так как скоординированная деятельность всех участников

кластера и их самоорганизация может стать двигателем успешного развития кластерной структуры. Вследствие этого решение проблемы коллективного взаимодействия становится основополагающим фактором положительного итога второго этапа развития регионального кластера, так как совместная активность значительного количества участников связана с растущими издержками предприятий-лидеров, которые в случае негативного результата должны быть им покрыты. В случае же успешного завершения самоорганизации выигрыш будет поделен между всеми экономическими субъектами кластера, при этом лидер не всегда сможет окупить свои затраты. В данном случае роль государства как координатора процесса кластерообразования усиливается многократно, особенно в сфере не крупного бизнеса, так как недостаток технических и материальных средств у инициатора может стать причиной замедления (а в некоторых случаях прекращения) организационного процесса. Государство должно содействовать самоорганизации участников кластера, учитывая интересы каждого, осуществляя разработку совместных проектов и координируя их взаимодействие посредством следующих мероприятий:

- организация коммуникации посредством проведения конференций, форумов и круглых столов;
- формирование рабочих объединений, занимающихся развитием и научно-исследовательской работой участников кластера по наиболее важным направлениям технологической специализации кластерного образования;
- участие в разработке долгосрочной стратегии развития кластера (составление плана мероприятий по реализации стратегии, анализ внешних потенциалов и угроз развития кластерной структуры, создание благоприятных условий функционирования участников кластерного образования);
- осуществление информационной поддержки предлагаемых кластерных инициатив и процесса самоорганизации;
- создание региональной базы кластерных инициатив и обеспечение доступа к ней заинтересованным участникам и инвесторам.

Конкурсный отбор совместных проектов является третьим этапом реализации кластерной инициативы региона. Такой отбор значительно стимулирует самоорганизацию кластеров, позволяя в дальнейшем реализовать проекты даже без государственной поддержки. Государство на региональном уровне также может проводить собственные конкурсы кластерных проектов, осуществляя поддержку кластерных инициатив в экономически важных для региона секторах или в социальной сфере. На данном этапе государство может осуществлять поддержку по следующим направлениям:

- документальное сопровождение кластерных инициатив;
- разработка процедуры ранжирования проектов на оказание финансовой поддержки;

- организация и проведение конкурса, регистрация проектов-победителей;
- оказание государственной финансовой поддержки на основе соответствующего регионального или государственного правового акта;
- внесение кластерных инициатив в существующие стратегии развития регионов, отраслевые стратегии и региональные планы развития государственно-частного партнерства.

На сегодняшний день не разработан комплекс мер, который мог бы быть использован со стопроцентной эффективностью для быстрого развития регионального кластера. Аналитические результаты, позволяющие сделать выводы об имеющихся потенциалах и проблемах конкретного кластера, должны стать основой для выбора модели его дальнейшего развития.

Роль государства в данном случае состоит в том, чтобы дать точную оценку степени своего участия в функционировании кластерной структуры. Органы власти должны содействовать возникновению и развитию хозяйственных связей, формирующихся в кластере естественным образом, а не выступать их заместителем. Многие эксперты также уверены, что создание льготных условий инновационным предприятиям (тарифы и пошлины для иностранных товаров, налоговые льготы, система государственного заказа) на долгосрочном временном интервале может снизить их трудовую мотивацию. Излишняя государственная опека зачастую становится причиной уменьшения интереса участников потенциального кластера к тесному сотрудничеству друг с другом, так как в данном случае их благополучие зависит от государственной поддержки в большей степени, чем от совместных усилий членов кластера. Однако дополнительное вмешательство государства может потребоваться при возникновении таких ситуаций, когда от роста производительности в кластерной структуре в большей степени выигрывают собственники недвижимого имущества (благодаря повышению стоимости аренды или земли), а не производители конкурентного продукта.

Таким образом, можно сделать вывод, что четвертый этап реализации региональной кластерной политики связан с реализацией мероприятий государственной поддержки совместных проектов, подобранных для определенного кластера в каждом конкретном случае. Среди таких мероприятий можно выделить:

- создание условий для эффективной организации функционирования кластеров, позволяющих добиться устранения «узких мест»;
- обеспечение оптимальной поддержки конкурентоспособных проектов кластера;
- осуществление информационно-консультационной и образовательной поддержки кластеризации на отраслевом и региональном уровнях;

- координация деятельности по реализации кластерной политики с республиканскими, местными органами власти и объединениями предпринимателей – участников кластеризации.

Снизить риск ошибочного выбора мероприятий по поддержке создающихся кластеров можно, соблюдая баланс между собственными инициативами государственных органов власти и совместными проектами участников формирующихся кластерных структур. В некоторых случаях поддержка совместных проектов может дать гораздо более высокие результаты при решении общих проблем кластера.

Мониторинг и итоговая оценка деятельности кластера является заключительным этапом реализации региональной кластерной политики. Кластерная структура формируется в течение длительного периода времени, на протяжении которого возможно появление проблем или снижение эффективности функционирования вследствие ошибочного выбора объектов поддержки государством на этапе инициирования проекта. Проведение регулярного мониторинга позволяет уменьшить негативные последствия неправильного выбора. В международной практике мониторинг и оценка деятельности регионального кластера вне зависимости от модели финансирования проводится с интервалом 3–5 лет. Оценка начинается с определения перспективных групп кластеров и включает в себя полный комплекс исследований, позволяющих продемонстрировать эффективность их развития. При проведении оценки используются различные методики. Отечественные специалисты чаще используют методику, в основе которой лежит анализ косвенных параметров: влияние кластера на региональную экономику; уровень развития человеческого капитала; доступность и близость структуры к поставщикам; процент роста сектора услуг; уровень развития внешних связей и социальной активности кластера, а также степень конкурентоспособности его резидентов. Оценочная шкала кластеров, используемая в Европе, отличается от российского аналога. Вместо использования показателей, получаемых на основе статистических данных, зарубежные специалисты предлагают проводить оценку процесса и траекторий изменений, выбирая следующие индикаторы: объем прямых иностранных инвестиций, количество вновь созданных и перемещенных компаний; мобильность трудовых ресурсов и уровень занятости; степень влияния ключевых акторов (мероприятий) на развитие региона. Также при проведении оценки на основе зарубежной методики происходит смещение точки зрения с материальных потоков на нематериальные (инновации, лицензии на технологии, заимствование патентов, управленческие и предпринимательские навыки).

В статье определена роль государственных органов власти в формировании и дальнейшем развитии региональных кластеров. Реализация региональной кластерной политики является важной составляющей инновационной политики государства, в основе которой лежит создание условий

для трансформации стратегических целей и направлений кластеризации в отраслевые, целевые программы и проекты. Формирование и развитие региональных кластеров – эффективный механизм привлечения прямых иностранных инвестиций, а включение региональных кластеров в глобальные цепочки создания добавленной стоимости позволяет повысить уровень национальной технологической базы, ускоряя темп и улучшая качество экономического роста благодаря усилению международных конкурентных позиций предприятий – участников кластера.

Государственная поддержка региональных кластеров должна осуществляться на условиях долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества, которое может стать основой устойчивого социально-экономического развития региона и повышения конкурентоспособности страны в целом.

Список использованных источников

1. *Истомина, Л. А.* Кластеры и кластерная политика: генезис, эволюция, инструменты [Текст] / Л. А. Истомина. – Минск: Совет по развитию предпринимательства в Республике Беларусь, 2015. – 192 с.
2. *Миролобова, Т. В.* Закономерности и факторы формирования и развития региональных кластеров: монография / Т. В. Миролобова, Т. В. Карлина, Т. Ю. Ковалева; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2013. – 283 с.
3. Кластерные политики и кластерные инициативы: теория, методология, практика: монография / под ред. Ю. С. Артамоновой, Б. Б. Хрусталева. – Пенза: ПГУАС, 2012. – 264 с.
4. Кластерная политика: достижение глобальной конкурентоспособности [Текст] / В. Л. Абашкин [и др.]; Минэкономразвития России, АО «РВК», Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 324 с.
5. *Ахенбах, Ю. А.* Стратегические аспекты проблемы формирования экономических кластеров / Ю. А. Ахенбах // Регион: системы, экономика, управление. – 2012. – № 1(16). – С. 8–13.
6. *Буянова, М. Э.* Оценка эффективности создания региональных инновационных кластеров / М. Э. Буянова, Л. В. Дмитриева // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 3, Экон. Экол. – 2012. – № 2(21). – С. 54–62.
7. *Ксенофонтова, О. Л.* Региональные кластеры: методические аспекты идентификации, формирования результатов функционирования / О. Л. Ксенофонтова, Е. А. Абрамова // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. – Иваново, 2015. – № 3. – С. 91–99.
8. *Ускова, Т. В.* Развитие региональных кластерных систем / Т. В. Ускова // Региональная экономика. – 2008. – № 1 (1). – С. 92–104.
9. *Напольских, Д. Л.* Современные практики регулирования процессов кластеризации и инновационного развития региональных экономических систем / Д. Л. Напольских // Тренды и управление. – 2020. – № 1. – С. 1–18.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

О. А. Строк

Республиканский институт высшей школы, Минск

O. A. Strok

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 330.342:004

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

DEVELOPMENT STRATEGY OF MODERN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Статья посвящена проблемам трансформации организационно-экономических отношений в учреждениях высшего образования под влиянием цифровизации. Автор анализирует как положительные, так и отрицательные аспекты, возникающие в ходе цифровой трансформации в учреждениях высшего образования, выявляет направления и проблемы, требующие учета при формировании и развитии высшего образования, для выработки эффективных решений по ним, что, несомненно, повышает значимость работы.

Ключевые слова: цифровизация; трансформация; образовательная сфера; цифровое образование; цифровые технологии.

The article is devoted to the problems of transformation of organizational and economic relations in higher education institutions under the influence of digitalization. The author analyzes both positive and negative aspects that arise during the digital transformation in higher education institutions, identifies areas and problems that need to be taken into account in the formation and development of higher education in order to develop effective solutions for them, which undoubtedly increases the significance of the work.

Keywords: digitalization; transformation; educational sphere; digital education; digital technologies.

Распространение цифровых и информационных технологий способствует существенным преобразованиям в различных областях человеческой деятельности, и экономика высшего образования не является исключением. Однако в настоящее время трудно оценить, какие наметившиеся тенденции и технологические изменения приведут к преобразованиям и насколько эти изменения будут позитивны. Формат цифровой экономики достаточно подвижен. Это ведет к тому, что одни специальности будут возникать, а другие терять свою значимость и исчезать, будут меняться требования к подготовке кадров. Учитывая происходящие изменения, неизбежно возникновение новых профессий, сопровождаемое видоизменением существующих профессий или исчезновением ряда из них. Одновременно существуют определенные опасения в целесообразности чрезмерным увлечением развитием цифровой экономики, особенно в отрыве от повышения технологического

уровня материального производства, так как затраты на распространение цифровых технологий, как правило, достаточно высоки, но при этом неизвестно, будет ли так же высока их окупаемость.

В настоящее время отсутствует понимание всего комплекса возможных угроз, возникающих в результате распространения процессов информатизации во всех сферах жизнедеятельности, а также подхода к их классификации. При этом необходимо оценить весь спектр вызовов и проблем, которые встают перед сферой высшего образования. Данной тематике посвящены многочисленные труды ученых всего мира. Например, в работах таких зарубежных ученых, как Р. Барро, Д. Вейл, Дж. Кендрики др., обширный круг статей посвящен вопросам внедрения цифровых технологий непосредственно в учебный процесс высших учебных заведений. К данному спектру работ относятся работы таких авторов как И. З. Гелисханов, Т. Н. Юдина, А. В. Бабкин, Л. В. Лapidус, Н. Г. Плотникова и др. Такие отечественные ученые, как Г. Г. Головенчик, А. Н. Марков и др., также всесторонне исследуют проблему применения цифровых технологий в различных отраслях и сферах национальной экономики Республики Беларусь, в том числе и в сфере высшего образования.

Развитие образовательной сферы в условиях становления цифровой экономики зависит от значительного количества переменных, к основным из которых можно отнести:

- стремительное развитие новых, в том числе цифровых технологий;
- развитие рынка интеллектуальной собственности;
- новые условия и меняющиеся запросы рынка труда, оказывающие влияние на систему высшего образования, которая должна учитывать эти изменения, расширяя круг компетенций;
- наличие специалистов, умеющих правильно пользоваться развивающимися новыми технологиями и обучать практическим навыкам обучающихся на разных уровнях системы образования;
- развитие форм многовариантного обучения студентов;
- развитие компетенций, повышающих конкурентоспособность выпускников при устройстве на работу, и др.

Однако существуют и барьеры на пути к трансформации учреждений высшего образования.

Процессы цифровой трансформации и, как следствие, развитие цифровой экономики происходят высокими темпами, однако следует учитывать, что если все меняется слишком быстро, не принимая во внимание человека и человеческие возможности, их проблемы, это ведет к серьезным противоречиям, так как нельзя организовать эти процессы без квалифицированных кадров, умеющих управлять и работать с цифровыми устройствами, процессами и технологиями. Одной из проблем современного образования является достаточно сильное несоответствие структуры и основных харак-

теристик спроса работодателей на рабочую силу структуре и основным характеристикам выпускников вузов. Это несоответствие существует давно и наблюдается практически во всех странах [1].

По данным OECD1, 40 % рабочих мест, созданных за период 2005–2016 гг., приходилось на сектора с высокой степенью цифровизации [2]. Проблема заключается в том, что изменения происходят так быстро, что учреждения высшего образования не способны обеспечивать подготовку таких специалистов в полной мере, так как образовательная система все-таки не приспособлена к постоянным изменениям. Кроме того, прежде чем обеспечить получение навыков, необходимых для работы в условиях цифровой экономики, необходимо получить базовое образование, что увеличивает разрыв между началом обучения и выходом на рынок труда. И это одна из задач, которую должна решать система современного высшего образования.

Специалистам высокой квалификации необходимы профессиональные навыки для выполнения работы в сфере, соответствующей выбранному направлению деятельности, одновременно они должны уметь решать проблемы, выходящие за пределы данной области деятельности, а также быть готовыми к дополнительному обучению и, кроме того, обладать навыками работы с современными цифровыми носителями информации и информационно-коммуникационными технологиями на достаточно высоком уровне [3]. Ежегодно возникает потребность в специалистах с новыми знаниями и навыками, особенно это касается потребностей высокотехнологичных отраслей. «Изменение профессиональной структуры под воздействием технологических сдвигов должно учитываться в учебных программах, введении новых дисциплин и специальностей, что предъявляет соответствующие требования к научно-педагогическому составу» [4]. Эти требования сопровождаются необходимостью подготовки специалистов с учетом меняющихся требований, возникающих по мере становления цифровой экономики. Высшие учебные заведения в связи с этими процессами сталкиваются с возрастанием экономических издержек, возникающих при закрытии старых и открытии новых специальностей, подготовке учебно-методического материала, конверсии материально-технического обеспечения учебного процесса, переподготовке преподавательского состава. При этом необходимо построение эффективного взаимодействия с работодателями для определения перспективных профессий и компетенций выпускников. Активные и инновационные учреждения высшего образования начинают сами выходить на образовательный рынок и предлагать специализированные курсы, создавая коммерческие структуры по переподготовке и повышению квалификации кадров со своей системой маркетинг-менеджмента, что также требует капиталовложений.

К основным направлениям развития образования с использованием цифровых технологий для подготовки квалифицированных специалистов, соответствующих требованиям цифровой экономики, относятся:

- расширение образовательного пространства по мере развития цифровой среды за счет создания электронных учебников, распространения онлайн-обучения с применением информационно-коммуникационных технологий, представленного как в виде смешанных форм обучения, так и в активном развитии онлайн-курсов от различных университетов, в том числе открытых;

- развитие цифровых библиотек и цифровых кампусов университетов;
- активное развитие и использование технологических ресурсов информационной образовательной среды;

- повышение уровня цифровых компетенций и навыков использования информационно-коммуникационных технологий профессорско-преподавательского состава;

- обучение студентов работе с большими объемами данных, навыкам инженерного и технологического предпринимательства;

- высокая подвижность и переменчивость современной ситуации как в экономике, так и в сфере высшего образования, что обуславливает необходимость постоянной корректировки образовательных программ с учетом происходящих изменений;

- развитие интеллектуальных образовательных технологий, научных и прикладных исследований;

- IT-стартапы в образовательной сфере и др.

При этом следует различать направления подготовки специалистов:

- применение обучения с использованием цифровых технологий;
- подготовка специалистов для профессиональной работы в области цифровых, информационно-коммуникационных технологий, программирования;

- подготовка специалистов, где к основным компетенциям должны добавляться навыки работы с использованием цифровых технологий.

Говоря о применении обучения с использованием цифровых технологий, необходимо отметить, что наряду с положительными тенденциями при их внедрении, такими как инновационность, доступность, мобильность, простота, уникальность, полезность, снижение временных затрат, надежность и упрощение мыслительных процессов, наблюдаются и сложности. Например, техническая и технологическая подготовка вузов, наличие специальных программных комплексов, ресурсозатратность, специальная подготовка профессорско-преподавательского состава.

Подготовка специалистов для профессиональной работы в области цифровых, информационно-коммуникационных технологий, программирования существует достаточно длительное время. Понятно, что по мере

роста потребности в таких специалистах будет увеличиваться круг специальностей данного направления и контрольные цифры приема по IT-специальности. Темпы развития информационных технологий в последние годы были столь стремительны, что заранее предусмотреть необходимый объем приема абитуриентов на соответствующие специальности оказывается невозможным.

Что касается подготовки группы специалистов, где к основным компетенциям должны добавляться навыки работы с использованием цифровых технологий, следует помнить, что цифровые технологии для работы – это все-таки вопрос возможностей обработки информации, и они должны дополнять основные знания по специальности, а не подменять их. И это является одной из проблем развития современной образовательной системы.

Трансформация сферы высшего образования неизбежно придет в противоречие с недостаточной профессиональной подготовленностью преподавателей к новым технологическим вызовам.

Сегодня элементарной грамотности, которая формируется существующей системой образования, недостаточно, более 50 % работников выполняют работу, где необходимый уровень грамотности может быть заменен компьютером. Только 13 % из них имеют уровень грамотности, превышающий уровень интеллектуальных компьютерных систем (имеющий сегодня или ожидаемый в ближайшие десять лет). Это говорит о том, что современная система образования нуждается в кардинальных изменениях [5], в том числе в развитии цифровой педагогики.

Основными потребителями образовательных услуг являются молодые люди в возрасте до 25 лет, а для этой части общества вообще характерно применение в повседневной жизни технических и технологических новшеств [6]. В процессе цифровизации меняется структура и организация образовательного процесса.

Цифровая трансформация педагогического труда обусловлена активной разработкой информационных технологий, а также необходимостью расширения возможностей для взаимодействия обучающегося и обучаемого, повышения эффективности обучения. Однако для реального применения информационно-коммуникационных технологий и внедрения их в повседневную жизнь учащихся необходимо, чтобы преподавательские кадры владели ими в совершенстве. Преподаватели начинают применять цифровые технологии, облегчающие им работу. Исследования, которые когда-то проводились исключительно в библиотеках, в поисках нужных книг и журналов, теперь проводятся онлайн. PDF-журналы и электронные книги загружаются на ноутбуки, планшеты, электронные книги и смартфоны. Записи в классе и студенческой аудитории осуществляются на ноутбуке, а не на бумаге [7, с. 6]. Электронные библиотечные ресурсы всех учреждений

высшего образования мира, а также учебные материалы лучших преподавателей скоро будут доступны для всех обучающихся.

Подобные действия приведут к изменению роли педагога, который наряду с объяснением материала будет помогать найти расположение этого материала и понять его. Цифровая среда требует от педагогов иных подходов и форм работы с обучающимися. Педагог становится не только носителем знаний, которыми он делится с обучаемыми, но и проводником по цифровому миру. Он должен обладать цифровой грамотностью, способностью создавать и применять контент посредством цифровых технологий, включая навыки компьютерного программирования, поиска, обмена информацией, коммуникацию. Таким образом, изменение квалификационных требований к профессорско-преподавательскому составу и остальным работникам учреждений высшего образования является одним из элементов стратегии развития учреждения высшего образования в современных условиях. Необходимо развивать возможности финансирования повышения квалификации, дополнительного обучения, подготовки и переподготовки своих научно-педагогических кадров, повышая их профессиональные компетенции.

Стремительные темпы развития научных знаний, ускорение сроков внедрения и обновления новых технологий всегда являлись одной из серьезных проблем для развития системы высшего образования [8]. В последние годы эта проблема усиливается. Во все времена сфера образования достаточно подвижна, и одной из ее задач является внедрение новейших достижений науки в образовательные программы. Проблема, однако, заключается в том, что даже в самом лучшем случае системе образования в целом по вполне естественным причинам свойственно некоторое отставание от последних достижений науки. И чем быстрее прогрессирует наука, тем более заметным становится это отставание. Такой временной лаг свойствен всем уровням образования, но, учитывая современные темпы развития знаний и технологий, он становится более ощутим. Есть вероятность, что возможности современных цифровых технологий, используемых в образовании, с одной стороны, позволят несколько сократить этот временной лаг, так как их использование повышает быстроту, уровень и широту передачи знаний.

В учреждениях высшего образования происходят фундаментальные преобразования в области управления образовательным процессом на основе ИКТ: издаются электронные учебно-методические комплексы; формируется база электронных образовательных ресурсов; активно развивается система высшего и дополнительного образования в форматах онлайн-обучения, модульного и дистанционного обучения; разрабатывается стратегия цифрового университета.

При цифровой трансформации и использовании электронных образовательных ресурсов меняется схема взаимодействия субъектов образователь-

ного процесса. Информационный обмен происходит с помощью средств системы электронного обучения и других информационных систем вуза. При осуществлении образовательного процесса традиционным способом в качестве материально-технической базы используется аудиторный фонд и соответствующее оснащение рабочих мест, цифровизация же формирует новые требования к развитию информационно-коммуникационной инфраструктуры путем разработки и поддержки специализированного программного обеспечения, организации аудиторного пространства, включая техническое оснащение средствами коммуникаций.

При осуществлении образовательного процесса с использованием ИКТ основной уклон делается на обеспечение рабочих мест преподавателей коммуникационным оборудованием с достаточной производительностью и устройствами интерактивного ввода информации. Это требует выделения дополнительных ресурсов, формирует соответствующую конкурентную среду и обуславливает необходимость постоянного обмена опытом [9].

Для максимальной реализации потенциала цифровых технологий необходимо четко сформулировать задачи разработки цифровых решений и сервисов, адаптировать технологическое обеспечение к задачам, которые решают участники образовательного процесса.

Таким образом, можно выделить ряд перспективных направлений и проблем, требующих учета при формировании и развитии системы образования:

1. Для функционирования постоянно развивающихся ИКТ инфраструктуры учреждений высшего образования требуются квалифицированные IT-специалисты, дефицит которых резко ощущается во всех отраслях.

2. Изменение квалификационных требований к профессорско-преподавательскому составу и остальным работникам учреждений высшего образования является одним из элементов стратегии развития учреждения высшего образования в современных условиях. Необходимо развивать возможности финансирования повышения квалификации, дополнительного обучения, подготовки и переподготовки своих научно-педагогических кадров, повышая их профессиональные компетенции.

3. Создание единой интегрированной информационной среды университета, обеспечивающей поддержку образовательного процесса, научных исследований, инновационной и организационно-управленческой деятельности на основе развивающихся цифровых технологий в целях формирования информационного общества и конкурентоспособного человеческого потенциала.

Так как существующие информационные системы создавались в разное время и слабо связаны между собой, необходимо выработать единый подход к цифровой трансформации образования и науки, чтобы на его основе УВО реализовали собственные стратегии трансформации.

Также требуется модернизация инфраструктуры: формирование интегрированной информационной среды УВО, автоматизация сбора данных, реализация электронного взаимодействия, создание личных кабинетов пользователей интегрированной информационной системы. Здесь требуется заменить всё морально устаревшее оборудование и добиться, чтобы инфраструктура УВО и научных центров своевременно менялась в соответствии с современными техническими требованиями.

Таким образом, цифровая трансформация высшего образования позволяет по-новому ориентировать процесс обучения на достижение необходимых образовательных результатов, ускорить движение к персонализации образовательного процесса. Цифровые технологии способствуют использованию педагогом передовых педагогических практик (инновационных моделей организации и проведения учебной работы).

Учитывая сложность и многоаспектность решаемых задач в сфере управления, необходимо обеспечить полную интеграцию разработок в области информационных технологий в одну автоматизированную информационную систему и сформировать на ее базе систему принятия решений на всех уровнях управления. Это направление является наиболее ресурсоемким с точки зрения внедрения, но в то же время позволяет учреждению высшего образования оптимизировать деятельность и получить положительный производственный эффект. Внедряя новые методы работы с цифровыми технологиями, а также предоставляя поддержку в решении профессиональных задач профессорско-преподавательскому составу и сотрудникам, УВО может получить мощный импульс к внедрению нового формата управления с оптимизированными внутренними процессами, повышающими эффективность работы и качество подготовки специалистов для формирующейся цифровой экономики.

Выработка эффективных решений по каждому из данных направлений является одной из важнейших задач для каждого УВО в процессе цифровой трансформации.

Список использованных источников

1. Российский статистический ежегодник. 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_13/Main.htm. – Дата доступа: 15.09.2021.
2. Индикаторы образования 2020: стат. сб. / Н. В. Бондаренко [и др.]. – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 496 с.
3. Тенденции развития высшего образования в условиях цифровой экономики: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Д. Н. Грибкова. – М., 2019. – С. 92–97.
4. *Московская, А. А.* Должно ли высшее образование соответствовать спросу на рынке труда? / *А. А. Московская* // Высш. образование в России. – 2015. – № 10. – С. 75.
5. *Каракозов, С. Д.* Успешная информатизация – трансформация учебного процесса в цифровой образовательной среде / *С. Д. Каракозов, А. Ю. Уваров* // Проблемы соврем. образования. – 2016. – № 2. – С. 7–19.

6. Гольшикова, И. Н. Анализ ключевых составляющих модели «Цифровой университет» / И. Н. Гольшикова // E-Management. – 2020. – № 3. – С. 53–61.

7. Головенчик, Г. Г. Современные тенденции цифрового реформирования образования / Г. Г. Головенчик // Цифровая трансформация. – 2020. – № 4(13). – С. 5–20.

8. Прогнозирование потребности в научно-педагогических кадрах по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники до 2015 г. Информационный бюллетень № 5 / Л. В. Оболенская [и др.]. – М.: ЦИСН, 2012.

9. Богуш, В. А. Цифровизация образования: проблемы, вызовы и перспективы [Электронный ресурс] / В. А. Богуш. – Режим доступа: <http://dtconf.unibel.by>. – Дата доступа: 25.10.2021.

(Дата подачи: 21.02.2022 г.)

T. V. Shimko

Минское областное агентство по государственной регистрации и земельному кадастру, Минск

T. V. Shimko

Minsk Regional Agency for State Registration and Land Cadastre,
Minsk

УДК 332.85(476.1)

СТАНОВЛЕНИЕ РЫНКА ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ МИНСКОГО РЕГИОНА

FORMATION OF THE RESIDENTIAL REAL ESTATE MARKET OF THE MINSK REGION

В статье автор представил три основных этапа становления и развития первичного рынка жилой недвижимости Минского региона и факторы, определяющие развитие исследуемого рынка; выявил особенности рынка на каждом из представленных этапов, которые формируются в силу специфики самого товара – объекта недвижимого имущества.

Ключевые слова: рынок жилой недвижимости; первичный рынок недвижимости; объекты недвижимости; этапы становления рынка жилой недвижимости; особенности рынка жилой недвижимости.

In the article, the author presented three main stages in the formation and development of the primary residential real estate market in the Minsk region and the factors that determine the development of the market under study; revealed the features of the market at each of the presented stages, which are formed due to the specifics of the product itself - the real estate object.

Keywords: residential real estate market; primary real estate market; real estate objects; stages of formation of the residential real estate market; features of the residential real estate market.

Сегодня рынок недвижимости является одним из самых динамично развивающихся рынков в стране. Следует отметить, что правовые основы продажи гражданам в личную собственность квартир были заложены постановлением Совета Министров СССР от 02.12.1988 № 1400 «О продаже гражданам в личную собственность квартир в домах государственного и общественного жилищного фонда», а впоследствии уже закреплены Законом о собственности в Республике Беларусь.

Проходящие в стране экономические процессы, под влиянием которых рынок недвижимости формировался и развивался, накладывали свой отпечаток на взаимоотношения участников, а также на особенности осуществления коммерческой деятельности в сфере недвижимости. Рынок недвижимости развивается по определенным алгоритмам, законам и по-своему реагирует на общественные процессы, происходящие в обществе и экономике. Он более медленный, чем другие товарные рынки, и реагирует на внешние изменения с некоторым опозданием, потому что объекты недвижимости – это всегда дорогостоящий товар, а процесс их приобретения или продажи весьма трудоемок и длителен, не следует забывать и о высоких транзакционных издержках [1, с. 18].

Отличительная особенность развивающегося первичного рынка недвижимости Республики Беларусь в целом и Минского региона в частности состоит в том, что на ранних стадиях развития рынка рост цен происходил несмотря на превышение предложения над спросом. Эта закономерность реализуется скорее всего через массовые ожидания населения, сформированные опытом предыдущих лет [2, с. 43].

В стране рынок недвижимости с каждым годом становится все более развитым за счет значительного увеличения количества сделок с объектами недвижимости, роста участников рынка и укрепления доверительных отношений между профессиональными участниками рынка недвижимости и потребителями риэлтерских услуг. Именно развитие рынка недвижимости в стране является одним из факторов повышения уровня деловой активности.

Анализом рынков занимаются множество маркетинговых и риэлтерских компаний. Как правило, в первую очередь исследуются факторы, определяющие спрос и предложение на рынке. Потом проводится анализ окружения объекта недвижимости, его инфраструктуры и т. д. После полученной информации можно приступать к сравнительному анализу типов недвижимости. Анализ типологии сделок и профессиональной и конкурентной среды рынка – два завершающих этапа. Проведя анализ рынка недвижимости по такой схеме, можно получить основную картину, описывающую положение конкретной группы объектов недвижимого имущества на рынке недвижимости.

Анализ тенденций, складывающихся на рынке недвижимости, является одним из самых важных для определения не только текущей экономической

ситуации в Минском регионе, но и будущих изменений, связанных с его инвестированием, притоком в него денежной массы, что выходит за рамки интересов групп лиц и организаций, занятых на данном рынке. Являясь регионально привязанным, товар на рынке недвижимости наиболее полно отражает даже незначительные изменения в предпочтениях покупателей и их доходах, приоритетах государства и общей экономической картины государства [2, с. 44].

С этой стороны наиболее интересен рынок квартир. Выступая самым активным сектором рынка недвижимости, он представлен сравнительно большим числом участников. Основной товар рынка, квартира, обладает одной важной характеристикой – сильной привязкой ценности объекта к его месторасположению. Развитие любого региона (приток средств в наиболее развитые или прибыльные отрасли промышленности, строительства, сферу услуг; рост занятости, уровня доходов, самого населения и т. д.) вызывает потребность в жилье, что способствует развитию рынка и увеличивает его доходность за счет роста цен на квартиры. Наоборот, сбои в экономике региона сразу отражаются на уровне доходов, занятости, уменьшают численность населения, что вызывает падение цен на рынке недвижимости. Наиболее сильно влияет на рыночные цены сочетание одновременной острой необходимости в жилье, нехватки средств на его покупку, а также отсутствие механизмов стимулирования покупки (кредиты, льготы) и стремление населения решить экономические проблемы за счет явного снижения качества жилья (например, обмен с доплатой). Такая ситуация в большей степени определяется уже состоянием не региона, а экономики государства в целом, что не способствует строительству качественных и современных объектов, с одной стороны, и снижает выход строительной отрасли на международный рынок – с другой [3].

Касаемо рынка жилой недвижимости Минского региона, следует отметить, что этот рынок своей интенсивностью развития схож с рынком Минска и положительно отличается от рынков иных областей Беларуси. Прежде всего это связано с тем, что Минский регион представляют собой наиболее развитый регион с точки зрения промышленного и социального развития, инвестиций и доходов населения и субъектов хозяйствования. Поэтому стоит выделить основные тенденции и факторы, характеризующие рынок недвижимости Минского региона. Эти факторы сгруппированы и представлены на рис.

Нельзя не отметить и позицию отдельных авторов, таких как Н. А. Устюшенко, С. Ю. Солодовникова, Н. Ю. Трифонова, которые указывают, что на рынок жилья существенное влияние оказывают кризисы, а их за последние два десятилетия было несколько. Именно кризисы оказывают наиболее сильное влияние на цены, в том числе и на жилую недвижимость.

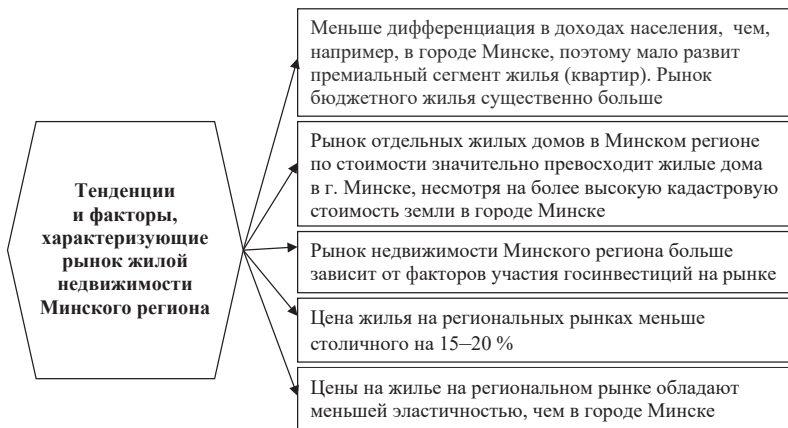


Рис. Тенденции и факторы, характеризующие рынок жилой недвижимости Минского региона

Примечание – Источник: собственная разработка.

В своем развитии первичный рынок жилой недвижимости Республики Беларусь прошел несколько этапов, представленных в таблице.

Таблица

Основные этапы становления и развития рынка недвижимости Республики Беларусь

Условия развития рынка недвижимости	Этапы		
	Первоначальный этап становления (1989–1992 гг.)	Продвинутый этап развития рынка (1992–2000 гг.)	Современный этап развития рынка (2000 г. – по наст. время)
Первоначальный уровень цен и ее динамика	Низкий Сверхвысокие темпы роста цен	Высокий Умеренные темпы роста цен (до 50 % в год)	Предельный Стабилизация цен
Соотношение спроса и предложения	Спрос выше предложения	Спрос выше предложения	Предложение выше спроса
Состояние законодательной базы	«Правовой вакуум»	Фрагментарность	Совершенствование
Уровень конкуренции	Низкий	Умеренный	Высокий
Уровень рисков при совершении сделок	Высокий	Умеренный	Низкий
Взаимодействие рынка недвижимости и финансового рынка	Практически отсутствует	Единичные случаи	Налаживание постоянного взаимодействия

Примечание – Источник: [4, с. 35].

Первый этап развития отечественного первичного рынка недвижимости описывался стихийным зарождением рынка в период 1989–1992 гг. Этот период характеризуется отсутствием надлежащей законодательной базы для осуществления сделок с недвижимостью, профессиональных участников рынка недвижимости, высоким уровнем риска при вовлечении недвижимого имущества в оборот, сверхвысокими прибылями, вызывающими спекулятивные интересы недобросовестных субъектов экономической деятельности [4, с. 36].

Второй этап развития первичного рынка недвижимости, получивший название продвинутого и охватывающий десятилетие до 2000 гг., характеризуется формированием жилищного законодательства и приватизации на безвозмездной основе существующего жилищного фонда с 1992 по 2000 гг. Недвижимое имущество в городах и других населенных пунктах в результате вовлечения его в имущественный оборот приобрело главное рыночное свойство – свойство ликвидности недвижимости. В качестве основных мотивов приобретения жилой недвижимости на первичном рынке выступали потребительские (улучшение жилищных условий лицами, создавшими необходимые накопления в других секторах экономики) и спекулятивные (перепродажа приобретаемой недвижимости в условиях быстрого роста цен давала возможность получить за полгода 50 % прибыли, а за год – даже 100 % прибыли) – это те цели, которые доминировали на белорусском рынке недвижимости в 90-е гг. [4, с. 37].

Второй период становления рынка жилой недвижимости Республики Беларусь характеризуется проявлением экономических кризисов в экономике страны. В начале периода, в 1993–1995 гг., национальная экономика переживала самый большой за последние 80 лет спад в экономике: валовой внутренний продукт снизился до 35 % в 1995 г. по сравнению с 1990 г., до 8 % – в 2001 г., промышленное производство – до 39 % в 1995 г., до 7 % роста – в 2001 г. [5].

Следует отметить, что в 2002 г. на рынке жилой недвижимости сложилась уникальная ситуация, когда спрос на жилье был выше предложения. Объяснение этой закономерности связано с особенностями формирования предложения и спроса на рынке жилья в переходных экономиках, где Республика Беларусь не была исключением. Материальная база рынка жилья была создана начавшейся в 1992 г. бесплатной приватизацией жилья [6]. Как пример, в 1995 г. в среднем по Беларуси 112 тыс. квартир перешло в частную собственность граждан. Пик темпов приватизации пришелся на 1999 г., когда было приватизировано 192 тыс. квартир, или 10,2 млн кв. метров. К настоящему времени приватизировано более 85 % единиц жилья [2, с. 44].

Вместе с тем, несмотря на существующие экономические трудности, продолжается строительство нового жилья как за счет государства, так и за счет населения и частных инвесторов, причем доля вторых в общем объеме

ввода новых объектов становится все больше (в 2001 г. – 71,3 %). За счет бюджета строилось 10,1 % жилья, за счет предприятий – 17,9 %. Кроме того, в материальную базу рынка жилья входит старый частный фонд [2, с. 44].

Отметим еще одну закономерность процесса становления и развития первичного рынка жилой недвижимости – несмотря на то, что спрос был меньше предложения, цены на жилье все равно продолжали расти. Объяснение данной закономерности в процессе развития рынка жилой недвижимости связано с тем, что происходивший в течение двух-четырёх лет непрерывный рост цен на жилье приучил население к тому, что вложения в недвижимость всегда прибыльны.

Следующей особенностью становления рынка недвижимости в Беларуси является так называемая асинхронность развития рынка жилья в различных городах Беларуси. Это значит, что рынок жилой недвижимости в различных городах страны развивается несинхронно [7, с. 265].

Безусловно, лучше всего он развит в Минске как столице, областных центрах, а также в Минском регионе. Связано это в первую очередь с масштабом городов, характером их развития. Вместе с тем очевидно, что важным фактором, определяющим темпы и характер развития рынка недвижимости, является экономическая ориентация (рыночная, рыночно-социальная, нерыночная) и степень активности на рынке местных властей [2, с. 45].

Начало третьего этапа развития первичного рынка жилой недвижимости – 2001 г. Этот этап развития первичного рынка жилой недвижимости Беларуси определяет мировой финансовый кризис 2008 г. и его вторая волна в 2011–2012 гг. Исторически жилая недвижимость Беларуси во многом повторяет развитие на аналогичном рынке соседних стран. Начиная с 2000 и вплоть до 2007 г. цены за квадратный метр в Минске постоянно росли. На пике, перед кризисом 2008 г., они достигали 2000 тыс. долл. США. Затем произошло сокращение доходов населения, исчезло кредитование, белорусский рубль резко девальвировал. Все это вызвало быстрое снижение цен на фоне обвального сокращения спроса на объекты недвижимости [4, с. 41].

Разразившийся мировой финансовый кризис 2008 г. негативно сказался на экономике и привел к дестабилизации ситуации на рынке. В целом за 2008 г. цены на минские квартиры снизились примерно на 4 %. В конце года квадратный метр предлагался на рынке в среднем по цене 1908 долл. США [8].

Анализируя процессы становления и развития рынка жилой недвижимости, следует указать цикличность, которая характеризует рынок жилой недвижимости в зависимости от соотношения спроса и предложения (следовательно, цены) четырьмя качественно разными состояниями: подъемом, стабильностью, спадом и оживлением.

В первом квартале 2009 г. на столичном рынке наблюдались растерянность и паника как среди продавцов, так и среди покупателей. Тому во многом поспособствовала резкая девальвация белорусского рубля, произошедшая в самом начале года. Однако с апреля 2009 г. темпы падения цен на квартиры замедлились. Вместе с тем столичные квартиры за полгода упали в цене практически на 24 % [8].

Серьезные проблемы на финансовом и валютном рынках 2011 г., рост процентных ставок по кредитам, резкое сокращение банков, предоставляющих кредиты на покупку недвижимости, снижение покупательской активности негативно отразились на рынке жилой недвижимости. Тем не менее обвала цен, которого ожидали, не произошло. За год цены упали всего на 3 %. На конец 2011 г. цена предложения квадратного метра жилья составила в среднем 1290 долл. США [8].

Современный этап развития первичного рынка жилой недвижимости также характеризуется цикличностью, особенно ярко проявившейся в период деноминации белорусского рубля в 2014 г. До 19 декабря 2014 г. был спокойным, стабильным и в некоторой степени предсказуемым [8].

С девальвацией национальной валюты рынок жилой недвижимости оказался в совершенно новых условиях. При этом аналитики соотносят развитие рынка жилой недвижимости с реально располагаемыми доходами населения – самым чувствительным показателем, который был затронут нестабильным курсом рубля. Показателю доходов населения присуща та же инертность, что и ценам на квартиры. Лишь трижды за всё это время годовой доход населения менял свое направление. Первый перелом пришелся на май 2011 г., вслед за началом девальвации рубля. Второй произошел год спустя, когда последствия той девальвации окончательно ушли в прошлое. После этого годовой доход белорусов непрерывно увеличивался 2,5 года [3].

Таким образом, становление и развитие белорусского первичного рынка жилой недвижимости – очень сложный и нестандартный процесс, который протекал в сложный экономический период зарождения и формирования рыночных отношений в экономике Беларуси.

Как показало проведенное исследование, рынок недвижимости имеет ряд технических и социально-экономических особенностей, которые выделяют его среди других рынков и оказывают влияние на его развитие, формирование цен на объекты недвижимости, функционирование, а также на выбор инструментов воздействия на процессы его развития. Все эти особенности рынка недвижимости формируются в силу специфики самого товара – объекта недвижимого имущества.

Список использованных источников

1. *Мурзин, А. Д.* Недвижимость: экономика, оценка и девелопмент: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / А. Д. Мурзин. – Ростов н/Д: Феникс, 2016. – 382 с.

2. Трифонов, Н. Ю. Рынок минских и моголевских квартир: зима 2006 года / Н. Ю. Трифонов, В. Е. Воропаев, Р. Н. Дубовик // Бухгалтерский учет и анализ. – 2006. – № 4. – С. 42–45.

3. Ипотека в Беларуси [Электронный ресурс] // Информационный финансовый портал MYFIN.BY. – Режим доступа: <https://myfin.by/wiki/term/ipoteka-v-belarusi/>. – Дата доступа: 20.06.2021.

4. Устюшенко, Н. А. Рынок недвижимости: этапы развития и настоящее / Н. А. Устюшенко // Экономика, финансы, управление. – 2016. – № 2(144). – С. 29–41.

5. Аналитика недвижимости / Агентство Гревцова Profesional [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://analytics.agr.by/>. – Дата доступа: 16.06.2021.

6. Как менялась стоимость жилья в Беларуси за последние 20 лет? Динамика цен на квартиры на примере Минска и Могилева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mogilevnews.by/news/19-10-2020-14-31/67031>. – Дата доступа: 20.06.2021.

7. Солодовников, С. Ю. Рынок недвижимости Республики Беларусь: особенности и проблемы его развития / С. Ю. Солодовников, М. Ю. Русак // Модернизация хозяйственно-го механизма сквозь призму экономических, правовых и инженерных подходов: сб. материалов VIII Междунар. науч.-практ. конф., 23 марта 2016 г. / [редкол.: С. Ю. Солодовников и др.]. – Минск, 2016. – С. 260–282.

8. Статистика и аналитика цен на квартиры в Минске [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://realт.by/statistics/>. – Дата доступа: 21.02.2022.

(Дата подачи: 24.02.2022 г.)

К. В. Якушенко

Белорусский национальный технический университет, Минск

K. Yakushenka

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 339.924:002(1-6ЕАЭС)

МОДЕЛИ ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ В ЕС, АТЭС, АСЕАН, ЕАЭС

MODELS OF A SINGLE INFORMATION SPACE IN INTEGRATION ASSOCIATIONS: FEATURES OF DEVELOPMENT IN THE EU, APES, ASEAN, EAEU

В статье рассматриваются модели развития единого информационного пространства (ЕИП) в интеграционных организациях на примере европейской модели (ЕС), моделей Азиатско-Тихоокеанского региона (АТЭС, АСЕАН), в том числе цели формирования, их специфические черты, необходимость адаптации мирового опыта в государствах – членах ЕАЭС. Научная значимость статьи состоит в формулировке особенностей раз-

вития единого информационного пространства и обосновании направлений адаптации мирового опыта в государствах – членах ЕАЭС.

Ключевые слова: информационное пространство; интеграционное объединение; информационная интеграция; Европейский союз; АСЕАН; АТЭС; ЕАЭС; адаптация.

The article examines the models of the development of the unified information space (UIP) in integration organizations on the example of the Pan-European model (EU), models of the Asia-Pacific Region (APEC, ASEAN), including the goals of formation, their specific features, the need to adapt world experience in the EAEU member states. The scientific significance of the article consists in the formulation of the features of the development of a single information space and the justification of the directions of adaptation of world experience in the EAEU member states.

Keywords: information space; integration association; information integration; European Union; ASEAN; APEC; EAEU; adaptation.

Актуальность рассмотрения мировых моделей единого информационного пространства вытекает из необходимости осмысления и интерпретации стремительного развития мировой экономики на основе цифровизации, интеллектуализации и информатизации. Требуется выявление и дальнейшее изучение новых возможностей и открывающихся перспектив для интеграционных отношений. При этом следует принимать во внимание, что развитие глобализации сопровождается формированием трансграничного информационного пространства одновременно и как условием, и как следствием центростремительных тенденций. Анализ международного опыта позволяет утверждать, что главной целью большинства интеграционных процессов является создание единого пространства (инновационного, информационного, торгового и т. д.), которое предполагает наличие не только экономических, но и социокультурных связей, а также общую политику безопасности региона.

Формирование информационного пространства в интеграционных объединениях тесно взаимосвязано с этапами углубления международной экономической интеграции. Процесс интеграции изменяет как систему развития наднациональных органов, так и характер самого интеграционного объединения. И в этом меняющемся процессе создание организационно-экономического механизма информационного пространства играет роль связующего звена, вовлекая государства-члены в обмен информационными потоками и повышая информационное взаимодействие. Одни интеграционные объединения проходят классические этапы развития группировки с количественным и качественным изменениями информационного взаимодействия, другие – ставят целью создание открытого информационного обмена без ярко выделенных переходов по этапам интеграции. В связи с этим формируются мировые модели единого информационного пространства в объединениях, характеризующиеся определенными специфическими чертами, выделение которых позволяет предложить различные варианты формиро-

вания единого информационного пространства и направления адаптации данного опыта для тех или иных интеграционных группировок.

Развитие единого информационного пространства в объединении проходит ряд этапов, которые коррелируются с этапами интеграции по Балассу [1, p. 156].

I этап. Информационный таможенный союз (ИТС) (единая таможенная и внешнеторговая политика). Основным направлением на данном этапе является формирование предварительного информационного контакта между экономическими акторами, занимающимися внешнеэкономической деятельностью, и наднациональными органами власти объединения. Такое взаимодействие включает, как правило, таможенные процедуры и функции, поддерживаемые функционированием информационной системы.

На данном этапе информационная система недостаточно развита, односторонняя, с низкой информационной проницаемостью и передачей информационных сигналов. Возникают сложности в координации на различных уровнях взаимодействия, просматривается разрозненность в подаче нормативно-правовой информации, унификации систем учета данных, отсутствие единообразия технических решений в освоении единой информационной системы объединения.

Для развития данного этапа необходимо передавать больше компетенций наднациональному органу власти, вводить единые стандарты проведения информационных данных, структурно изменять общие процессы по передаче информации между экономическими акторами.

II этап. Единая (экономико-информационная) политика. На данном этапе ключевую роль играет уже имеющий дополнительную силу решений наднациональный орган власти с целью внедрения информационной интеграции. При такой интеграции определяются направления совместности при построении единой экономико-информационной политики. С нивелированием барьеров, либерализацией торговли, более свободным движением основных факторов производства происходит движение к единству взаимодействия, в том числе и в сфере информационной интеграции: создается совместный электронный документооборот, единые реестры, базы данных для поддержки торговли; происходит обмен информацией в сферах, особенно важных и необходимых для объединения; формируются принципы информационной безопасности.

III этап. Единый информационный рынок. Важнейшим признаком развития на данном направлении является возможность свободного передвижения информации внутри государств-членов как одного из основных факторов производства, что предполагает подключение к базовым субъектам таких субъектов, как институты развития, консорциумы, стратегические интеграционные альянсы и др. Информация становится доступной не только бизнес-структурам, но и гражданам объединения.

Необходимо отметить, что особенности формирования данного этапа могут быть различны в зависимости от выбора условий взаимодействия.

Последующие этапы способствуют дальнейшему развитию единого информационного пространства, повышая конкурентоспособность всех экономических субъектов государств-членов. При эффективной информационной интеграции выстраивается взаимоприемлемый для всех государств-участниц механизм «четырёх свобод», в том числе и движения информации, что приводит к получению максимальной отдачи от мобилизации всех видов ресурсов [2, с. 123].

Из всего разнообразия интеграционных объединений возможно выделить ключевые, которые прошли различные этапы информационной интеграции, на основе рассмотрения которых выделяются модели единого информационного пространства.

1. Европейская модель единого информационного пространства.

Данную модель возможно охарактеризовать посредством изучения информационного пространства государств – членов Европейского союза. Интеграционное объединение проходило достаточно классические этапы развития интеграции, целью которого явилось сохранение национальной и информационной идентичности каждого государства в Союзе. Это не в полной мере соответствует направлениям развития единого информационного пространства. Европейский союз развивается в рамках сообразной модели информационного взаимодействия: формируется ЕИП с существенными ограничениями обмена информацией; информационный рынок каждого государства-члена развивается самостоятельно, закрытая информация передается в общие базы данных наднационального органа власти; базы данных имеют ограниченную сферу применения [3, с. 110].

Такой подход к формированию общих, а не единых подходов, целей и принципов формирования информационного пространства сказывается и на распространении информации.

2. Азиатская модель единого информационного пространства.

Данная модель характеризуется через такие интеграционные объединения, как АТЭС и АСЕАН, в развитии которых изначально определялась цель создания единого информационного пространства («АСЕАН – расширение экономического, социального и информационного взаимодействия между государствами-членами; открытый информационный обмен; формирование единого социально-экономического пространства на основе критериев безопасности, повышения экономического роста и создания гуманитарного сообщества; АТЭС – механизм обмена информацией между участниками по вопросам предпринимательской деятельности» [4]).

Особенности АСЕАН и АТЭС при формировании ЕИП – отсутствие развитой институциональной организации и соответствующих наднациональ-

ных институтов, недостаточно высокое социально-экономическое развитие стран, медленное внедрение инноваций. В результате усложняется возможность применения механизмов построения, контроля и принуждения к выполнению взятых на себя обязательств; происходит задержка и отставание в графиках проведения намеченных мероприятий. В большей степени формирование ЕИП происходит несинхронно и связано с развитием отдельных направлений: электронной торговли, свободной и безопасной передачей персональных данных в регионе, регулированием взаимодействия в цифровом пространстве. Работа по другим направлениям, связанным с развитием информационных рынков (СМИ, книгопечатание и др.), проводится недостаточно эффективно.

Вместе с тем Азиатско-Тихоокеанский регион представляет собой большой потенциал в сфере формирования ЕИП, так как АТЭС и АСЕАН изначально принимали принципы единства и сотрудничества в рамках информационной интеграции.

Результаты согласованной информационной интеграции в АСЕАН:

1) создание интегрированного информационного портала АСЕАН с интеграционным и национальным контентом (в том числе интегрированной информационной финансовой системы);

2) предоставление широкого набора государственных услуг и обеспечение сделок в режиме реального времени с использованием ИКТ-приложений для облегчения связей между государственными, частными секторами, а также гражданскими и международными организациями, в том числе для ведения электронной торговли (e-ASEAN);

3) упрощение процедур трансграничной безбумажной торговли (выработка инициативы по созданию единого таможенного «окна»; принятие единой формы сертификата о происхождении товара);

4) выработка и применение национальных киберпространственных законов и информационных политик при использовании соответствующих международных стандартов и норм;

5) осуществление программ подготовки персонала для повышения уровня грамотности в области ИКТ и профессиональных навыков, повышения степени электронной подготовленности; выработка общей технической базы для ведения электронной торговли и предоставления электронных государственных услуг в целях обеспечения эффективности работы информационных систем и сетей.

Результаты согласованной информационной интеграции в АТЭС:

- осуществление взаимодействия с деловыми экономическими кругами стран-участниц через Деловой консультационный совет (выработка обобщенных рекомендаций о реализации программных документов и анализ проблем бизнеса);

- рост числа внедрений ИКТ-технологий.

Отдельной моделью возможно выделить формирование единого информационного пространства в Евразийском экономическом союзе. В связи с тем, что вопрос формирования ЕИП в ЕАЭС находится на начальном этапе развития, возможно адаптировать опыт двух первых моделей для данного интеграционного объединения, а именно:

- включение в раздел V Информационное взаимодействие и статистика Договора ЕАЭС (ред. от 15.03.2018) [5] статьи, регламентирующей общие подходы к формированию и регулированию единых информационных рынков ЕАЭС; статью 4 Основные цели Союза дополнить словами в следующей редакции: «стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала, информации и трудовых ресурсов в рамках Союза»; в части 3 Единое экономическое пространство произвести дополнение разделом XXVII Единое информационное пространство, в рамках которого 1) описать цели и задачи единой информационной политики; 2) основные направления единой информационной политики;

- формирование не общих, а единых подходов, целей и принципов формирования информационного пространства ЕАЭС (отказ от наличия четко национально детерминированных информационных рынков, снятие информационных защитных барьеров между государствами-членами);

- усиление процессов регулирования ЕИП со стороны наднационального органа власти ЕАЭС (Евразийской экономической комиссии) и создание дополнительных институциональных структур, содействующих кроме экономической составляющей разработке направления социального развития общества государств – членов ЕАЭС;

- планомерное поэтапное формирование ЕИП на основе разработанного организационно-экономического механизма.

Организационно-экономический механизм формирования ЕИП в ЕАЭС представлен на рис. 1, 2.

Целесообразно отметить, что европейская модель единого информационного пространства отличается стремлением к единению, но с сохранением информационных защитных барьеров между странами. Наднациональные органы применяют информационную политику, обладая дополнительной функцией координации и управления информацией. Выявлено, что при значительном количестве информационных ресурсов систематизация предоставляемой информации находится на неудовлетворительном уровне, а также отсутствует взаимосвязь между большинством активных действующих ресурсов. Несмотря на достаточно высокий технологический уровень большинства стран Европы, широкое распространение компьютерных и телекоммуникационных устройств, имеется несоответствие информационной среды требованиям единообразия, а отсутствие единых целей приводит к снижению эффективности взаимодействия на уровне единого информационного пространства.

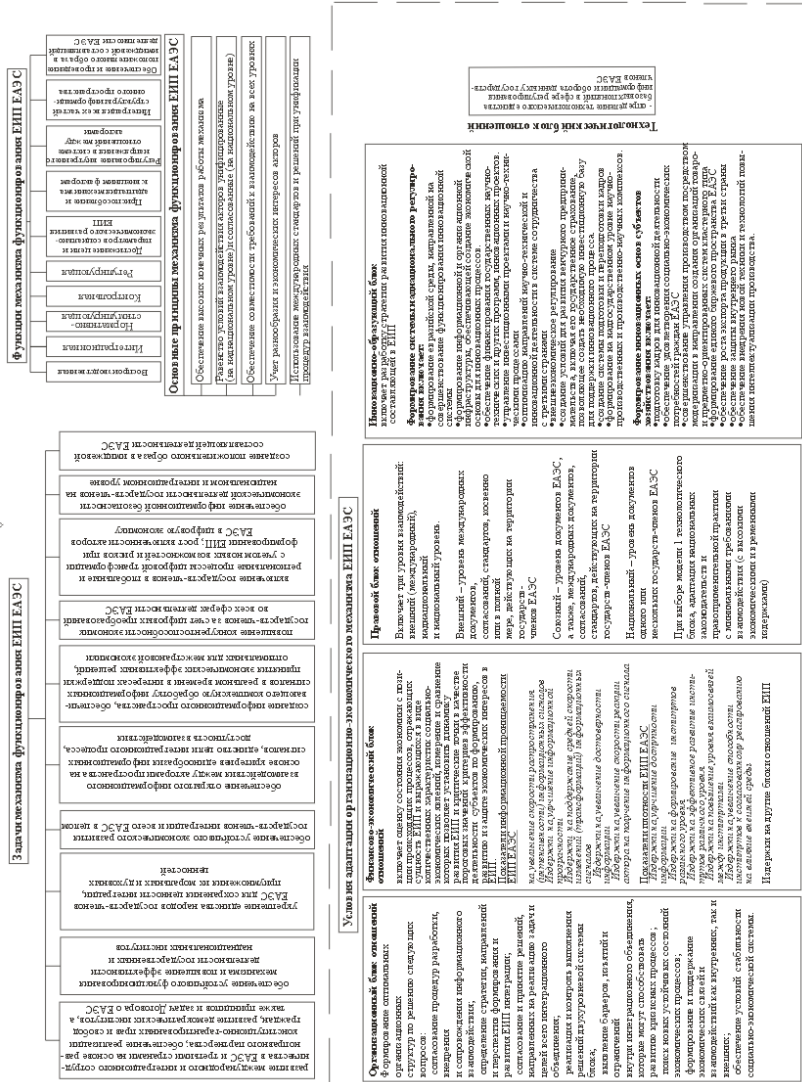


Рис. 2. Механизм ЕИП в ЕАЭС (нижняя часть)

Источник: авторская разработка на основе [6, с. 73].

Азиатская модель (АТЭС, АСЕАН) характеризуется стремлением к созданию единых подходов к информационной интеграции на базе развития цифровой экономики. Вместе с тем не соблюдается четких переходов по

этапам интеграции с достаточно ослабленной институциональной средой. Развитие информационного рынка проводится несинхронно.

Представленные модели позволяют сформировать подходы к созданию организационно-экономического механизма ЕАЭС с усиливающейся ролью наднационального органа власти.

Список использованных источников

1. *Balassa, B. A.* The theory of economic integration / B. A. Balassa. – London: Allen & Unwin, 1961. – 303 p.
2. *Якушенко, К. В.* Единое информационное пространство региональной экономической интеграции: теория и методология механизма формирования / К. В. Якушенко. – Минск: БГУ, 2018. – 219 с.
3. *Якушенко, К. В.* Информационная интеграция в евразийском экономическом союзе: преимущества и методика оценки развития / К. В. Якушенко // Белорус. экон. журн. – 2020. – № 3. – С. 106–117.
4. Экономическое сообщество АСЕАН [Электронный ресурс] // Азиатский вектор. Россия – Азиатско-Тихоокеанский регион. – Режим доступа: <http://asiavector.ru/analytics/2219>. – Дата доступа: 04.03.2020.
5. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]: [подписан в г. Астане 29.05.2014 г.]: в ред. от 15.03.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
6. *Якушенко, К. В.* Институциональный механизм функционирования единого информационного пространства интеграционного объединения / К. В. Якушенко // Наук. вісн. Міжнар. гуманітар. ун-ту. Сер.: Економіка і менеджмент. – Вып. 37. – Одесса: Міжнар. гуманітар. ун-т: Ін-т проблем ринку та екон.-екол. досліджень НАН України, 2019. – С. 70–78.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Ю. Л. Баньковская

Белорусский государственный аграрный технический университет,
Минск

Y. L. Bankouskaya

Belarusian State Agrarian Technical University, Minsk

УДК 101.8:316.3

СЕТЕВЫЕ ВОЙНЫ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН NETWORK WARS AS A SOCIAL PHENOMENON

Реконструкция концептуальных оснований сетевых войн, их ключевых характеристик направлена на прояснение качественных признаков противостояний. В работе отмечается, что необходимость выбора действенных мер противодействия конфликтам способствует прогнозированию путей дальнейшей эволюции и трансформации социальной системы. Исследование их сущности открывает перспективы для изучения влияния процесса сетевизации общества на сферу жизнедеятельности как отдельного человека, так и общества в целом.

Ключевые слова: сетевые структуры; сетевые войны; взаимодействие; урегулирование; конфликт.

The reconstruction of the network wars conceptual foundations, its key characteristics is aimed at clarifying qualitative features of confrontations. The need to choose effective measures to counteract conflicts contributes to predicting the ways of further evolution and transformation of the social system is noted in the paper. The study of its essence opens up prospects for studying the impact of the process of social networking on the sphere of activity of both an individual and society as a whole.

Keywords: network structures; network wars; interaction; settlement; conflict.

Информационно-компьютерная революция содействовала распространению сетевых технологий. Их использование террористами, преступниками и радикалами трансформирует традиционные модели развертывания конфликтов. Сетевые войны постепенно становятся одной из доминирующих форм противостояний, приобретающих все большую популярность в современном обществе. Социально-философский анализ сущности сетевых противостояний необходим по причине их многогранного значительного воздействия на процессы, протекающие в социальных системах, приводящие к их дестабилизации и содействующие выявлению наиболее релевантных форм практического изменения сложившейся и изменяющейся ситуации.

Новой глобальной формой конфликта, приобретшей популярность в современном обществе, становится сетевая война. «Термин “сетевая война”

призван привлечь внимание к перспективе того, что сетевые конфликты и преступность станут основными явлениями в ближайшие десятилетия» [1, с. 6]. Она возникает при попытке осуществления государственного переворота, при развязывании гражданской войны, при наличии стремления у одних государств оказывать давление на экономико-политические процессы ряда других стран, для формирования обстановки международной напряженности. Ее целью является подрыв военной боеспособности, стабильного экономического функционирования государства. «Ведущим сетевую войну актором является не отдельное государство, но гибкая и многоуровневая структура» [2, с. 352]. Применяя информационно-психологическое давление на противника, оппоненты пытаются подорвать суверенитет страны. Мы рассматриваем сетевую войну в качестве нового способа организации социального конфликта, базирующегося на использовании сетевых форм организации взаимодействий между акторами, использовании информационных технологий и стратегий.

Развертывание сетевых войн относится к одной из значимых проблем, возникающих в современном мире. В ней главные действующие лица в большинстве случаев состоят из разрозненных небольших групп, которые взаимодействуют и координируют свою деятельность в пространстве Интернета при отсутствии четкого централизованного управления. Субъектами сетевых конфликтов являются транснациональные террористические группы, наркокартели и другие преступные синдикаты, фундаменталистские движения, контрабандисты, ополченцы, боевики, радикалы, активисты. Они создают новые формы взаимодействия. Расширение пространственных границ, возможность одновременного вовлечения в сферу противоборства людей из разных государств создают возможности для перехода сетевых противоборств на транснациональный, глобальный уровень. Применение информационно-коммуникационных технологий становится особенно востребованным, поскольку географическая рассредоточенность субъектов при одновременном взаимодополнении деятельности и ресурсов друг друга направлена на координацию и планирование действий.

Сетевой войне присущи следующие характеристики, наиболее полно демонстрирующие специфику конфликтного взаимодействия сетевых структур. Во-первых, расплывчатость географических границ ее осуществления. Военные действия могут быть удалены от линии фронта. «Это общая тенденция современных войн, в которых обмен ударами идет на дальних дистанциях, без опасного сближения, провоцирующего любовое столкновение» [3, с. 45]. Ряд государств будет оказывать опосредованное воздействие на проведение боевых действий. Во-вторых, сетевая война основана на использовании информации как мощного инструмента воздействия на оппонента. «В сетевой войне реальное является вторичным по отношению к виртуальному. Имидж, информация гораздо важнее реально-

сти. Сама реальность становится реальной только после того, как сообщения о ней попадают в информационное поле. Отсюда вывод: главное контроль над информационным полем» [4, с. 22]. Использование Интернета и средств массовой коммуникации позволяет привлечь внимание к проблеме множества граждан. Информация становится бесконтактным способом воздействия на сознание и поведение людей. Ее использование направлено на трансформацию сознания не только отдельной личности, но и социальных групп. В-третьих, манипуляция действиями человека благодаря предоставлению определенного рода информации о существующей проблеме делает сетевые войны мощным оружием. Сложность осуществления контроля над всеми поступающими в сеть данными подрывает национальную безопасность развития государства. Как отмечает И. Н. Сидоренко, «целью информационно-психологического воздействия становится изменение системы ценностей и сложившихся норм поведения людей, т. е. осуществление культурно-идеологической экспансии посредством привнесения инородных культурных ценностей» [5, с. 150]. В-четвертых, субъектами военных действий становятся не специально подготовленные и обученные люди, а некоторые социальные группы, осведомленные по существу имеющейся проблемы. Более того, в большинстве случаев основными участниками противоборств становятся граждане, не относящиеся к органам государственной власти. В-пятых, расширяются возможности привлечения новых ресурсов и их использования. «Если прежде каждый актер сосредотачивался на своем ресурсе, то сегодня акторы пытаются расширить свою ресурсную базу за счет других, ранее не характерных для них ресурсов, и привлекают непрофессионалов для использования ресурсов» [6, с. 109].

Необходимо различать феномены сетевой и информационной войны. А. Г. Дугин отмечает, что современные сетевые войны разворачиваются в четырех областях жизнедеятельности человека: физической, информационной, когнитивной (рассудочной) и социальной. Физической области присуще реальное столкновение боевых сил. В ряде случаев оно выступает в качестве предельного эффекта воздействия сетевых технологий. В информационной области рассматривается процесс передачи сообщений, их обработки, накопления, в когнитивной – анализируются намерения, тактики субъекта, формируются планы действий, в социальной – раскрываются исторические, культурные, религиозные, психологические и этнические предпосылки возникновения войны [7, с. 11–13]. Кроме того, сетевые войны затрагивают сферу экономического пространства. Используемыми средствами противоборства выступают санкции, эмбарго, кредиты. Сетевые конфликты могут привести к развертыванию кибервойн, использующих информацию в качестве нелетального оружия, воздействующего не только на информационно-технические средства, но и осуществляющего манипулирование сознанием противника. «Информационные войны являются новым

видом противоборства стран с использованием информационных технологий (без применения военной силы) с целью получения максимального преимущества во всех областях жизнедеятельности» [8, с. 106]. Они являются одним из способов проявления сетевых противоборств.

Сетевая война может привести к нивелированию социальных ценностей и норм. Проблема их формирования заключается в том, что до сих пор остаются неразработанными единые правила взаимодействия субъектов. Существует множество норм, соответствующих тем или иным объединениям. При этом отсутствуют общие ценности, которые бы объединили между собой все сетевые элементы. Данные факторы служат причиной возникновения множества противоречий, отсутствия согласованности интересов разных сетевых структур. С целью устранения неопределенности в моделях поведения акторов, неустойчивости существования социальных норм и преодоления фрагментарности знаний человека о функционировании сети необходимо создание специального института, задачей которого явилась бы выработка ценностных аспектов сетевого взаимодействия, механизмов их освоения акторами. Как отмечал Ф. Фукуяма, «чтобы сети действительно были способны преуспеть в создании порядка, они неизбежно должны зависеть от неформальных норм, занимающих место формально в организации – другими словами, от социального капитала» [9, с. 187].

Сетевые структуры нестабильны, находятся в постоянном изменении. Данные факторы оказывают непосредственное воздействие на специфику протекания конфликтов. Конфликтность, с одной стороны, является следствием конфигурации сетей, к которой принадлежат акторы. С другой стороны, они сами оказывают непосредственное влияние на стабильность функционирования сетевых структур. Выявление и понимание сущности символических сетевых связей осуществляется посредством коммуникативных практик. Имея информационный характер, сетевые конфликты проявляются в борьбе за социальный капитал. Ее следствием является дезинтеграция внеинституциональных взаимосвязей между акторами.

Огромную опасность для устойчивого функционирования общества представляет расширение возможностей для осуществления террористической деятельности. «Терроризм проник везде, он следует как тень за системой господства» [10, с. 100]. Качественные характеристики терроризма существенно меняются с развитием сетевого общества, устойчивость и стабильность которого все более зависят от действий и намерений других государств. В сетевом пространстве реализуется рекрутирование новых членов преступных группировок, идеологическое воздействие на их сознание.

Сложность, разветвленность и полифункциональность сетевой организации определяют специфические особенности функционирования террористической организации. Сущностными характеристиками, предопреде-

ляющими специфику сетевой природы терроризма, является, во-первых, отсутствие географических и темпоральных границ его распространения. Информационно-коммуникационные технологии позволяют наносить вред любому государству, управлять процессом осуществления террористического акта опосредованно. Во-вторых, масштаб ущерба материальному благосостоянию как отдельных граждан, так и обществу в целом значительно возрастает вследствие наличия возможности вовлечения в противоборство большого количества людей. Результатом террористических актов становится гибель людей. В-третьих, значительно увеличился уровень психологического давления на человека вследствие дезинформации, быстрого распространения ложных сведений, создания угрозы общественной безопасности. «Гибридная война – это совмещение реальной атаки и символического насилия. Символический терроризм как одно из самых эффективных средств современной войны нацелен не на максимальное количество жертв, а на максимальный спецэффект (театральность) от семиотического ущерба» [11, с. 146]. В-четвертых, появляется возможность быстрого приобщения новых членов в сетевую структуру группы по причине отсутствия жесткой цензуры получаемой информации, анонимности сообщений, психологического давления и распространенности сведений преступного характера.

Вследствие полицентричности и децентрализованности сетевых структур их сложно ликвидировать. В сети есть несколько узловых точек, от которых отходит множество периферийных элементов. Как правило, узлы характеризуются плотными связями между акторами, которые обеспечивают управление и координацию действий между сетевыми элементами в конфликтной ситуации. В то же время сети присуще доминирование равноправных взаимоотношений, асимметрия власти и влияния. Периферийные элементы расширяют возможности для осуществления деятельности, облегчают процесс реализации множества операций посредством привлечения разных ресурсов. Более того, увеличивается доступ к информации, что повышает уровень адаптивности сети к внешним условиям. Способность получать заблаговременное предупреждение об угрозе дестабилизации или уничтожения дополняется имеющимися у нее внутренними механизмами к быстрой реконфигурации внутренних структур. Тем самым затрудняется процесс выработки эффективных мер по разрешению конфликтных ситуаций.

Сложность устранения деструктивных сетевых образований заключается в наличии у них множества узловых точек. Их распределение, возможность взаимозамены сетевых элементов усложняет процесс ликвидации сети при ее деструктивном функционировании, которая сохраняет возможности своего существования. Отстранение лидеров чаще всего приводит к их замене. Новые узловые точки формируются за счет привлечения элементов из периферии. Даже если некоторые узловые точки будут унич-

тожены, остальные ее части останутся нетронутыми. Устойчивость сети проистекает из ее способности ограничивать наносимый ущерб и смягчать последствия при образовании противоречий.

На основании сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Конфликтное взаимодействие сетевых структур, содействующее дестабилизации, качественному изменению и трансформации сети, является неотъемлемым атрибутом ее функционирования. Специфика сетевых войн определяется такими характерными особенностями, как физическая дистанцированность акторов, опосредованность их взаимодействия, отсутствие единой выработанной системы норм и ценностей, анонимность, снижение уровня ответственности за совершаемые действия, открытость для включения новых элементов, возможность быстрой эскалации противоречий.

2. Выявление специфических характеристик сетевой войны обусловлено необходимостью не только познания новых форм взаимоотношений людей, но и поиском путей практического воздействия на процессы функционирования социальной реальности. Невозможность ликвидации деструктивных сетевых образований обусловлена устройством сети.

Список использованных источников

1. Networks and netwars: The future of terror, crime, and militancy / ed. by J. Arquilla, D. Ronfeldt. – Santa Monica, Calif. : RAND, 2003. – 376 p.
2. Дугин, А. Г. Теория многополярного мира / А. Г. Дугин. – М.: Евразийское движение, 2012. – 532 с.
3. Манойло, А. В. Гибридикация мировой политики / А. В. Манойло // Гибридикация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений / под ред. П. А. Цыганкова. – М.: Горячая линия – Телеком, 2017. – С. 44–96.
4. Дугин, А. Г. Теоретические основы сетевых войн / А. Г. Дугин. // Сетевые войны: угроза нового поколения. – М.: Евразийское движение, 2009. – С. 8–44.
5. Сидоренко, И. Н. Философия насилия: от метафоры к концепту / И. Н. Сидоренко. – Минск: БГУ, 2017. – 175 с.
6. Лебедева, М. М. «Идеальный шторм» как результат «гибридикации» мировой политики / М. М. Лебедева // Гибридикация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений / под ред. П. А. Цыганкова. – М.: Горячая линия – Телеком, 2017. – С. 97–111.
7. Дугин, А. Г. Сетевые войны. Новая теория войны / А. Г. Дугин // Сетевые войны: угроза нового поколения. – М.: Евразийское движение, 2009. – С. 7–17.
8. Крылова, И. А. Информационно-психологические войны как фактор дезинтеграционных процессов в современном мире / И. А. Крылова // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2021. – № 4–1. – С. 106–110.
9. Фукуяма, Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2003. – 474 с.
10. Бодрийяр, Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр. – М.: РИПОЛ классик, 2016. – 222 с.

11. Сидоренко, И. Н. Философия насилия: от метафоры к концепту / И. Н. Сидоренко. – Минск: БГУ, 2017. – 175 с.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

Е. В. Беляева

Белорусский государственный университет, Минск

E. V. Belyaeva

Belarusian State University, Minsk

УДК 17.031

КАТЕГОРИЯ МОРАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ В ЭТИКЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ¹

CATEGORY OF MORAL TRUST IN THE ETHICS OF RESPONSIBILITY

Моральное доверие как этическая категория – это аксиологическая установка на уважение моральной субъектности человека и уверенность в осуществимости моральной регуляции. В этике ответственности как специфическом типе теории морали понятие доверия приобретает категориальный статус за счет связи с другими категориями, характеризующими онтологию морального субъекта: открытость Другому и коммуникация с ним, способность к нелинейному самопреобразованию, нравственное могущество и рефлексивность. Доверие – это производное от ответственности нравственное качество субъекта.

Ключевые слова: доверие; моральное доверие; моральный субъект; онтология субъекта; этика ответственности; этика долга; этика блага; рефлексивность.

Moral trust as an ethical category is an axiological attitude, respect for the moral subjectivity of a person and the possibility of moral regulation. In the ethics of responsibility as a specific type of moral theory, the concept of trust acquires a categorical status due to its connection with other categories that characterize the ontology of the moral subject: openness to the Other and communication with him, the ability for non-linear self-transformation, moral power and reflexivity. Trust is a moral quality of a subject derived from responsibility.

Keywords: trust; moral trust; moral subject; subject ontology; ethics of responsibility; ethics of duty; ethics of good; reflexivity.

Данный текст продолжает рассуждения, изложенные в статье «О специфике морального доверия и его категориальном статусе в этике» [1]. В ней раскрывались особенности этической интерпретации доверия, в отличие от его трактовки в психологии и социологии. Моральное доверие как этическая категория – это аксиологическая установка на уважение моральной

¹ Статья выполнена при поддержке гранта ГПНИ № ГР 20212272.

субъектности человека и убеждение в осуществимости моральной регуляции. Ее актуализация произошла в той ситуации неопределенности и риска, в которой пребывает человек в современном мире, где не существует онтологических оснований для уверенности человека в существовании морали и способности ее реализовать. Мораль превратилась в объект доверия, т. е. авансированного, негарантированного отношения, представляющего между тем колоссальную ценность.

Трактовка доверия как нравственной ценности получила обоснование в контексте этики ответственности – особом типе теории морали по сравнению с этикой долга и этикой блага. Эти этические учения, сложившиеся на протяжении XX в., поставили в центр системы категорий понятие ответственности, связав его со специфической онтологией морального субъекта (Ж.-П. Сартр, М. М. Бахтин, Э. Левинас, К.-О. Апель, Ю. Хабермас, Г. Йонас, Х. Ленк, Ж.-Л. Нанси, П. Рикёр и др.). Их общая характеристика дана в книге В. А. Канке «Этика ответственности» [2].

В большинстве работ, посвященных феномену доверия, ответственность рассматривается узко и функционально – как средство для получения доверия. Между тем формирование этики ответственности показывает, что ответственность – это категория, способная центрировать особый тип теории морали, а доверие – это производное от ответственности нравственное качество субъекта. В противовес недоверчивости оно может рассматриваться как специфическая добродетель, свидетельствующая о моральности личности.

Цель данной статьи – установление категориального статуса морального доверия в этике ответственности за счет раскрытия его специфического содержания и указания места в онтологии морального субъекта.

Обобщая философское наследие представителей этики ответственности, следует указать на важную связь между этикой и онтологией в их учениях, в результате чего этика оказывается не частной прикладной дисциплиной, а нравственной философией, средоточием философского мышления, для которого любое абстрактное рассуждение служит обоснованию пути правильной жизни, а само устройство бытия включает этические отношения и нравственные поступки. Так, этика ответственности, с одной стороны, возвращается к мысли В. С. Соловьева и других русских мыслителей начала XX в. о существовании нравственной детерминации процессов бытия, а с другой – воплощает самые актуальные стратегии постклассической философии.

В частности, к ним относится онтологическая трактовка субъекта, в отличие от гносеологической субъект-объектной схемы философии Нового времени [3]. Соответственно, моральный субъект перестает интерпретироваться гносеологически – как носитель этического знания и нравственных убеждений, которые затем воплощаются в деятельности. Субъект не проти-

востойт объекту, но выступает элементом процессов детерминации, определяет характеристики бытия; всё, что есть, является таковым благодаря активности субъекта. Важно то, что это не просто произвольная бестолковая активность; субъектность означает ответственность за бытие, в первую очередь за бытие Другого живого.

К онтологическим характеристикам морального субъекта в этике ответственности можно отнести открытость Другому и миру, разомкнутость, нелинейную динамику самопреобразования, коммуникативность, рефлексивность, нравственное могущество и способность к производству смысла. Идентичность нового субъекта имеет гибкий, модульный характер. Такая онтология субъекта лежит в основании нового типа доверия и позволяет показать, какое место занимает доверие в способе обретения современного пути правильной жизни.

Важным для этики ответственности является новая трактовка ключевой категории. Ответственность понимается как проявление свободы, а не результат вины. Это позитивная «ответственность за», которая имеет перспективный характер, обращена в будущее и зиждется на способности субъекта полагать собственный закон в этом мире, принимать решение относительно его преобразования и вносить свою ответственность как вклад в сохранение и продолжение жизни. Это не ответственность *перед* источником нормы и авторитета, а ответственность *за*, которую субъект берет на себя в сложившейся ситуации с целью разрешить ее. В такой ситуации субъект проявляет доверие и к себе как деятелю, и к миру как месту своей жизни, и к Другому как партнеру по нравственной коммуникации.

В этике ответственности моральное доверие выступает проявлением фундаментальной открытости субъекта, демонстрирует его ценностную ориентацию в отношениях с миром и окружающими. Как в целом открытость системы предполагает ее способность к ответу на воздействие среды в соответствии с собственными законами самоорганизации, так и в морали она проявляется как нравственная отзывчивость личности, как ценностный ответ на взгляд Другого (человека, сообщества, мира). Притом речь идет не только о доверии как социальной практике, но и о способности экзистенциально довериться Другому, открыться во всей полноте неповторимой личности.

Доверие к себе в «этике ответственности» также опирается на специфически очерченный феномен ответственности. Оно характеризует потенциальную субъектность человека, способность быть причиной самого себя. В реальности, конечно, каждый может быть подвержен влиянию, вести себя не проективно, а реактивно. Поэтому ответственная установка быть причиной самого себя предстает как нравственная задача, для решения которой необходимо доверие к себе, своим нравственным качествам, моральному могуществу и способности к самопреобразованию. Субъект характеризу-

ется не столько сформированными добродетелями или устойчивыми моральными убеждениями, а способностью к изменениям. Две другие теории морали (этика блага и этика долга) тоже предписывали личности самосовершенствование, но это было приближение «природы человека, какова она есть» к «идеальной природе человека». Теперь же изменения направлены либо к неизведанному горизонту, который очерчивается индивидуально, либо вообще не образуют связного проекта. Для самой личности ее собственная изменчивость является поводом исследовать нелинейную динамику морального мира, а предметом доверия становится непрерывность собственного нравственного опыта.

Важнейшей особенностью этики ответственности является то, что Другой, к которому обращены как ответственность, так и доверие, также является моральным субъектом. Это казалось бы самоочевидное обстоятельство на деле мало принимается во внимание в этике блага и этике долга, в которых содержание ответственности личности определяется с опорой на ее добродетели или рациональную автономию. Представления другого субъекта об объеме и направленности этой ответственности не учитываются. Вполне справедливо, что нормативное предписание акцентирует внимание на том, кто должен его выполнить, но строится оно по патерналистской модели облагодетельствования Другого и заботы о нем в рамках заместительного нравственного выбора: я решаю, что для него лучше, ответственно беру его жизнь и судьбу в свои руки. Этика же ответственности предполагает, что содержание и мера ответственности каждого из участников взаимодействия проясняется в коммуникации. Борьба за возможность быть ответственным становится проявлением нравственной свободы.

Этика ответственности считает важным быть открытым Другому, а значит, научиться признавать его в качестве субъекта. По словам А. Е. Зимбули, «адресатом доверия оказывается тоже вменяемый, разумный субъект, чье поведение изначально не может быть предсказано однозначно [4, с. 45]. Способность доверять проявляется изначально, невзирая на ненадежность Другого, спонтанность и незавершенность которого отличает его от автономного субъекта модерна. В обществе риска субъект проявляет авансированное доверие к Другому, понимая, что оно может не оправдаться не в силу его безнравственности, а в силу инаковости морали Другого. Не случайно О. Н. Кожемякина трактует «доверие как благоориентированное рисковое действие, вследствие непрозрачности намерений, изначальной свободы и неконтролируемости действий Другого» [5, с. 17]. Поэтому, как отмечает Э. Гидденс, «доверие не предзадано, но вырабатывается, и связанная с этим работа означает взаимный процесс самораскрытия» [6, с. 256].

Открытость Другому предполагает не столько гносеологическую веру, сколько доверие его субъектности, способности к морали. Так, классический этический тезис о том, что никто в морали не является объектом или

средством, переформулируется в терминах доверия. Но если Другой – это субъект, то он способен производить незнакомую и даже чуждую для каждого данного человека мораль (нормы и ценности, путь правильной жизни, способ утверждения самооценности личности и пр.). Доверие к тому, как понимает и полагает мораль другой моральный субъект, предполагает, что его специфическая мораль не направлена против меня. В результате субъект доверяет Другому сделать себе не должное, договорное благо, а то, которое Другой пожалует, подарит. Моральное доверие Другому предполагает не просто толерантность к его моральным убеждениям, но способность приблизиться к тем нравственным практикам, в рамках которых Другой осуществляет свою мораль, освоить тот вид добра, которым он хочет поделиться. При этом взаимная ответственность за ненасильственный характер коммуникации сохраняется.

Доверие в этике долга и этике блага не было особой нравственной ценностью или добродетелью, важно было быть достойным доверия, но не было требования проявлять доверие к другим. В этике же ответственности доверие как нравственное качество субъекта – это не только собственная надежность, способность вызывать доверие, но и способность положиться на другого, это «проявление готовности принятия собственной уязвимости и признания приемлемой возможности рассчитывать на добрую волю другого» [5, с. 17]. Обоюдное вменение ответственности представляется В. Ю. Перову основной спецификой морального доверия [7, с. 170].

Взаимная ответственность предполагает, что субъект сам может решить свои проблемы, но доверяет Другому для того, чтобы включить его в коммуникацию, обрести и создать новую, коммуникативную нравственную ценность, которую нельзя произвести автономно, например, солидарность. Во взаимодействии становится понятной суть такого свойства субъекта этики ответственности, как могущество (от слова «могу»). В классических теориях морали доверие также не предполагало наивной доверчивости, присущей слабым и глупым существам, не способным к самостоятельному поведению и вынужденным не столько доверять, сколько доверяться тому, кто решит их проблемы. Субъект этики ответственности, проявляя доверие, обладает могуществом не пострадать от инаковости Другого, проявляет способность доверять, невзирая на неоправданность надежд, это доверие «несмотря на...». В то же время этика ответственности утверждает такое же могущество Другого, способного проявить доверие, превышающее то, которое предписано его социальной ролью, реализовать не оговоренные взаимностью обязательства.

В эпоху модерна и сами моральные субъекты, и этическая теория, осмыслившая их опыт, полагали, что доверие имеет рациональную основу. «Доверительное поведение оказывается рациональным, если оно приводит к наилучшим возможным в данных условиях результатам. Иначе говоря,

доверие рационально, если объект доверия его заслуживает и оправдывает» [8, с. 24]. В современной нравственности по мере развития ценностной рациональности ситуация меняется. Поскольку доверие становится важнейшей моральной ценностью, оно не основывается на рациональном расчете, а само становится обоснованием критериев рациональности. Доверие и открытость в ситуациях взаимодействия рассматриваются как рациональное поведение. Если целерациональное доверие всегда было выборочным, обоснованным, целесообразным [8, с. 25], то ответственное доверие само выступает целью и обоснованием морального действия. Оно тяготеет ко всеобщности, распространяется на любого человека, попавшего в сферу моральной деятельности субъекта, реализуется как «право на доверие», не зависящее от социальных характеристик личности. Кроме того, рациональность морального субъекта этики ответственности является не только ценностной, но и рефлексивно-коммуникативной. Ее существование становится возможным благодаря коммуникации с другими субъектами, соотносению себя с ними не только в плане сопоставления убеждений, но и в нравственной практике.

Анализируя современную нравственность в мире риска, можно констатировать, что предметы доверия и характер его поддержания у разных индивидов и групп могут быть различны и, кроме того, постоянно меняться. Поэтому в этике ответственности, с одной стороны, моральное доверие обосновывается как предпосылка открытой нравственной коммуникации разнообразных субъектов, а с другой – происходит постоянное уточнение сути доверительных отношений, их конкретных особенностей. Такое ситуативное функционирование доверия возможно только благодаря нравственной ответственности участников.

Таким образом, в этике ответственности доверие обрело статус этической категории, обозначающей качество морального субъекта, укорененное в его онтологической структуре и являющееся производной от его ответственности. Специфика трактовки доверия в этике ответственности (по сравнению в этикой долга и этикой блага) состоит в том, что доверие выступает проявлением фундаментальной открытости субъекта, важнейшей характеристикой, свидетельствующей о его моральной субъектности, а также об уважении к инаковости Другого. Предмет доверия и формы его проявления не универсальны, они возникают спонтанно или устанавливаются коммуникативно в процессе взаимодействия субъектов, предполагают способность не только бескорыстно оказывать, но и принимать чужое по форме и содержанию доверие. Доверие носит ситуативный характер и предполагает взаимную ответственность доверившихся. Как и прочие феномены современности, оно понимается плюралистично и устанавливается между любыми субъектами вне зависимости от их групповой принадлежности и само становится основой новой идентичности.

Список использованных источников

1. *Беляева, Е. В.* О специфике морального доверия и его категориальном статусе в этике / Е. В. Беляева // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки: сб. науч. ст. / редкол.: В. А. Гайсёнок [и др.]. – Минск, 2021. – Вып. 20, ч. 2.
2. *Канке, В. А.* Этика ответственности. Теория морали будущего / В. А. Канке. – М.: Логос, 2003. – 352 с.
3. *Биричева, Е. В.* Концепт «субъекта» в пространстве неклассической онтологии / Е. В. Биричева. – Екатеринбург: Ажур, 2012. – 124 с.
4. *Зимбули, А. Е.* Доверие / А. Е. Зимбули // Лекции по этике. – СПб., 2018. – Вып. 6. – С. 32–50.
5. *Кожмякина, О. Н.* Концептуализация уязвимости доверия в условиях глобализации и информатизации / О. Н. Кожмякина // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2017. – № 3. – С. 14–24.
6. *Гидденс, Э.* Последствия современности / Э. Гидденс; пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича; вступ. ст. Т. А. Дмитриева. – М.: Праксис, 2011. – 343 с.
7. *Перов, В. Ю.* Проблемы морального доверия / В. Ю. Перов, П. А. Тазенкова // Дискурсы этики. – 2012. – № 1. – С. 152–170.
8. *Алишев, Т. Б.* Основные теоретические подходы к интерпретации феномена доверия в социологии / Т. Б. Алишев // Уч. зап. Казан. гос. ун-та. Гуманитар. науки. – 2009. – Т. 151, кн. 5, ч. 1. – С. 22–29.

(Дата подачи: 15.02.2022 г.)

О. В. Беркова

Белорусский национальный технический университет, Минск

O. Berkova

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 303.101

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МЕТОД В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

THE DIALECTICAL METHOD IN MODERN ECONOMIC THEORY

В статье представлен диалектический метод как наиболее продуктивный при исследовании сущности изучаемых процессов и явлений. Данный метод использован для иллюстрации экономических процессов, происходящих в современном обществе, когда в основу положено «развертывание» категории «стоимость». Диалектическое развитие стоимости объясняет формирование современных направлений развития научного знания – теорий менеджмента, маркетинга, глобализации и т. д.

Ключевые слова: диалектический метод; экономическая теория; стоимость; прибавочная стоимость; прибыль; капитал.

The article presents the dialectical method as the most productive in the study of the essence of the processes and phenomena under study. This method is used to illustrate the economic processes taking place in modern society, where the «unfolding» of the category of «value» is the basis. The dialectical development of value explains the formation of modern trends in the development of scientific knowledge – theories of management, marketing, globalisation, etc.

Keywords: dialectical method; economic theory; value; surplus value; profit; capital.

Диалектический метод познания явлений природы и общества исходит из той истины, что и в природе, и в обществе развитие совершается от простого к сложному, от низшего к высшему. В конкретно проводимых исследованиях он предполагает выявление некоего начального звена, которое закладывается в основание теории и затем разворачивается в системное знание. При этом выбор такого «начала» и способа его разворачивания предопределяет принципиальные различия в последующих теоретических построениях, разделяя различные научные школы. Из истории экономической мысли известны разные варианты подобного начального звена или, используя термин марксистов, «исходной клеточки». Это товар или благо, стоимость или цена, социальные институты или само национальное хозяйство и т. д. «Здесь ключевой вопрос связан с мотивацией выбора такого начала. Что ученый или аналитик хочет объяснить или доказать? Какой получить результат? При этом приходится принимать во внимание, что разработку социальных или экономических теорий можно начинать по-разному, получая различающиеся результаты» [1, с. 95].

Целью данной статьи является поиск ответа на вопрос, какую систему мы построим и каковы будут ее объяснительные и прогностические возможности, принимая во внимание то, что «исходной клеточкой» этой системы является труд, а точнее, его воплощение в произведенном товаре, что в классической политической экономии получило название «стоимость».

Как известно, еще во времена античности древние мыслители (Ксенофонт, Платон, Аристотель и др.) задавались вопросом о том, что лежит в основе обмена товаров. Было высказано предположение, что тем общим, что роднит все товары, тем «общим знаменателем», позволяющим приравнивать их друг к другу, является воплощенный в товарах труд. Как уже было сказано, труд, воплощенный в товаре, получил название «стоимость». Причем количество труда, заключенное в конкретном товаре, измеряется временем, потраченным на его производство. (Здесь необходимо отметить, что всякая абстрактная теория предполагает наличие определенных условий и допущений, поэтому все разнообразие видов труда, всю их разную степень сложность можно разложить и свести к сумме разного количества простого труда или «простых трудов».)

Однако у разных товаропроизводителей разные способности и умения к производству того или иного товара, разные условия труда, инструменты

и т. п. Поэтому индивидуальное время производства одного и того же товара у них будет разным. Но это не означает, что чем больше время, потраченное на производство товара, тем больше его стоимость. Рыночная стоимость товаров именно та, которая формируется при их обмене, определяется не индивидуальным, а общественно необходимым рабочим временем, т. е. временем, за которое данный товар производит основная масса товаропроизводителей. На это время «ориентируется» и цена товара, т. е. то количество денег, к которому приравнивается данный товар на рынке. Здесь также необходимо обратить внимание на то, что понятия «цена» и «стоимость» совершенно разные по своей сути, и это очень часто не принимается во внимание в современной экономической теории.

Итак, основой обмена товаров на рынке являются общественно необходимые затраты труда на их производство. Те товаропроизводители, индивидуальные затраты труда которых превышают общественно необходимые, уходят с рынка или разоряются. Те немногие, у которых индивидуальные затраты меньше общественно необходимых, остаются в выигрыше и имеют определенный запас прочности в случае вынужденного понижения цен. В этом состоит суть известного в политической экономии закона стоимости, незаслуженно забытого в наши дни, но абсолютно необходимого для понимания сущности, например, совершенной конкуренции как одного из основных типов рыночных структур.

В свою очередь можно сделать вывод о том, что идеализация рыночной экономики, свойственная экономической теории последних десятилетий, должна иметь определенные пределы. Как видно, в условиях стихии рынка большое количество стоимости, т. е. произведенного живого труда, подлежит уничтожению, так как в нерегулируемом хозяйстве, где каждый действует по своему усмотрению, не всякий частный труд может быть признан общественным и общественно необходимым. Именно поэтому известный лозунг «рынок все расставит по своим местам» с учетом всего вышесказанного вызывает недоуменный вопрос: «А какой ценой?» И именно поэтому современные транснациональные корпорации не отдают все на откуп рынку, а формируют массовый спрос сами. С этой целью ими разработано множество средств манипуляции сознанием: реклама, мерчендайзинг, скидки, бонусы и т. п.

Второй вывод, который можно сделать, приняв стоимость, а значит, и заключенный в товаре труд за исходную категорию исследования рыночной экономики, – это то, что источником развития производительных сил во все времена является стремление снизить затраты живого труда, приходящиеся на единицу продукции. Это позволяет при неизменных ценах увеличивать прибавочную стоимость (источник прибыли), а при вынужденном падении цен (например, в условиях кризисов перепроизводства) безболезненно понижать их сколь угодно долго.

К еще более интересным выводам можно прийти, рассмотрев теорию прибавочной стоимости К. Маркса. В этой теории Маркс исходил из той посылки, что прибавочная стоимость создается исключительно живым трудом. Живой труд, т. е. труд, производимый наемными рабочими (в отличие от неживого, прошлого, т. е. воплощенного в вещественных факторах производства: зданиях, сооружениях, станках, оборудовании, сырье, материалах и т. п.), способен производить больше, чем ему нужно для собственного восстановления. Говоря иными словами, стоимость, фактически произведенная живым трудом (опять же исходя из специфических особенностей живого труда), обычно превышает стоимость средств существования самого рабочего, т. е. его зарплату. Это превышение и получило название прибавочной стоимости.

Прибавочная стоимость лежит в основе прибыли, а прибыль, как известно, остается основным «двигателем» материального производства, основным стимулом вкладывания денег с целью их прироста, или, говоря современным языком, основной целью инвестиций. И так было во все времена. Еще классиками политической экономии отмечалось: «Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы хотя бы под страхом виселицы» [2, с. 770].

В стремлении увеличить прибыльность вложения денег «капиталисты» вынуждены увеличивать производство прибавочной стоимости (которая, кстати, производится исключительно в материальном производстве, а затем через механизм межотраслевой конкуренции перераспределяется и на нематериальную сферу). Прибавочную стоимость, производимую живым трудом, можно увеличить двумя способами. И здесь мы подходим к раскрытию сущности таких явлений, как абсолютная и относительная прибавочная стоимость.

Как известно, абсолютная прибавочная стоимость производится путем удлинения рабочего дня или увеличения интенсификации труда. Но производство этого вида прибавочной стоимости имеет физические пределы: рабочий день нельзя удлинять бесконечно, как и «выжимать пот» из работника. Относительная прибавочная стоимость есть результат повышения производительности труда в отраслях, производящих средства существования рабочих, занятых в материальном производстве. Тот или иной уровень производительности труда устанавливается по законам обновления основного капитала, которое в XIX в., например, происходило в среднем

раз в десять лет, т. е. не по воле и желанию отдельных экономических субъектов, а объективно.

Это все явления известные, представленные и систематизированные еще в марксистской политэкономии. Однако мало кто сегодня задается вопросом о причинах небывалого расцвета управленческих наук в современном мире. Системное развитие менеджмента, начало которого приходится на конец XIX в., стало необходимым лишь тогда, когда существовавшие ранее методы увеличения прибавочной стоимости уже не приносили результата. Приходилось искать новые, более изощренные способы воздействия на живой труд, будь-то исключение непродуктивных операций из рабочего процесса либо стимулирование повышения производительности труда через психологическую совместимость членов коллектива. На протяжении XX в. мы видим возникновение и развитие сменяющих друг друга школ менеджмента, начиная от школы научного управления и заканчивая количественной школой. Современный же менеджмент включает в себя не только все «рациональные зерна» известных школ менеджмента, но и дополняется разнообразными подходами, выработанными управленческой практикой: системным, ситуативным, процессным и т. п. И все это в конечном счете делается ради того, чтобы увеличить производство относительной прибавочной стоимости, а следовательно, вернуть капиталу прибыльность.

Таким образом, мы видим, как диалектическое развитие понятия «стоимость», обозначившегося в научном обороте еще классической политэкономией, объясняет явления современной экономической жизни, в частности, возникновение и развитие менеджмента как теории и практики управления.

К еще более интересным результатам можно прийти, рассматривая «разворачивание» этого понятия и объяснение с его помощью не только экономического раздела мира, но и причин современного его передела. Дело в том, что со времен зарождения и развития промышленного капитала возникла необходимость деления его составляющих по критерию участия в производстве прибавочной стоимости на постоянный (то, что идет во вложения в неживой труд) и переменный (то, что затрачивается на живой труд, т. е. рабочих) капитал.

Прибавочная стоимость производится лишь живым трудом, следовательно, чем больше его доля в общем капитале, тем больше и сама прибавочная стоимость. Далее через механизм межотраслевой конкуренции прибавочная стоимость превращается в прибыль, потому что происходит ее перераспределение по различным отраслям согласно правилу «равновеликая прибыль на равновеликий капитал». Но это уже другой вопрос.

В данном случае особый интерес представляет стремление капиталистов уменьшать затраты труда на единицу продукции, что достигается внедрением новой техники и технологий. Но это автоматически увеличивает долю прошлого, неживого труда и уменьшает долю живого труда в общем

капитале и, соответственно, уменьшает произведенную прибавочную стоимость. Именно так действует известный закон тенденции нормы прибыли к понижению, который заставляет «капиталистов» думать о том, каким образом при столь противоречивых, но неизбежных процессах все же увеличить прибыль, а значит, в первую очередь прибавочную стоимость. При прочих равных условиях, т. е. без внедрения новой техники и технологий, это можно сделать, расширяя реализацию того, что уже производится, например, путем захвата новых рынков сбыта, что и происходит, и сегодня мы наблюдаем это повсеместно.

Однако вывозить за пределы своей страны можно не только товары, но и капиталы, и желательно в страны, где низка доля автоматизации труда и высока доля населения, которое соглашается на «работу руками». Для этого надо заботиться о зонах влияния, и здесь мы начинаем понимать еще один тезис: о том, что «политика есть концентрированное выражение экономики». Таким образом, мы видим, как действие закона тенденции нормы прибыли к понижению, вытекающего из законов развития нашего исходного понятия «стоимость», способно влиять на современную экономику и политику. Рассмотрение стоимости как основы построения системного экономического знания, взятое в развитии, позволяет объяснить многие экономические явления современной жизни и спрогнозировать их возможные будущие состояния.

Сегодня в официальной экономической теории, представляющей основным своим объемом по сути основы микро- и макроэкономики, диалектический метод используется слабо или не используется вовсе. Современная экономическая теория базируется на позициях позитивизма, который, как известно, признает научными лишь те факты, которые могут быть получены и проверены опытным путем. Невидимым внешне категориям, которые могут быть абстрактно созданы лишь в мысленном эксперименте, но необходимы для отражения сущности изучаемых явлений, позитивизм отказывает в праве на существование. Именно по этой причине понятие стоимости ушло из современной экономической теории.

Современная микроэкономика построена на принципах маржинализма – течения, которое пришло в экономическую теорию в последней трети XIX в. как оппозиционное трудовой теории стоимости.

Маржинализм – это теория, представляющая экономику как систему взаимосвязанных хозяйствующих субъектов и объясняющая экономические процессы исходя из использования предельных (*max* или *min*) крайних величин, характеризующих не сущность явлений, а их изменение в связи с изменением других явлений.

Трудовой теории стоимости была противопоставлена теория предельной полезности, согласно которой величина меновой ценности выводится из интенсивности потребности. Предельный анализ впоследствии приме-

нялся при построении других ключевых маржиналистских теорий – издержек производства, распределения, общего равновесия и т. д. После этого почти повсеместно политэкономия превратилась в науку о человеческой деятельности, определяемой ограниченностью (редкостью) ресурсов и неограниченностью потребностей, удовлетворение которых является целью этой человеческой деятельности. Экономическая теория стала, таким образом, теорией выбора, осуществляемого хозяйствующим субъектом из различных вариантов. По сути, она свелась как к анализу реакции потребления на изменение цен (при условиях и ограничениях), так и к анализу деятельности предприятий с целью выработки рецептов по оптимизации их функционирования.

Отсутствие диалектического подхода в современной экономической теории привело к ситуации, когда невозможно прийти к пониманию законов, действующих на протяжении длительных периодов времени в той или иной экономической системе. Тем не менее, как было показано, при правильном выборе основания системного развертывания теории (в данном случае понятия «стоимость») использование диалектического метода «объясняет многое малым, т. е. извлекает общие и решающие элементы из массы сложных и детализированных обстоятельств, которые окружают подлежащие объяснению явления, и *позволяет делать верные предсказания на основе одних лишь этих элементов*» [3, с. 63]. Примером могут служить основные тенденции современного развития экономических знаний – теории менеджмента, теории маркетинга, развитие понятия и осмысление процессов мировой глобализации, транснационализации капитала и т. д.

Список использованных источников

1. *Рязанов, В. Т.* Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике: сб. ст. / В. Т. Рязанов. – СПб.: Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2009. – 463 с.
2. *Маркс, К.* Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – М.: Политиздат, 1960. – Т. 23. – 906 с.
3. *Ходжсон, Дж.* Экономическая теория и институты / Дж. Ходжсон. – М.: Дело, 2003. – 464 с.

(Дата подачи: 16.02.2022 г.)

А. Г. Волнистый

Белорусский национальный технический университет, Минск

A. G. Volnistiy

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 101:378.14

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ В ПРЕПОДАВАНИИ ФИЛОСОФИИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

INTERDISCIPLINARY LINKS IN THE TEACHING OF PHILOSOPHY IN TECHNICAL HIGHER EDUCATION

Автор, обобщая свой многолетний опыт преподавания курса философии в Белорусском национальном техническом университете, обосновывает ведущую роль социально-гуманитарных дисциплин в формировании творческой личности будущего специалиста технического профиля. Обосновывается тезис о необходимости формирования философского мышления у современного специалиста инженерного профиля на основе междисциплинарных связей. Философия, ее методологические принципы необходимы как мировоззренческая основа профессиональных и социальных компетенций и будущей профессиональной культуры специалиста, особенно при решении различных творческих инженерных задач.

Ключевые слова: философия; миропонимание; междисциплинарные связи; философское мышление; профессиональная культура; инженерное мышление; социальная ответственность специалиста; методы преподавания философии.

The author, summarizing her long-term experience of teaching philosophy course in Belarusian National Technical University, substantiates the leading role of social-humanitarian disciplines in the formation of a creative personality of a future technical specialist. The thesis about the necessity to form philosophical thinking of a modern engineer on the basis of interdisciplinary links is substantiated. According to the author, philosophy and its methodology principles are necessary as the basis for professional and social competence and future professional culture of a specialist, especially while solving various creative engineering problems.

Keywords: philosophy; worldview; interdisciplinary links; philosophical thinking; professional culture; engineering thinking; specialist's social responsibility; methods of teaching philosophy.

Процессы формирования нравственной культуры в рамках социального пространства коммуникации, подлежащего, как и все остальные сферы общественной жизни, техногенным преобразованиям в современных условиях, принципиально по-новому заставляют нас взглянуть на ведущую роль философского знания и дисциплины «Философия» в структуре социально-гуманитарной подготовки будущего специалиста в техническом вузе [1]. Нельзя стать хорошим специалистом без понимания сущностных характеристик своей будущей профессии – энергетика, программиста, технолога,

менеджера и инженера. Особенность изучения дисциплины «Философия» в вузе состоит в том, что каждый студент технического университета в той или иной степени задействует индивидуальное сознание и свое миропонимание для выбора своего поведения в различных жизненных и профессиональных ситуациях, при этом он продуцирует всю полученную социально-гуманитарную, аналитическую информацию, в т. ч. и на дисциплине «Философия», на других дисциплинах социально-гуманитарного цикла на критический анализ воздействующих на него различных информационных потоков, которые производят современные массмедиа.

Воспитательное значение социально-гуманитарных дисциплин, самого курса философии, преподаваемых в техническом вузе, возрастает в условиях информационных угроз в настоящее время многократно. Ведь некритичное подражание чужому опыту, активно распространяемое в разных моделях поведения через социальные сети, особенно среди групп различных молодежных субкультур и формирований, нередко становилось причиной ошибочных выводов представителей молодого поколения. Динамика и меняющиеся качественные и количественные характеристики современного информационного общества, сетевые взаимодействия в последнее время все в большей степени требуют обоснованных рекомендаций и методологически выверенных моделей для системы принятия решений по проблемным полям исследования различных форм информационного взаимодействия субъектов в виртуальной среде. Несомненно, существует явление информационной войны и информационных угроз, которые обостряют потребности определения нравственных ориентиров, в первую очередь будущей профессиональной, а не скомпрометировавшей себя в прошлом экономической элиты глобального общества. Установки таких нравственных ориентиров требуют и потребности достижения в процессах подготовки в вузе целей высоконравственного воспитания интеллектуальной элиты, и гражданской зрелости у будущих специалистов, инженеров, а возможно, и руководителей будущих и современных инновационных производственных мощностей. Особой этики профессионала XXI в. требуют и современные технологии, и наукоемкие производства, а не только узкоспециализированные компетенции профессионала, понимающего всю степень ответственности за свои профессиональные и социальные действия. В постиндустриальном мире востребовано миропонимание, осознание взаимосвязи факторов, от которых принципиально зависит динамика создания цифровой экономики будущего, создаваемой инновационным потенциалом современного инженерного творчества [4].

Творчество в области инженерных изобретений, процессы технологического и инновационного развития в современных условиях требуют устойчивого мировоззрения специалиста, соблюдения им методологических принципов целостности в системе своей профессиональной деятель-

ности, определенной уровнем профессиональной культуры специализации. Властное вторжение компьютерных технологий в сферу инженерной деятельности, обострение глобальных экологических, демографических и экономических проблем, продовольственной безопасности, предотвращение техногенных катаклизмов и катастроф обуславливают необходимость развития системного мышления инженера.

Такие факторы инженерного мышления требуют развития способности к самоорганизации, самовоспитанию, внутренней потребности в постоянном самосовершенствовании как необходимого элемента современной культуры инженерного мышления. Эта культура выступает инициатором создания и организации внедрения инноваций, нововведений, способных прогнозировать их социально-экономические последствия.

Старые темпы производства и репродуктивного (подражательного) образования обеспечивали постепенное изменение и развитие технической (предметной) сферы, так что инженер успевал приспосабливаться к новой ситуации. Современный технологический динамизм требует кардинальных изменений в трудовой деятельности, нового качества инженерного мышления и инновационного знания для целесообразного преобразования окружающей производственной сферы [3].

Здесь важное значение имеют учебные программы, основанные на принципах междисциплинарного синтеза знаний и компетенции, формирующиеся на основе междисциплинарных связей между различными направлениями в знаниевом поле профессии будущего специалиста. Без обновления философской подготовки в техническом вузе, позволяющей лучше понять «философию своей профессии», ее социальное значение для общества, достичь этого будет уже непросто.

Известные зарубежные и отечественные ученые и руководители вузов, освещая в своих публикациях и монографиях сложные проблемы глобальной современности и системы социального познания (И. Валерстайн, В. С. Степин, В. Н. Садовский, Е. М. Бабосов, Л. С. Герасимович, М. И. Демчук, Н. Н. Моисеев, А. Н. Данилов П. А. Водопьянов, А. И. Зеленков, В. А. Мельник, И. К. Лисеев, А. П. Огурцов, В. В. Миронов, В. Ф. Берков, А. И. Лойко), большое значение придавали и придают именно философским и социально-гуманитарным дисциплинам при подготовке инженера, специалиста с высшим образованием на разных его уровнях компетенций: специалитета, бакалавриата и магистратуры [1; 3–5].

Синтез междисциплинарных знаний, междисциплинарные связи, по их мнению, очень важны для формировании будущего философского и творческого мышления специалиста, которое формируется на протяжении всего периода его профессиональной деятельности, а также определяет в профессиональной культуре будущего специалиста методологию решения профессиональных проблем.

Синтез знаний в предметных областях, безусловно, является базой научного обеспечения устойчивого развития социальных организаций и систем с участием человеческого фактора. Без междисциплинарных связей невозможно понять сущность и специфику управления «человекоразмерными системами», по определению известного российско-белорусского ученого, академика В. С. Степина [2].

Острая необходимость преодоления кризисных явлений в глобальной системе «природа – общество – человек», тяжелейшие последствия современных социально-политических и экономических, межгосударственных и социальных проблем глобального общества, гуманитарные катастрофы и кризисы требуют от будущих специалистов – выпускников современных технических университетов междисциплинарных компетенций и грамотных решений по реализации прикладных задач жизнеобеспечения регионов и городов. Междисциплинарные связи, формируемые именно предметным содержанием философии, создают возможности для сущностного понимания всех взаимосвязей и целостной структуры всего комплекса прикладных проблем при организации современных высокотехнологичных производств, с учетом потребностей и мотивации именно человеческого и социального факторов. Будущему специалисту без понимания междисциплинарных связей работать будет сложно в условиях высокой динамики информатизации современного производства. Сформировать эти связи необходимо в процессе преподавания, особенно во время производственных практик уже на начальном этапе получения высшего образования [2].

Арсенал современных педагогических методов преподавания, представленный сегодня информационными технологиями, различные обучающие платформы и информационные средства медиа позволяет преподавателю успешно решать проблему междисциплинарной подготовки в учебном процессе. Этому способствуют и программы курсов повышения квалификации, в т. ч. на кафедре философии и методологии университетского образования РИВШ. Высококвалифицированные преподаватели обобщают опыт ведущих белорусских гуманитарных и технических вузов на занятиях повышения квалификации и переподготовки «Современные технологии университетского образования», вместе со слушателями, преподавателями высшей школы обсуждается новая философия преподавания с использованием информационных технологий в трансформирующейся образовательной среде.

Использование и применение интерактивных методов, в т. ч. рассмотрение и анализ профессиональных кейсов, их тщательный подбор и анализ ситуаций на семинарских занятиях, обсуждение производственных примеров из истории экономики, энергетики, экологии, менеджмента, права, таможенного дела, машиностроения, агроэнергетики и других производственных отраслей, включение в преподавание социально-гуманитарных

дисциплин методов командной и проектной работы, без сомнения, повышают мотивацию к обучению в техническом вузе и способствуют повышению качества подготовки специалистов. Большой интерес у студентов вызывают интерактивные формы проведения тематических дискуссий и семинаров, практические задания на логику решения производственной задачи, заставляющие применять инженерное творчество и эвристическое моделирование. Все это способствует решению поставленной проблемы на учебном занятии именно с учетом междисциплинарных связей.

Исследования последних лет подчеркивают, что в современных условиях единство культурного и образовательного пространства становится важнейшим фактором динамичного обновления современного общества [4]. Философия как научная дисциплина и как методологическая основа социального познания способна стать надежной методологической основой в решении данной интеграционной задачи. Философское знание, всегда точно определяющее гуманистическую направленность и аксиологию общества, существенно влияет на глобальные системные преобразования, происходящие в настоящее время в России и Беларуси по всем стратегическим направлениям (политика, экономика, социальная сфера).

Интеграция образовательного пространства нашего государства вокруг решения стратегических задач национального развития цифровой экономики и экономики знаний, культуры и образования, создания технологической основы новых национальных конкурентоспособных производств с участием университетов, а также наметившаяся культурная интеграция российского и белорусского образования в рамках Союзного государства требуют объединения подходов белорусских ученых и преподавателей вузов и российского академического сообщества вокруг исследования проблемы междисциплинарных взаимосвязей в структуре социального познания, что будет способствовать формированию нового уровня социально-гуманитарной подготовки в высшей школе.

В процессе преподавания философии и социально-гуманитарных дисциплин у студентов формируется аналитическое мышление, критический подход к проблеме, социальные компетенции и социальная ответственность, системная научная картина мира, которая позволяет выявить специфику анализируемого явления и процесса. Характерным для логико-гносеологических исследований мышления в настоящее время является изучение его в связи с проблемами адекватного отражения изучаемых объектов в мысли, в связи с задачами достижения истины в процессе познания, в связи с теми философскими приемами и процедурами логики, правильное исследование которых и их преподавание является необходимым условием достижения верного, истинного знания. Как известно, в общей структуре мышления выделяются три функциональных уровня: наглядно-действенный, чувственно-образный и понятийно-логический,

причем в разных типах профессионального мышления доминируют разные уровни.

Основная задача современного инженера состоит в том, чтобы, используя различные междисциплинарные знания, достичь определенной практической цели: разработать прибор, машину или технологию и организацию их производства. Поскольку в процесс создания технического новшества вовлечено научное знание, ясно, насколько важна роль понятийно-логического уровня инженерного мышления. Его закладывают именно философия и логика.

Однако не менее важно для инженера «увидеть» мысленно в идеале будущее творение своего творчества [3]. Поэтому ведущей слабо формализуемой процедурой инженерного мышления является переход от научно-логической системы к системе принципиально иного порядка, где эстетический образно-чувствительный компонент, обладающий качеством интуитивной очевидности, целостности и завершенности, становится мощным интеллектуальным и эмоциональным стимулом и подкреплением в творчестве. Отсюда вывод, что доминанта инженерного мышления базируется на парадигме понятийно-логического и образно-чувственного уровней в процессе своего диалектического взаимодействия, что составляет методологию и специфику этого типа мышления.

Таким образом, преподавание философии в техническом вузе создает основу для системного видения разноуровневых рисков глобального мира и локальной территории, которые требуют целенаправленно осуществлять социуму как социальной системе усиление влияния социальных институтов науки и культуры в процессе развития техногенной человеческой цивилизации и еще больше способствовать сохранению национального менталитета своей страны [5].

Список использованных источников

1. *Лойко, А. И.* Техногенная динамика и риски нравственной стабильности общества / А. И. Лойко // Филос. традиции и современность. – 2013. – № 2. – С. 112–121.
2. *Волнистая, М. Г.* Методологическая культура и междисциплинарный синтез в социально-гуманитарной подготовке студента / М. Г. Волнистая // Выш. шк. – 2015. – № 5. – С. 29–33.
3. *Герасимович, Л. С.* Информационный подход в подготовке агроинженера / Л. С. Герасимович, А. Н. Орда // Интеграция обучения, науки и производства в системе профессионального образования Республики Беларусь: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 29–30 марта 2001 г.: в 2 ч. – Минск: БГАТУ, 2001. – Ч. 2. – С. 170–174.
4. *Демчук, М. И.* Высшая школа в стратегии инновационного развития Республики Беларусь / М. И. Демчук. – Минск: РИВШ, 2006. – 300 с.
5. *Бабосов, Е. М.* Социология науки / Е. М. Бабосов. – Минск: Изд-во «Харвест», 2009. – 224 с.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

Е. В. Гришкевич
ПАБ Дизайн-центр

Y. Hryshkevich
PAB Design center

УДК 1:316

СОЦИАЛЬНО-ИННОВАЦИОННАЯ РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ ГОРОДА В КОНТЕКСТЕ МИНСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

SOCIAL AND INNOVATIVE CITY RESTRUCTURING IN THE CONTEXT OF THE MINSK AGGLOMERATION

В статье рассматриваются положения Генерального плана Минска, наблюдаемые тенденции развития города в XXI в. Подчеркивается важность формирования агломерации, анализируются возможные модели ее развития, взаимосвязь с планированием территориального развития Минска. Обосновывается актуальность становления проектирования как социотехнической деятельности.

Ключевые слова: Генеральный план; агломерация; моноцентричность; полицентричность; проектирование.

The article discusses the provisions of the Master plan of Minsk, the observed trends in the development of the city in the 21st century. The importance of the formation of the agglomeration is emphasized, possible models of its development, the relationship with the planning of the territorial development of Minsk are analyzed. The relevance of the formation of design as a sociotechnical activity is substantiated.

Keywords: master plan; agglomeration; monocentricity; polycentricity; design.

Современный Минск – компактный моноцентрический город, имеющий четкую архитектурно-планировочную структуру. Наблюдаемая сегодня интенсификация транспортных, пешеходных, коммуникативно-информационных, логистических, финансовых и других потоков способствует повышению нагрузки на существующую инфраструктуру, требуя ее постепенной адаптации к инновационному развитию, социально-технологическому изменению окружающего городского пространства. Достижение эффективного взаимодействия городской среды с человеком XXI в. подразумевает неотъемлемость таких характеристик развивающейся системы, как устойчивость и гибкость, а также нацеленность на удовлетворение запросов пользователя как субъекта жизнедеятельности и социального бытия – человекоцентричность. Таким образом, в качестве проблемы развития городской инфраструктуры эксплицируется постепенное устаревание актуальной структуры Минска и необходимость ее реструктуризации посредством гуманистических приоритетов. Между тем гуманистическая реконструкция структуры объекта (в нашем случае города Минска) невоз-

можно без гуманизации процесса его становления и формирования, что находит отражение в проектной и регламентирующей документации, согласно которой он развивается и функционирует как естественно-искусственная система. Следовательно, преобразование городской структуры должно иметь в основе смену ценностных ориентаций и приоритетов в сфере градостроительства с организационно-технологических принципов проектирования городской среды на антропоморфные, задающие комфортное, безопасное, развивающее пространство бытия человека [1].

Проектирование развития города в Генеральном плане. Социально-философская методология современного градостроительного проектирования предполагает рассматривать процесс проектирования инфраструктуры города не изолированно от развития смежных системных образований природного и социокультурного характера. Город должен проектироваться как социальная, техногенная и природная система, функционирующая как единое целое. При этом принципы функционирования и развития практически каждого компонента системы-города регламентируются в определенной мере нормативной документацией. Главным формализованным документом-проектом обозримого и перспективного прогнозирования будущего развития и функционирования города является Генеральный план.

Генеральный план – документ общего стратегического планирования, в котором прежде всего комплексно решаются природно-технологические вопросы землепользования на долгосрочную перспективу (20–30 лет). Генеральный план также содержит формулировку целей развития всех подсистем города, технико-экономические, социальные обоснования проектных решений, графические материалы и корректируется каждые пять лет. Коррекция позволяет, наряду с постепенным интегрированием нормативно-правовых и технологических инноваций, апробировать различные сценарии городского развития при сохранении заданного научно-методического подхода [2].

Между тем анализ актуального функционирования любой градостроительной системы требует рассмотрения истории ее развития, выделения базовых факторов, оказывающих приоритетное влияние на ее становление. К таким базисным функционалам развивающейся системы относятся: преобразование экономических детерминант развития, транснациональные процессы глобализации, внедрение информационных технологий, демографические изменения в составе населения [3]. Именно данные базисные факторы могут служить основой социально-технологического градостроительного мониторинга, осуществление которого позволяет контролировать комплексные приоритеты городского развития посредством сопоставления реальных параметров развития и проектируемых в Генеральных планах. Актуальным в дискурсе мониторинга развития города является также анализ взаимосвязи длительности этапов градостроительного планирования

и экономических циклов развития системы. В частности, исследователи обращают внимание на следующие корреляты в процессе проектирования города как системы. Так, циклы Дж. Китчина (2–4 года) соответствуют длительности строительства отдельных зданий, циклы К. Жюльера (5–6 лет) – срокам реализации проектов детального планирования, периодичности корректуры Генерального плана, циклы С. Кузнеца (20–30 лет), подразумевающие технологическое перевооружение, – сроку действия Генерального плана города [4].

Анализируя Генеральный план как проект развития столицы Беларуси, важно учитывать исторический контекст его развития. Несмотря на то, что Минск является городом с более чем тысячелетней историей, наибольший интерес для понимания особенностей проектирования и развития современной градостроительной структуры представляет послевоенный период. Это обусловлено тем, что в специфических условиях второй половины 40-х гг. XX в. перед проектировщиками стояла задача не возрождения разрушенного города, а его полное обновление, перестройка. Основными вехами, этапными документами, на основе которых сформирован современный Минск, можно считать Генеральные планы 1946, 1974, 2003 гг., последний из которых – исходная точка для сравнения градостроительных документов, разработанных в XXI в. При этом корректировки Генерального плана, выполненные в 2010 и 2016 гг., хотя и основаны на единой системе регламентов застройки, имеют, однако, существенные отличия в части стратегических направлений развития города. В целом результаты сопоставительного анализа документов 2003, 2010 и 2016 гг., проведенного В. Вашкевичем, позволяют утверждать, что для современного Минска характерно следующее:

- замедление территориального роста города при незначительных темпах роста численности населения, перераспределение структуры его занятости, наметившийся переход к агломерационному развитию, соответствующий современным градостроительным требованиям;
- политика ограничения территориального роста города не поддерживается реконструкцией районов сложившейся застройки, особенно производственного назначения;
- одна из основных проблем – отсутствие преемственности решений, обусловленной резкими изменениями в градостроительной политике и переоценкой экономических возможностей государственного сектора по городскому строительству [2].

В тексте корректировки Генерального плана 2016 г. [5, с. 20, 26, 73] предписывается избегать создания, развития и, по возможности, сохранения монофункциональных зон. Такой подход можно рассматривать в качестве ориентации на некоторую полицентричность – создание функционально насыщенных локальных центров на территории периферийных городских районов. Один из путей «разгрузки» городских районов – развитие городов-

спутников, т. е. развитие агломерации. Следует отметить, что вопросу планирования территориального развития Минска во взаимосвязи с градостроительным становлением формирующейся Минской агломерации посвящена одна из глав названного документа.

Развитие города-агломерации. Агломерация как сложная динамическая территориальная система, элементы которой объединены производственными, социальными, хозяйственными, культурными связями, находится под влиянием множества внешних и внутренних воздействий [6]. Тщательное рассмотрение особенностей агломерации, ее требований видится рациональным при проектировании комплекса преобразований структуры любого крупного города, являющегося центром притяжения в масштабах района, области, страны и т. д. Анализ агломерации позволяет увидеть город «на практике»: во взаимодействии с окружением, – ее эффективное развитие – один из способов «разгрузки» периферийных городских районов. Кроме того, принцип формирования городской агломерации может выполнять функцию методологического основания построения модели инновационной городской инфраструктуры, реализации концепции взаимоотношений «центр города – окраины». Что касается Минска, то развитие агломерации является одним из методологических принципов проектирования и градостроительства, содержащихся в городских документах, задающих стратегическое направление развития города.

Среди моделей пространственного развития агломераций принято выделять моноцентрическую, полицентрическую, рассеянную, или равномерную, лучевую, или линейную. Некоторые исследователи, однако, относят рассеянную и лучевую модели к субмоделям, утверждая, что они могут в том или ином виде присутствовать как при моноцентрической, так и при полицентрической организации [6]. Таким образом, в принципиальном плане существуют две возможные модели построения агломерации: полицентрические и моноцентрические. Преимущества и недостатки агломераций, строение которых соответствует выбранной модели, схожи с аналогичными характеристиками городов, что позволяет предположить релевантность опыта построения или преобразования агломерации для осуществления аналогичных процессов на территории города.

Обозначенные в начале статьи проблемы структуры Минска связаны в том числе с методологией проектирования, основанной на принципах моноцентричности. Речь идет прежде всего о функциональной перегруженности взаимодействия «центр – периферия», вследствие которой подсистемы города приобретают дополнительные недостатки. Опишем подробнее основные черты, присущие моноцентрическим и полицентрическим агломерациям.

Моноцентрическая модель представляет собой систему «центр – спутники», формирующуюся от ядра и имеющую строгую вертикаль: основное раз-

витие сосредотачивается в центральном городе, который является лидером и предоставляет все значимые для городов-спутников услуги. Среди преимуществ такой организации – возможность концентрировать ресурсы на развитии локальных территорий, сохранение компактности и, как следствие, эффективности сетей (например, сети транспорта), предсказуемость развития. Отрицательными же последствиями развития по такой модели принято считать «вымывание» ресурсов из территорий, отдаленных от центра, опасность их превращения в «спальные» районы насыщенной системы [6].

Опираясь на накопленный крупными моноцентрическими городскими структурами опыт развития, отметим, что неизбежное углубление урбанизационных процессов ведет к возникновению дополнительных проблем, имеющих социально-культурную природу. К их числу относятся социогуманитарные (бедность инфраструктуры на периферии), экологические (сокращение озелененных территорий), инновационно-экономические (монофункциональность), социально-правовые (отсутствие тенденции к устойчивому развитию) недостатки, оказывающие существенное влияние на формирование и развитие городского общества, а также на каждого жителя в отдельности [7]. Таким образом, с течением времени городская система, спроектированная согласно методологии моноцентрической модели, приобретает множество нехарактерных для ее оптимального функционирования черт, которые можно рассматривать в качестве предпосылок (в значении условий, оснований) реконструкции. Следовательно, можно предположить существование некоторого «порога» в развитии моноцентрической градостроительной системы, после прохождения которого она постепенно утрачивает способность адаптироваться к изменяющимся условиям среды, ощущает растущую потребность в реструктуризации.

По нашему мнению, в настоящее время Минску требуется изменение методологии проектирования, направленной на реструктуризацию города, как один из приоритетов его развития, достижения более эффективного функционирования городских подсистем. Другими словами, в условиях инновационных преобразований в городе-системе предлагается смена методологии проектирования с моноцентрической модели на полицентрическую посредством качественных изменений характера связей между элементами уже устоявшихся и плохо функционирующих отдельных элементов системы.

Полицентрическая модель агломерации предполагает достижение равноправия, взаимодополняемости и сотрудничества между городом-центром и городами-спутниками как ведущих характеристик системы. В таком варианте предусматривается формирование сети независимых центров с развитой горизонтальной специализацией. Полицентрическая модель построения как городов, так и агломераций требует дополнительного изучения, однако уже на этом этапе важно подчеркнуть один из основных недостатков

такого подхода – необходимость выделения значительных финансовых ресурсов на создание новых элементов инфраструктуры [6].

Развитие Минска как агломерации. Согласно корректировке Генерального плана 2016 г. [5], развитие агломерации Минска предполагается производить на базе городов-спутников, к числу которых относятся Руденск, Смолевичи, Заславль, Дзержинск, Фаниполь и Логойск, а ее границы принять в модели по границам зон активного влияния перечисленных городов-спутников, а также Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень» и Национального аэропорта Минск [5, с. 15]. Рассматриваемой теме, как было отмечено выше, посвящена глава 2 корректировки Генерального плана 2016 г. «Планирование территориального развития Минска во взаимосвязи с градостроительным развитием формирующейся Минской агломерации», в тексте которой выделены основные направления дальнейшего развития:

- обеспечение взаимосогласованного градостроительного развития Минска, его городов-спутников и населенных пунктов Минского района. Ограничение чрезмерной концентрации демографического и экономического потенциала страны в ее центральном регионе;
- устойчивое экономическое и экологическое развитие столицы и других населенных пунктов, расположенных в центральной и срединной зонах формирующейся Минской агломерации;
- устойчивое градостроительное развитие населенных пунктов периферийной зоны;
- корректировка и дополнение государственных программ.

Следование перечисленным направлениям предполагает, среди прочего, установление ограничений на численное расширение Минска, обеспечение комплексного развития городов-спутников, развитие прочих населенных пунктов, находящихся на территории Минской агломерации, перемещение в города-спутники производственных предприятий, деятельность которых невозможна на территории столицы, и т. д.

Важно подчеркнуть, что Минская агломерация находится сегодня на этапе формирования, однако опыт обеспечения целенаправленного взаимосвязанного с центром экономического и градостроительного развития может лечь в основу модели, необходимой для создания проекта реструктуризации Минска.

Социокультурный дискурс проектирования. Анализ методологии проектирования и специфики построения города и агломерации показывает, что организация системы взаимосвязи компонентов агломерации различного масштаба или районов внутри города определяет качество функционирования среды – части системы, находящейся в постоянном взаимодействии с пользователем. При этом очевидно, что специфика среды, ее параметры обуславливаются не только градостроительной организацией, но и воздей-

ствием множества других факторов разного рода. Так, постсоветский город независимо от масштаба можно рассматривать как взаимосвязь трех самостоятельных культурных сфер: советской, переходной и сферы межкультурального взаимодействия. Согласно исследованиям, в настоящее время постсоветские города находятся на новом этапе развития, основной чертой которого является переосмысление горожанами своей роли в качестве активных субъектов преобразования городской среды [3]. Важную роль в этом играет гуманизация – смена ценностных ориентаций, подразумевающая не только изменение характеристик конечного продукта проектирования, контактирующего с пользователем, но и самого проектного процесса. Для достижения гуманизации проектирования на разных уровнях важно обеспечить горожанам, вовлеченным в процесс принятия градостроительных решений определенного уровня, доступ к четкой и понятной системе регламентов. Специалисты утверждают, что состав современных градостроительных проектов в Беларуси не удовлетворяет потребностям широких слоев общества, не соответствует цифровой информационной среде, что противоречит принципам актуальной сегодня концепции «Умный город» и препятствует ее внедрению [7].

Развитие агломерации, преобразование территории города – актуальная задача для множества стран. Рассматривая городскую систему, нельзя игнорировать новые требования к организации среды, возникшие с объявлением в 2020 г. пандемии COVID-19, когда затруднилось выполнение одной из наиболее важных функций городской среды – коммуникативной. Новая реальность современного города, в особенности города с большой численностью населения, столичной агломерации, – удаленное взаимодействие, предполагающее работу из дома, использование всевозможных сервисов доставки товаров и услуг и предоставляющее горожанам возможность комфортной жизни в пределах собственной квартиры [3]. Наряду с новыми вызовами и препятствиями в реализации намеченных программ, возникшими вследствие пандемии, появились новые возможности. Так, в XX в. А. Лефевр утверждал, что возросшая мобильность способствует отдалению жителей от города, исчезновению такого явления, как соседство, объясняя это тем, что люди постепенно утрачивают контакт с местом пребывания, становятся более безразличными к окружающим, связи с ними больше не воспринимаются как значимые [9]. В конце XX – начале XXI в. обозначенная проблема усугублялась, необходимость ее решения становилась все более актуальной. Таким образом, вынужденная частичная изоляция последних лет может рассматриваться как фактор замедления развития недостатков постиндустриального города, фактор возвращения горожанину чувства «своего» пространства.

Рассмотрение документов, регламентирующих город и его окружение, – первостепенная задача для понимания принципов его проектирова-

ния, функционирования и развития, а также выявления тенденций будущих преобразований. В связи с этим важно соблюдать социокультурную преемственность, внедрять принципы гуманизации проектирования. Именно баланс технического и социально-культурного аспектов проектирования развивающейся системы-города должен быть одним из методологических принципов как симбиоз естественных, искусственных и антропоморфных элементов города-агломерации. Для Минска формирование на базе выделенных городов-спутников агломерации является приоритетом инновационных преобразований. Проектирование подобной сложной системы, находящейся в постоянном взаимодействии с человеком, должно исходить из ориентации на пользователя, удовлетворение его потребностей, достижение становления устойчивого общества, гармонично развивающегося в условиях динамично изменяющейся социокультурной среды.

Список использованных источников

1. *Гришкевич, Е. В.* Гуманизация градостроительного проектирования / Е. В. Гришкевич // Выш. шк. – 2021. – № 5(145). – С. 58–62.
2. *Вашкевич, В. В.* Три генеральных плана Минска: сравнительный анализ / В. В. Вашкевич // Архитектура. Вестн. архитектур. фак. БНТУ. – 2020. – № 13. – С. 77–83.
3. *Лебедева, Е. В.* Новейшая история постсоветских городов: предпосылки и факторы становления / Е. В. Лебедева // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред. Т. И. Грабельных]. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. – С. 88–91.
4. *Вашкевич, В. В.* Генеральный план города и экономические циклы / В. В. Вашкевич // Формирование архитектурной среды Беларуси с учетом традиций и современных тенденций [Электронный ресурс]: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 15 сент. 2020 г. / редкол.: А. С. Сардаров [и др.]. – Минск: БНТУ, 2020. – С. 13–14.
5. Генеральный план города Минска (корректировка). Основные положения градостроительного развития города Минска. Система градостроительных регламентов: утв. Указом Президента Респ. Беларусь 24.03.2003 № 165; в ред. Указа Президента Респ. Беларусь 15.09.02016 № 344. – Минск: Мингорисполком, 2016. – 131 с.
6. *Хмелева, Г. А.* Современные модели городских агломераций / Г. А. Хмелева // Вестн. Самар. гос. ун-та. – 2015. – № 8(130). – С. 163–168.
7. *Гришкевич, Е. В.* Философско-методологические и социально-технологические предпосылки градостроительной реконструкции современного мегаполиса / Е. В. Гришкевич // Научные труды Республиканского института высшей школы, Философско-гуманитарные науки: сб. науч. ст.: в 2 ч. / редкол.: В. А. Гайсёнок (пред.) [и др.]. – Минск, 2021. – Вып. 20, ч. 2. – С. 21–27.
8. *Вашкевич, В. В.* Условия и предпосылки разработки публичного e-генерального плана города = Background and preconditions for developing the public e-master plan of the city / В. В. Вашкевич // Архитектура: сб. науч. тр. – 2018. – Вып. 11. – С. 71–75.
9. *Вершинина, И. А.* Анри Лефевр: от «права на город» к «урбанистической революции» / И. А. Вершинина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 2018. – № 2. – С. 48–60.

(Дата подачи: 23.02.2022 г.)

В. А. Ксенофонов
Военная академия Республики Беларусь, Минск

V. A. Ksenofontov
Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 355.01(476)

МЕСТО И РОЛЬ ВОЕННОЙ СФЕРЫ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

PLACE AND ROLE OF THE MILITARY SPHERE IN THE GENERAL SYSTEM OF NATIONAL SECURITY

В статье анализируется место и роль военной сферы в общей системе национальной безопасности белорусского государства. Обосновано, что военная сфера национальной безопасности – сложный интегративный социальный феномен и стержневой элемент общей системы национальной безопасности. Социальная роль военной сферы – обеспечение военной безопасности как базового условия развития личности, общества и государства.

Ключевые слова: международные отношения; война; Концепция национальной безопасности; национальный интерес; система; военная сфера национальной безопасности; общество; военная безопасность; политика.

The article analyzes the place and role of the military sphere in the general system of national security of the Belarusian state. It is argued that the military sphere of national security is a complex integrative social phenomenon and the core element of the general system of national security. The social role of the military sphere is to ensure military security as a basic condition for the development of a person, society and state.

Keywords: international relations; war; National Security Concept; national interest; system; military sphere of national security; society; military security; politics.

В современных условиях важнейшей тенденцией развития международных отношений становится увеличение насилия, как военного, так и невоенного. Причем война уже стала нормой бытия человечества. Кроме того, она развивается быстрее, нежели мирные отношения, и постоянно модифицируется [1]. Не приводя весь перечень известных нам видов конфликтов, отметим, что принципиально насилие делится на два вида: классическое (военное) и неклассическое (невоенное). Определяющей характеристикой современности становится нарастание неклассических войн в отношении суверенных государств [2; 3]. Это обуславливает необходимость коррекции методологических оснований построения системы национальной безопасности, способной к защите государства от существующих и перспективных угроз и созданию условий для его развития. Ученые и практики системы национальной безопасности активно обсуждают проблемы гарантированного обеспечения безопасности Беларуси в сложившихся геополитических реалиях [4–7].

В условиях нарастания и гибридизации насилия, наращивания потенциала НАТО в Европе, усиления военной активности альянса на границах Беларуси ключевой составляющей национальной безопасности страны является дальнейшее совершенствование *военной сферы национальной безопасности*, функционирование которой позволяет государству производить продукт «военная безопасность» как важнейшее условие его мирного развития. Следовательно, определение места и роли военной сферы национальной безопасности является не только значимой задачей в контексте благополучия белорусского общества, но и практической военно-политической потребностью.

Национальная безопасность государства – сложная, иерархическая система, реализующая свои возможности путем блокирования и противодействия внешним и внутренним угрозам и отстаивания (реализации) национальных интересов через систему дипломатических, политических, социально-экономических, военных, информационных, идеологических и других мер.

Действующая Концепция национальной безопасности Республики Беларусь (далее – Концепция) трактует национальную безопасность как «состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз» [8, ст. 4]. Из данного определения следует, что существует причинно-следственная связь, выраженная в зависимости: национальные интересы – опасности (угрозы) им – состояние защищенности национальных интересов (безопасность). Иными словами, национальная безопасность – это производная от защищенности национальных интересов.

Как правило, национальная безопасность государства [9] в зависимости от местонахождения источника опасности подразделяется на внутреннюю и внешнюю [10, с. 38]. В условиях глобализации всех сторон общественной жизни грань между внутренней и внешней безопасностью весьма размыта, они диалектически взаимосвязаны. Помимо выделения в структуре национальной безопасности указанных типов – внутренней и внешней, важное значение имеет ее классификация по видам безопасности, что способствует выработке более конкретной политики и стратегии обеспечения национальной безопасности.

В целях уяснения места военной сферы национальной безопасности целесообразно уяснить основные компоненты общей системы безопасности и их предназначение. В соответствии с разработанной методологией национальной безопасности в нашей республике [11] установлены следующие ее компоненты: политическая, экономическая, научно-технологическая, социальная, демографическая, информационная, военная, экологическая.

В теоретическом плане приведенный перечень не является завершенным, он может изменяться в зависимости от конкретно-исторических усло-

вий развития республики, а также от комплекса объективных и субъективных предпосылок.

Подчеркнем, что расширение содержание безопасности – это не субъективный акт, а научно обоснованные и жизненно необходимые условия устойчивого развития социальной системы (общества). В зависимости от актуальности для государства той или иной сферы (подсистемы) безопасности в определенный период развития (например, конституционной, духовной, образовательной, биологической, психологической, финансовой, продовольственной и др.) она может выделяться как элемент более сложной системы или становиться самостоятельной подсистемой общей системы национальной безопасности, являясь при этом также системным образованием. Это положение еще раз подчеркивает сложность, многосферность и многоуровневость системы национальной безопасности.

В основу всякой классификации должны быть положены наиболее существенные основания или единые признаки. Среди них прежде всего выделяют объекты безопасности, характер угроз, сферы жизнедеятельности.

В зависимости от объекта, жизненно важные интересы которого защищаются от внутренних и внешних угроз, выделяются такие виды безопасности, как безопасность личности, общества, государства [10, с. 45].

При этом под безопасностью того или иного объекта имеется в виду защищенность жизненно важных интересов данного объекта от внутренних и внешних угроз.

В зависимости от характера угроз, их источника, специфики можно выделить такие виды безопасности, как безопасность от угроз природного характера, безопасность от угроз антропогенного характера, безопасность от угроз социального характера, которые, в свою очередь, могут делиться на более мелкие виды безопасности от определенных угроз [10, с. 45].

Как отмечает профессор А. А. Прохожев, в социуме «жизненно важные интересы всех объектов безопасности подвергаются воздействию самых различных угроз, поэтому особую практическую значимость имеет подразделение видов безопасности по сферам или областям жизнедеятельности, в которых и проявляются эти угрозы» [10, с. 46]. По данному принципу, как правило, классифицируются жизненно важные интересы, угрозы и направления обеспечения национальной безопасности. Такова логика построения концептуальных документов в сфере безопасности.

Полагаем, что наиболее обобщенно можно ограничиться выделением четырех видов безопасности по основным сферам общества: политическая, экономическая, социальная, духовная. Они как системные образования могут делиться на необходимое количество компонентов, что и происходит на практике, так как речь идет о безопасном развитии всей социальной системы, то есть национальной безопасности.

В целом идеология обеспечения национальной безопасности может быть выражена ответами на следующие вопросы: что защищаем (национальные интересы)? От чего защищаем (угрозы безопасности)? Каким образом защищаем (субъекты и система мер по защите от деструкции)?

Нами используется термин «жизненно важные интересы», так как именно он наиболее адекватно отражает потребности той или иной подсистемы национальной безопасности, а следование им обеспечит ее сохранение. Подчеркнем, что жизненно важные интересы нуждаются в точном обосновании и расчете для каждой сферы безопасности, поскольку их несоблюдение может привести к гибели всей социальной системы. Полагаем, что при разработке новой редакции Концепции это положение стоит учесть.

Каждая сфера безопасности имеет свое конкретно-историческое предназначение и свою меру. От признания доминирования военной безопасности в предшествующем социальном развитии наше общество пришло к пониманию множественности видов безопасности, о чем свидетельствует действующая Концепция. Вместе с тем военная сфера не только не утратила свою социальную значимость, но и в нестабильном с военной точки зрения мире приобрела новое качество. В обозримом будущем ее роль и значение будут только возрастать, что стоит отразить в новой редакции Концепции.

Для выявления места военной сферы уточним сущностное содержание остальных сфер национальной безопасности, выделим взаимосвязи между ними.

Поскольку подходы к пониманию сущности того или иного вида безопасности встречаются разные, то будем опираться на действующую Концепцию.

Итак, *политическая безопасность* – «состояние защищенности политической системы от внешних и внутренних угроз, обеспечивающее реализацию национальных интересов во всех сферах национальной безопасности» [8, ст. 4]. Иными словами, в этой сфере достигается такое состояние политической системы, при котором она в состоянии содействовать прогрессивному политическому развитию самого государства, обеспечить баланс интересов личности, общества и государства, а также рационально управлять остальными сферами национальной безопасности. Именно в этой сфере формируется военная политика государства как составная часть его общей политики и вырабатывается военная идеология.

Материальной основой национальной безопасности страны выступает сфера *экономической безопасности*, под которой понимается «состояние экономики, при котором гарантированно обеспечивается защищенность национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз» [8, ст. 4]. От состояния экономики страны зависят не только текущее благосостояние всей социальной системы и перспективы ее развития,

но и возможности остальных сфер национальной безопасности. В рамках экономической сферы в интересах безопасности в военном отношении создаются техника и вооружение, необходимые материальные ресурсы и элементы военной инфраструктуры государства, обеспечивающие бесперебойное функционирование военной сферы национальной безопасности.

Важной сферой национальной безопасности является *научно-технологическая*, определяемая как «состояние отечественного научно-технологического и образовательного потенциала, обеспечивающее возможность реализации национальных интересов Республики Беларусь в научно-технологической сфере» [8, ст. 4]. От развития науки, технологий и образования зависят все сферы национальной безопасности. Именно данная сфера определяет инновационный облик военной организации государства и ее элементов, возможности функционирования системы стратегического сдерживания потенциальной агрессии против государства, а также ведения при необходимости современной (перспективной) войны.

Стабильное функционирование общества обеспечивается взвешенной социальной политикой, которая вырабатывается в сфере *социальной безопасности*, понимаемой как «состояние защищенности жизни, здоровья и благосостояния граждан, духовно-нравственных ценностей общества от внутренних и внешних угроз» [8, ст. 4]. В данной сфере функционирует система жизнеобеспечения и социализации людей, она характеризует состояние человека как высшей ценности страны. Главным объектом социальной безопасности выступает человек, являющийся субстанцией общества и обеспечивающий развитие всех подсистем национальной безопасности. Именно в социальной сфере формируются духовно-нравственные основы личности, направленные на безопасную жизнедеятельность самой личности, общества и государства.

Существенным компонентом национальной безопасности выступает *демографическая безопасность*. Она трактуется как «состояние защищенности общества и государства от демографических явлений и тенденций, социально-экономические последствия которых оказывают негативное воздействие на устойчивое развитие Республики Беларусь» [8, ст. 4]. Наличие белорусской нации, рост ее численности, повышение уровня общего здоровья населения и другие важные аспекты демографии являются определяющими для перспектив социально-экономического развития страны и ее безопасности. Речь идет о сохранении человеческого потенциала, являющегося важнейшим фактором социального бытия и его защиты от агрессивных проявлений.

Современное мировое развитие свидетельствует, что информационная сфера в настоящее время уже стала системообразующим фактором жизни

людей, обществ и государств. *Информационная безопасность*, как отмечается в Концепции, – это «состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере» [8, ст. 4]. Информационное противоборство уже стало самостоятельной формой глобальной конкуренции, а осуществляемое рядом государств и их коалиций целенаправленное информационно-психологическое давление и насилие над суверенными государствами наносит существенный ущерб национальным интересам. В современных условиях информация приобрела свойства оружия, способного разрушать общества и государства без военной агрессии.

Важным элементом национальной безопасности является *экологическая безопасность*, отражающая одну из глобальных проблем современности. Она понимается как «состояние защищенности окружающей среды, жизни и здоровья граждан от угроз, возникающих в результате антропогенных воздействий, а также факторов, процессов и явлений природного и техногенного характера» [8, ст. 4]. Экологическая безопасность выступает своеобразной базой развития человеческого общества в экологически благоприятных условиях. Поэтому «согласие с природой» является важнейшим фактором безопасной жизнедеятельности человека.

Обратим внимание, что под *военной безопасностью* понимается «состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от военных угроз» [8, ст. 4].

Выделение в системе национальной безопасности определенных сфер позволяет рассматривать ее как единую и целостную систему, в которой каждая сфера является самостоятельной подсистемой со своими характерными особенностями [11]. Практика свидетельствует, что все подсистемы находятся в диалектическом взаимодействии. Кроме того, стоит учитывать, что на каждом этапе исторического развития тот или иной вид безопасности может становиться приоритетным. Важен рациональный паритет между сферами.

Под *военной сферой национальной безопасности* понимается сложная система и область жизнедеятельности общества и государства, связанная с созданием условий для обеспечения военной безопасности личности, общества и государства. Данная предметная область пока недостаточно исследована в рамках социальной философии.

В области политической науки можно обратиться к исследованию И. В. Бернацких, посвященному военной сфере российского общества. В данной работе интересен подход к выделению основных компонентов военной сферы общества: институционально-управленческий, нормативно-правовой, военно-силовой, ресурсно-финансовый, профессионально-кадровый, военно-научный, ценностно-мировоззренческий, инфраструктурный, функционально-деятельностный [12, с. 25].

По нашему мнению, исходя из методологии общей системы национальной безопасности к числу *основных компонентов военной сферы национальной безопасности* относятся: военно-политический, военно-экономический, военно-научный, военно-социальный, военно-демографический, военно-информационный, военно-экологический и собственно военный.

Мы исходим из того, что каждый компонент системы национальной безопасности государства (в республике выделено восемь сфер) содержит в себе специфические возможности по нейтрализации военных опасностей (угроз) национальным интересам страны, то есть имеет свой оборонный аспект, а интегрированный потенциал всех сфер способствует обеспечению военной безопасности страны.

Таким образом, диалектическое единство приведенных выше сфер безопасности и образует военную сферу или подсистему национальной безопасности Беларуси, которая в мирное время обеспечивает сдерживание военного насилия и создает условия для развития страны, а в военное время будет подчинять всю деятельность задачам сохранения государства.

Подчеркнем, что компоненты военной сферы национальной безопасности формируются в различных сферах общественной жизни: политической, экономической, социальной, духовной. Развитие военной сферы национальной безопасности осуществляется путем совершенствования основных сфер и областей жизнедеятельности социума, содержащих определенную военную компоненту.

Именно в обществе формируются основы военной сферы национальной безопасности, то есть все сферы общественной жизни оказывают прямое или опосредованное влияние на военную сферу национальной безопасности. Следовательно, военная сфера национальной безопасности является в первую очередь социальным феноменом в силу того, что она формируется в социуме, а ее функционирование имеет главную цель – обеспечение безопасности социальной системы (национальной безопасности).

Подчеркнем, что основной социально-политической функцией военной сферы национальной безопасности Беларуси является обеспечение военной безопасности как важнейшего элемента национальной безопасности страны [13]. Следовательно, военная подсистема национальной безопасности выступает системообразующим компонентом всей сферы безопасности.

В условиях нарастания со стороны Запада системного насилия, ведения гибридной агрессии [14] и усиления информационно-психологического давления против республики совершенствование военной сферы национальной безопасности становится императивом развития государства.

В современных военных конфликтах существенно увеличивается роль и значение невоенных средств в достижении цели противоборства. При

увеличении доли в конфликтах «мягкой» и «умной» силы существенными компонентами обеспечения военной безопасности нашей страны становятся военно-политический, военно-информационный, военно-научный и военно-аналитический. Это не умаляет роли и значения основного инструмента военной политики – военной организации государства и ее ядра – Вооруженных Сил.

В качестве итога отметим, что военная сфера национальной безопасности выступает сложным интегративным социальным феноменом. Основная цель деятельности военной подсистемы национальной безопасности – обеспечение военной безопасности, которая является базовым условием развития личности, общества и государства. Целесообразно дальнейшее системное, опережающее развитие военной сферы национальной безопасности, зафиксировав в новой редакции Концепции ее приоритетное место в общей системе национальной безопасности. С учетом тенденций и технологий современного насилия важно обратить внимание на ее комплексное интеллектуальное обеспечение.

Список использованных источников

1. *Попов, И. М.* Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли / И. М. Попов, М. М. Хамзатов. – М.: Кучково поле, 2016. – 832 с.
2. *Понкин, И. В.* Неклассические войны: монография / И. В. Понкин. – М.: ИНФРА-М, 2021. – 87 с.
3. *Манойло, А. В.* Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. монография / А. В. Манойло, К. С. Стригунов. – М.: Горячая линия – Телеком, 2020. – 378 с.
4. *Коваленя, А. А.* Обеспечение национальной безопасности в контексте тенденций развития современного мира / А. А. Коваленя, В. Ю. Арчаков, А. Л. Баньковский // Беларус. Думка. – 2021. – № 8. – С. 54–60.
5. *Коваленя, А. А.* Обеспечение национальной безопасности в контексте тенденций развития современного мира (окончание) / А. А. Коваленя, В. Ю. Арчаков, А. Л. Баньковский // Беларус. Думка. – 2021. – № 9. – С. 50–55.
6. *Арчаков, В. Ю.* О состоянии национальной безопасности Республики Беларусь на современном этапе / В. Ю. Арчаков, А. Л. Баньковский // Проблемы упр. – 2021. – № 3(81). – С. 86–97.
7. Современный мир и национальные интересы Республики Беларусь: материалы междунар. науч. конф., Минск, 17 дек. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2021. – 431 с.
8. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь № 575 от 9 нояб. 2010 г. – Минск: Беларус. Дом печати, 2011. – 48 с.
9. *Ксенофонтов, В. А.* Национальная безопасность: идейно-теоретические основания / В. А. Ксенофонтов // Вестн. Воен. акад. Респ. Беларусь. – 2021. – № 1(70). – С. 92–101.
10. Общая теория национальной безопасности: учебник / под общ. ред. А. А. Прокожева. – 2-е изд., доп. – М.: Изд-во РАГС, 2005. – 344 с.

11. Национальная безопасность Республики Беларусь / С. В. Зась [и др.]; под ред. М. В. Мясникова, Л. С. Мальцева. – Минск: Беларус. навука, 2011. – 557 с.

12. *Бернацких, И. В.* Модернизация военной сферы современного российского общества: военно-политический анализ: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / И. В. Бернацких. – М., 2018. – 199 с.

13. *Ксенофонтов, В. А.* Социальная роль военной сферы национальной безопасности / В. А. Ксенофонтов // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2021. – Т. 66, № 4. – С. 391–401.

14. *Ксенофонтов, В. А.* Гибридная агрессия как тенденция социального насилия / В. А. Ксенофонтов // Выш. шк. – 2022. – № 1. – С. 45–51.

(Дата подачи: 13.01.2022 г.)

Т. В. Медведок

Белорусский государственный аграрный технический университет,
Минск

T. V. Medvedok

Belarusian State Agrarian Technical University, Minsk

УДК 111

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ОСНОВНЫХ ПОДХОДОВ В ПОНИМАНИИ И ОПРЕДЕЛЕНИИ РОЛИ ИРОНИИ

HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL RECONSTRUCTION OF THE MAIN APPROACHES IN UNDERSTANDING AND DETERMINING THE ROLE OF IRONY

В статье исследуется генезис иронии в контексте особенностей развития философских идей. Показана изменчивость философского осмысления иронии в различных конкретно-исторических обстоятельствах, особенно в постмодернистской философии. В статье утверждается, что в творчестве многих философов возможно обнаружить разного рода явления иронии; однако в ходе истории ирония претерпела значительные изменения, с легкостью приспосабливаясь к любым типам философствования. Развитие иронии в пространстве философии осуществлялось по пути расширения круга объектов, вовлекаемых в сферу ее анализа.

Ключевые слова: ирония; сократовская ирония; романтическая ирония; постмодернистская ирония; истина.

This article explores the irony genesis in the context of philosophical ideas development. The author shows how irony was understood in different philosophical approaches and historical circumstances, especially in postmodern philosophy. The article argues that it is possible to detect all kinds of irony's manifestations in the many philosophers' works. However, irony

has undergone significant changes in history, easily adapting to any philosophical type. The development of irony in the philosophical space was carried out through expanding the circle of objects involved in its analysing.

Keywords: irony; Socratic irony; romantic irony; postmodern irony; truth.

Ирония на протяжении длительного времени вызывает повышенное внимание к себе со стороны разнообразных направлений гуманитарного знания. Как полифункциональное явление ее исследуют философы, филологи, психологи, специалисты по эстетике и семиотике. Иронию трактуют то предельно широко – как мировоззрение, то достаточно узко – как употребление слова с позитивным значением для обозначения реально негативно явления с целью насмешки.

Ирония является довольно сложным объектом научных исследований. До сих пор не сложилось единого мнения относительно ее природы, своеобразия, роли в обществе, возможности обнаружения универсальных законов ее функционирования. Примечательно, что практика выражения иронического отношения в пространстве текстов реализуется задолго до того, как возникает сам термин. По мнению Э. Рейсса, ирония имеет место в текстах самых разных эпох: «Ирония, хотя и не само понятие, наполняет книги Гомера и Ветхий Завет: в разных формах она проникает в греческую трагедию и комедию: «Метаморфозы» Овидия – это, возможно, справочник в большей степени по иронии, чем по мифологии; и самые ранние стихи, написанные на древнеанглийском, наполнены иронией» [1, с. 25].

По мнению многих исследователей, возникновение иронии – это закономерный итог появившегося напряжения между индивидом и обществом, обособление и отделение человека, которое не могло осуществиться мгновенно. Ирония по своему содержанию отрицает устаревшее и иллюзорное, вскрывает ограниченность «охранительных идей», преодолевает конформизм мышления.

Непреходящий интерес к проблеме иронии свидетельствует о том, что необходимо исследовать конструкцию и организацию иронии в области философского познания, с необходимостью принимая во внимание подвижность и неоднородность философских учений и идей. Сократ и Аристотель, Ф. Шлегель и С. Кьеркегор, К. Маркс и Р. Рорти, а также многие другие мыслители не смогли пройти мимо иронического способа существования и иронического способа мышления, каждый раз обнаруживая все новые и новые философские возможности иронии. Цель данной статьи – осуществление философской ретроспективы становления иронии с обнаружением ее особенностей проявления в различных конкретно-исторических обстоятельствах.

Первое упоминание об иронии в контексте философского знания принадлежит Платону, который дал характеристику иронии как способу ведения диалога Сократом. Платон положительно оценивал иронию, соотнося

ее с отысканием истинного знания, и не обращался к распространенным тогда представлениям о ней как о намеренной лжи.

Собственным благожелательно-лукавым самоуничижением Сократ вынуждал собеседника войти в логический лабиринт, из которого необходимо было самостоятельно отыскать выход. Однако своими наводящими вопросами обнаружить выход помогал сам Сократ. Его вопросы, загонявшие в тупик «умудренных знаниями» собеседников, подталкивали к движению от мнимого всезнания к обнаружению границ собственного незнания ради последующего отыскания истины.

Собеседники Сократа, имеющие в своем арсенале только «гарантированные истины», оказывались в ситуации необходимости дать отчет о состоятельности своих представлений. «Любое положение, к которому они с Сократом приходят, обнаруживает свою ироническую ограниченность, каким бы интересным и исчерпывающим оно не казалось с самого начала, и обнаруживает характер философской истины как самого движения мысли» [2, с. 10].

После Платона понятие иронии в античной философии утрачивает ведущую роль в процессе познания. Так, к примеру, у Аристотеля ирония выступает в качестве фигуры риторики.

«Позднее ирония рассматривалась только как отрицательное явление, проявление враждебности и после смерти Сократа не пересекалась с философией вплоть до XVIII столетия. Ее рассматривали как риторический прием, троп, образованный ложью, используемый для осмеяния» [3, с. 127].

В творчестве представителей немецкого романтизма ирония становится универсальным принципом мышления и творчества. Теория романтической иронии наиболее глубоко была разработана Ф. Шлегелем и К. Зольгером. Но если для Зольгера ирония была прежде всего эстетическим феноменом, то для Шлегеля она является одним из фундаментальных понятий философии.

Посредством иронии романтики обнаруживают парадоксально-противоречивую сущность универсума и человека, расположенного внутри него. Постоянное чередование серьезного и несерьезного, бесконечное пародирование, снятие всего действительного, ставшего и одностороннего, – на эти особенности иронии указывают романтики. Как писал Ф. Шлегель, «...ирония – это единственное и вместе с тем вполне обдуманное притворство... В ней все должно быть шуткой и все должно быть всерьез, все чисто-сердечно открыто и все глубоко сокрыто» [4, с. 287].

Характерное для романтической иронии критическое отношение к действительности обнаруживает, что данная действительность постигается в своей изначальности как нечто дефектное, не обладающее статусом подлинности. Ирония у романтиков возникает как знак дистанции между несо-

вершенством и неполнотой объективированного смысла. Данная ирония отрицает законченность и окончательность в художественном образе, но она отрицает их и в реальном течении жизни, как если бы жизнь поддавалась совершенствованию по примеру создаваемого искусством, переписыванию и перерисовыванию. Романтик, не придавая ничему вне себя серьезного значения, охвачен чувством, что все возможно. Именно ирония должна была содействовать синтезированию различных духовных форм, поскольку она разрушает самодовольную серьезную пресыщенность. Свобода в иронии романтиков достигает своей наивысшей явленности, и человек выходит за границы, которые были воздвигнуты воспитанием, образованием, профессиональной деятельностью. Ирония не только опровергает действительность, но становится обоснованием воображаемого как реального. В отличие от логической иронии Сократа, ирония романтиков алогична и вводит в иллюзию. Сама проблема истины исчезает из их поля зрения – романтики ее определяют через игру.

Следует принимать во внимание (несмотря на имеющую место значительную разницу между ними), что эти два вида иронии – сократовская и романтическая – являются формами развития иронии вообще. Соответственно, если предметом действия античной иронии оказывается сфера личностного знания, то в романтической иронии происходит расширение ее объема: здесь предметной областью иронии, помимо личностного знания, становится искусство.

Ирония С. Кьеркегора хотя и является продолжением и развитием романтической, но исходит из обращения к Сократу. Отвергая абстрактно-рациональные средства приобщения к миру христианских ценностей и веры, датский мыслитель разработал представление о человеческом существовании как движении, последовательном восхождении от эстетического способа бытия через этический к религиозному. Уникальность человека, согласно С. Кьеркегору, состоит в его неуловимости, постоянных переходах, осуществить которые он не мог бы без иронии. Ирония трансформируется у него в мировоззренческий путеводитель, который способен вывести к Богу, а также ориентирует человека не только в окружающей действительности, но и в его внутреннем мире.

В XVII–XIX вв. начался кризис механистического детерминизма в мировоззрении мыслителей того времени. Это предопределило то, что строго обусловленные причинно-следственные зависимости, свойственные природе, оказались малопригодными, когда с их помощью пытались объяснить явления общественной жизни и поведение людей в процессе исторического развития. В анализе критических ситуаций исторических событий исключительное значение приобретает понятие «ирония истории», дающее возможность свести воедино осмысление того, что есть, что будет и что должно быть.

Впервые феномен иронии истории был рассмотрен Г. В. Ф. Гегелем в работах «Лекции по истории философии» и «Философия истории». Данный феномен немецкий философ назвал «всеобщей мировой иронией», «хитростью разума» [5, с. 127]. Термин «ирония истории» получил широкое распространение в сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса и оказался достаточно востребованным для характеристики отношений и взаимодействия микро- и макропроцессов истории.

С. Ф. Денисов замечает, что «...должна появиться и такая ирония, объектом которой будет все человеческое бытие: ирония, для которой уже не будет запретных областей; ирония, проникающая везде и всюду. Такой новой эволюционной формой иронии стала ирония постромантическая или постмодернистская» [6, с. 99].

Особый статус ирония обретает в культурно-философском пространстве постмодерна, фундированного идеей вторичности происходящего в культуре. Так, ирония начинается с требования «положить начало генеральной инвентаризации духовного имущества» и выливается у М. Фуко, Р. Барта, Р. Рорти, Ж. Деррида, Ж. Делеза, Ж.-Ф. Лиотара и других мыслителей в критику языка как критику основоположений культуры и цивилизации, начатую Ф. Ницше и Л. Витгенштейном.

Прочно укоренившись в философии постмодерна, ирония свидетельствует о том, что не существует искомой первозданности на уровне онтологии, и ставит под сомнение перспективы оригинальности в сфере творчества. Оказываясь неотъемлемым признаком нынешнего времени, ирония обнаруживает нашу способность не воспринимать себя таковыми, какие мы есть.

Постмодерн отрицает истину, но не истину как таковую, а как нечто целостное, абсолютное и неизменное. Истина обнаруживает себя как продукт субъективных исканий человека, не обладающий какой-либо реальной объективностью. Ироническое отношение отныне оказывается направленным всецело против пугающей серьезности здравого смысла, но не в традиционном сократовском значении.

Если сопоставить иронический метод Сократа и постмодернистскую иронию, то метаморфозы, которые пришлось претерпеть последней, будут довольно очевидны. Так, Сократ при обсуждении различных вопросов государственной и частной жизни виртуозно превращал процесс добывания истины еще и в дополнительное раскрытие внутреннего мира человека, в результате чего диалог оказывался серьезным духовным испытанием, предполагающим реализацию не только интеллектуальных, но и нравственных сил. Если древнегреческий мыслитель иронизировал над мнением обывателя, утверждая при этом идеальные и вечные конструкции, то ироник эпохи постмодерна – своеобразный номиналист, главной задачей которого является столкновение различных словарей (одинаково приемлемых для

него) для переописания их и самого себя. Например, у Р. Рорти ироник – это автономный творческий индивид, созидающий себя благодаря случайности, а не обнаруживающий некие готовые истины. Ироник вынужден подвергать непрестанному радикальному сомнению «конечный словарь» личности, для него ничто не обладает внутренней свободой, реальным содержанием. Механизмом осуществления иронии выступает игра, позволяющая избежать абсолютизации одной из версий возможного опыта, задавая тем самым область реального пространства свободы.

«Р. Рорти предпочитает вести речь о современном уровне философствования как уровне воображения, истории и случая, а не отыскания одной и единственной метафизической истины, имеющей вневременной характер» [7, с. 104]. Таким образом, в постмодернизме идея истины оказывается избыточной, излишней, и в этом случае индивид оказывается один на один с «организованной» им множественностью суждений.

«Если классический философский канон исходил из устойчивости, целостности мироздания, наличия мудрости и любви к ней, метафоры “вертикального” взгляда сверху вниз, то иронический канон предлагает паранормальный, отстраненный взгляд на прошлое вдоль горизонтальной оси» [8, с. 195].

В таком случае целью иронии философии постмодернизма оказывается построение, конструирование воображаемых миров разного порядка и уровня, причем акцент делается на ироническом движении, переходах от одного смысла к другому, противоположному первому. Данная направленность постмодернизма имела своим следствием, в частности, то, что в эпоху постмодерна целью научного познания стало не раскрытие истины, а постановка ее под сомнение, например, посредством иронии.

Таким образом, можно обнаружить, что развитие иронии в пространстве философии осуществлялось по пути расширения круга объектов, вовлекаемых в сферу ее анализа. Так, первым в поле зрения иронизирующих философов оказывается включен сам человек, его качества, смыслы, которыми он наделяет окружающий мир. Философское содержание иронии зарождается в диалогах Сократа, который ознаменовал софистический поворот от натурфилософии к человеку как центральной проблеме древнегреческой философии. Затем ироническая оценка насыщает представления индивида об окружающем мире во множестве его взаимосвязей, и романтическая ирония становится инструментом отрицания всех авторитетов и традиций, своеобразной рефлексивной дистанцией, которая дает возможность погрузиться в историю или искусство, но не позволяет совершить окончательный выбор. По мере развития и усложнения социальных отношений и структур иронические интонации активно проникают в философские учения об обществе. На сегодняшний момент конечным пунктом развития иронии оказывается постмодернистская парадигма, в которой ирония направлена

на культуру в целом, а иронизирование трансформировалось в обязательный атрибут философствования. В философском дискурсе постмодернизма предмет иронической теории – сама метафизика, цель – понимание метафизической потребности и освобождение от нее.

Список использованных источников

1. *Шилихина, К. М.* Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / К. М. Шилихина. – Воронеж, 2014. – 399 с.
2. *Серкова, В. А.* Ирония в философском мышлении: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / В. А. Серкова; ЛГУ. – Ленинград, 1989. – 16 с.
3. *Зинченко, Н. С.* Ирония как многоаспектный феномен: методологические основы анализа художественного дискурса / Н. С. Зинченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 3(57): в 2 ч. – Ч. 1. – С. 126–130.
4. *Шлегель, Ф.* Эстетика. Философия. Критика: в 2 т. / Ф. Шлегель. – М.: Искусство, 1983. – Т. 1. – 479 с.
5. *Медведок, Т. В.* Гносеологические аспекты «иронии истории» / Т. В. Медведок // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. – Минск: РИВШ, 2017. – Вып. 16. – С. 267–272.
6. *Денисов, С. Ф.* Философско-антропологическая специфика иронии / С. Ф. Денисов, Л. В. Денисова, Л. М. Дмитриева // Омский научный вестник. – 2013. – № 2. – С. 97–100.
7. *Черданцева, И. В.* Особенности постмодернизма как антиметафизической формы философствования и возможности иронии / И. В. Черданцева // Известия Алтайского государственного университета. – Барнаул, 2005. – № 4. – С. 100–106.
8. *Дробышева, Е. Э.* Модус иронического в архитектонике современной культуры / Е. Э. Дробышева // Studia Culturae. – 2011. – № 12. – С. 190–207.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

С. Н. Мизякина

Белорусский государственный аграрный технический университет,
Минск

S. N. Miziakina

Belarusian State Agrarian Technical University, Minsk

УДК 1:001.8:316.3

ПРИНЦИПЫ СИНЕРГЕТИКИ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОЦЕССОВ ГЛОКАЛИЗАЦИИ

SYNERGETIC PRINCIPLES IN THE STUDY OF GLOCALIZATION PROCESSES

В статье обсуждается возможность применения для изучения процессов глокализации таких принципов и понятий синергетики, как динамическая устойчивость, коэволюция, когерентность, голографичность, авто-эко-организация, рекурсивная петля, эквифинальность, со-бытие, пятно организации, темпомир, параметры порядка. Делается вывод о продуктивности синергетической методологии в исследовании процессов глокализации.

Ключевые слова: глокализация; глобализация; синергетическая методология.

The article examines the applying such synergetic principles and notions as dynamic stability, coevolution, coherence, the holographic principle, auto-eco-organization, recursive loop, equifinality, co-existence, a spot of organization, tempoworld, order parameters, etc. in glocalization analysing. The article concludes with a statement about the synergetic methodology productivity in glocalization studies.

Keywords: glocalization; globalization; synergetic methodology.

Истоки идеи глокализации лежат в тех теориях глобализации, которые противопоставляли глобальное и локальное, но, тем не менее, активно использовали термин «локальное» (У. Бек, Э. Гидденс, Г. Терборн, Л. Склэр и др.). В частности, английский социолог Э. Гидденс обращал внимание на то, что глобализация действует как в «вертикальном», так и «горизонтальном» направлении, способствуя образованию новых экономических и культурных ареалов внутри государств и между ними. В последующих исследованиях некоторые ученые пришли к выводу о локальном как аспекте функционирования глобального. Так, американский социально-культурный антрополог, социолог и философ А. Аппадурай видит глобальное и локальное как две составляющие глобализации. Р. Ллойд полагает, что при определенных условиях локальные пространства могут способствовать созданию глобальных пространств [1, с. 207]. Американский физик С. Сасскинд говорит о мультимасштабности глобальных процессов, проявляющих себя одновременно как локальные (например, на уровне города или государства), и как глобальные (на уровне международных движений и процессов). Так,

общественное объединение, решающее местные проблемы, может быть одновременно включено в наднациональную систему.

Можно согласиться с американским биологом Д. Уотсоном, что почти везде в мире наблюдается явление, названное им локализацией: глобальная культура принимается, но с местными видоизменениями. Например, в США McDonald's позиционирует себя как сеть «быстрого питания». В Восточной Азии в такую «политику» необходимо было внести изменения, т. к. посетители задерживались в ресторане: домохозяйки отдыхали после покупок, школьники приходили пообщаться. Такие перемены имели экономические последствия, к которым персонал McDonald's должен был приспособиться [2, с. 14].

Но у локализации бывают и более глубокие проявления. Так, буддистские движения на Тайване заимствовали многие организационные формы американского протестантизма, чтобы распространять религиозное учение, в котором нет ничего американского.

Из вышесказанного вытекает необходимость изучения взаимного влияния локальных и глобальных процессов (глокализации).

Цель данного исследования состоит в выявлении принципов и понятий синергетики, которые могут быть эффективны для анализа процессов глокализации. Для этого необходимо исследовать сущность процесса глокализации, а также базовые принципы синергетики.

Понятие «глокализация» стало активно использоваться в конце 80-х гг. XX в. в трудах английского социолога Р. Робертсона и вошло в научный оборот в конце XX в. [3, р. 145.]. Предлагая данный термин, Р. Робертсон подчеркивал как синтетический, объединительный характер глобализации, так и своеобразную адаптацию глобального в рамках национальных, местных традиций (локализация).

Сегодня термин «глокализация» используется в нескольких смыслах. Во-первых, как характеристика современного состояния общества, в котором общие глобальные тенденции адаптируются на местном, локальном уровне, создавая культурные гибриды и сохраняя тем самым культурное разнообразие. Во-вторых, как характеристика процессов появления самобытных местных культурных, политических, экономических явлений и дальнейший их выход на глобальный уровень с помощью глобальных технологий.

«Глубинное основание глокализации заключается в формировании обусловленной глобализацией “узловой линии мер” – культурно-цивилизационной сетевой структуры “малых” и “больших пространств”. Эти пространства возникают и существуют по принципу дополнительнойности, в режиме глобальной взаимообусловленности. Глокализация – это “свое-другое” *открытого* общества, устремленного к *синтезу* интересов и ценностей индивидов, социальных групп, локальных и региональных общностей» [4, с. 163]. Можно согласиться с мнением российского фило-

софа Т. Г. Лешкевич, что «как исследовательский инструментарий, данный концепт позволяет сконцентрировать внимание на онтологическом факте локальности территорий, своеобразном “вмещении” в нее разнородных векторов развития, степени проникновения глобального в локальное» [5, с. 6]. Существует также точка зрения, что включение этого понятия в политологический дискурс имеет субъективную цель смягчения критики той либерально-демократической унификации, которой «должны быть подвергнуты все страны в результате глобализационных процессов» [6, с. 94].

Перед исследователем, изучающим феномен глокализации, встает вопрос о методологических подходах, наиболее эффективно его объясняющих. С нашей точки зрения, одним из них является синергетика.

Как известно, синергетика изучает механизмы эволюционных процессов в открытых сложных самоорганизующихся системах, находящихся в состоянии неравновесности. Такого рода системы характеризуются нелинейностью и диссипативностью среды, когда упорядоченная энергия движения или поля системы необратимым образом переходит в энергию других движений или полей (обычно хаотических). Современное общество, несомненно, относится к открытым сложным самоорганизующимся неравновесным системам. Поэтому процесс глокализации можно рассматривать как один из этапов эволюции человечества в условиях неравновесности.

Синергетика исторически выросла на основе идей гомеостаза в кибернетике Н. Винера (для равновесной системы), принципов изоморфизма поведения систем, эквифинальности и подвижного равновесия, заимствованных и развитых из общей теории систем Л. Фон Берталанфи.

Говоря о современном обществе, можно утверждать, что изоморфность демонстрируют некоторые элементы коммуникации между отдельными культурами: рыночная экономика, международная деловая и мировая клубная культура интеллектуалов, идеология массового потребления, вытесняющая традиционные ценности.

Важное методологическое значение для исследования глокализации имеет синергетический принцип динамической устойчивости: внутреннее разнообразие элементов и некоторая их хаотичность, неупорядоченность приводят к возникновению нового и поддерживают динамическую устойчивость сложных систем. С этой точки зрения глокализация есть процесс постоянной нестабильности, в котором непрерывно зарождаются локальные ростки новой упорядоченной организации (структуры-аттракторы). Установка синергетики на рассмотрение современного мирового социокультурного пространства как сочетания старого и нового в постоянно стоящих структурах, «работающих» в поле традиций и зарождающихся новых культурных форм, продуктивна для анализа глокализации.

Представление о мире сложных систем как в принципе неустойчивом и кризисном помогает принять как естественное борьбу локальных и гло-

бальных процессов, ведущую к их обновлению. Французский философ и социолог Э. Морен подчеркивает, что такие противоречивые системы в большей степени строят сложное целое, а не разрушают его. Проецируя его мысль на глокализацию, можно сказать, что противоречия между глобальным и локальным способствуют возникновению новаций в национальных культурах и сохранению человечества на глобальном уровне. Глобальное стремится разрушить локальное, а локальное продуцирует новые формы, которые адаптируют его к глобальному и тем самым помогают глобальному не разрушиться. Отношения между глобальным и локальным строятся на основе принципов дополнительности, конкуренции и антагонизма.

Принцип эквифинальности как способность сложных развивающихся систем достигать конечного устойчивого состояния при разных стартовых условиях и разными путями также хорошо вписывается в объяснение процессов глокализации. Ведь современные общества попадают в пространство глобализации, стартуя с разных уровней технологического и экономического развития, разными путями сочетая свои национальные системы ценностей и бытовые уклады с общими глобальными трендами, достигая при этом устойчивости и вписанности в мировую систему.

Представляется перспективным применение синергетического принципа структурности, где структура понимается как «пятно организации, блуждающее по среде». Она способна развиваться, реконструироваться, перемещаться по среде [7, с. 18]. Тогда смещение так называемых центров силы можно рассматривать как такое блуждание. Если в первой волне глобализации центром структурирования мировых процессов была Великобритания, а после Второй мировой войны им стали США и их союзники, то теперь пятно организации перемещается в сторону Китая и других азиатских стран. И поскольку среда, согласно выводу основателя советско-российской школы синергетики физика С. П. Курдюмова и известного российского математика А. А. Самарского, выступает в качестве носителя форм различных возможных структур и поля их возникновения, то можно сказать, что и глобальные связи человечества также можно рассматривать как среду, а существующий сегодня вариант глобализации как один из возможных.

Синергетическая модель мира строится на специфическом понимании причинности, где причина и следствие замыкаются в рекурсивную петлю: причина воздействует на следствие, а следствие – на причину, образуя автономную систему. Обратные связи могут быть отрицательными (гасят случайные отклонения, стабилизируя систему) и положительными (усиливают отклонения и флуктуации). Исходя из этого принципа можно предположить, что тенденция к ассимиляции, поглощению культурного разнообразия, характерная для процесса глобализации, вызывает ответную реакцию, а именно стремление сохранить свою культурную самобытность, что, в свою очередь, ведет к еще большему распространению универсалистских установок.

Используя принцип нелинейной положительной обратной связи, интересно проанализировать, как, сочетая локальное и глобальное, некоторые современные общества (Китай, Япония) пришли к лавинообразной эволюции.

В синергетике существует целый ряд принципов, которые объясняют взаимодействие элементов в системе и системы с другими системами. Так, опираясь на эмерджентность свойств сложной системы, можно попытаться найти такие характеристики глобального общества, которые не присущи ни одной локальной подсистеме. Использование голографического принципа помогает понять, «что во всяком сложном явлении не только часть встроена в целое, но и целое встроено в каждую отдельную часть» [7, с. 15]. Каждая национальная культура, субкультура – часть общемировой культуры. И в то же время «глобальность» воспроизводится в той или иной степени в каждой национальной культуре через систему ТНК, ВТО, иные международные связи; через освоение английского языка, использование норм международной коммуникации, ценностей многообразия и толерантности.

Методологически ценным для анализа глокализации представляется понятие «со-бытие» (взаимовлияющее бытие). Во-первых, в смысле события различных локальных культур на едином мировом пространстве. Во-вторых, со-бытия как взаимовлияния глобального и локального.

Обращение к идее коэволюции позволяет объяснить попадание различных локальных культур в один темпомир. Простые структуры соединяются в одном темпомире, становясь единым целым, что позволяет им достаточно долго синхронно развиваться, сохраняя устойчивость. Принцип связности, когерентности автономных структур объясняет взаимозависимость относительно автономных локальных культур в глобальном пространстве, эффекты наложения, сложения, согласованности локальных микроизменений в разных сферах жизни общества. Накладываясь друг на друга, они усиливают эффект и приводят к подстройке локального к глобальному, вписываясь в образ гнездящейся эволюции.

Принцип авто-эко-организации, предложенный Э. Мореном для характеристики сложных систем, также может быть применим для оценки автономии/зависимости национальных культур в глобальном мире. Микроскопические изменения – появление новых локальных культурных форм – приводят к макроскопическим изменениям – подстройке национальных экономик и культур к глобальной мировой системе. С другой стороны, их возникновение влияет и на мировое сообщество в целом, как, например, распространение по всему миру национальной кухни или национальной музыки. Поскольку национальные сообщества получают энергию для своего существования из глобальной коммуникации, то они зависят от окружения, всегда включены в конкретную ситуацию глобального взаимодействия. При этом новации локальных культур, возникающие в процессе адаптации

глобального к национальному, можно рассматривать как флуктуации (случайные отклонения).

Поэтому методологически ценным для исследования глокализации является понятие креативной случайности. Важно обратиться к анализу причин и условий появления тех новых локальных культурных форм, которые привели к согласованию, адаптации локального к глобальному и дальнейшему контролируемому созданию таких форм в рамках национального культуротворчества.

Глокализация проявляет себя как на микро-, так и на макроуровне. Исходя из принципа подчинения, который развивал один из основателей синергетики, немецкий физик и философ Г. Хакен, макроскопическое поведение системы может быть описано с помощью немногих или даже одного параметра порядка, который определяет поведение всех элементов системы. Конкуренция параметров порядка (мод) приводит к установлению коллективных образцов поведения. Тогда необходимо выделить моды как для локальной, так и для глобальной систем. Г. Хакен относит к параметрам порядка национальный характер, обычаи, нравы, язык. Можно предположить, что поведение локальных систем по отношению к глобальной будет определяться способностью адаптировать локальную систему ценностей, традиций, норм поведения к глобальной. Правда, это возможно только в том случае, если существует некая единая глобальная система ценностей. Если же исходить из представления о мире как поликультурном разнообразии, то функционирование параметров порядка будет состоять в степени возможности согласования локальной системы ценностей с другими ценностными системами, так сказать в степени ее толерантности. Неспособное к диалогу локальное нововведение не позволит ему в дальнейшем вписаться в мировое пространство.

Целостный взгляд на процессы глокализации предполагает также обращение к принципу наблюдаемости, который в синергетике имеет свою специфику, состоящую в том, что порядок и хаос зависят от масштаба наблюдения. Хаос с позиций макроуровня становится структурой на микроуровне. Соответственно и целостное представление о взаимной коммуникации глобального и локального складывается из дополнительности разных ракурсов рассмотрения данного феномена.

Взаимоотношения глобального и локального подчиняются принципу циклической причинности Г. Хакена: параметры порядка глобальной системы детерминируют поведение национальных и других локальных культур как элементов системы. А те, в свою очередь, обратно воздействуют на параметры порядка глобальной системы и определяют их. При этом они демонстрируют разномасштабность циклов, их наложение друг на друга.

Также продуктивна для анализа культурных инноваций идея синергетики о том, что в точках бифуркации малые события, флуктуации, определя-

ют путь дальнейшего развития системы, что существует множественность путей дальнейшего развития глобального мира. Это налагает определенные ограничения на европоцентристские установки глобализации.

Важным для любой науки является вопрос о прогнозировании и контроле за изучаемыми процессами. В синергетике, где случайность играет столь большую роль в возникновении нового, эта проблема обостряется. Общий ответ здесь таков. Хотя выбор новой структуры в точке бифуркации происходит случайным образом, все же существует ограниченное количество возможных новых структур-аттракторов. Зная эти возможности, люди могут направить систему на наиболее благоприятный и предпочтительный путь эволюции. Тем самым предсказание сводится к выявлению возможных вариантов развития событий, а контроль – к созданию условий для реализации желаемого варианта. Такой подход применим к исследованию процессов глокализации и использованию выводов для формирования желательных структур-аттракторов. Хочется при этом подчеркнуть, что ученые-синергетики настаивают на мягком управлении, когда осуществляется достаточно слабое, но правильно организованное резонансное воздействие на сложную систему. Немецкий физик, математик и философ К. Майнцер показал, что сложные организации демонстрируют неожиданно сильные ответы на резонансные возмущения, релевантные их внутренней организации. Таким образом, даже небольшие изменения в обществе, но соответствующие национальному менталитету, повседневным привычкам и т. п., могут демонстрировать сильные ответные реакции.

Надо также иметь в виду, что самоорганизующиеся сложные структуры могут строиться только на активной среде. Поэтому поощрение всякого рода созидательной активности личностей и групп, экономических и политических структур будет способствовать устойчивому развитию как глобального мира, так и локальных сообществ.

Поскольку «синергетика пытается выявить базисные механизмы эволюции и самоорганизации сложных систем вообще» [7, с. 23], а глокализация является, несомненно, социальным эволюционным процессом и самоорганизующейся сложной системой, использование принципов, категорий синергетики для ее анализа и описания представляется возможным и продуктивным. Синергетическую методологию можно применить к анализу взаимодействия глобального и локального как с точки зрения глобального (где локальное будет подсистемой глобального), так и с точки зрения локального (национального), где локальное может быть рассмотрено как самостоятельная система, для которой глобальное будет являться внешней средой.

Главное ограничение, которое накладывает использование данного метода, связано с тем, что синергетика исследует самоорганизующиеся системы в состоянии неустойчивости. Между тем общество сочетает в себе

периоды стабильности и нестабильности. Поэтому синергетика в изучении процессов глокализации должна быть дополнена методами исследования, сосредоточенными на рассмотрении общества в его устойчивом состоянии. При этом важно отметить, что происходящие в настоящий момент геополитические события позволяют говорить о том, что мировая система вышла из состояния равновесия и находится в точке бифуркации.

Список использованных источников

1. *Касабуцкая, М. С.* Глокализация и особенности межкультурного взаимодействия [Электронный ресурс] / М. С. Касабуцкая // Труды СПбГИК. – 2015. – Т. 206, ч. 1. – С. 205–212. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/glokalizatsiya-i-osobennosti-mezhkulturnogo-vzaimodeystviya>. – Дата доступа: 29.11.2020.
2. Многоликая глобализация: сб. науч. ст. / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 379 с.
3. *Robertson, R.* Glocalization: Time-pace and Homogeneity-Heterogeneity / R. Robertson // *Global Modernities* / Ed. By M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. – London, 1995. – P. 25–44.
4. *Левяш, И. Я.* Глобальный мир и геополитика: культурно-цивилизационное измерение: в 2 кн. / И. Я. Левяш. – Минск: Беларус. навука, 2012. – Кн. 1. – 485 с.
5. *Лешкевич, Т. Г.* Глобализация и глокализация: Pro и contra [Электронный ресурс] / Т. Г. Лешкевич // Научная мысль Кавказа. – 2011. – № 3(67). – С. 5–14. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-glokalizatsiya-pro-i-contra>. – Дата доступа: 29.11.2020.
6. *Россошанский, А. В.* Глобализация и глокализация: соотнесение понятий [Электронный ресурс] / А. В. Россошанский // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Социология. Политология. – 2012. – Т. 12, вып. 3. – С. 90–94. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-glokalizatsiya-sootnesenie-ponyatiy>. – Дата доступа: 05.11.2021.
7. *Князева, Е. Н.* Синергетика: ее исторический путь, научные школы, методологический потенциал и перспективы развития / Е. Н. Князева // Синергетика. Антология / науч. ред., сост., автор пер. и вступ. ст. Е. Н. Князева. – М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2013. – 408 с.

(Дата подачи: 22.02.2022 г.)

Ю. В. Новак

Белорусский государственный аграрный технический университет,
Минск

Y. Navak

Belarusian State Agrarian Technical University, Minsk

УДК 101.1:316+930.1

КРИТЕРИИ ИСТИННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

CRITERIA FOR THE TRUTH OF HISTORICAL KNOWLEDGE: PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS

Статья посвящена проблеме определения критериев истинности исторического познания в философско-исторической традиции (на примере таких направлений, как философия позитивизма и марксизм). В качестве основного вывода выступает утверждение о том, что неэпистемологические критерии (аксиологический, социокультурный и т. п.) должны дополнять эпистемологические критерии истинности исторического знания.

Ключевые слова: критерий истинности; историческое познание; теория «охватывающего закона»; принцип деятельности.

The article deals with the problem of determining the criteria for the truth of historical knowledge in philosophical tradition (on the example of such areas as positivism and Marxism). The main conclusion is that non-epistemological criteria (axiological, sociocultural, etc.) should complement the epistemological criteria of the truth of historical knowledge.

Keywords: criterion of truth; historical cognition; theory of «covering law»; principle of activity.

Функции исторической науки редко ограничиваются сферой чистого познания. Историческое знание выполняет в некотором роде «челночное движение» между несколькими взаимосвязанными социальными сферами: сферой духовного производства (исторической наукой), сферой социального производства (образования) и сферой социального управления (властью). У каждой из этих сфер своя цель деятельности. Так, духовное производство нацелено на получение нового знания. Наиболее четко эта цель реализуется в области научной деятельности. Следовательно, одной из важнейших характеристик такой деятельности будет вопрос об объективности и достоверности получаемого знания, то есть вопрос об истинном знании.

Относительно истории некоторые исследователи напрямую указывают на факт того, что именно постановка эпистемологического вопроса есть отличительный, конститутивный критерий научной, профессиональной исто-

риографии от непрофессиональной, от «других форм литературы» [1, с. 54]. Так, А. Мегилл в своей небольшой статье, посвященной этой теме, анализирует аспект соотношения профессиональной историографии с «другими типами историографии» с точки зрения их отношения к проблеме истины. Для всех ненаучных форм исторического повествования вопрос об истине исторического знания выглядит вторичным, излишним. Упомянутая статья американского историка получает живой отклик в виде дискуссии на страницах российского философского журнала, что еще раз указывает на актуальность и своевременность обсуждаемой темы [2, с. 62–82]. Позволим себе дополнить тезис А. Мегилла о неустрашимости эпистемологического вопрошания высказыванием о важности самой формы такого вопрошания. То есть речь идет не только о проблеме истины, но и о том, как эта проблема формулируется и какие следствия это имеет для дальнейшей разработки эпистемологической тематики.

Исходя из сказанного выше, разговор об истине в истории может быть представлен в виде определенной «точки сборки» исторической науки, как движение исторической науки к самоопределению и переопределению своих возможностей и границ. Несмотря на теоретическую «медлительность», в которой историческую науку упрекают с завидным постоянством, начиная с XIX в. (с момента становления дисциплинарного исторического знания) таких «точек» у нее насчитывается несколько. Эти общие тенденции изменений в развитии исторической науки получили название различного рода «поворотов». И каждый такой «поворот» по-своему обращался к теме истины в истории. Этот вопрос и будет для данной статьи определяющим, и смотреть мы на него будем с позиции философии истории.

Концептуально историческое познание в XIX в. складывалось преимущественно вокруг двух философско-исторических парадигм, в основе которых лежали идеи либо И. Канта, либо Г. Гегеля. В этом смысле европейская философия истории этого периода была в той или иной мере репликой по поводу отношения к немецкой философско-исторической традиции. В своей философии истории Гегель пытался дистанцироваться от формализма и механицизма предшествующей эпохи Просвещения при объяснении исторических процессов. Как пишет об этом Х. Уайт, «как формализм, так и механицизм навязывали выбор между крайней тотальной несвязностью всех исторических процессов (чистая случайность) и их окончательной тотальной связностью (чистая детерминация)» [3, с. 108]. На тот момент представление о тотальной несвязности реализовывалось в романтизме, а представление о тотальной связности – в субъективном идеализме, и к обоим этим направлениям Гегель относился критически. Таким образом, если взять линию гегельянства, то в историографии XIX в. она повлияла на становление концепций историзма, марксизма и позитивизма. Линия Канта реализовалась в традиции «критики исторического разума» Баденской шко-

лы неокантианства и впоследствии герменевтического поворота в историографии. В данной статье мы рассмотрим проблему критериев истинности исторического познания, обратившись к философско-исторической традиции, идущей от гегельянства.

Историзм XIX в. основывается на философском допущении, что есть общий исторический процесс, в который вовлечено все человечество во всех трех его временных проекциях – прошлом, настоящем и будущем. И с какого бы места ты не зашел в этот исторический «поток», ты становишься его частью и принадлежишь ему, подчиняешься закономерностям его развития. Причем историческое прошлое здесь играет определяющее значение для понимания человеком своего настоящего (современного) и будущего состояния. С эпистемологической же точки зрения акценты в понимании историзма расставляются иначе.

Французский социолог и философ Р. Арон в своих «Лекциях по философии истории» указывает на несколько значений понятия «историзм». Первое из этих значений совпадает с понятием «историцизм», используемым К. Поппером, под которым понимается детерминистский взгляд на историю, реализующийся в форме исторических законов, определяющих всеобщее движение становления человечества [4]. В определении Р. Арона, историцизм – «это претензия на знание будущего и установление законов макроисторического развития» [5, с. 3]. Другое значение историзма прорабатывается в работах Э. Трельча и Фр. Мейнеке. У них историзм – это в первую очередь разговор о развитии человечества через различие эпох и обществ, через многообразие характерных ценностей каждого общества или каждой эпохи. Как следствие, подобные допущения порождают релятивизм ценностей в противоположность концепциям эпохи Просвещения, базирующимся на допущении существования универсальных ценностей человечества, предполагающих торжество разума. При таком подходе немецкие историки исходят из многообразия духовных миров, реализованных во времени [5, с. 4]. Так или иначе, историзм в обоих указанных значениях подталкивает к постановке и решению эпистемологических проблем, предлагая заново продумать достаточные основания для достоверности и истинности исторических суждений.

Позитивистская методология применительно к философско-историческому наследию Гегеля выступала в качестве ее оппонента и критика (за спекулятивность, абстрактность). Она делала акцент на объяснении исторических фактов путем подведения их под некий общий закон. В этом случае объяснение через закон становится доказательным и может считаться истинным. Основные идеи так называемой «подводящей теории» («теории охватывающих законов») были сформулированы еще в классическом позитивизме О. Конта и Дж. Милля, а сама она легла в основу аналитической философии истории, ставшей во многом правопреемницей пози-

тивистской методологии исторического познания. В той или иной степени эти тезисы поддерживались и развивались К. Гемпелем, К. Поппером, Э. Нагелем. Согласно позитивистским установкам, все индивидуальные (частные) случаи подводятся под охватывающие (универсальные) законы так, что производится логическая дедукция особенного явления из общего закона. По К. Гемпелю, главная функция дедуктивно-номологической модели объяснения состоит в необходимости появления определенных событий, объяснении того, почему они произошли [6].

Как отмечает М. А. Кукарцева, в рамках эмпирико-позитивистской традиции англосаксонской мысли «подводящая теория» была одной из кульминационных точек, она реализовала в философско-историческом знании математический стандарт научности, обслуживающий технику логических исследований истории, делая акцент на понятии научного объяснения [6]. Согласно этой теории, практика объяснения в истории полностью отвечает логике естественно-научного объяснения. Этот же момент отмечает в качестве значимого и белорусский историк Н. В. Смахович, подчеркивая, что неопозитивисты отказывают обществу и истории как процессу иметь собственные законы развития [7, с. 43]. При таком понимании исторический факт будет принимать форму высказывания, имея отношение скорее к логике научного языка, нежели к исторической реальности. Тогда методология истории призвана обеспечить моделирование таких исторических фактов и их последующую систематизацию при достаточном накоплении. Основным методом неопозитивистов, обеспечивающих получение истинного исторического знания, признавался метод эмпирической верификации: научно-осмысленной может быть такая теория, которая подтверждается эмпирическими фактами (для истории, источниками). Достоинством дедуктивно-номологического способа объяснения называют его возможности проникать «вглубь» явлений, их связей и отношений, а также его возможности производить формализацию этих связей с целью их максимально четкого понимания.

Идейно вырастая из наследия логического позитивизма, его положения переосмысливает и перерабатывает в авторскую концепцию «критического рационализма» К. Поппер. Он описывает применение принципа фальсификации при анализе исторического материала в противовес ограниченных возможностей применения принципа верификации. Так, научные теории представляют собой подлинные предположения – высокоинформативные догадки относительно мира, которые хотя и не верифицируемы, но могут быть подвергнуты строгим критическим проверкам, что и обеспечивает их научную истинность [7, с. 44]. Таким образом, любое научное знание носит лишь гипотетический характер и, как любая гипотеза, может быть подвержено ошибкам и искажениям, которые исправляются в ходе накопления новых знаний.

Позитивистские установки в историческом познании активно критиковались многими историками, философами, имеющими отношение к различным с методологической точки зрения научным направлениям. Так, на вопрос К. Гемпеля о том, существуют ли в истории универсальные законы, на которых может реализоваться дедуктивно-номологическая модель объяснения, К. Поппер отвечал по-своему. Он полагал, что в истории вообще действуют не законы, а тенденции, не имеющие универсального характера, а потому ничего не объясняющие. Если же и есть законы, то они принадлежат скорее к законам среднего уровня, т. е. ограничены рамками данного периода и потому опять-таки ничего не объясняют. Согласно К. Попперу, общие законы в истории тривиальны, по этой причине они не имеют четких формулировок, следовательно, эти законы опять-таки ничего не объясняют. Поппер был убежден, что прогнозировать исторические события на основе выявленной закономерности и известных обстоятельств можно только в границах замкнутых систем, т. е. систем, изолированных от спонтанных воздействий окружающего мира, обладающих инвариантным набором системных характеристик и инвариантной периодичностью изменения этих характеристик. Исходя из такого допущения, историческая действительность, включающая в себя человека как открытую систему, по определению не может рассматриваться как закрытая, а значит, возможности для научного прогнозирования в рамках исторического познания существенно сужаются.

Помимо этого, недостатком дедуктивно-номологического способа объяснения (при его абсолютизации) называют принципиальную непостижимость и невозможность научного осмысления целого ряда важных фрагментов объективной реальности, которые так или иначе связаны с опытом человеческого пребывания в мире и истории. Сознательно выбрасывая из рассмотрения исследовательского поля все то, что составляет неотъемлемую часть человеческой деятельности во времени (ценности, мотивацию, интересы), позитивистская историография, по сути, осуществляла своеобразное теоретическое «самооскопление». С точки зрения поставленных внутренних задач (перехода от описательно-повествовательной истории отдельных событий к строгой науке) подобная процедура ей была необходима, но с точки зрения истории историографии в целом данное методологическое положение выглядело абстрактным, не учитывающим все многообразие исторического процесса и оказалось не очень эффективным (как на это рассчитывали изначально). История нуждалась в поддержке иных исследовательских средств, что стимулировало поиск таких познавательных эталонов, которые, как казалось, более других способствуют историческому исследованию.

В определенной оппозиции позитивизму складывается марксистская концепция исторического познания, которая опирается на несколько базо-

вых положений. Одно из них гласит, что «история – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [8, с. 102]. Таким образом, принцип деятельности – один из ключевых для построения и применения в марксистской исторической эпистемологии. Понятие деятельности лежит в основе определения понятия практики в марксистской теории: практика как материальная чувственно-предметная деятельность человека, направленная на преобразование объектов действительности в соответствии с целями и потребностями человека; практика как социально-организованная деятельность, осуществляемая благодаря связям и взаимодействиям между людьми. Другое положение касается критики Марксом предшествующей традиции созерцательной историографии и сформулировано в «Тезисах о Фейербахе»: «философы лишь различным образом объясняли мир; задача же в том, чтобы его изменить» [9, с. 1]. Следовательно, критерием истинности научного знания (в том числе и исторического) выступает практическая деятельность людей. «В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления» [9, с. 1]. Как пишет об этом Х. Уайт, «наука для Маркса – это преобразующее знание, преобразование природы в физической сфере, преобразование человеческого сознания и практики в сфере социальной» [3, с. 329].

В западной и отечественной историографии марксизм как методология исторического познания по сей день находит как своих сторонников, так и своих критиков. На постсоветском же пространстве, к которому относятся и историческое поле белорусской традиции историографии, применение историками марксистской методологии было затруднено в силу негативного к ней отношения из-за предельной степени ее индоктринации в советские времена. Но это не единственная проблема, которая, скорее, лежит на поверхности. Другая проблема заключается в сознательно искаженной интерпретации марксизма, осуществленной В. И. Лениным в его работе «Материализм и эмпириокритицизм». В советское время В. И. Ленина не принято было критиковать, а любые его высказывания рассматривались как истина в последней инстанции, это приводило к закреплению в теоретическом (и политическом) пространстве урезанной трактовки марксистского учения.

Так, белорусский философ, методолог В. Ф. Берков подробно рассматривает эту особенность в ряде своих статей, указывая на тот факт, что упущение советскими методологами и историографами из виду некоторых работ молодого Маркса («Тезисы о Фейербахе», «Экономическо-философские рукописи 1844 г.» и др.) носило не случайный характер, а во многом определялось политической конъюнктурой того времени [10]. В. Ф. Берков допускает мысль, что В. И. Ленин в своем истолковании «Тезисов о Фейербахе», в частности, первого из тезисов, умышленно опускает понятие практики как отличительной черты нового понимания материализма [10, с. 71]. Тем самым разговор о сравнении «старого» и «нового»

материализма переводится в иную плоскость: «общественно-историческая практика, дающая возможность выделить созерцательный и практически действенный материализм, в ходе рассуждения у В. И. Ленина подмена методом мышления, позволяющим говорить о диалектическом и метафизическом материализме» [10, с. 72]. У Маркса же практика трактуется не только гносеологически, но и онтологически, у Ленина же этот второй важный аспект практики опускается, а указанная общая методологическая установка без существенных изменений была перенесена и на сферу гуманитарного образования [11].

Для марксистской историографии также важны принципы объективности и историзма. Маркс (к слову, как и Ф. Ницше) понимал и доказывал в своих работах, что не существует теоретического основания, свободного от ценностей, а значит, выбор историка между разными стратегиями объяснения и построения своей концепции не может быть объективно оправдан. Следовательно, просто «применить» к данным исторического поля назначенный критерий объективности недостаточно. В результате этого осознания, как отмечает Х. Уайт, возникает вопрос о том, что значит «объективность», само понятие объективности как таковой в марксизме историзируется [3, с. 324]. И этот факт может быть без сомнения занесен в заслугу марксистской теории исторического познания. Как и тот факт, что одна из особенностей исторического познания, которое отличает его от естественных наук, заключается в том, что в нем наблюдается качественное единство объекта и субъекта познания [12, с. 6–8]. Как отмечает И. П. Дементьев, «это приводит к тому, что оценочный момент (“пристрастие”) так или иначе присутствует в исторических исследованиях» [13, с. 8]. Это утверждение давно стало неким «общим местом», фиксируемым в качестве очевидного положения в подавляющем большинстве авторитетных учебников по истории историографии.

Р. Арон, критически переосмысливавший положения марксизма на уровне метанауки, усматривает точку теоретического напряжения данной теории в вопросе о том, как соотносить между собой две интерпретации марксизма, допускающие, с одной стороны, объективированную историю, а с другой – историю, направляемую реакцией людей на окружающую среду (в терминах марксизма – направляемую классовую борьбой). Ведь задача, которую ставил перед собой марксизм, состояла в том, чтобы найти надежное основание для того, чтобы история могла называть себя наукой. В возможности совмещения этих двух интерпретаций скрыта, по Р. Арону, проблема субъект-объектных отношений: каково соотношение между объективированной историей, подчиняющейся законам, и сознанием или волей людей [5, с. 24]. Во французской философско-исторической традиции оформились два направления, по-разному решающих эту дилемму. Экзистенциальный марксизм (Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти) сделал ставку на

гуманистический марксизм, а объективированный марксизм получил свое развитие в трудах Л. Альтюссера.

Так, Л. Альтюссер, в противовес экзистенциальному марксизму Ж.-П. Сартра и М. Мерло-Понти, определял марксизм не как гуманизм, а как науку об истории, которая занимается объективацией исторического материала без использования методов естественных наук. Он хотел провести четкое разграничение между восприятием истории, которое каждый из нас может испытывать как субъект, занимающий определенное положение, и познанием истории. По Л. Альтюссеру, историк должен заменить воспринятую реальность научным объектом, который по своей природе отличается от непосредственного эмпирического опыта. Так, физический мир в физике – это не тот же чувственный мир, в котором мы живем; это сконструированный научный объект. Точно так же и история способна конструировать свой научный объект исследования. Л. Альтюссер прибегает к логике движения «от абстрактного к конкретному» и идее «единства многообразного». Чтобы понять научно-конкретную историю, необходимо обратиться к наиболее абстрактным понятиям, и именно на базе этих понятий возможна научная реконструкция конкретной действительности. С помощью этих понятий можно воссоздать и воспроизвести конкретное, т. е. целое. По Л. Альтюссеру, от разнообразия жизненного опыта к истинности целого можно перейти только через праксиологическое измерение (через действующего человека). По мнению аналитиков, марксизм Л. Альтюссера имеет в виду скорее метанаучную реинтерпретацию спекулятивной философии истории. Или, как сказал об этом Р. Арон, он дает «теоретическое обоснование возможной науки истории, которая еще не существует» [5, с. 57–58].

И позитивизм, и марксизм в своих теориях исторического познания стремились найти надежное основание для единства исторического знания и исторической науки в целом. Позитивизм видел это единство в сциентистской ориентации, нацеленной на «изгнание» из пространства научной теории всего, что не поддается верификации (ценностей, установок, идеологических компонентов), но, по итогу, в своих более поздних версиях неопозитивизма и аналитической философии истории приходит к обратному результату. Уже П. Гардинер и У. Дрей допускают различные варианты логики научного объяснения в исторической эпистемологии (объяснение не только «через закон», но и «через мотив», аналогия, генеалогическое объяснение, функциональное объяснение и т. п.). А значит, и набор критериев истинности исторического познания расширяется и признается с научной точки зрения допустимым.

Что же касается философско-исторического наследия марксизма, то в той же школе «Анналов» (М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель) к его идеям относились с уважением. Школа «Анналов» идейно выростала на критике

позитивистской («событийной») историографии, которая была увлечена описанием исторических событий в ущерб возможности выдвигать гипотезы, ставить и решать проблемы. Увлечение в позитивизме эмпиризмом и фактографией, исключение многих сторон человеческой деятельности из исторического анализа давало повод М. Блоку называть состояние развития исторической науки в его время «эмбриональным» [14, с. 11]. В целом образовавшийся в позитивистской историографии разрыв между историческим знанием и историческим процессом в марксизме преодолевается через допущение о необходимой связи бытия и мышления, где первое определяет второе. Также можно вспомнить стремление марксистов связать воедино научное пространство естествознания и социально-гуманитарных наук и их убежденность в получении объективного знания о человеке и социальном развитии. Идея реконструкции в историческом знании тотального конкретного целого была близка и школе «Анналов». Опираясь на идею Э. Дюркгейма и А. Берра об «историческом синтезе» путем организации междисциплинарных исследований, М. Блок и Л. Февр ставили перед собой задачу создания всеобъемлющей, синтетической, «глобальной» истории, охватывающей все стороны жизни человека [15, с. 43]. Для того чтобы реализовать поставленную задачу, предлагалось устанавливать тесные контакты и взаимодействие с другими науками, в первую очередь науками о человеке. Все это сближало стремления марксистской историографии и школы «Анналов», заложившей впоследствии основание французской традиции «новой научной истории». М. Блок, а особенно Л. Февр отстаивали широкие познавательные возможности истории. Они исходили из допущения, что «природа, а в ней и человек, как часть природы и объект истории, познаваемы и объяснимы» [15, с. 45].

История обладает своими методами установления истины. Изучая следы прошлого, она вполне способна создавать его правдивую картину. Но требовать от нее одной единственной исторической истины при принципиальном множестве восприятий одной и той же исторической ситуации и неустранимой «идеологичности» исторического знания не представляется возможным. По Р. Арону, единство истории вытекает из метода, из постановки вопроса или перспективы, а не из объекта исследования [5, с. 62]. Из этого следует, что человеческое прошлое не представляет собой абсолютное единство и неизвестно нам как единое целое. Соответственно, историю можно излагать и как хронологическую, и как смысловую целостность.

Остается открытым вопрос, на основании чего вырастает prerogativa одного из восприятий называться истинным. Отвечая на этот вопрос, традиция философско-исторической перспективы, идущая от Гегеля, делает ставку на реализацию новых возможностей гуманизации человечества («признание человека человеком», преодоление «отчуждения», реализацию «подлинной intersубъективности» и т. п.) во всей ее конкретно-

исторической тотальной целостности. То есть неэпистемологический (аксиологический, метатеоретический, социокультурный) критерий определяет эпистемологический критерий истинности исторического знания, еще раз подтверждая разрабатываемый в марксизме тезис о необходимой связи исторической теории с историческим процессом.

Список использованных источников

1. Мегилл, А. Некоторые соображения о проблеме истинностной оценки репрезентации прошлого / А. Мегилл // Эпистемология и философия науки. – М.: Канон+, 2008. – Т. XV, № 1. – С. 53–59.
2. Эпистемология и философия науки. – М.: Канон+, 2008. – Т. XV, № 1. – С. 62–82.
3. Уайт, Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт; пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитоновой. – Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2002. – 528 с.
4. Поппер, К. Ницета историцизма / К. Поппер. – М.: Прогресс-VIA, 1993. – 187 с.
5. Арон, Р. Лекции по философии истории: курс лекций в Коллеж де Франс; пер с фр. / Р. Арон; отв. ред. и автор послесл. И. А. Гобозов. – 3-е изд. – М.: Книж. дом «ЛИБ РОКОМ», 2012. – 336 с.
6. Кукарцева, М. А. Современная философия истории США [Электронный ресурс] / М. А. Кукарцева. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. – 215 с. – Режим доступа: http://abuss.narod.ru/Biblio/kukartzeva/kukartzeva_intro.htm. – Дата доступа: 25.12.2022.
7. Смехович, Н. В. История и метод / Н. В. Смехович. – Минск: РИВШ, 2004. – 287 с.
8. Маркс, К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955–1974. – Т. 2. – 1955. – 651 с.
9. Маркс, К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955–1974. – Т. 3. – 1955. – 629 с.
10. Берков, В. Ф. Судьба работы К. Маркса «Тезисы о Фейербахе» в советской философской литературе / В. Ф. Берков // Социология. – 2016. – № 1. – С. 69–75.
11. Новак, Ю. В. Марксизм в историографии: «оставить нельзя отказаться» / Ю. В. Новак // Аграрна галузь сучасної України: проблеми та перспективи розвитку: зб. матеріалів І Міжнар. наук.-практ. конф., 14 трав. 2021 р. / Ін-т модернізації змісту освіти, Луган. нац. аграр. ун-т, Проект USAID «Економічна підтримка Східної України», Ун-т Вітовта Великого, Білорус. держ. аграр. техн. ун-т [та ін.]. – Слов'янськ, 2021. – С. 431–436.
12. Ковальченко, И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах / И. Д. Ковальченко // Новая и новейшая история. – 1995. – № 1. – С. 3–33.
13. Историография истории Нового времени стран Европы и Америки: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «История» / А. В. Адо [и др.]; под ред. И. П. Дементьева. – М.: Высш. шк., 1990. – 512 с.
14. Блок, М. Апология истории / М. Блок. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
15. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки: учеб. пособие для студентов / И. П. Дементьев, А. И. Патрушев. – М.: Простор, 2000. – 432 с.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

О. Л. Познякова

Белорусский государственный медицинский университет, Минск

O. L. Poznjakova

Belarusian State Medical University, Minsk

УДК 130.2:141.319.8:101.1:316

**ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ХАРАКТЕР
КОНФРОНТАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ
АНАЛИЗА КОНФЛИКТА Н. ХОВАРДА
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ XXI ВЕКА**

**TRANSDISCIPLINARY NATURE OF CONFRONTATION
STRATEGY OF CONFLICT ANALYSIS BY N. HOWARD IN
SOCIOCULTURAL KNOWLEDGE OF THE XXI CENTURY**

Автор статьи ставит своей целью эксплицировать методологический потенциал конфронтационной стратегии анализа конфликтных ситуаций Н. Ховарда. Задачи: раскрыть содержание концептуальной разработки американского исследователя; проанализировать нравственный аспект идеи «творческой рациональности»; показать возможные пути преодоления несовершенства теоретических построений Н. Ховарда.

Ключевые слова: Н. Ховард; трансдисциплинарность; драма; конфликт; теория игр.

The author of the article aims to explicate the methodological potential of N. Howard's confrontational strategy for analyzing conflict situations. Objectives: to reveal the transdisciplinary nature of the conceptual development of the American researcher; to analyze the moral aspect of the idea of «creative rationality»; to actualize possible ways to overcome the imperfection of N. Howard's theoretical constructions.

Keywords: N. Howard; transdisciplinarity; drama; conflict; game theory.

Среди отечественных и зарубежных исследователей социальных конфликтов существует мнение, что разработка конфронтационных стратегий позволит усилить возможности существующих социальных институтов по разрешению ценностных противоречий на различном уровне социального взаимодействия, а также будет способствовать разрешению конфликта как такового, направляя усилия противоборствующих сторон на осуществление движения в сторону кооперации, а не на получение любой ценой собственных предпочтений. Как утверждает российский исследователь В. А. Семенов, теория драмы Найджела Ховарда (1934–2008) – американского математика, литератора, создателя теории метаигр – «является удачной попыткой преодоления имеющихся ограничений у теоретико-игрового подхода к анализу политических процессов и их феноменов» [1, с. 48]. Поскольку творчество Н. Ховарда известно лишь очень узкому кругу отечественных специалистов, а также в связи с обострившейся проблемой

выявления методологии срежиссированного социально-политического конфликта, представляется актуальным эксплицировать для русскоязычной аудитории теоретический потенциал конфронтационной стратегии анализа конфликтных ситуаций американского исследователя. В рамках поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи: раскрыть содержание концептуальной разработки Н. Ховарда; проанализировать нравственный аспект идеи «творческой рациональности»; показать возможные пути преодоления несовершенства теории драмы применительно к анализу конфликтных ситуаций.

Содержательный аспект концептуальной разработки Н. Ховарда.

Известно, что трансдисциплинарность характеризует исследования, которые идут сквозь границы многих дисциплин и выходят за пределы конкретных предметных областей. В широком смысле трансдисциплинарность – это «исследовательская стратегия, которая пересекает дисциплинарные границы и развивает холистическое видение проблемы» [2, с. 193]. В узком смысле трансдисциплинарность обозначает «интеграцию различных форм и методов исследования, включая специальные приемы научного познания, для решения научных проблем» [2, с. 193]. Практическая ориентированность трансдисциплинарных исследований не исключает, а, напротив, базируется на фундаментальном видении реальности в ее универсальных паттернах [2, с. 193–194].

Трансдисциплинарность исследования позволяет устанавливать связи между естественными, гуманитарными и социальными науками, а также искусством, литературой, поэзией и другими сферами духовного опыта. При этом необходимо понимать, какой эвристический потенциал содержит каждая из смежных или отдаленных дисциплин друг для друга в процессе выстраивания общей когнитивной стратегии осмысления выбранного фрагмента реальности.

Так, конфронтационная стратегия анализа конфликта Н. Ховарда носит ярко выраженный трансдисциплинарный характер, поскольку в основе своей методологии синтезирует математическое и драматургическое знание применительно к анализу конфликтных ситуаций, что, безусловно, позволяет изучить проблему на более высоком уровне сложности. Здесь драматургия и математика остаются одновременно и открытыми, и замкнутыми по отношению друг к другу: сохраняя свой специфический предмет и ракурс видения, обе сферы знания открыты для новых когнитивных схем, переносимых из одного исследовательского поля в другое.

Содержательный аспект конфронтационной стратегии анализа конфликта Н. Ховарда состоит из двух компонентов – теории метаигр, которую он разрабатывал в 1960-х гг., и теории драмы (1990-е гг.) [3, с. 30].

Теория метаигр была задумана Н. Ховардом в качестве существенной модернизации классической теории игр Дж. фон Неймана и О. Морген-

штерна [4]. Последняя предназначалась для быстрого и неколичественного анализа реальных конфликтов и имела ограниченное практическое применение. Теория игр указывала каждому субъекту рациональный способ поведения в «любой ситуации, какая только может возникнуть» [1, с. 57] и содержала «набор правил поведения во всех мыслимых инстанциях» [1, с. 58] с применением логико-математического метода анализа данных: если А – то Б, если не А – то С, и т. д. Но именно правила рациональности, на которых она основывалась, и оказались самым спорным моментом всей теории игр. По мнению Н. Ховарда, если игрокам предоставить право изменять свои предпочтения, правила и цели поведения в процессе самой игры, тогда противоречия, если они возникнут, будут разрешаться не посредством провоцирования иррациональных реакций, а рациональным изменением самой игры [1, с. 51]. Реалистическая теория игр должна учитывать иррациональные действия, эмоции, неверие, обман, обещания и угрозы при оценке развития конфликта. Так, в отличие от математической модели, где форма игры изображена в виде логической (рациональной) матрицы, исследователь строит «экстенсивную форму игры в виде дерева, каждый узел которого обозначает точку выбора определенного действия для некоторого игрока» [3, с. 31]. Дерево игры представляет обычную структуру, в которой из индивидуальных стратегий, создаваемых выборами игроков и «случая», возникают сценарии развития игры во времени. Исход, который представляется игроку рациональным решением проблемы, называется точкой равновесия. Если некоторый исход представляет точку равновесия для всех игроков, он обозначает возможное решение конфликта.

Таким образом, в контексте теории метаигр Н. Ховарда конфликт представлен в форме сценария развития игры во времени, варианты исхода которого зависят от эмоций, иррациональных действий игроков и которые, по мнению автора концепции, можно спрогнозировать при помощи логико-математического анализа. Сам сценарий не может быть предзадан, поскольку он развивается темпорально и зависит от случая и предпочтений участников конфликта.

В 1990-х гг. Н. Ховард и его единомышленники формулируют манифест нового направления теории метаигр – *теорию драмы*. Характерно, что, по словам самих авторов, драма здесь используется не как концепт, но «в качестве обобщающей метафоры для анализа конфликтных ситуаций» [3, с. 33]. То есть в основе теории Н. Ховарда отсутствует понимание драмы в подлинном ее смысле, напротив, здесь используется общеупотребимая в современном мире метафора для названия очередной модели конфликта. Абстрагируясь от теоретических основ драмы как феномена западноевропейской культуры, американский исследователь игнорирует диалектический принцип построения драмы, позволяющий относиться к ней как к алгоритму развития конфликта; анализирует морфологическую структуру

драмы, но при этом игнорирует структурно-функциональный анализ для экспликации стадий развития конфликта. Иными словами, теория драмы Н. Ховарда выстроена с опорой на метафору, а не на концепт. Отсюда и необоснованная последовательность фаз развития конфликта: 1) завязка драмы; 2) развитие драмы; 3) позитивное решение драмы; 4) кульминация драмы; 5) конфронтационная фаза; 6) фаза исполнения [3, с. 43].

Оценивая уровень трансдисциплинарности конфронтационной стратегии анализа конфликта Н. Ховарда, следует сказать, что американский исследователь переоценил потенциал математического знания в области драматургии. Очевидно, что невозможно математическим путем просчитать природу взаимоотношений участников конфликта: логическому анализу поддаются только факты, т. е. то, что мы называем поводом для конфликта, а не сама суть противоречия. Результативность анализа природы взаимоотношений участников конфликта обусловлена возможностью сбора максимально объективной информации о каждом из них, а также умением максимально эффективно воспользоваться данной информацией в принятии ключевых тактических решений. Логико-математический анализ может быть применен на стадии проектирования генеральной стратегии поведения.

Преодоление этических трудностей, связанных с идеей «творческой рациональности». Для анализа нравственного аспекта конфронтационной стратегии анализа конфликта Н. Ховарда необходимо обратить внимание на идею творческой рациональности, которую американский исследователь вводит в свою теорию метаигр вместо правила рационального выбора, долгое время доминировавшего в теории игр американской социально-философской мысли. По мнению исследователя, в драме участники могут в любой момент менять «правила игры», делая их максимально эффективными и удобными для достижения собственных интересов [1, с. 51]. Как пишет Н. Ховард, «к причинам, обусловившим необходимость поисков новых решений, следует отнести историческую ситуацию, сложившуюся после окончания “холодной войны” и распада СССР, подтвердившую неразумность доктрин, основанных на факторе ядерной конфронтации. Бессмысленность применения ядерного оружия с непредсказуемыми последствиями оборачивалась такими же бессмысленными экономическими потерями для обеих супердержав» [1, с. 60].

Парадоксально, но принятие идеи творческой рациональности за фундаментальный принцип разрешения конфликта как раз-таки и создает угрозу ядерной войны, поскольку приводит к открытой возможности нарушать все принципы и нормы Международного права, развязывать войны ради торговли военной техникой, ради получения доступа к распределению материальных благ и природных ресурсов на завоеванных территориях и пр. И тогда точкой равновесия, т. е. исходом, который представляется игрокам рациональным решением проблемы, может стать вечный мир на всемирном

кладбище человечества, о котором писал немецкий философ эпохи Просвещения XVIII в. И. Кант в своем трактате «К вечному миру». Преодоление данного противоречия в конфронтационной стратегии анализа конфликта Н. Ховарда не представляется возможным, поскольку сама теория основывается на принципах идеологии прагматизма: каждый игрок здесь заведомо будет стремиться к извлечению максимальной выгоды для себя за счет другой стороны, что неминуемо приводит к угрозе ядерного столкновения планетарного масштаба. Решением данного противоречия может стать состояние отношений между суверенными государствами, которые урегулированы правом так, что ликвидированы основания для военных столкновений.

Дополнительная концептуальная разработка понятия драмы с учетом ее теоретических аспектов. Анализируя недостатки теории Н. Ховарда, необходимо подчеркнуть, что драма здесь не рассматривается как конфликт целиком, а только на определенном этапе, что противоречит сущности драмы. Для сравнения отметим, что в современной теории социальной драматизации драма – это концепт, который организует в своей целостности определенный способ видения реальности сквозь призму конфликта, срежиссированного в соответствии с методологией построения драмы (стратегия вовлечения и структура драмы).

Структура драмы – это этапы в алгоритме развития конфликта: исходное событие; экспозиция; драматическая ситуация; перипетия 1; завязка; перипетия 2; мидпойнт; перипетия 3; кульминация; развязка [5, с. 64–66].

Стратегия вовлечения – управление эмоциональным состоянием участников конфликта от любопытства до катарсиса с целью транслирования им определенных идей и ценностных установок и в конечном счете – подмены сознания. Основными стадиями стратегии вовлечения выступают любопытство, симпатия, интерес, сочувствие, сопереживание, сострадание, самоидентификация, саспенс, катарсис, умиротворение.

Очевидно, что проект Н. Ховарда выполнен без учета определяющих признаков драмы, без отсылки к ее теоретическим основаниям, а также без внимания к ее диалектической сущности.

В заключение следует сказать, что Н. Ховард приобрел большую известность и вес в англоязычном научном мире, особенно как специалист в области применения теории драмы и теории метаигр к решению проблем войны и мира. В 1970-х гг. он участвовал в исследовательском проекте, который финансировался Султаном Дубая и который был посвящен формальному анализу перспектив решения ближневосточного конфликта [6, с. 6]. Существуют также сведения о том, что Н. Ховард участвовал в переподготовке высшего командного состава, за что Министерство обороны США удостоило его в 2007 г. специальной награды за выдающийся научный вклад в разработку концепции проведения миротворческих операций [1, с. 49]. Можно

предположить, что в ходе сотрудничества с ВВС США Н. Ховард имплементировал анализируемую в данной статье разработку. И тогда становится понятно, с чем связаны некоторые неудачи США на политической арене мира конца XX – начала XXI в.

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что, во-первых, конфронтационная стратегия анализа конфликта Н. Ховарда носит трансдисциплинарный характер, поскольку в основе своей методологии синтезирует математическое и драматургическое знание применительно к анализу конфликтных ситуаций, что, безусловно, позволяет изучить проблему на более глубоком уровне сложности. Тем не менее математическим путем просчитать природу взаимоотношений участников конфликта невозможно, как и невозможно исключить иррациональный компонент из универсального характера природы человека.

Во-вторых, идея «творческой рациональности», которую американский исследователь вводит в свою теорию метаигр вместо правила рационального выбора, парадоксальным образом создает угрозу неизбежности ядерной войны, поскольку участники могут в любой момент менять «правила игры» и делать их максимально удобными и эффективными для удовлетворения собственных интересов, которые не обязаны согласовываться с общечеловеческими интересами и ценностями.

В-третьих, анализ теории драмы Н. Ховарда показал, что она выполнена без учета определяющих признаков драмы, без отсылки к ее теоретическим основаниям, а также без внимания к ее онтологической и диалектической сущности. По словам самого автора, в основу разработки легла метафора драмы, а не концептуальная разработка данного понятия, что во многом сделало ее трудно применимой для анализа конфликтных ситуаций разного уровня сложности.

Список использованных источников

1. Семенов, В. А. «Drama Technology» – технология анализа социально-политических конфликтов / В. А. Семенов // Управленческое консультирование. – 2012. – № 2. – С. 48–67.
2. Князева, Е. Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований / Е. Н. Князева // Вестн. ТГПУ. – 2011. – № 10(112). – С. 193–201.
3. Ховард, Н. Теория драмы (избранные фрагменты) / Н. Ховард // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2008. – Т. XI, № 4. – С. 30–46.
4. Нейман, Дж. фон. Теория игр и экономическое поведение / Дж. фон Нейман, О. Моргенштерн. – М.: ЁЁМедиа, 1970. – 708 с.
5. Познякова, О. Л. Философия драмы: фрустрация vs. катарсис / О. Л. Познякова. – Минск: РИВШ, 2017. – 102 с.
6. Семенов, В. А. Найджел Ховард – Создатель теории метаигр и теории драмы / В. А. Семенов, В. А. Светлов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2008. – Т. XI, № 4. – С. 5–29.

(Дата подачи: 24.02.2022 г.)

Ю. П. Серода

Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
Минск

Y. Serada

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk

УДК 101.1:[316.4.051+316.4.066]

КОНЦЕПЦИЯ ПОСТКАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

THE CONCEPT OF A POST-CAPITALIST SOCIETY IN THE AGE OF DIGITAL TRANSFORMATION

В статье на основе социально-философской концепции Н. Срничека и А. Уильямса анализируется специфика включения современных обществ в процессы долгосрочной глубокой трансформации, форсированной «переходностью-к-цифровому». Предпринимается попытка раскрыть особенности идеи акселерационизма и ее роли в формировании посткапиталистического общества в качестве альтернативной модели общественного развития. Новые социально-экономические условия рассмотрены автором как катализаторы соответствующих изменений для индивидуально-субъективного уровня.

Ключевые слова: социальная система; социодинамика; капитализм; посткапитализм; цифровизация; акселерационизм; посттрудовое общество; прекаризация; социальное будущее; социальное взаимодействие.

Based on the socio-philosophical concept of N. Srnicek and A. Williams, the specifics of the inclusion of modern societies in the processes of long-term deep transformation, forced by the «transition-to-digital», is analyzed in the article. The attempt to reveal the features of the idea of accelerationism and its role in the formation of post-capitalist society as an alternative model of social development is made. The new social and economic conditions are considered by the author as catalysts for the corresponding changes for the individual and subjective level.

Keywords: social system; sociodynamics; capitalism; post-capitalism; digitalisation; accelerationism; post-labor society; precarisation; social future; social interaction.

В контексте развития современной социальной теории можно утверждать, что вызовы современности фактически актуализируют не только своего рода парадигмальную реорганизацию устоявшихся и определенным образом сложившихся аналитических уровней описания социодинамики, но и формируют запрос самих обществ на теоретическое осмысление и детализацию проектов возможного общества. Философская задача сконцентрированной рефлексии ключевых социальных процессов неизбежно сталкивается с ситуацией так называемой «методологической перекомпоновки» имеющихся в исследовательском поле концептуальных систематизаций в условиях глобальных трансформаций социального порядка как такового.

В этой связи сегодня достаточно широко ставится вопрос о работающей методологической оптике социально-философских исследований, ее релевантности происходящим изменениям и исторической социальной динамике [1]. В начале 2000-х гг. фактография, описывающая социальные системы в глобальном (постиндустриальном, мультикультуралистском, технологическом и пр.) формате, позволяет предпринимать аналитические шаги в поисках релевантных новому историческому периоду исследований социального. Определенные успехи складывающейся в это время социальной системы могли дать ложный результат в виде восприятия самого процесса воспроизводства ключевых структур общества как автоматизированного, бесповоротно поглощенного логикой функционирования либерал-капитализма. Однако круг вопросов, требующих своего внимания и решения, не сужается: неучтенное ранее, сложно калькулируемое, другое по существу – экономическое и социальное неравенство, религиозные/этнические/гендерные предрассудки, издержки массового потребления, социальный абсентеизм, проблема распределения общественных благ и т. д. – все это прорывается в поле социального и в своей актуализации усложняет механизмы самокоррекции всей системы.

В целом негативные прогнозные тенденции функционирования нелиберальной экономической модели общества все чаще становятся предметом научного обсуждения. В этой связи можно обратить внимание на исследования французского социального теоретика и экономиста Т. Пикетти. В своей работе «Капитализм в XXI веке» он эксплицирует метаморфозы капитализма и проводит обстоятельный предметный анализ того, каким образом эти трансформации взаимосвязаны с темпами общемирового экономического роста и спада, с увеличением материального и социального неравенства [2]. Пикетти задается вопросом о главных дестабилизирующих силах общества и в этой связи о реализации социальных компромиссов, о балансе в системе распределения общественных благ. Он также делает акцент на том, что в качестве субъекта социального развития могут выступать (определять себя таковыми) не только национальные государства как институты, но и социальные группы.

Среди значимых социально-философских проектов следует выделить направление в социальной теории, связанное с (ре)актуализацией левой мысли и переосмыслением ее идейно-методологического инструментария, позволяющего разработать «новый проект» социальной эволюции. В этом отношении заслуживающим внимания представляется авторский подход канадского социального теоретика Ника Срничека. Будучи левоориентированным интеллектуалом, он стремится концептуально оформить идейно-мировоззренческий поворот к посткапиталистической модели общества, но не благодаря масштабному революционному движению, а в силу выявленной им специфики взаимодействия современного общества и глобальной

цифровой экономики с ее тенденцией на всестороннюю монетизацию. Автор критикует и экономический фактор социального развития, и современную пассивную и во многом дезактивированную позицию левого движения. Другими словами, он пытается по-новому осмыслить вопрос о главных движущих силах общественного развития, механизмах их актуализации и стратегиях продвижения на новый политический уровень видимости и политической субъектности. Н. Срничек пишет о том, что экономика капитализма «распылена во времени и пространстве; ее гибридное тело формирует законы о собственности, биологические потребности, природные ресурсы, технологическую инфраструктуру и многое другое; ее определяют цепи обратной связи, многопричинные события, чувствительность к первоначальным состояниям и другие комплексные системные характеристики; ...она создает новые виды воздействия, не сводимые к ее отдельным компонентам. В результате, несмотря на все написанное о капитализме, левые его все еще не понимают» [3].

Можно сказать, что Н. Срничек методологически расширяет аналитический горизонт критической концептуализации посткапитализма идеей «нового», т. е. неклассического акселерационизма. Разрабатываемая совместно с политологом, участником движения левых акселерационистов Алексом Уильямсом идея трансформирующего по своей сути социально-экономического ускорения позволяет исследователям выйти за теоретические пределы интерпретации капитализма как бессрочно самовоспроизводящейся системы, которая функционирует строго в своей логике и переформатирует все незначимое, неудобное, неуместное, несущественное для нее в более стабилизирующие и латентные (по сути минимизирующие и обесценивающие) формы социального порядка. Модель капитализма претерпевает значительные модификации, и в конечном итоге произойдет ее смена более прогрессивным вариантом. Что касается сегодняшнего этапа общественного развития, Н. Срничек маркирует его как переходный этап к социуму без труда – это этап формирования платформенного капитализма. Такая модель непосредственно связана с базовым представлением о человеческом цифровом опыте (который собирается на цифровых платформах базами данных и суммируется в виде персональных данных индивида) как о бесплатном ресурсе для беспрепятственной коммерциализации [4]. Персональные данные форматируются в маркеры прогнозирования наиболее успешных уровней разработки новых продуктов/услуг для получения прибыли. Цифровая трансформация, таким образом, пронизывает социальные системы, вносит коррективы в процессы их функционирования и, собственно, задает направления социальной эволюции.

Общий вектор аргументации Срничека и Уильямса лежит в плоскости изменения социально-экономической системы в силу интенсификации цифровой трансформации и формирования условий для актуализации постака-

питалистического общества. В программной работе «Акселерационистский манифест» [5] ими критикуется установка многих исследователей на поддержание социального целого как монолитной и циклической системы и закладывается идея необходимости трансформации социального пространства посредством преодоления капитализмом своих же собственных границ/ограничений/пределов в силу факторов коммуникационно-технологической акселерации (ускорения). Даже условно прогрессивное развитие, по мысли исследователей, ограничивается «координатной сеткой из прибавочной стоимости, резервной армии труда и свободного капитала» [5]. Парадокс функционирования капиталистической модели заключается в том, что, достигнув определенного социально-экономического уровня, эта модель консервируется в таком положении, а ее движение скорее инерционно, чем динамично. «Мы движемся быстрее – как этого требует капитализм, но не сдвигаемся с места. Вместо этого нужно строить мир, где мы сумеем вырваться из своей статичности», – отмечают исследователи [6, с. 261]. Глобальная социальная трансформация, позволяющая преодолеть капиталистический формат общественного развития и выйти на новый социально-экономический уровень, возможна, согласно авторам, благодаря социально-политической актуализации и реализации технологического прогресса. Одной из базовых интенций является функциональное сопряжение технологического фактора с общественным благом и социальной справедливостью, построением на их основе так называемого «Wellfare State» («государства благоденствия»).

Продолжая поиски альтернативного социального мироустройства и развивая идею акселерационизма, Н. Срничек и А. Уильямс после манифеста предлагают проект прогнозной модели общества будущего, в котором они ориентируются на достаточно радикальные трансформации – достижение уровня максимально автоматизированного общества, свободного от вынужденной трудовой занятости и прогрессивно реализующего социально-ориентированный вектор. Если говорить обобщенно, то исследовательская позиция авторов строится на возможностях и механизмах переориентации всей социально-экономической системы и последовательной критической рефлексии исторически сложившейся модели перераспределения социальных благ. Другими словами, они предлагают сменить фокус нашего мировоззрения и выбрать что-то иное, «не из вечного меню капитализма».

Н. Срничек и А. Уильямс как критические левые интеллектуалы уточняют идеологию своего проекта в соответствии с новым историческим периодом и подчеркивают, что «подобная альтернатива не может быть просто консервативным возвратом к политике рабочего класса прошлого века. Напротив, она должна соединять в себе современное политическое мышление (сдвиг от непосредственности к структурному анализу) с усовершенствованными способами политического действия» [6, с. 25]. Возможную реализацию такого рода трансформаций ученые усматривают в разработке мо-

дели социального участия, которая опирается на относительно успешные общественные практики горизонтализма и локализма как яркие примеры модернизации «снизу», когда значимые социальные процессы инициируются не в рамках закрытой, по существу, иерархичной управленческой вертикали, а именно с местного горизонтального уровня, т. е. это уровень социальной самоорганизации. Базовые социальные ценности такого уровня – инклюзивность и консенсус – актуализируются по возможности масштабно и позволяют действовать тем социальным группам, которые находятся в уязвимом положении и до этого были невидимыми и незначимыми.

С философской точки зрения авторы стремятся реактуализировать левоориентированное мировоззрение одновременно как отражающее и конструирующее современность, представить его как реализацию самой современности или, если угодно, как сущностную метафору современности. Следовательно, необходимо сфокусировать внимание на понимании левого проекта как универсализирующей программы по совершенствованию мира, которая может стать магистральной для общественного сознания, для экономических и политических институтов. Разработчики справедливо отмечают, что «если одновременно не изменятся господствующие в обществе идеи, новые технологии будут разрабатываться по капиталистическим лекалам, а старые останутся привержены капиталистическим ценностям» [6, с. 221]. В этой связи для проекта посттрудового общества в условиях цифровой реальности наиболее существенными представляются следующие пункты: 1) полная автоматизация трудовой деятельности; 2) сокращение рабочей недели; 3) обеспечение базового дохода; 4) критика трудовой этики [6, с. 184]. На уровне функционирования социума это предполагает ряд ключевых изменений: формирование общественного процедурного консенсуса в отношении обеспечения основных жизненных потребностей; формирование прозрачной социальной структуры и расширение доступных общественных ресурсов; ускоренное развитие технологических возможностей.

Исходя из позиции авторов, можно отметить, что центрирующим фактором реорганизации современных обществ может стать безусловный базовый доход как ответная реакция на прогнозируемую технологическую безработицу. Реализация на практике этого важнейшего механизма перераспределения общественных благ отражает социальную сущность трудовой занятости населения. В качестве главной движущей силы воспроизводства социума в новом формате рассматривается не рабочий класс, а прекариат – новый социальный класс общества будущего. Так, в данном контексте речь идет о постепенном смещении рабочих с главной позиции в структуре воспроизводства социального и формировании масштабной социальной группы со своей субъектностью. Срничек и Уильямс резонно отмечают, что «чтобы попасть в посткапиталистическое будущее, нужно развернуть-

ся от пролетаризации человека к новому субъекту, изменившемуся и способному меняться дальше. Этот субъект не может быть определен заранее, его черты проявляются только по мере практического и концептуального развития событий. Опутывающие нас технологические, природные и социальные сети не таят в себе никакой “подлинной” сущности человечества» [6, с. 259].

В целом сегодня можно говорить не только о прекаризации рабочего класса, но и о формировании социального тренда на кризис труда как такового. Более того, на фоне расширяющейся автоматизации не только производственной сферы, но и большинства уровней трудовой деятельности меняется и его значение в общественном воспроизводстве [7]. В данном контексте своего рода эмансипационный потенциал концепта посттрудового общества заложен в ценностно-нормативных представлениях индивидов о значимости своего времени (не только свободного времени), своей занятости трудовой деятельностью и о том, что есть труд в принципе, как зависит от труда реализация личностной свободы и что даст человеку переход от «принудительного» (вынужденного) труда к добровольному (не связанному с материально-бытовыми задачами). Как справедливо писал К. Маркс в «Капитале», «царство свободы *начинается* в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью» (цит. по [6, с. 327]). Так, новые экономические и материальные условия станут катализаторами соответствующих изменений и для индивидуально-субъективного уровня.

Важно отметить, что Н. Срничек и А. Уильямс не воспринимают в негативном ключе явную утопичность своего проекта, наоборот, они подчеркивают, что наши идеи о воображаемом будущем, как правило, заиклены на апокалипсисе экологического характера, на разрушении социального государства или на глобальной антиутопии. И именно сегодня утопизм мог бы позволить нам выйти за пределы всех этих ожидаемых конструкций негативного порядка. Конечно, авторы отдают себе отчет в том, что их стратегия утопична в контексте реализации, но при этом по своей сути она представляется так называемой идейно-мировоззренческой альтернативой с масштабным освободительным потенциалом. Образ высокотехнологичного общества без труда – это скорее ориентир или даже набросок идеала приемлемого общественного развития. Как пишут исследователи, это проект контргегемонии, который «подразумевает действия по изменению общественного мнения, возрождению социального утопического воображения, переосмыслению возможностей экономики и, наконец, переориентации технологических и экономических инфраструктур. Ни один из этих шагов не достаточен сам по себе, но все они являются примерами конкретных действий, которые можно предпринять для создания социальных и материальных предпосылок посттрудового мира» [6, с. 222].

В заключение следует отметить, что благодаря исследовательским усилиям вышерассмотренных авторов можно обозначить вероятностные детерминанты формирующегося напряжения и динамики социального развития: глубинная трансформация фундируется кризисными процессами трудовой сферы, интенсификацией платформенного капитализма наряду с цифровизацией и смещением глобальных императивов социально-нормативного порядка. На фоне более явных проявлений социальной энтропии как актуализации динамики беспорядка и характерной для нее дестабилизации под сомнение ставится некогда устойчивое представление о цикличности социальных процессов, линейности исторического развития и роли параллелизма в исторических траекториях, а проблема футурабельности социодинамики и ее направленности исторически беспрецедентно усложняется большей вариативностью социальной действительности.

Таким образом, концепция посткапиталистического общества может быть рассмотрена как альтернативный вектор социодинамики, позволяющий скорректировать ориентиры и приоритеты социальных систем на этапе их глобального перехода к цифровому порядку. Другими словами, учитывая недавние публичные заявления в СМИ мировых технологических корпораций – лидеров на рынке цифровых продуктов о начале разработок метавселенных как процесса сближения виртуальной, дополненной и физической реальности на общедоступных онлайн-платформах, речь идет о ранее неизвестном эмпирически и переходном положении не только и не столько национальных государств, а о транзитивности в общемировом контексте как фиксации самого нахождения в ситуации «переходности-к-цифровому». Последствия этой переходности открыты и комплексно не спрогнозированы, но представляются в крайней степени существенными для функционирования социальной системы. Кроме того, системно-критическая тематизация либерально-капиталистической модели общественного устройства эксплицирует дисфункциональное состояние всей социальной системы, которая оказывается не чувствительной к дискурсу различия (угнетаемого и/или невидимого) и непосредственно связанным с ним проблемам материального неравенства, различного рода унифицирующим социальным практикам и дифференцирующим социальным структурам.

Список использованных источников

1. *Susen, S.* The «Postmodern Turn» in the Social Sciences / S. Susen. – Palgrave Macmillan, London, 2015. – 522 p.
2. *Пикетти, Т.* Капитал в XXI веке / Т. Пикетти. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 592 с.
3. *Срничек, Н.* Навигация по неолиберализму: политическая эстетика в эпоху кризиса [Электронный ресурс] / Н. Срничек. – 2022. – Режим доступа: <http://moscowartmagazine.com/issue/39/article/784>. – Дата доступа: 10.02.2022.

4. *Срничек, Н.* Капитализм платформ / Н. Срничек; пер. с англ. под науч. ред. М. Добряковой. – М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2019. – 128 с.

5. *Williams, A.* Accelerate Manifesto for an Accelerationist Politics by [Electronic resource] / A. Williams, N. Srnicek. – 2022. – Mode of access: <https://criticallegalthinking.com/2013/05/14/accelerate-manifesto-for-an-accelerationist-politics/>. – Date of access: 11.02.2022.

6. *Срничек, Н.* Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда; пер. с англ. / Н. Срничек, А. Уильямс. – М.: Strelka Press, 2019. – 336 с.

7. *Hester, H.* Love's Labours Lost: Post-Work and Social Reproduction / H. Hester, N. Srnicek // *Electra*. – 2020. – Vol. 10. – P. 79–90.

(Дата подачи: 24.02.2022 г.)

И. Н. Сидоренко

Белорусский государственный университет, Минск

I. N. Sidorenko

Belarusian State University, Minsk

УДК 1(091)

БАРОЧНАЯ ДРАМА КАК ИДЕЯ-МОНАДА В ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ В. БЕНЬЯМИНА

BAROQUE DRAMA AS AN IDEA-MONAD IN THE PHILOSOPHY OF CULTURE OF W. BENJAMIN

В статье осуществлена историко-философская реконструкция философии культуры немецкого философа Вальтера Беньямина. В качестве предмета исследования выступила барочная драма, которая в творчестве В. Беньямина стала идеей-монадой, высвечивающей не только сущность барокко, но и раскрывающей суть современной культуры модерна и современности как таковой. В процессе анализа выявлен методологический прием В. Беньямина – метод представления. В качестве основного вывода сделано заключение о том, что сквозь призму барокко В. Беньямину удалось показать драму современности: вместо разрешения проблемы отчуждения человека произошло тотальное покорение человека техникой.

Ключевые слова: барочная драма; монада; представление; аллегория; меланхолия; игра; монарх; интриган; отчуждение.

The author of this article carried out a historical and philosophical reconstruction of the philosophy of culture of the German philosopher Walter Benjamin. The subject of the study is the baroque drama, what in V. Benjamin's philosophy became an idea-monad, highlighting not only the essence of the baroque, but also revealing the essence of the modern culture of modernity and modernity as such. In the process of analysis, the methodological device of V. Benjamin – the method of representation was disclosed. The main conclusion is the idea that through the prism of the Baroque V. Benjamin managed to show the drama of modernity: instead of solving the problem of alienation of man there was a total conquest of man by technology.

Keywords: baroque drama; monad; representation; allegory; melancholy; the game; monarch; schemer; alienation.

Основная задача философии культуры немецкого философа и культуролога, переводчика и эстетика еврейского происхождения Вальтера Беньямина – критический анализ современной культуры модерна, или «современности». В работе «Происхождение немецкой барочной драмы» В. Беньямин предложил вариант решения этой задачи сквозь призму барочной драмы и посредством метода представления (*Darstellung*).

Методологический прием, который применил философ, заключается в следующем: расшифровать современную культуру и искусство, выявить их закономерности посредством сопоставления фактов и произведений искусства, принадлежащих разным народам и эпохам [1, с. 110]. Важно отметить, что «происхождение» им понималось не в контексте позитивистского историзма, выстраивающего движение культуры как последовательную цепочку причин и следствий, а как вневременное порождение наподобие того, как мир идей у Платона порождает мир эмпирической реальности. Происхождение исторично в силу того, что подразумевает не становление возникшего, а возникновение из становления и исчезновения, т. е. одновременно и как реставрация, и как незавершенность. «В каждом феномене происхождения определяется фигура (*Gestalt*), в которой идея то и дело спорит с историческим миром, пока не обретет явленную завершенность в своей истории. Таким образом, происхождение не выделяется из фактической наличности, а относится к ее пред- и постистории» [2, с. 28]. Тем самым философское формирование понятий определялось В. Беньямином как процесс «улавливания» становления феноменов в их бытии.

Задачу философа В. Беньямин видел в том, чтобы посредством представления вернуть главенство слову, в котором идея обретает «согласие сама с собой». В силу этого философия культуры должна постигать истину не как откровение, а как единственно через воспоминание как возвращение к «прослушанию» слова, восстанавливающему изначально к нему внимание. Согласно такой установке, В. Беньямин, обращаясь к барочной драме, не расчленил ее посредством научного анализа, а, наоборот, стремился восстановить ее смысл и значимость. Поэтому основной метод его философии культуры – это метод представления (*Darstellung*), посредством которого само искомое начинает выступать из темноты, т. е. идеи предстают и описываются как вневременные «созвездия». При этом представление идей у В. Беньямина уже не означает платонического разделения на миры идеальный и материальный. Посредством представления трансформация мыслью многообразия вещей в единство идеи происходит здесь и сейчас, на глазах у читателя. Таким образом, представления идей приводят к спасению явлений. Однако реализация метода представления нуждается в подручном средстве: органе зрения. Интенциональность сознания В. Беньямин превра-

тил в интенциональность зрения, т. е. направленность на различение. Благодаря такой различительной способности наблюдателя, как интенциональность, все схватываемое в единстве идей и опосредованное представлением становится на мгновение видимым. Идея по определению философа – это монада, в которой в предустановленном виде покоится репрезентация феноменов. Барочная драма – идея-монада.

В. Беньямин проводил различие между барочной драмой и античной трагедией. В отличие от античной трагедии, выступающей в качестве неповторимого феномена, возникновение которого было обусловлено определенной исторической ситуацией, форма барочной драмы не вобрала в себя ни немецкие предания, ни немецкую историю. Идее формы В. Беньямин придавал особое значение, так как полагал, что «каждая художественная форма – и более непосредственно, чем отдельное произведение искусства – индекс определенной объективно необходимой формирующей силы (*Gestaltung*) искусства» [2, с. 33]. Говоря о форме барочной драмы, он отмечал, что она рождена путем насильственного давления, в силу чего не может претендовать на гениальность формы. Однако, несмотря на это, барочная драма является тем оптическим стеклом, сквозь призму которого высвечивается европейская культура XVI – начала XVIII в. Более того, именно с современностью отождествлял философ эпоху барокко, видя в ней не только эпоху упадка, но и момент «волевого импульса». Вместе с тем есть и различие между современностью и барокко в том, что барочный литератор полностью привязан к идеалу абсолютистского государственного устройства, в отличие от современности, характеризуемой отсутствием доминирующей идеи.

Отличие драмы от трагедии, согласно В. Беньямину, заключается и в содержании. Так, если предмет трагедии – миф, то предмет драмы – история. Есть отличие, касающееся главного героя: в трагедии – это героический персонаж, в барочной драме – это монарх. В силу этого местом действия в барочной драме становится монарший двор. Для В. Беньямина эта политическая составляющая чрезвычайно важна для понимания культуры барокко. Исходя из этого монарх и придворный мир раскрываются как персонажи чрезвычайного положения. «В теологически-юридическом складе мышления, столь характерном для семнадцатого века, проявляется затянувшееся перенапряжение трансцендентности, лежащее в основе всех провокационных посягательств барокко. Ведь антитезой исторического идеала реставрации является идея катастрофы. Эта антитестика и сформировала теорию чрезвычайного положения» [2, с. 52]. Религиозный человек барокко потому настолько привязан к этому миру, что чувствует, как его несет вместе с ним к катастрофе. Получается, что фигура монарха открывала возможность проникновения в пространство теологии по ту сторону истории, что находит яркое выражение в интерпретации монарха как мученика.

Целесообразно отметить, что как в «Происхождении немецкой барочной драмы», так и в работах В. Беньямина, посвященных истории, в частности, в тезисах «О понимании истории» [3; 4], происходит совмещение теологии и политики. Поэтому барочная драма развивает метафору перехода от юридического закрепления власти внутри страны к идеалу мирового господства. Драма имеет две формы: драма о тиранах как «совершенное зло» и драма о мучениках как «совершенная добродетель». Эти две формы без теократической идеологии представляют собой курьезное разделение, но, основываясь на ней, выступают как дополнение друг друга. Так суверен начинает олицетворять историю. В момент достижения тираном мощи власти проявляется откровение истории: тиран оказывается жертвой несоразмерности всемогущества, данного ему Богом, и сословной принадлежности, акцентирующей его брэнное несчастное существование. Такая антитеза власти монарха и способности властвовать обусловила своеобразность барочной драмы, выраженную в неспособности тирана принимать решение. Получается, что решение о чрезвычайном положении вообще не может быть принято. В силу этого заявленная политическая суверенность оборачивается произволом страстей. Тиран терпит крушение не только как личность, но и как властитель, представляющий человеческую историю: его гибель оказывается приговором и для его подданных. Поэтому, согласно аргументации В. Беньямина, в каждой драме о тиране в скрытом виде содержится мученическая трагедия.

Намного сложнее обнаружить тиранический сюжет в драме о мученике. Образ мученика, раскрытый в барочной драме, не имеет ничего общего с религиозным образом. В драме мученик предстает как стоик, ожидающий пытки и смерти. Если задача тирана драмой определяется как восстановление порядка в условиях чрезвычайного положения, т. е. утопическое стремление заменить непостоянство исторических событий законами природы, то задача мученика-стоика – преодолеть хаос посредством стоической техники чрезвычайного состояния души, т. е. достигнуть господства над аффектами. Именно в силу этого, согласно мысли В. Беньямина, женщина, а точнее целомудренная государыня, в барочной драме оказывается в роли главной жертвы, так как именно в ней происходит совмещение гражданского смирения и физической аскезы, т. е. соединение тирана и мученика.

В фигуре монарха В. Беньямин обнаружил другое измерение барочной драмы, выраженное в меланхолии. Меланхолия барочного героя является отражением общих представлений того времени не только о человеке как живом существе, но и мироздании в целом: человек ощущал свое присутствие в этом мире как «бытие среди развалин», как незавершенность, фальшивость. Получается, что именно печаль оживляет опустошенный мир и диктует ритм действию драмы, что выражается в серьезности, углубленном размышлении. В фигуре монарха как стоика происходит переход от

античной бесстрастности к печали. Таким образом, монарх являет собой образец меланхоличности, потому что даже он, наделенный властью, не в силах вырваться из власти брэнности существования.

В результате анализа барочной драмы В. Беньямин раскрыл ее родство со средневековой церковной драматургией, проявляющееся в «элементе страстей», и отметил совмещение христианской историографии с христианской драматургией. Из всех периодов европейской истории барокко является единственным периодом нерушимого господства христианства, потому что, во-первых, христианство утверждало авторитарность, а во-вторых, «страсть новой мирской воли не имела ни малейшей возможности найти способ выражения» [2, с. 69], что, в свою очередь, исключало возможность непосредственного самовыражения человека.

Все указанные выше особенности барочной драмы отразились и на ее формальном языке, который В. Беньямин образно определил как «развитие созерцательной необходимости», заложенной в теологической ситуации эпохи. Одной из особенностей этой теологической ситуации является исчезновение эсхатологии, что представляет собой, по выражению философа, «попытку при утрате последнего часа найти утешение в регрессе к часу творения» [2, с. 69]. Именно поэтому немецкая барочная драма является отражением погружения в безутешность земного мироустройства.

Для раскрытия сущности как исторической, так и эстетической значимости немецкой барочной драмы В. Беньямин обратился к понятию «игра». История этого понятия в немецкой эстетике насчитывает три периода: барокко, классицизм, романтизм. В барокко игровой момент представлен во всей своей силе, в романтизме – во всей изощренности, что же касается классицизма, то он чужд представлению о жизни как игре. Посредством игры барокко и романтизм получали возможность выразить «серьезность» жизни. Под игрой понимается как игра случая, так и игра марионеток.

Вместе с тем, в отличие от романтической драмы, немецкая драма лишена легкости разрешения конфликта. Согласно рассуждениям В. Беньямина, это связано в первую очередь с тем, что немецкая драма акцентирует примат моральности, посредством которой стремится привязать трансцендентность верования к имманентности повседневности, что в принципе не позволяет открытого столкновения человеческого сомнения с монархическим всевластием. Другими словами, для немецкой барочной драмы закрыто пространство профанного. В ней нравственное достоинство как совершенно чуждая истории позиция стойка свойственна только суверену. Более того, причиной гибели является не моральное прегрешение, а «тварное» бытие человека. Тварный мир выступает в качестве зеркала, в котором для барокко предстает моральный мир. Однако это кривое зеркало, поэтому неизбежны искажения. Как правомерно отметил В. Беньямин, в понимании того времени историческая жизнь была лишена добродетели. В силу чего

и для внутреннего мира персонажей она не имела значения. Происходит вынесение за скобки самой истории, так как драматические события разворачиваются как бы в дни творения, когда истории еще не было. Результатом секуляризации исторического выступило пространственное отображение процесса движения во времени, в частности, в пространстве двора как арены, естественной декорации истории. Таким образом, В. Беньямин раскрыл свойственную барочной драме проекцию временной последовательности на пространство, схожую с той, которую он сам использовал в процессе автобиографического письма [5].

Данная пространственная развернутость барочной драмы философом характеризовалась как хореографическая, где интриган как «предшественник» балетмейстера занимает наравне с тираном и мучеником главное место. Вводя фигуру интригана, действие барочной драмы тем самым достигает желаемого сходства с образом часового механизма. С одной стороны, часовой механизм упраздняет качественное время, формируя лишь повторы, с другой – лишает придворного иллюзий, ввергая его в печаль. Таким образом, в барочной драме отражено упразднение государственной власти властью интригана, единственного, кто понимает суть происходящего, и в силу этого видит печальные последствия. Так власть, знания и воля интригана приобретают демоническую силу и открывают для него, как уже для советника, кабинет монарха. Согласно мысли В. Беньямина, в этой двойственности фигур интригана и монарха содержится противоречие, которое так и осталось неразрешенным в пространстве барочной драмой.

Немецкая драма отразила и социальный темп жизни той эпохи, который все ускоряется, а спокойные действия и взвешенные решения встречаются все реже. В барочной драме социальная ритмика отражается через фигуру монарха, воля которого в ходе развития драмы ломается под воздействием чувств, что в результате приводит к безумию. Таким образом, будучи зеркалом для своей эпохи, немецкая барочная драма действительно позволяет увидеть современность, ее характерные черты.

В. Беньямин определил барочную драму как драму рока или судьбы. С его точки зрения, такое развитие драмы неудивительно, так как это во многом отвечает реалиям эпохи контрреформации, в которых судьба понимается как естественно-историческая категория, т. е. как стихийная природная сила, раскрывающаяся в исторических событиях. Осуществление судьбы не связано с каузальной необходимостью, здесь она скорее напоминает чудо. Вместе с тем отправная точка для действий судьбы – это тварная вина, как первородный грех, а не нравственные преступления действующих лиц. Поэтому в немецкой драме судьба выступает не как наказание, а как искушение: здесь нет виновных, а есть только стечение обстоятельств. Рокковая судьба нависает не только над человеком, но и над вещами. Поэтому она имеет двойное выражение: как зарождение слепой страсти в человеке

и как слепая случайность в природе вещей. Так, в барочную драму вводится власть реквизита как судьба вещей.

В качестве высшего эмблематического реквизита для барочной драмы выступает труп. Для того чтобы выявить, раскрыть смысл вещи в эпоху барокко, ее надо расчленить на фрагменты, и при повторном собирании будет проступать ответ смысла как неуловимый образ целостности. В силу этого человеческое тело не является исключением из этого предписания. Поэтому, по утверждению В. Беньямина, «аллегоризация телесной части энергетически осуществима только на трупе» [2, с. 231]. Бренность в барочной драме получает аллегорическое изображение, более того, она сама предстает как аллегория воскрешения. Поэтому В. Беньямин описал этот мир призраков как лишенный истории, отмечая, что финал драмы не знаменует собой конец эпохи. Если трагедия оканчивается развязкой, то драма предполагает повтор событий.

Таким образом, сквозь призму барокко В. Беньямину удалось показать драму современности: вместо разрешения проблемы отчуждения и освобождения человека посредством рационального овладения природными силами произошло тотальное отчуждение и покорение человека техникой, логическим следствием которого стали войны как самоистребление человечества. Используя метод представления, В. Беньямин попытался выйти за рамки исторического подхода и понять через немецкую барочную драму вневременную сущность барокко. Его идеи значительно позже нашли свое продолжение в трудах представителей Франкфуртской школы.

Список использованных источников

1. *Сидоренко, И. Н.* Исторический материализм В. Беньямина: история – язык – историчность / И. Н. Сидоренко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитар. науки. – 2010. – № 1. – С. 109–114.
2. *Беньямин, В.* Происхождение немецкой барочной драмы / В. Беньямин; пер. с нем. и послесл. С. Ромашко. – М.: Аграф, 2002.
3. *Беньямин, В.* О понятии истории / В. Беньямин; пер. с нем. и коммент. С. Ромашко // Новое лит. обозрение. – 2000. – № 46.
4. *Беньямин, В.* Историко-философские тезисы / В. Беньямин; пер. с нем. В. Биленкина // Левая Россия. – 2001. – № 7.
5. *Беньямин, В.* Московский дневник / В. Беньямин; пер. с нем. и прим. С. Ромашко; общ. ред. и послесл. М. Рыклина; предисл. Г. Шолема. – М.: Ad Marginem, 1997.

(Дата подачи: 08.02.2022 г.)

А. В. Филиппович

Белорусская государственная академия искусств, Минск

A. Filippovich

Belorussian State Academy of Arts, Minsk

УДК 141.339(091)

ХРИСТИАНСКАЯ ТЕОСОФИЯ КАК ТЕЧЕНИЕ ЗАПАДНОГО ЭЗОТЕРИЗМА: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

CHRISTIAN THEOSOPHY AS A CURRENT OF WESTERN ESOTERICISM: ESSENTIAL FEATURES AND STAGES OF DEVELOPMENT

В статье исследуется христианская теософия как течение западного эзотеризма, раскрываются ее существенные черты и анализируются основные этапы развития. Значительное внимание уделено возникновению теософии, ее представителям и влиянию этого течения на развитие философии.

Ключевые слова: христианская теософия; западный эзотеризм; парацельсизм; Якоб Бёме; немецкая классическая философия.

The article deals with Christian theosophy as a current of Western esotericism, examines its essential features and analyzes the main stages of development. Much attention is given to the origin of theosophy, its representatives and the influence of this current on the development of philosophy.

Keywords: Christian theosophy; Western esotericism; Paracelsism; Jacob Boehme; German classical philosophy.

Формирование современной философии неразрывно связано с западным эзотеризмом, который включает в себя герметизм, парацельсизм, алхимию, каббалу, теософию и другие течения, объединенные символическим и магическим пониманием мира и человека. К концу эпохи Возрождения этот особый тип мировоззрения стал важной, если не преобладающей тенденцией в культуре, наложив отпечаток на религию, философию, естествознание, политику и искусство. В ситуации острых противоречий эпохи религиозных войн эзотеризм, выступавший от имени единой традиции «вечного знания», привлекал к себе внимание сторонников различных конфессий и политических взглядов. В Германии из синтеза герметизма, алхимии и немецкого средневекового мистицизма возник парацельсизм, в котором отчетливо проявилось стремление приложить магические идеи к проблемам практического познания человека и природы. Под влиянием парацельсизма вскоре стало формироваться еще одно течение эзотеризма, которому было суждено сыграть немаловажную роль в развитии философии Нового времени. Этим течением была христианская теософия.

Крупнейшие представители теософии, такие как Якоб Бёме, Эммануил Сведенборг и Франц Баадер, уже давно были предметом научного изучения, несмотря на то что их идеи было сложно отождествить с определенной философской или религиозной традицией. Однако исследование христианской теософии как единого течения, объединяющего целый ряд идей и мыслителей XVI–XX вв., стало возможным лишь с 1990-х гг. в рамках западного эзотеризма, систематический подход к изучению которого сформулировал Антуан Февр [1, р. 3].

Актуальность исследования определяется тем, что христианская теософия представляет собой крупное течение западного эзотеризма и особое явление европейской культуры, оказавшее влияние на становление современных философских, естественно-научных, политических и эстетических идей. Без изучения теософии невозможно адекватно понять развитие европейской мысли, включая такие ее знаменитые проявления, как немецкий романтизм и немецкая классическая философия. Кроме того, исследование теософии и связанных с ней течений эзотеризма XVI–XX вв. необходимо для полноценного понимания развития политических и культурных представлений этого обширного исторического периода. В широком смысле картина мира и методы познания, характерные для эзотеризма, сохраняют неизменную актуальность и позволяют преодолеть ограниченность рационалистических и позитивистских подходов к знанию.

Подобно тому, как парацельсизм стал продолжением ренессансного герметизма, христианская теософия в значительной степени представляет собой развитие идей Парацельса и его последователей. Формирование теософии началось в Германии на рубеже XVI–XVII вв., отражая, среди прочего, общую тенденцию к реформе познания, вдохновившую философию Нового времени. Пока Р. Декарт и Ф. Бэкон закладывали основы рационалистического и естественно-научного познания мира, традиция ренессансного эзотеризма продолжала развиваться в ином направлении, подчеркивая важность воображения и внутреннего опыта. Предваряющий теософию парацельсизм стремился, в духе Ренессанса, к созданию масштабной синтетической картины мира, которая включала бы в себя всю совокупность знаний эпохи. Однако «...по большей части, Парацельс оставался в рамках имманентной философии природы, сильно окрашенной алхимическими представлениями» [2, р. 259–260]. Теософия претендовала на большее, намереваясь познать Бога не в меньшей степени, нежели природу и человека, и раскрыть связи между всеми тремя сферами.

А. Февр выделил три существенных признака, характерных для теософии как течения западного эзотеризма. Первый из них – триада «Бог – природа – человек». Размышления теософа касаются одновременно сущности Бога (внутренних божественных процессов), природы (внешней, интеллектуальной или материальной) и человека (его происхождения, места во Все-

ленной, роли в деле спасения и т. д.). Считается, что между этими тремя компонентами существует сложная сеть отношений и соответствий, характеризующаяся драматическими процессами, тесно связанными с сюжетами Священного Писания.

Второй признак – приоритет мифа. Теософ осуществляет творческую интерпретацию религиозных текстов (в большинстве случаев Библии), в которой отдает предпочтение наиболее мифологическим элементам (например, тем, которые представлены в книге Бытия, видении Иезекииля, Откровении Иоанна Богослова). Большое внимание уделяется таким персонажам, как София и ангелы, истории которых дополняются сюжетами о падении Люцифера и природы, об адамическом андрогине и т. д.

Третий признак – прямой доступ к высшим мирам. В теософии человек обладает способностью, обычно дремлющей, но всегда потенциально присутствующей, позволяющей напрямую соединяться с божественным миром или вообще с высшими существами. Эта способность – воображение, понимаемое квази-магическим образом как сила творения и восприятия. Воображение позволяет провести познание всех уровней реальности, обеспечивает своего рода совместное проникновение божественного и человеческого, дает духу человека возможность обрести «тело света», то есть осуществить «второе рождение» [3, р. 7–8].

Формирование христианской теософии происходило под влиянием религиозных и политических противоречий эпохи позднего Возрождения. Лютеранство, в рамках которого формировалась теософия, с одной стороны, поощряло свободу интерпретации религиозных истин, а с другой – отличалось предельно простой и невыразительной теологией, которая устраивала не всех. Помимо причин религиозного характера, потребность в теософии была связана с чисто философской целью создания всеобщей науки, тотального знания, идея которого была важной частью культурной атмосферы эпохи. При этом знание в теософии понималось как альтернатива механистическому мировоззрению, в котором не было места для живой и одухотворенной природы, пронизанной сложной системой взаимосвязей и соответствий.

Первые ростки нового мировоззрения проявились у мыслителей, испытывавших в той или иной степени влияние Парацельса. Среди них – Валентин Вайгель (1533–1588) и Иоганн Арндт (1555–1621), соединившие парацельсизм со средневековым немецким мистицизмом, а также Генрих Кунрат (1560–1605) и Герхард Дорн (1530–1584), у которых теософские проблемы были поставлены в рамках алхимической картины мира. Другие предшественники теософии – Эгидий Гутман (1490–1584) и Каспар Швенкфельд (1490–1561) [3, р. 6–7]. Однако окончательное формирование нового течения эзотеризма произошло в трудах Якоба Бёме (1575–1624).

Даже в большей степени, чем Парацельс, Я. Бёме представляет собой необычную фигуру, которая нарушает привычные представления о философе. Личность сапожника-самоучки, прожившего всю жизнь в небольшом городке Герлице, привлекала к себе внимание даже тогда, когда эзотеризм оказался отвергнут новой рационалистической и позитивистской эпохой. Г. Гегель рассматривал Бёме как родоначальника немецкой философии, подчеркивая, что «...лишь благодаря ему в Германии впервые появилась философия, носящая своеобразный характер» [4, с. 295]. К. Маркс и Ф. Энгельс видели в Бёме не только основателя немецкой философии, но и философа-самоучку из рабочей среды, поэтому Энгельс называл его «новым предвестником грядущих философов» [5, с. 574]. О месте Бёме в истории философии свидетельствует и следующее высказывание Маркса: «Сапожник Якоб Бёме был большой философ. Некоторые именитые философы – только большие сапожники» [6, с. 77].

Творчество Бёме началось с мистического видения 1600 года, которое позволило ему узреть «сущность вещей». Такой неповторимый личный визионерский опыт станет важной особенностью мышления некоторых крупнейших представителей теософии. Несмотря на это иррациональное озарение и сложный характер его книг, учение Бёме может быть ясно соотнесено как с традицией западного эзотеризма, так и философии. Главные источники его идей – лютеранство, немецкий мистицизм, герметизм, парацельсизм и каббала. Таким образом, «...теософия Бёме демонстрирует синкретизм, столь характерный для современного эзотеризма в целом; здесь многочисленные традиции встречаются и сливаются в глубокий новый союз, которому суждено было оказать огромное влияние на последующую историю западного эзотеризма» [7, р. 69].

Одна из главных новаций Бёме состоит в том, что он развивает живую и изменчивую картину мира парацельсизма. У Парацельса взаимодействие трех алхимических начал (серы, ртути и соли) было положено в основу новой динамической концепции материи, которая заменяет старую концепцию материи как инертной массы [8, р. 47]. Вследствие этого и человек, отражающий эти изменчивые черты природы, понимается не как неизменная сущность, а как постоянный процесс реализации и развития. Бёме доводит эту логику до конца и трактует даже Бога как находящегося в состоянии постоянного изменения. В отличие от средневековых и неоплатонических концепций, Бёме рассматривал Божественное не как неизменный принцип, а как неистовую борьбу противоположностей [2, р. 260]. Центральная идея Бёме – «...представление о Боге не как о трансцендентном и статичном, существующем “вне” мира, бесстрастном и завершаемом, а как об активном процессе, разворачивающемся внутри мира, внутри истории» [9, р. 38]. Тем самым теософская триада «Бог – природа – человек» у Бёме создает новое видение универсума, в котором господствует всеобщая изменчивость и ди-

намичность, а небесное и земное предельно сближаются и соединяются неразрывными и закономерными связями. Такая картина мира, для которой, по словам Гегеля, характерна «живейшая диалектика», заложила основы всеобъемлющих систем немецкой классической философии. У Бёме присутствует и идеал теософии как универсальной науки: «Самая ранняя его работа, “Аврора”, провозвещала... новую зарю научного и духовного прозрения» [10, с. 186].

Если Бёме удалось занять прочные позиции в истории философии, то его последователям повезло гораздо меньше. Эпоха рационализма создала свой канон истории мысли, в котором для теософии, за исключением отдельных фигур, не нашлось места. Тем не менее влияние теософии на философию, искусство и естествознание нередко было весьма значительным, а само теософское течение на протяжении нескольких столетий сохраняло устойчивые черты, характерные для крупного идейного направления.

Первый, классический, этап развития теософии представлен, помимо Бёме, целым рядом мыслителей из различных стран, оставивших обширное письменное наследие, определившее дальнейшее развитие этого течения и его влияние. Это Иоганн Георг Гихтель (1638–1710), Квирин Кульман (1651–1689), Готфрид Арнольд (1665–1714), Юлий Спербер (1540–1616), Франциск Меркурий Ван Гельмонт (1614–1699), Роберт Фладд (1574–1637), Джон Пордедж (1607–1681), Джейн Лид (1624–1704), Генри Мор (1614–1687), Пьер Пуаре (1646–1719), Антуанетта Буриньон (1616–1680) [2, р. 261]. Одной из черт «золотого века» теософии является опора его ведущих представителей на мистический личный опыт, подобный тому, который играл столь важную роль в творчестве Якоба Бёме. Последователи не столько подражали учению немецкого теософа, сколько использовали его книги как руководство для собственного визионерского опыта. В результате их произведения варьируются от комментариев к Бёме до визионерских записей о восхождении души, превращении гнева в любовь и духовном браке с Софией [11, р. 98–99].

Второй, переходный, этап развития теософии, охватывающий первую половину XVIII в., характеризуется комментированием предшествующей традиции, прежде всего текстов Бёме, а также дальнейшим развитием теософских идей в русле герметизма, парацельсизма и алхимии. Важнейшие представители – Фридрих Этингер (1702–1782), Уильям Лоу (1686–1761), Дионисий Андреас Фрейер (1649–1728), Шарль-Эктор де Сен-Жорж де Марсе (1688–1755), Георг фон Веллинг (1655–1727), Антон Йозеф Кирхвегер (ум. 1746), Самуэль Рихтер (ум. после 1722), Герман Фиктульд (1700–1777) [2, р. 262]. В этот период теософия становится предметом изучения и критического обсуждения. Наиболее глубоким и детальным стало исследование теософии в пятитомной «Критической истории философии» (1742–1744) Иоганна Якоба Брукера, одного из основателей современной истории

философии. Для эпохи Просвещения и последующей философии принципиальное значение имела 26-страничная статья «Теософы» в «Энциклопедии», написанная Дидро, которая способствовала признанию теософии как самостоятельного явления.

Третий этап (1750–1850) можно охарактеризовать как «второй золотой век» теософии. Подъем эзотерического течения в эпоху торжества рационализма может показаться неожиданным. Однако именно эпоха Просвещения дала новый импульс развитию не только теософии, но и других течений западного эзотеризма. Помимо религиозных причин, среди которых были стремление к более глубокому пониманию внутреннего опыта и проблемы зла, интерес к теософии и эзотеризму в целом подогревался развитием естествознания, философии и политических идей. Ставшие популярными в салонах эксперименты с электричеством и магнетизмом нередко воспринимались в духе эзотеризма, как доказательство существования невидимого флюида и скрытых живых сил, пронизывающих весь материальный мир [2, р. 263]. Надежды на новый «золотой век» социального равенства и политической справедливости, которые на основе теософских идей выражал Ф. Этингер [12, р. 47], соответствовали настроениям эпохи Великой французской революции и зарождения современных политических идеологий. Именно в этот период влияние теософии на философию становится значительным, особенно в Германии. Зрелые работы Ф. Этингера пробуждают интерес к идеям Бёме, вдохновляя натурфилософию Ф. Шеллинга. Произведения Эммануила Сведенборга (1688–1772), одного из самых знаменитых теософов, стали важной частью философских, научных и эстетических представлений эпохи. Он способствовал распространению идеи универсальных взаимосвязей, простирающихся от природы к человеку и от человека к Богу, которые представлены в виде полного ряда иерархических уровней; в природном мире каждый объект, даже самый малый, «соответствует» чему-то в духовном мире [13, р. 72]. Франц Ксавер фон Баадер (1765–1841), оказавший влияние на Шеллинга и Гегеля, стал не только крупнейшим представителем немецкой теософии этого периода, но и заметной фигурой натурфилософии романтизма. Другие представители теософии этого периода были преимущественно известны в масонских кругах – Маргинес де Паскуалли (1727–1774), Луи Клод де Сен-Мартен (1743–1803), Батильда Орлеанская (1750–1822), Жан-Филипп Дютуа-Мембрини (1721–1793), Карл фон Эккартсгаузен (1752–1803), Иоганн Генрих Юнг-Штиллинг (1740–1817), Фредерик-Родольф Зальцманн (1749–1821) [3, р. 21–24]. Они представляют теософию как течение эзотеризма в чистом виде – тайное знание, адресованное узкому кругу «посвященных». В то же время благодаря их произведениям теософия заняла прочное место в доктринах масонов и розенкрейцеров, формируя культурную среду, в которой возникали новые философские идеи. Этот процесс затронул и Россию. Масоны Николай Ива-

нович Новиков (1744–1818) и Иван Владимирович Лопухин (1756–1816) перевели многие теософские тексты на русский язык, заложив тем самым основу для распространения теософии в России.

Четвертый период развития теософии, начиная с 1850 г., характеризуется постепенным упадком этого течения и в то же время сохранением его элементов в других направлениях западного эзотеризма. С появлением оккультизма, который стремился использовать новые естественно-научные представления для обновления идей эзотеризма, значение традиционной теософской проблематики ослабевает. Однако всеобъемлющий интерес представителей оккультизма ко всем предшествующим эзотерическим течениям способствовал появлению переводов, переизданий и новых комментариев к классическим теософским текстам. Сам термин «теософия» в этот период все чаще ассоциируется с Е. П. Блаватской и ее Теософским обществом, идеи которого имеют мало общего с христианской теософией и представляют собой исключительно феномен эпохи оккультизма. Однако некоторые представители оккультизма были особенно привержены идеям христианской теософии – Альбер Фоше (1838–1921) и Жерар Анкосс (1865–1916). Созданный последним орден мартинистов опирался на идеи теософа Луи Клода де Сен-Мартена [2, р. 266]. В России теософия оказала влияние на Владимира Соловьева, Николая Бердяева и Валентина Томберга [14, р. 83, 92–93], в США – на Уильяма Джеймса и Чарльза Пирса.

С появлением интегрального традиционализма Рене Генона и его последователей христианская теософия еще больше утрачивает самостоятельное значение и становится частью более широкого комплекса идей эзотеризма. Этот процесс продолжается во второй половине XX в., когда отдельные идеи теософии включаются в концепции Нью Эйдж. Несмотря на упадок христианской теософии, сохраняется значительный интерес к ее исследованию в качестве течения западного эзотеризма, а также в связи с проблемами истории философии, развитием религиозных, эстетических и политических идей.

Список использованных источников

1. *Stuckrad, K von. Western Esotericism: A Brief History of Secret Knowledge / K. von Stuckrad. – London: Equinox Publishing Ltd., 2005. – 167 p.*
2. *Faivre, A. Christian Theosophy / A. Faivre // Dictionary of Gnosis and Western Esotericism / ed. by W. Hanegraaff. – Leiden: Brill, 2006. – P. 258–267.*
3. *Faivre, A. Theosophy, Imagination, Tradition: Studies in Western Esotericism / A. Faivre. – New York: State University of New York Press, 2000. – 305 p.*
4. *Гегель, Г. Лекции по истории философии / Г. Гегель // Лекции по истории философии: в 3 т. – СПб.: Наука, 1993–1994. – Т. 3. – 583 с.*
5. *Энгельс, Ф. Заметки о Германии. Конец 1873 – начало 1874 г. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. – 2-е изд. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955–1981. – Т. 18. – С. 571–578.*

6. Маркс, К. Дебаты шестого рейнского ландтага (статья первая) / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. – 2-е изд. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955–1981. – Т. 1. – С. 30–84.

7. *Versluis, A. Restoring Paradise: Western Esotericism, Literature, Art, and Consciousness* / A. Versluis. – New York: State University of New York Press, 2004. – 174 p.

8. *Muratori, C. The First German Philosopher: The Mysticism of Jakob Böhme as Interpreted by Hegel* / C. Muratori. – Dordrecht: Springer, 2016. – 328 p.

9. *Magee, G. Hegel and the Hermetic Tradition* / G. Magee. – Ithaca, NY/London: Cornell University Press, 2001. – 312 p.

10. *Йейтс, Ф. Розенкрейцерское просвещение* / Ф. Йейтс. – М.: Алетея: Энигма, 1999. – 496 с.

11. *Goodrick-Clarke, N. The Western Esoteric Traditions. A Historical Introduction* / N. Goodrick-Clarke. – New York, 2008.

12. *Coudert, A. Alchemy IV: 16th–18th Century* / A. Coudert // Dictionary of Gnosis and Western Esotericism / ed. by W. Hanegraaff. – Leiden: Brill, 2006. – P. 42–50.

13. *Faivre, A. Access to Western Esotericism* / A. Faivre. – New York: State University of New York Press, 1994. – 380 p.

14. *Faivre, A. Western Esotericism: A Concise History* / A. Faivre. – Albany: State University of New York Press, 2010. – 128 p.

(Дата подачи: 10.02.2022 г.)

О. Г. Шаврова

Белорусский государственный университет, Минск

O. Shavrova

Belarusian State University, Minsk

УДК 338.24

ГИБКИЙ ПОДХОД И ФИЛОСОФСКИЕ КОНТЕКСТЫ ПРОЕКТНОГО МЕНЕДЖМЕНТА

FLEXIBLE APPROACH AND PHILOSOPHICAL CONTEXTS OF PROJECT MANAGEMENT

В статье анализируются отличительные особенности и актуальные тенденции развития проектного менеджмента. Раскрывается специфика ценностно-ориентированной парадигмы управления и гибкого подхода к управлению проектами. Рассматриваются ключевые ценности и принципы гибкой методологии управления, выявляются ее инновационный характер, философско-мировоззренческий статус и социокультурные основания, условия эффективной работы и возможности применения. Осуществляется сравнение классического и гибкого подходов к управлению проектами. Обосновывается целесообразность применения классического проектного управления в проектах с заранее прогнозируемым результатом, обозначаются сферы реализации и особенности использования гибкого адаптивного подхода к управлению проектами.

Ключевые слова: цифровизация; глобальная цифровая экономика; инновационное развитие; цифровая экосистема; информационные технологии; проектный менеджмент; управление на основе ценностей; классическое проектное управление; методология Agile; философия гибкого управления.

The author analyzes the distinctive features and actual trends of project management under the terms of global digital economics. The specificity of value-based management paradigm and flexible approaches of project management are discovered. The key values and flexible methodology principles of management are investigated. An innovation nature of value-based management, its philosophical and ideological status and sociocultural foundations, effective development conditions and possibilities of usage are established. In parallel, author compares classical and flexible approaches of project management. The practicability of classical project management usage under projects with predictable results is substantiated, implementation spheres and particular qualities usage of flexible adaptive approach under project management are highlighted.

Keywords: digitalization; global digital economics; innovative progress; digital ecosystem; information technologies; project management; value-based management; classical project management; Agile methodology; flexible management philosophy.

Одной из наиболее значимых тенденций глобальной цивилизационной динамики является цифровая трансформация всех сторон жизни общества – процесс, обусловленный ускоренным развитием и массовым внедрением новых технологий поиска, хранения, обработки и передачи информации. Проявляя себя как мегатренд глобального мирового порядка, цифровизация определяет основные направления и возможности роста ключевых секторов экономики и отдельных социально-экономических систем. Глобализирующийся мир идет по пути цифровой трансформации бизнеса и цифровизации экономики, которая образуется как результат взаимодействия информационно-коммуникативных технологий, сферы управления и экономики в целом.

Трансформационные изменения глобальной мировой системы непосредственно связаны с переходом от экономики сырьевого и индустриального типа к экономике, главным ресурсом которой выступают знания и человеческий капитал, инновационные достижения, наукоемкие и информационные технологии. Цифровые технологии, информационные потоки и каналы обмена данными представляют сегодня большую экономическую ценность, нежели глобальная торговля товарами.

Цифровую экономику как новую парадигму ускоренного экономического роста отличает широкое применение информационных технологий во всех отраслях, а также стремительное развитие и продвижение инноваций. Не случайно важнейшим показателем успешности и конкурентоспособности в условиях цифровизации и глобализации является Глобальный инновационный индекс (The Global Innovation Index (GII)) – всестороннее многоаспектное исследование и сопровождающий его рейтинг стран мира по уровню деятельности в области инноваций [1; 2].

В Резолюции Экономического и Социального совета ООН за 2021 г. «Наука, техника и инновации в целях развития» отмечается первостепенное значение развитых систем инновационной деятельности и цифровых экосистем для эффективного цифрового развития и содействия росту научно-технического и инновационного потенциала [3, с. 5]. Под цифровой экосистемой в данном случае понимается цифровая среда, включающая такие составные части, как технологическая, информационная, финансовая и институциональная инфраструктура, а также человеческий капитал. Глобальный инновационный индекс считается Экономическим и Социальным советом ООН наиболее авторитетным инструментом измерения инноваций и оценки состояния национальных систем инновационной деятельности, в том числе цифровых инновационных экосистем, в области устойчивого развития общества и достижения нового качества жизни будущих поколений.

Распространение цифровых технологий и расширение цифровых практик в настоящее время происходит более ускоренными темпами, нежели внедрение любых других инновационных достижений и разработок в истории цивилизации. Подвижность формата цифровой экономики и темпы цифровизации задают скорость стремительных изменений, характеризующих все аспекты человеческой деятельности, начиная с технико-технологической ее составляющей до межличностных отношений, области межличностного общения и коммуникации. Экспоненциальный рост инноваций в ходе цифровизации и масштаб их внедрения актуализируют необходимость постоянной адаптации к новым цифровым решениям.

Повестку дня в области глобального инновационного развития в значительной степени формирует сфера информационных технологий как наиболее насыщенная инновациями сфера деятельности, основанная на высокоинтеллектуальном труде. Темпы инновационного роста в данной сфере определяют специфику глобальной цифровой трансформации в целом. Перспективные инновационные разработки здесь предполагают не только создание передовых технологий, но и использование наиболее эффективных методов и инструментов управления, поиск новых стратегий проектного менеджмента, методологические принципы и ценностные установки которых оказываются востребованными в других отраслях инновационной деятельности.

Методологические инновации в управлении проектами, разработанные в сфере информационных технологий, предполагают выход к более широким контекстам, определяющим их философско-методологический статус и социокультурные основания. Эти контексты во многом обусловлены приоритетами социодинамики постиндустриального информационного общества, к важнейшим ценностным императивам которого относится сочетание экономического роста с идеалами социального и экологического гуманизма,

необходимость использования научно-технических достижений и инноваций в целях устойчивого развития общества.

Современные методологические подходы к управлению возникают в условиях нарастающих темпов цифровизации, активного поиска новых форм и способов коммуникативных взаимосвязей и взаимодействий, отражающих поликультурный характер процессов глобализации, многомерность и динамичность информационной реальности. В пространстве философской рефлексии данные поиски связаны с осмыслением идеи нелинейности, обоснованием перспектив рациональности открытого типа, отличительной особенностью которой является коммуникативное содержание, наполненное новыми контекстуальными социокультурными и аксиологическими компонентами.

В эволюции менеджмента прослеживается смена парадигм управления: от управления по инструкциям (Managing by instructions (МБИ)) к управлению по целям (Managing by objections (МВО)) и, далее, к актуальной на сегодняшний день парадигме управления на основе ценностей (Management by values (МВV)). Авторы одной из первых версий ценностной парадигмы управления С. Долан и С. Гарсия подчеркивают, что «управление на основе ценностей становится важнейшим инструментом создания стабильной, конкурентной и более человечной корпоративной культуры. МВV можно назвать и философией, и практикой менеджмента, связывающей важнейшие ценности организации с ее стратегическими целями» [4, с. 32]. С. Долан и С. Гарсия выделяют такие взаимосвязанные измерения ценностно-ориентированной стратегии управления, как экономико-прагматичное, этико-социальное и эмоционально-развивающее.

Парадигма управления на основе ценностей предполагает необходимость включения этических и экологических принципов в стратегическое управление и деятельность компании как необходимое условие ее эффективности и конкурентоспособности. В качестве основной цели ценностно-ориентированной системы управления выступает внедрение человеческих или личностных параметров в менеджерское мышление как на теоретическом уровне, так и на уровне повседневной практики.

Ценностное управление предполагает соблюдение корпоративной культуры в духе коллективной ответственности, реализацию гибкого менеджмента на основе общих ценностных приоритетов, а именно сочетание организационной структуры и процессов управления с принципами и ценностями компании, которые при этом должны транслироваться в поведении ее сотрудников и поддерживаться посредством системы внутренних коммуникаций, корпоративных стандартов и регламентов.

Управление на основе ценностей представляет собой один из самых эффективных инструментов организационного менеджмента в условиях глобализации экономики и нарастающего динамизма современного мира.

Непрерывное расширение методологического реестра менеджмента обусловлено как трансформацией самого объекта управления, так и его внешней среды под воздействием различного рода факторов, к числу которых относятся социокультурные, технико-технологические, экономические и институциональные.

Инновационные методологические решения в проектном менеджменте в значительной степени связаны с развитием сферы информационных технологий, где все более востребованным становится гибкий неформализованный подход к управлению проектами. Специфику гибкого управления отражает гибкая методология разработки программного обеспечения (Agile software development). Методология Agile представляет собой не столько четкий алгоритм проектной деятельности, сколько сочетание идей, принципов и ценностей, на основе которых в ходе выполнения проекта решаются конкретные практические задачи. В этом смысле гибкий подход скорее задает общую направленность проектной деятельности, нежели предписывает конкретные действия и четкие инструкции к реализации.

Методология Agile представляет собой стратегию управления, основанную на следовании четырем главным ценностям и двенадцати принципам организации проектов, которые закреплены в «Манифесте гибкой разработки программного обеспечения» (Agile Manifesto). Гибкая методология разработки включает в себя перечень определенных ценностно-мировоззренческих установок и принципов, предполагающих первостепенное значение: во-первых, людей и их взаимодействий, а не процессов и инструментов; во-вторых, эффективно работающего программного обеспечения, а не исчерпывающей документации; в-третьих, сотрудничества с заказчиком, а не согласования условий контракта; готовности к изменению, а не следования первоначальному плану [5].

Гибкий подход предполагает ориентированность на высокую степень коммуникативного взаимодействия и интеракционный характер ведения проекта, способность к оперативному реагированию на изменения во внутренней и внешней среде, согласованную командную работу и постоянное внимание к техническому совершенствованию и качеству проектирования. Необходимым условием успешной деятельности в данном случае является реализация проекта профессиональной, мотивированной, самоорганизующейся командой, разделяющей базовые установки и принципы гибкой адаптивной методологии.

Возможность динамического формирования требований к проекту, отказ от долгосрочного планирования, ставка на эффективную работу небольших команд в условиях постоянно изменяющихся требований отличают гибкий подход от классической модели управления, подразумевающей деление проекта на ряд последовательных этапов в строго фиксированном порядке по линейному принципу.

Согласно классической модели, управление проектом осуществляется по так называемому «водопадному» или каскадному циклу (Waterfall), при котором проект реализуется последовательно, проходя такие этапы, как инициация, планирование, исполнение, интеграция и тестирование, мониторинг и завершение проекта. Классический подход наиболее эффективен в ситуациях отсутствия неопределенности, когда задан четкий алгоритм достижения цели и все промежуточные этапы проекта могут быть выполнены в строгой последовательности, при этом соблюдаются такие условия, как низкие риски, обязательная реализация первоначального плана, значительная вероятность того, что требования к результатам будут оставаться неизменными на протяжении всего проекта [6, с. 223]. Этот подход востребован в сферах, предполагающих долгосрочное планирование и контроль производственных процессов.

Представляя собой альтернативу по отношению к классической схеме управления, гибкий подход учитывает современные условия ведения бизнеса и специфику инновационных секторов экономики, отличается философской направленностью в силу приоритизации ряда принципов и ценностей, организующих проектную деятельность. Основой гибкого подхода являются общие идеи, ценности и принципы, воплощающие определенный стиль мышления.

Гибкий адаптивный подход к управлению проектами объединяет философско-методологические принципы и практические методы управления: они связаны таким образом, что «в гибкой методологии не может быть разделения между принципами и методами» [7, с. 14]. Философско-мировоззренческий характер установок и принципов гибкой методологии позволяет оптимизировать процесс освоения и применения конкретных процедур, методов и методик управления.

Появившийся в результате обобщения различных методов разработки программного обеспечения в сфере информационных технологий, гибкий подход получил широкое распространение за пределами информационно-технологической индустрии, при этом его восприятие в бизнес-сообществе существенно эволюционировало. Философия и система ценностей гибкого подхода используются в различных областях деятельности – от промышленной инженерии и банковского сектора до медицины и искусственного интеллекта. Наибольшую эффективность гибкий подход демонстрирует в сферах разработки программного обеспечения, менеджмента и маркетинга.

Гибкие методологии развиваются в русле тенденции гуманизации управления, шире – глобальной ориентации на формирование, развитие и эффективное использование человеческого капитала с целью развития инновационной экономики. Человеческий фактор является важным фактором проектной деятельности, предполагающей соединение ресурсной составляющей человека с его личными интересами и мотивацией, интересами

команды и других участников проекта, принципами и ценностями организации в целом, а также организацию управления проектом на основе корпоративной этики и культуры. В современном менеджменте человеческий фактор выделяется как один из рискообразующих факторов управления, который в то же время является главным критерием, определяющим успешность проекта.

Проектный менеджмент в сфере информационных технологий непосредственно связан с системой управления и уровнем квалификации участников проекта, поскольку результатом проектной деятельности в данной сфере выступают высокоинтеллектуальные продукты и решения. Одной из важнейших составляющих управления проектами является уровень межличностных взаимоотношений, внутренних и внешних коммуникаций.

Развитие проектного менеджмента и возникновение новых управленческих подходов определяется динамикой мировой экономической системы, связано с развитием науки и технологий, появлением новых областей знаний [8, с. 140]. В условиях глобальной цифровизации и динамизма современного мира особое значение приобретает ценностно-ориентированная парадигма управления, возможность ситуативного использования гибридных подходов, переход от шаблонных алгоритмических схем управления к нелинейным стратегиям, открытым по отношению к новым методологическим решениям и внедрению методологических инноваций. Актуальная проблематика и перспективы развития проектного менеджмента связаны с философией и практикой управления, возможностью ситуационного использования и расширения спектра актуальных методов и инструментов управления, необходимостью разработки и философско-методологического обоснования новых подходов к управлению с целью устойчивого развития общества.

Список использованных источников

1. Global Innovation Index [Electronic resource] // Cornell University, INSEAD, WIPO. – Mode of access: <http://www.globalinnovationindex.org/>. – Date of access: 18.02.2022.
2. Глобальный индекс инноваций / Гуманитарный портал: исследования [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. – 2006–2022. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/global-innovation-index>. – Дата доступа: 18.02.2022.
3. Наука, техника и инновации в целях развития: Резолюция, принятая Экономическим и Социальным Советом 22 июля 2021 года [Электронный ресурс] // ООН, Экономический и Социальный Совет. – Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/ecosoc_res_2021d29_ru.pdf. – Дата доступа: 18.02.2022.
4. Долан, С. Управление на основе ценностей. Корпоративное руководство по выживанию, успешной жизнедеятельности и умению зарабатывать деньги в XXI веке / С. Долан, С. Гарсия; пер. с англ. М. Чомахидзе. – М.: Претекст, 2008. – 320 с.
5. Manifesto for Agile Software Development [Electronic resource] // Agile Alliance, 2001–2019. – Mode of access: <http://www.agilealliance.org/agile101/the-agile-manifesto/>. – Date of access: 20.03.2021.

6. Шаврова, О. Г. Эффективное управление проектами: классический подход и гибкие методологии / О. Г. Шаврова // Философия и ценности современной культуры: материалы XIV Респ. междисциплинар. науч.-теорет. семинара студентов, аспирантов и молодых ученых «Инновационные стратегии в современной социальной философии», Минск, 26 марта 2020 г. / БГУ, ФФСН; [редкол.: А. И. Зеленков (отв. ред.) и др.]. – Минск: БГУ, 2020. – С. 220–224.

7. Стеллман, Э. Постигаая Agile. Ценности, принципы, методологии / Э. Стеллман, Дж. Грин; пер. с англ. С. Пасерба. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 650 с.

8. Коваленко, Б. Б. Влияние цифровизации экономики на методологии управления проектами / Б. Б. Коваленко, И. В. Гусейнова, Т. И. Гусарова // Науч. журн. НИУ ИТМО. Сер.: Экономика и экологический менеджмент. – 2019. – № 2. – С. 135–144.

(Дата подачи: 24.02.2022 г.)

М. М. Шалупенко

Республиканский институт высшей школы, Минск

M. Shalupenka

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 316.6

СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРОЦЕССА СОВРЕМЕННОЙ МИГРАЦИИ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИЯ

SOCIO-ANTHROPOLOGICAL FACTORS OF THE PROCESS OF MODERN MIGRATION IN THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY

Статья посвящена социально-антропологическим факторам миграции как основным мотивам современной миграции в Федеративной Республике Германия. Сделана попытка сформулировать факторы, прежде всего антропологические, ставшие основными в современном процессе миграции. Автор попыталась указать на то, что изучение данной тематики на примере Федеративной Республики Германия позволит избежать миграционных кризисов в дальнейшем.

Ключевые слова: миграция; глобалистика; мультикультурализм; экзистенциальная философия.

The article is devoted to the socio-anthropological factors of migration as the main motives of modern migration to the Federal Republic of Germany. An attempt is made to formulate the factors, first of all, the anthropological factors that have become the main ones in the modern process of migration. The author tried to point out that the study of this topic on the example of the Federal Republic of Germany will help to avoid migration crises in the future.

Keywords: migration; global studies; multiculturalism; existential philosophy.

На сегодняшний день тематике миграции посвящено большое количество работ. Как правило, миграционные процессы изучаются исключительно

но в качестве экономического и/или социального явления. Однако если смотреть на процесс миграции с точки зрения философии, можно утверждать, что данный вопрос имеет недостаточную освещенность. Научная область, посвященная социально-антропологическим факторам процесса миграции, вызвала наш интерес к изучению. Кроме того, недавние события (миграционный кризис, возникший в Республике Беларусь ввиду волны мигрантов из Ближнего Востока) показывают актуальность данной тематики.

Процесс миграции происходил на протяжении всей истории развития человечества. Это такой же естественный процесс развития общества, как и возникновение городов, государств, цивилизаций и т. п. На разных исторических этапах причины миграции были различными, но в данной статье хотелось бы остановиться на процессе современной миграции, в частности, миграции в Федеративную Республику Германия как страну, в последние десятилетия столкнувшуюся с крупными волнами мигрантов из Ближнего Востока и не только.

Термин «миграция» имеет латинские корни (*migratio*) и означает перемещение, переселение. Однако понятия «перемещение» и «переселение» не являются идентичными и имеют разный смысл. Следует отметить, что и в научной среде нет единого взгляда на содержание понятия миграции. Еще в 1978 г. Л. Л. Рыбаковский обращал внимание, что «в демографической науке, как, впрочем, и в других науках, изучающих миграцию, ни одно понятие не имеет столько различных трактовок, как миграция» [1, с. 7].

В работе «Международная миграция населения: теория и история изучения» В. А. Ионцев насчитал 36 определений термина «миграция населения» в отечественной литературе и 27 – в зарубежной [2].

В 2005 г. в публикации «Международная организация по миграции» миграция определена как «перемещение людей за пределы их обычного местожительства либо через международно признанную границу государства, либо внутри страны» [1, с. 7]. В действующем законодательстве Республики Беларусь, несмотря на широкое использование, не дается определение таким понятиям, как «миграция населения», «международная (внешняя) миграция населения», «мигрант», «незаконная миграция», «незаконный мигрант» [1, с. 10].

Учитывая такое количество определений термина «миграция», нельзя не согласиться с тем, что это достаточно сложный процесс, обусловленный рядом факторов, как социальных, лежащих на поверхности, толкающих людей к смене места проживания, так и антропологических, лежащих, как правило, в самом человеке, поэтому они более сложны для понимания.

Апогей процесса миграции пришелся на период с июля 2015 г. по май 2016 г., когда только за предоставлением убежища в Европейском союзе обратилось более 1 млн человек. В 2015–2016 гг. в Венгрии, Швеции, Австрии, Норвегии количество беженцев превысило уровень 1 % от существу-

ющего населения [3, с. 40]. Так, например, только в Германию в этот период приехало не менее 600 тыс. человек, которые добавились к более чем 12 млн мигрантам, проживавшим там ранее [3, с. 42].

Вынужденная миграция происходит ввиду различных негативных факторов: военных конфликтов, голода, демографических проблем, социальных и иных притеснений, гонений и др.

Так, ввиду возрастающего с каждым годом кризиса на Ближнем Востоке люди оттуда устремились в Западную Европу. Часто целью их следования становится Германия – страна, обладающая мощной экономикой и социальной политикой, в том числе в отношении мигрантов.

Свою роль сыграли процесс глобализации и распространение идей мультикультурализма, создавшие условия для современной миграции.

Глобалистика является междисциплинарной областью научных исследований, направленных на выявление сущности, тенденций, причин обострения глобальных проблем, нарастающих процессов глобализации и поиск путей утверждения позитивных и преодоления негативных для человека и биосферы последствий этих процессов [4, с. 17].

Многие из недоразумений, сопровождающие дискуссии о мультикультурализме, могли бы развеяться, если бы их участники договорились о понятиях, а именно уточнили, что они имеют в виду под этим термином. Имеется в виду факт культурного многообразия (связанного с этнической, языковой, религиозной неоднородностью общества) или политика государства по отношению к этому многообразию [5, с. 96]? Термин «мультикультурализм» появился именно в этом контексте. Он обозначает определенного рода политику государства по организации культурных различий в публичной сфере [5, с. 97]. Между тем то, что в немецком случае понималось под «мультикультурализмом», имело иную функциональность. Целью правительства Германии в отношении мигрантского (в основном турецкого) населения было как раз воспрепятствовать его интеграции. «Гастарбайтерам» надлежало вернуться на историческую родину. Для этого в немецких землях создавались школы с обучением на турецком языке. Иными словами, государство в Германии само создавало условия для существования выходцев из Турции как «параллельного общества» [5, с. 103].

Как сообщается в «Die Welt», в одном из выступлений в 2010 г. А. Меркель сказала, что мигранты должны не только уважать немецкие законы, но также должны овладеть немецким языком. «Этому надо придавать абсолютное значение, – сказала она. – Девочки-мусульманки должны принимать участие как в школьных поездках, так и посещать занятия по плаванию». Она объявила «мультикультурный подход» «абсолютным провалом» [6].

Сегодняшняя обстановка наглядно показывает, что политика «Multikulti», как ее называют в Германии, потерпела поражение как в глазах самих мигрантов, так и европейцев. В последние 5–6 лет с крупной волной

миграции столкнулись такие страны Западной Европы, как ФРГ, Эстония, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Дания и др. И здесь речь идет, как правило, о беженцах.

Беженец – это человек, который «в силу вполне обоснованных опасений стал жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой» (Конвенция о статусе беженцев 1951 г.) [1, с. 17].

Однако в последнее время речь идет уже не только о беженцах, но и о других категориях вынужденных мигрантов (репатрианты, перемещенные лица, лица, ищущие убежище). Само понятие «беженец» предполагает, что для человека главное – срочно выехать из места, где он подвергается той или иной опасности [7, с. 181].

В октябре 2021 г. были приняты согласно данным Федерального ведомства по делам миграции и беженцев 11 755 решений о предоставлении убежища в Германии. Основные гражданства беженцев были: Сирия, Афганистан, Ирак, Турция, Грузия, Молдова, лица без гражданства, Иран, Сомали.

Интеграция мигрантов и беженцев в общество – достаточно сложный и трудоемкий процесс, и это касается не только языкового, культурного, религиозного барьеров. Беженцы имеют различные навыки и уровень образования. Нередко среди них имеются квалифицированные специалисты. Некоторым из тех, кто имеет определенный уровень образования, часто не хватает аутентичной и достаточной документации для подтверждения образования или их квалификации не могут быть проверены в связи с чрезвычайным положением. Это может происходить по разным причинам, например, из-за того, что ответственного органа больше не существует или архивы уничтожены.

Трудоустройство беженцев в Германии похоже на любую другую ситуацию с трудоустройством. Если работодатель не знаком с представленной квалификацией или по какой-либо другой причине нуждается в профессиональном руководстве по представленной квалификации, работодатели связываются с национальным информационным центром ENIC-NARIC Германии.

Европейский квалификационный паспорт для беженцев выдается беженцам, которые утверждают, что они закончили или частично завершили обучение на уровне старших классов средней школы и выше, включая квалификацию, для которых недостаточно или отсутствует документация. Цель состоит в том, чтобы помочь беженцам продолжить дальнейшее обучение, повысить уровень владения языком, подать заявление на официальное признание или разрешение или найти работу в Германии.

В документе разъясняется, какую квалификацию беженец может иметь на основании имеющихся доказательств. Хотя этот документ не является официальным актом признания, он обобщает и представляет доступную информацию об уровне образования заявителя, опыте работы и знании языка. Полученный результат признания носит неформальный характер и используется в качестве основного документа, подтверждающего уровень образования его обладателя.

Современная миграция также характеризуется ростом учебной миграции.

Все описанное выше можно отнести к области социальных факторов процесса современной миграции. Однако немаловажными являются и антропологические факторы, которые имеют более глубинные смыслы. Нередко человек имеет все материальные блага в одной стране, однако постоянно находится в поиске иных смыслов. Здесь на первый план выходят антропологические факторы процесса миграции.

Не так давно в научном мире появился такой вид или тип миграции, как экзистенциальная миграция – это концепт, возникший в результате феноменологических исследований жизни добровольных мигрантов, оставивших свои дома исключительно из желания жить в чужой стране. Целью такой миграции является в сущности познание неких аспектов человеческого бытия, которые не могут быть познаны другим путем. Исследования, проведенные посредством интервьюирования, выявили ряд мотивов, лежащих в основе этого: стремление более полно реализовать свой потенциал, стремление к свободе и независимости, открытость новому опыту, восприятие своей инаковости как стимула к расширению самосознания. Среди этой группы людей наблюдается отчетливое предпочтение всего странного и чужеродного всему знакомому и традиционному [8].

Утративший безопасность человек сообщает облик эпохи, будь то в протесте своенравия, в отчаянии нигилизма, в беспомощности многих, не нашедших выхода, или в блужданиях и поисках, отказывающихся от конечной опоры и гармонизирующих соблазнов. Бога нет – таков все растущий возглас масс; тем самым и человек теряет свою ценность, людей уничтожают в любом количестве, поскольку человек – ничто. Аспект нашего мира – в вынужденности его существования и отсутствия опоры в его духовной деятельности – не допускает больше бытия в умиротворенной связи с существующим [9, с. 151]. Человек всегда больше, чем то, что он знает о себе. Он не одинаков во всех случаях, он постоянно находится в пути; человек – не только существование, установленное как пребывание, но и возможность, даруемая свободой, исходя из которой он еще в своем фактическом действовании решает, что он есть. Поэтому человек расщеплен в глубине своей сущности. Как бы он ни мыслил себя, мысля, он противостоит самому себе и всему остальному. Все вещи он видит в противоречиях [9, с. 153]. Экси-

стенциальная философия – это философия бытия человека, которая вновь выходит за пределы человека [9, с. 156]. Экзистенциальная философия есть использующее все объективные знания, но выходящее за его пределы мышление, посредством которого человек хочет стать самим собой. Это мышление не познает предметы, а проясняет и выявляет бытие в человеке, который так мыслит. Приведенное к парению посредством выхода за пределы всего фиксирующего бытие познания мира (в качестве философской ориентации в мире), оно апеллирует к своей свободе (в качестве прояснения существования) и создает пространство для своей безусловной деятельности в заклипании трансценденции (в качестве метафизики) [9, с. 166].

Если смотреть на современную миграцию как на процесс, возникший не только как вынужденная необходимость, но и как внутренняя потребность человека, становится понятно, почему в современном обществе люди часто путешествуют, занимаются поиском своего «Я» и своего места в этом мире. Нельзя исключать и тот факт, что часто люди, прикрываясь социальными проблемами извне, стремятся решить свой внутренний конфликт путем переезда в другую страну.

Человеческое существование можно трактовать как постоянно находящееся в «состоянии покинутости», как одиночество человека, «брошенного» в мир, втянутого в бесконечные конфликты, непрерывно преследуемого «заботами» и «тревогами» и вынужденного на ощупь выбирать пути своей жизни [10, с. 166]. «То, что я родился здесь, а не где-то в другом месте, в этом городе, в этой семье, в интеллигентской среде, – говорит Сартр, – не является результатом какого-либо моего выбора. Но мое отношение к этому месту, то, останусь ли я здесь, нравится ли оно мне, – это зависит только от меня самого. За тот стиль жизни, который я выберу, отвечаю только я сам и никто больше. То, что я оказался в этом, а не в другом месте, – дело случая, ибо мое существование, как и место, в котором я родился, навязаны мне извне. Это, конечно, абсурдно, так же как абсурдно и то, что я должен буду когда-нибудь умереть» [10, с. 214]. «В действительно, – продолжает далее свою мысль Сартр, – это только я, совершая выбор своего будущего, определяю свое отношение к месту, в котором я сначала оказался, и ко всем моим будущим местам. Этот выбор и цели, которые я ставлю перед собой, решают, буду ли я считать место моего рождения и пребывания вполне естественным (если я себя просто не представляю живущим где-либо в ином месте) или же я буду это место считать препятствием для осуществления своих стремлений» [10, с. 215].

Федеративная Республика Германия стала привлекательным местом и для такой миграции, в том числе когда внутренние мотивы толкают человека на переселение.

В классической греческой античности одиночество, асоциальное положение было однозначно негативной ценностью. Уже в римский период

греческий философ Эпиктет прямо противопоставлял «одинокого в плохом смысле», открытого и уязвимого, беспомощного как против внешних сил, так и против внутренних страстей – и одинокого в хорошем смысле самодостаточности (*monos*), который свободен от страстей, может в отсутствие других общаться сам с собой [11, с. 25].

И если раньше люди, покидая свои дома, опасались стать обреченными на одинокую жизнь, то сейчас цифровизация стирает границы и позволяет быть постоянно на связи с родными людьми. Границы одиночества стираются или, по крайней мере, создается такая иллюзия.

Индивидуальная воля в единственно соответственном и понятном смысле слова есть конативная способность, с помощью которой живое существо стремится удовлетворить свои желания. Она является условием, благодаря которому это существо живет, потому что она ведет к удовлетворению его потребностей и сохранению его жизни [12, с. 298].

В поисках лучшей жизни или с целью удовлетворения своих потребностей человек меняет место своего пребывания.

Факторы миграции имеют различную природу, не всегда можно понять и четко сформулировать, что движет человеком.

Подводя итог написанному, можно сказать, что на примере сегодняшнего миграционного кризиса, когда тысячи людей стремятся попасть в Германию, нельзя не увидеть тот факт, что люди готовы покинуть свой дом в поисках лучшей жизни, которая им представляется в Западной Европе. Но если сейчас наша страна столкнулась с вынужденными мигрантами, т. е. людьми, которые покидают родные земли ради спасения своих жизней, то остается по-прежнему категория людей, приезжающая в иную страну из-за внутренних мотивов.

Не только экономические и социальные факторы движут человеком в его стремлении сменить место проживания. Данные факторы лежат на поверхности. И если учитывать только их при интеграции вновь прибывших людей, то можно потерпеть поражение, как это произошло в Германии. Следовательно, нужно учитывать и антропологические факторы. Зачастую человек сам не в состоянии понять, что им конкретно движет: поиск смысла своего существования, предназначения или желание смены обстановки и тем самым обретение свободы, или же нечто иное. Экзистенциальный кризис, который можно назвать характерной чертой современного общества, часто является движущей силой к смене места проживания.

Указанное проблемное поле актуально и перспективно для дальнейшего и более тщательного научного исследования в целях понимания перспектив развития общества и социальной философии в целом, а также для подготовки общества к возможным новым миграционным кризисам на примере уже имеющегося опыта Федеративной Республики Германия.

Список использованных источников

1. *Селиванов, А. В.* Миграция населения: общая характеристика / А. В. Селиванов // Миграция, вынужденная миграция и безгражданство: пособие по вопросам беженцев / А. В. Селиванов [и др.]. – Минск, 2020. – Гл. 1. – С. 5–22.
2. *Ионцев, В. А.* Международная миграция населения: теория и история изучения: монография [Электронный ресурс] / В. А. Ионцев. – М.: Диалог МГУ, 1999. – Режим доступа: <https://demography.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=1778&p=attachment>. – Дата доступа: 05.12.2021.
3. *Медушевский, Н. А.* Статистика перемещения беженцев в Европе / Н. А. Медушевский // Миграционные процессы современности: монография / Н. А. Медушевский, А. Р. Шишкина. – М., 2018. – Гл. 4. – С. 35–48.
4. *Костин, А. И.* Глобалистика и политическая наука / А. И. Костин // Экополитология и глобалистика: учеб. пособие для студентов вузов / А. И. Костин. – М., 2005. – Гл. 1. – С. 8–39.
5. *Малахов, В. С.* Недоразумения вокруг «Мультикультурализма» / В. С. Малахов // Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций: учеб. пособие / В. С. Малахов. – М., 2014. – Гл. 6. – С. 96–111.
6. Официальный сайт газеты «Die Welt» [Электронный ресурс]. – Mode of access: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article10337575/Kanzlerin-Merkel-erklaert-Multi-kulti-fuer-gescheitert.html>. – Date of access: 04.12.2021.
7. *Кравченко, А. И.* Социология: учеб. для студентов высш. учеб. заведений / А. И. Кравченко. – М.: Проспект, 2005. – 533 с.
8. *Madison, Greg* Existential Migration: the article based upon the author's completed PhD research / Greg Madison. – London: University of London, 2006. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/273945712_Existential_Migration. – Date of access: 05.12.2021.
9. *Ясперс, К.* Духовная ситуация времени: учеб. пособие / К. Ясперс. – М.: ИНИОН, 1990. – 214 с.
10. *Ярошевский, Т. М.* Личность и общество: учеб. пособие / Т. М. Ярошевский. – М.: Прогресс, 1973. – 543 с.
11. *Магун, А. В.* Единство и одиночество. Курс политической философии Нового времени: учебник / А. В. Магун. – М.: Новое лит. обозрение, 2011. – 540 с.
12. *Лестер, У.* Психические факторы цивилизации: учеб. пособие / У. Лестер. – Минск: Беларусь. Энцикл., 2005. – 334 с.

(Дата подачи: 21.02.2022 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Архипова Л. И., Медведева Л. Ф.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ БИЗНЕС-АНАЛИЗА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЯМИ.....	3
<i>Богданович Е. Г., Кандричина И. Н.</i> РОЛЬ КАДРОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА ПРИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СЛИЯНИЯХ И ПОГЛОЩЕНИЯХ КОМПАНИЙ	11
<i>Болтуть Г. С.</i> МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ, ФИНАНСИРУЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТРАНСФЕРТОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ ФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ.....	19
<i>Вэй Вэнь</i> ВНЕШНЕТОРГОВАЯ СТРАТЕГИЯ СТРАНЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	28
<i>Жевлакова А. Ю.</i> ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ЦЕПОЧЕК СОЗДАНИЯ СТОИМОСТИ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ	48
<i>Климченя Л. С.</i> ЭЛЕКТРОННАЯ ТОРГОВЛЯ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ТОРГОВЫХ ПРОЦЕССОВ.....	57
<i>Красовская О. В.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В ПРОЦЕССАХ ОБСЛУЖИВАНИЯ КЛИЕНТОВ В ПОЛИКЛИНИКАХ	64
<i>Леонович А. Н., Тихонович Н. С.</i> ЭКОНОМИКА ОРГАНОВ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	71
<i>Мальгина И. В.</i> ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	80
<i>Матяс И. Д.</i> НЕМАТЕРИАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ В УПРАВЛЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	87
<i>Морозова М. Н.</i> ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ СИСТЕМЫ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ.....	96
<i>Морозова Н. Н.</i> ФЛЕКСИБИЛИЗАЦИЯ РЫНКА ТРУДА С УЧЕТОМ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ НАВЫКОВ РАБОТНИКА И НЕСТАНДАРТНЫХ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ	102

<i>Петрашкевич А. К.</i> ИНДЕКС РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА КАК ОСНОВНОЙ ПОКАЗАТЕЛЬ УРОВНЯ ЖИЗНИ	111
<i>Сарвіраў Б. У., Баранаў А. М.</i> СІСТЭМА АДУКАЦЫІ І ЯЕ РОЛЯ Ў АДНАЎЛЕННІ ЧАЛАВЕЧАГА КАПІТАЛУ	118
<i>Семак А. В.</i> РАЗВИТИЕ КОРПОРАТИВНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ГРУППИРОВКАХ	127
<i>Семашко Ю. В., Аснович Н. Г.</i> ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ КЛАСТЕРОВ В ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНОВ	139
<i>Строк О. А.</i> СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	146
<i>Шимко Т. В.</i> СТАНОВЛЕНИЕ РЫНКА ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ МИНСКОГО РЕГИОНА	154
<i>Якушенко К. В.</i> МОДЕЛИ ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ В ЕС, АТЭС, АСЕАН, ЕАЭС	161

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Баньковская Ю. Л.</i> СЕТЕВЫЕ ВОЙНЫ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН ..	170
<i>Беляева Е. В.</i> КАТЕГОРИЯ МОРАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ В ЭТИКЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	176
<i>Беркова О. В.</i> ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МЕТОД В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ	182
<i>Волнистый А. Г.</i> МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ В ПРЕПОДАВАНИИ ФИЛОСОФИИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ	189
<i>Гришкевич Е. В.</i> СОЦИАЛЬНО-ИННОВАЦИОННАЯ РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ ГОРОДА В КОНТЕКСТЕ МИНСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ	195
<i>Ксенофонтов В. А.</i> МЕСТО И РОЛЬ ВОЕННОЙ СФЕРЫ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	203
<i>Медведок Т. В.</i> ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ОСНОВНЫХ ПОДХОДОВ В ПОНИМАНИИ И ОПРЕДЕЛЕНИИ РОЛИ ИРОНИИ	211
<i>Мизякина С. Н.</i> ПРИНЦИПЫ СИНЕРГЕТИКИ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОЦЕССОВ ГЛОКАЛИЗАЦИИ	218

<i>Новак Ю. В.</i> КРИТЕРИИ ИСТИННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	226
<i>Познякова О. Л.</i> ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ХАРАКТЕР КОНФРОНТАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ АНАЛИЗА КОНФЛИКТА Н. ХОВАРДА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ XXI ВЕКА	236
<i>Середа Ю. П.</i> КОНЦЕПЦИЯ ПОСТКАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	242
<i>Сидоренко И. Н.</i> БАРОЧНАЯ ДРАМА КАК ИДЕЯ-МОНАДА В ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ В. БЕНЬЯМИНА.....	249
<i>Филиппович А. В.</i> ХРИСТИАНСКАЯ ТЕОСОФИЯ КАК ТЕЧЕНИЕ ЗАПАДНОГО ЭЗОТЕРИЗМА: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ	256
<i>Шаврова О. Г.</i> ГИБКИЙ ПОДХОД И ФИЛОСОФСКИЕ КОНТЕКСТЫ ПРОЕКТНОГО МЕНЕДЖМЕНТА	263
<i>Шалупенко М. М.</i> СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРОЦЕССА СОВРЕМЕННОЙ МИГРАЦИИ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИЯ	270

Научное издание

**НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
РЕСПУБЛИКАНСКОГО ИНСТИТУТА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.
ФИЛОСОФСКО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 21

В двух частях

Часть 2

Ответственный за выпуск *Н. С. Клишевич*

Корректор *Н. В. Боярова*

Компьютерная верстка *К. А. Капустиной*

Подписано в печать 29.06.2022. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 16,4. Уч.-изд. л. 20,4. Тираж 100 экз. Заказ 62.

Издатель и полиграфическое исполнение:

государственное учреждение образования

«Республиканский институт высшей школы».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,

изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/174 от 12.02.2014.

Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.